Библ. М. А. Уч.
Шк. 1
Полка 1
№ 43

ИВ6
3-Г18-3

В48

В

Индекс	ИВ6		Шифр хранения
Авторский знак	3Г-18-3.		Инв. №

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

			529		
	8	8	510		
		"	443		
			428		
		9	181		
			51158		

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 1453—150000

1 — I — 43

Ян. Гамильтон

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ШТАБНАГО ОФИЦЕРА

во время

Русско-Японской войны

444

ПРОВЕРЕНА
1952 г.
Проверена-56 г.
ПРОВЕРЕНА-58
Прове[illegible]-85

Сэръ Янъ Гамильтонъ
(Британскій Военный Агентъ при арміи Маршала Куроки)

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ШТАБНАГО ОФИЦЕРА

ВО ВРЕМЯ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ.

Съ иллюстраціями, планами и кроки.

Перевелъ съ англійскаго

Генеральнаго Штаба Капитанъ **Б. Семеновъ.**

Томъ I.

БИБЛИОТЕК[А]
1-х СОВЕТСКИХ АРТИЛЛЕРИЙСКИХ
КУРСОВ
Инв. № 3261.

Центральная Военно-Морская Библиотека ВМФ СССР

105222

Издалъ В. Березовскій

КОМИССІОНЕРЪ ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.
С.-Петербургъ, Колокольная улица, 14.
1906.

Складъ В. А. Березовскаго съ 1879

2071.

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94.

Серъ Янъ Гамильтонъ и ген. Кодама.

Изданіе В.А БЕРЕЗОВСКАГО С-Пбургъ.

Предисловіе.

Трудно передать мирнымъ гражданамъ Великобританіи вѣрную картину этого великолѣпнаго и поразительнаго пережитка героическихъ временъ—вооруженнаго народа. Это затрудненіе увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что военной исторіи всегда свойственно до нѣкоторой степени вводить въ заблужденіе читателя.

Отъ только что свершившихся, такъ сказать, свѣжеотчеканенныхъ битвою событій нельзя ожидать, чтобы они послужили матеріаломъ для хорошо уравновѣшеннаго и исчерпывающаго всѣ подробности описанія. Съ другой же стороны настолько же очевидно, что, какъ только сраженіе проиграно или выиграно, у всѣхъ участниковъ его является стремленіе такъ скомбинировать и измѣнить исторію своей дѣятельности, чтобы въ концѣ концовъ получилась картина, удовлетворяющая чувству національной гордости и ложной военной славы. Тогда добросовѣстному историку уже слишкомъ поздно приниматься за работу. Онъ можетъ записать отданныя приказанія и послѣдовавшія передвиженія, можетъ построить на этихъ данныхъ всевозможныя остроумныя теоріи, какія только ему придутъ въ голову. Но къ уясненію себѣ надеждъ и опасеній, которыя диктовали эти приказанія, духа и способа исполненія произведенныхъ передвиженій онъ потерялъ ключъ навсегда. По разспросамъ въ день самой битвы еще можно угадать неприкрашенную правду; на слѣдующее же утро она уже начинаетъ облекаться въ мундиръ.

Если излагаемыя здѣсь впечатлѣнія и имѣютъ какуюнибудь цѣнность, то это только потому, что они правдиво передаютъ событія, какъ онѣ казались Первой Японской Арміи въ то время, когда ея раненые еще лежали, истекая

кровью, на полѣ сраженія. Далѣе этого они идти и не претендуютъ.

Врядъ ли настало теперь подходящее время для бывшаго военнаго агента составить полный и критическій отчетъ объ этой войнѣ, вокругъ которой сосредоточилось столько противуположнаго національнаго честолюбія. Пока же публикѣ предлагаются эти замѣтки, моментальныя фотографіи, мелочи, какъ бы онѣ ни были названы, въ надеждѣ заинтересовать читателей, не затрагивая чувствъ той или другой заинтересованной великой арміи.

Если эти мои надежды оправдаются, то это придастъ мнѣ бодрости послѣдовать съ Куроки далѣе черезъ болѣе ожесточенныя и кровопролитныя столкновенія, чѣмъ тѣ, которыя мною здѣсь изложены.

Я долженъ выразить свою особую благодарность капитану Винценту за оказанное имъ мнѣ содѣйствіе, а также за тѣ планы и кроки, которыми этотъ трудъ иллюстрированъ. Врядъ ли необходимо признать здѣсь мое чувство долга передъ моими любезными хозяевами или другими британскими военными агентами, такъ какъ читатель убѣдится въ этомъ изъ самаго изложенія.

Янъ Гамильтонъ.

Отъ переводчика.

Ввиду чрезвычайно разнообразной номенклатуры мѣстныхъ предметовъ въ Манчжуріи, мы признали наиболѣе соотвѣтственнымъ оставить транскрипцію собственныхъ именъ оригинала. Читатель, имѣя подъ рукой хорошую русскую карту Манчжуріи, легко можетъ сличить ее съ прилагаемыми здѣсь планами и кроки, на которыхъ имѣются всѣ названія, встрѣчающіяся въ текстѣ.

Кромѣ того, мы сохранили въ текстѣ англійскія мѣры длины, т. е. милю = 1,509 версты и ярдъ = 3 футамъ.

Б. Семеновъ.

Оглавленіе.

	Стр.
ГЛАВА I. Первыя впечатлѣнія отъ японской арміи	1
II. Нѣсколько новыхъ знакомствъ	18
III. Три пріятныя черты	33
IV. Изъ Токіо къ Ялу	40
V. Фенгхуангченгъ	58
VI. Позиція на р. Ялу	66
VII. Сраженіе на р. Ялу	85
VIII. Военныхъ агентовъ развлекаютъ	123
IX. Китайскій генералъ дѣлаетъ визитъ	142
X. Разговоръ съ генераломъ Фуджіи	160
XI. Торжество въ честь умершихъ	172
XII. Наконецъ въ походѣ	188
XIII. Дѣло на передовыхъ постахъ	204
XIV. Сраженіе у „Достигающаго Небесъ Прохода“	228
XV. Чаотао	253
XVI. Перерывъ передъ наступленіемъ	273
XVII. Сраженіе у Іоширеи	285
XVIII. Гибельное отступленіе отъ Пенлина	308

Панорамы.

Фиг. 1. Панорама сраженія на р. Ялу со стороны Виджу	79
2. „ Фенгхуангченга	155
3. Видъ на Мотіенлингскій хребетъ съ горы надъ Ліеншанкуаномъ	211
4. Первая русская атака Мотіенлинга Іюля 4-го (н. ст.) 1904 г.	215
5. Видъ на Мотіенлингъ со „Старой Кумирни“ въ связи со второй русской атакой 17-го Іюля (н. ст.) 1904 г.	247
6. Панорама сраженія у Тована, Іюля 31-го (н. ст.) 1904 г. Видъ со стороны „Скалистаго Холма“	286
7. Сраженіе Іюля 31-го (н. ст.) 1904 г. Видъ съ русской позиціи къ югу отъ Тована	301

Планы и кроки.

1. Южная Манчжурія и Корея.
2. Сраженіе на р. Ялу.
3. Бой при Хаматонѣ.
4. Бой 16-го полка 17-го іюля (н. с.) 1904 г.
5. Сраженіе при Мотіенлингѣ 17-го Іюля (н. с.) 1904 г.
6. Сраженіе при Чаотао 18 и 19-го іюля (н. с.) 1904 г.
7. Сраженіе 31-го іюля 1904 г.
8. Сраженіе 31-го іюля у Юшулинга и Пенлина.
9. Позиции, занятыя Первой арміей во время ея наступленія къ Ляояну съ 17-го іюля 1904 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя впечатлѣнія отъ японской арміи.

Британское посольство, Токіо, 11 ч. вечера, марта 16-го н. ст. 1904 г.

Оторванный отъ сна тишиной внезапно остановившейся машины, я поднялся въ это утро на палубу и увидѣлъ, что нашъ корабль скользилъ безшумно и плавно по поверхности моря, какъ бы привлекаемый магнитомъ. Мы шли въ западномъ направленіи и торжественно приближались къ странѣ Восходящаго Солнца. Оглянувшись назадъ, я увидѣлъ темно красный край торжественно поднимавшагося изъ-за горизонта солнца. Берега залива были нѣжно-зеленаго цвѣта, какъ будто изъ полированнаго нефрита, и тамъ, гдѣ холмы отбрасывали тѣнь на поверхность воды, виднѣлись, какъ мелкія пятна, паруса рыбачьихъ лодокъ. Все кругомъ меня казалось мнѣ картиной, выхваченной на мгновеніе изъ какой то волшебной сказки. Наконецъ я различилъ Фуджи, Фуджи, гордо возносившаго къ небу свою снѣжную неземнаго, чистѣйшаго бѣлаго цвѣта, вершину надъ кораблями, заливомъ, городомъ и надъ долинами и горами, какъ бы властвуя надъ всѣмъ окружающимъ. Неожиданно для самого себя, я былъ внезапно поставленъ лицомъ къ лицу съ однимъ изъ чудесъ свѣта. Венеція съ моря. Безсмертный Тэджъ (Taj). Неожиданность и восторгъ, охватившіе меня, затронули во мнѣ давно замолкшія струны и невольно вызвали въ моемъ воображеніи прелестныя видѣнія далекаго прошлаго. Черезъ мгновеніе я вновь перенесся къ реальному настоящему. Прошлаго не воскре-

сить, а будущее, казалось, никогда не обѣщало столько жизни и неизвѣстныхъ событій. Я прошепталъ про себя короткую молитву, призывая на себя благословеніе Провидѣнія. Въ это время раздался странный, какъ вся окружавшая меня природа, радостный кличъ нашихъ японскихъ резервистовъ. Эти люди были призваны изъ Гонгъ-Конга, и имъ было суждено идти черезъ льды и снѣга, огонь и кровь во имя преданности Императору и любви къ родинѣ. Они привѣтствовали своимъ кличемъ конецъ своего перваго переѣзда.

Мнѣ хотѣлось бы знать, дана ли человѣческой душѣ способность, путемъ настойчиваго и спокойнаго стремленія къ чему либо, видоизмѣнять обстоятельства въ свою пользу? Не потому ли дѣла, достигаемыя ожесточенной борьбой, въ концѣ концовъ оказываются не стоющими потраченныхъ на ихъ выполненіе усилій, а между тѣмъ на нихъ уходитъ лучшая пора жизни? Я употребилъ всевозможныя усилія и средства, чтобы получить разрѣшеніе поѣхать въ Японію. Но когда я бросилъ всѣ мои хлопоты и увѣрилъ самого себя, что я долженъ пріѣхать туда вовремя, всѣ препятствія пали сами собой. Я болѣе не придерживаюсь жизненной теоріи, развиваемой Дикомъ Виттингтономъ (Dick Whittington) съ его фатализмомъ, я думаю, что слѣдуетъ скорѣе заботиться о сохраненіи бодраго тѣла и духа, дѣлать свое дѣло и предоставлять остальное судьбѣ.

Въ то время, когда потухавшій пожаръ Бурской войны превращалъ въ пепелъ накопившуюся за столѣтіе политическую рознь, я прибѣгнулъ къ помощи всѣхъ моихъ друзей, чтобы получить разрѣшеніе отправиться домой по заключеніи мира изъ Южной Африки черезъ Японію, Корею, Манчжурію и Россію. Такимъ образомъ я получилъ бы возможность познакомиться не только съ дѣйствующими лицами надвигающейся міровой драмы, но и съ самимъ театромъ. Подобной драмы міръ не видѣлъ съ тѣхъ поръ, когда Греки положили конецъ другому подобному властолюбію, не знавшему мѣры до тѣхъ поръ, пока не взвился занавѣсъ надъ равнинами Мараѳона. Моя просьба была уважена Военнымъ Министромъ и Главнокомандую-

щимъ. Я мобилизовалъ мое имущество и, за три дня до моего отъѣзда, побѣдитель при Омдурманѣ *) увѣдомилъ меня, что онъ находитъ болѣе соотвѣтственнымъ, чтобы я сопровождалъ его домой. Волѣ побѣдителя нельзя было противорѣчить, и, такимъ образомъ, одного только высказаннаго имъ желанія было достаточно, чтобы разрушить мои японскіе волшебные замки. Наконецъ въ настоящее время, когда всѣ мои усилія пріобрѣсти опытъ стали приносить плоды, вѣтеръ измѣнилъ свое неблагопріятное направленіе. Кто могъ бы предсказать, что вихрь, пронесшійся надъ улицей Пэль-Мэль и выметшій весь соръ изъ одного находящагося тамъ почтеннаго учрежденія**), превратится въ тихій вѣтерокъ, доставившій меня на эти счастливые острова, изъ Военнаго Министерства—прямо въ реальную дѣйствительность войны; изъ Лондонскаго тумана—къ Фуджи и ко всему тому, что отнынѣ связано въ представленіи военнаго съ этимъ именемъ!

Мнѣ кажется, что лучшимъ залогомъ успѣха служитъ не черезмѣрное желаніе его и, безъ сомнѣнія, лучшіе моменты въ жизни не тѣ когда видишь, что дѣло готово увѣнчаться успѣхомъ. Въ особенности это относится къ тѣмъ, кто старается увеличить остроту впечатлѣнія достигнутаго успѣха жалкой приправой изъ поздравленій и аплодисментовъ. Развѣ лучшіе моменты въ человѣческой жизни не тѣ, когда въ сознаніи слабаго смертнаго слагается убѣжденіе, что надвигаются событія безсмертнаго характера, гдѣ ему остается только быть вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ и самому себѣ и смѣло содѣйствовать словомъ и дѣломъ завершенію предопредѣленныхъ заранѣе событій?

Теперь полночь. Ничто въ моей роскошной англійской комнатѣ съ пылающимъ каминомъ и внутренними занавѣсами не напоминаетъ мнѣ, что я нахожусь въ Японіи. Только этотъ мой дневникъ, начатый противъ моего обыкновенія, служитъ мнѣ тому доказательствомъ. И такъ ко сну и пусть мнѣ снится Фуджи! Блѣдный Фуджи, превра-

*) Генералъ Киченеръ.

**) Авторъ подразумѣваетъ Военное Министерство и произошедшія въ немъ преобразованія послѣ Бурской войны.

щенный въ дѣйствительность темно-красными лучами восходящаго солнца. Символъ, предзнаменованіе, посланное съ неба и запечатлѣнное въ горѣ, оно предвѣщало потоки крови, прежде, чѣмъ солнце успѣетъ достигнуть своего зенита.

„Онъ пѣлъ о крови, колесницахъ, коняхъ
Шумѣ криковъ и о громѣ дальней битвы".

Токіо, 1 апрѣля н. с. 1904. Я не вполнѣ увѣренъ, кто сжегъ свои корабли, Вильгельмъ ли Завоеватель или же Юлій Цезарь? Какъ бы то ни было, но сегодня, въ день принятаго мною смѣлаго рѣшенія, я тоже какъ бы сжегъ весь свой флотъ. Мнѣ остается только надѣяться, что будущее оправдаетъ мой поступокъ такъ же, какъ и дѣйствія того побѣдоноснаго героя, имя котораго такъ плохо удержалось въ моей памяти. Возвращаюсь отъ ненадежныхъ историческихъ примѣровъ въ область повседневной жизни. Сегодня я отправилъ мои письма и чувствовалъ при этомъ себя точно такъ же, какъ 1-го октября 1899 г., когда мною было послано изъ Питермарицбурга цѣлая кипа пустыхъ предостереженій. Будучи теперь далекъ отъ мысли приписывать себѣ даръ Кассандры, я долженъ признать, что мой образъ мыслей былъ нѣсколько смѣлъ.

Въ отправленныхъ мною письмахъ я рисковалъ послѣдними крохами моей военной репутаціи. Я предсказывалъ въ нихъ, что японская армія одержитъ успѣхъ надъ русской при условіи равновѣсія въ силахъ. Далѣе мною смѣло было высказано мнѣніе, что батальонъ японской арміи превосходитъ по своимъ качествамъ такой же батальонъ каждой Европейской арміи, за исключеніемъ Британской перво-классной (а не второклассной, какова она въ дѣйствительности). Мое опредѣленіе можетъ быть покажется нѣсколько поспѣшнымъ, но спеціалисты-эксперты, имѣя основательныя данныя, не должны ждать, какъ нѣкоторые профаны, пока ходъ событій не обезпечитъ ихъ предсказаній на $^9/_{10}$ *) ихъ вѣроятія. Ничто не можетъ быть такъ неблагодарно, какъ взятая на себя роль пророка. Это все равно, какъ

*) Эти письма были получены въ Англіи одновременно съ утренними газетами съ извѣстіемъ о японской побѣдѣ на р. Ялу.

азартная игра при условіи, „Орелъ—мой выигрышъ, рѣшка— мы квиты“. Проиграть возможно, выиграть нельзя. Все таки мнѣ кажется, лучше откровенно высказать свое мнѣніе, чѣмъ колебаться, выгодно ли это или нѣтъ.

Теперь перейдемъ къ причинамъ. Увѣренность въ неизбѣжности долгой и трудной войны, въ 1899 году родилось во мнѣ не только потому, что я сражался противъ Буровъ въ 1881 году. Къ этому выводу привело меня скорѣе то убѣжденіе, что современная цивилизація становится все менѣе и менѣе способной стоять на уровнѣ военной доблести древнихъ. Недалекъ тотъ часъ, когда современному міру придется или измѣнить свои идеалы или же пасть подъ ударами народовъ, болѣе близкихъ къ природѣ, менѣе сложнаго и нервнаго типа. Буры представляютъ какъ разъ примѣръ такого народа, образованіе и развитіе котораго находятся на той ступени, которая позволяетъ ему воспринять употребленіе современныхъ ружей и орудій. Уроженцу большого города, вѣчно въ погонѣ за наживой, становится все труднѣе и труднѣе соперничать съ Охотникомъ за Оленями *) и его племенемъ. Въ цѣломъ рядѣ положеній, когда наши солдаты чувствовали себя вполнѣ безпомощными, буры были какъ у себя дома. Это то и дѣлало одного бура равнымъ тремъ вновь высадившимся британскимъ солдатамъ, исключая рукопашнаго боя, который въ подобной войнѣ явленіе вполнѣ исключительное.

Даже и въ настоящее время цивилизованныя націи стараются закрывать глаза на все это. Онѣ поступаютъ совершенно такъ же, какъ человѣчество, отгоняющее отъ себя помышленія о смертномъ часѣ. Гораздо легче осуждать британское военное министерство, поднимать на смѣхъ британскихъ офицеровъ и отзываться съ пренебреженіемъ о тѣхъ потокахъ крови и расходахъ, „коими была достигнута побѣда „надъ горстью фермеровъ“. Гораздо труднѣе стать лицомъ къ лицу съ ужасной истиной, что только примитивное состояніе бурскаго народа позволило ему такъ долго

*) „Deer-Slayer“ одинъ изъ героевъ популярнаго романа Фенимора Купера.

сопротивляться въ борьбѣ съ войсками, лишенными этого преимущества. Если бы эта война началась нѣсколькими годами позже, пораженіе, нанесенное передовой цивилизованной націи отсталымъ народомъ, сопровождалось бы исчезновеніемъ британскаго владычества, имени и языка изъ Южной Африки.

Въ дѣйствительности мы избѣгли этой опасности, однако все еще не вышли на истинный путь. Мы все еще имѣемъ дѣло съ Афганистаномъ, который благодаря соперничеству Россіи и Англіи обреченъ на варварскую изолированность. Такіе народы, какъ Афганцы и пограничные жители Сѣверо-Восточной Индіи, должны быть непремѣнно цивилизованы при слѣдующемъ поколѣніи, въ противномъ случаѣ они будутъ угрожать завоеваніемъ самой Индіи и уничтоженіемъ ея цивилизаціи. Тоже самое съ Абиссиніей. Если эта страна не будетъ нейтрализирована и не получитъ образованія въ теченіе послѣдующихъ тридцати лѣтъ, то быстро справится съ Сѣверной Африкой, подобно Базутамъ, Зулусамъ и Герреро, которые поступятъ также съ Южной если только бѣлые народы, къ ихъ собственному благополучію, не сдѣлаются убѣжденными сторонниками необходимости культивированія военныхъ идеаловъ. Западная цивилизація должна просвѣщать своихъ предполагаемыхъ побѣдителей такъ же, какъ поступалъ Римъ, который, самъ умирая, все таки вносилъ свѣтъ просвѣщенія въ варварскія страны. Если же нашъ современный міръ потерпитъ пораженіе, Европа вновь погрузится во тьму. Развѣ это не старая, старая исторія? Индія—Галлія; Центральная Азія—Германія; Варръ потерялъ свои легіоны при Мейвандѣ (Maiwand).

Теперь не время для цивилизованныхъ націй играть въ игрушки съ своей арміей или стараться провести другъ друга на Гаагской Конференціи. Разговоръ о разоруженіи въ устахъ хозяевъ Индіи былъ бы крайне смѣшонъ, если бы не былъ такъ опасенъ. Развѣ тѣмъ, кто кричитъ о мирѣ, приходилось когда либо видѣть гордаго Сикха (Sikh), божество котораго—мечъ и религія—война? Что онъ сказалъ бы, или вѣрнѣе сдѣлалъ, ибо они не много разговариваютъ, если

бы Саибы (Sahibs)*) попробовали бы превратить храбрую армію въ военную полицію? Каждому разсуждающему военному, участвовавшему въ нашихъ современныхъ индійскихъ кампаніяхъ, хорошо извѣстно, что хорошій батальонъ, составленный изъ Сикховъ (Sikh), Патановъ (Pathan) или Гуркасовъ, гораздо болѣе отвѣчалъ условіямъ требованія службы, чѣмъ британскій батальонъ. Такъ, напримѣръ если бы пришлось послать постъ на вершину горы, пока не пройдетъ колонна войскъ, и приказать ему вернуться обратно и присоединиться къ авангарду, никто, будучи въ здравомъ смыслѣ, не пошлетъ для этого британскихъ солдатъ. Они могутъ заблудиться, не во время ввяжутся въ бой съ противникомъ, и ихъ придется выручать.

Наконецъ тѣмъ или другимъ способомъ они увеличатъ безпокойство генерала, хотя бы и не давъ ему матеріала для печальнаго донесенія**) о совершенномъ ихъ уничтоженіи. Лучшія изъ туземныхъ войскъ, будучи болѣе въ непосредственномъ соприкосновеніи съ природой, дадутъ много очковъ впередъ искусственно обученному горожанину и поэтому онѣ представляютъ наиболѣе подходящій матеріалъ для несенія службы въ авангардахъ, аріергардахъ, для развѣдки дорогъ, ночныхъ боевъ, сопровожденія транспортовъ и для всѣхъ прочихъ дѣйствій въ горахъ, исключая случая рѣшительной атаки извѣстной позиціи. Горожане же составляютъ очень значительную часть нашихъ войскъ. Я не отрицаю утѣшительнаго факта, что развѣдываніе въ Британской арміи сдѣлало значительные успѣхи со времени Южно-Африканской войны. Но все же мы остаемся позади и принуждены быть позади болѣе примитивныхъ народовъ по отношенію къ вышеприведеннымъ весьма важнымъ военнымъ особенностямъ.

Предполагается, что все это секретъ, вещь о кото-

*) Sahib — баринъ, господинъ, а въ частности англійскія власти въ Индіи.

**) Авторъ пишетъ: „regrettable incident despatch“, подразумѣвая подъ этимъ выраженіемъ цѣлый рядъ донесеній британскихъ генераловъ въ началѣ Бурской войны, начинавшихся словами: „I regret... и т. д., т. е. Я долженъ донести съ сожалѣніемъ, что...“

рой говорятъ едва слышнымъ шепотомъ, какъ будто бы каждому сипаю не извѣстно, кто дѣлаетъ самую грязную работу и кто въ послѣдствіи наиболѣе храбро сражается. Не смотря на все это даже офицеры будутъ сидѣть и торжественно разсуждать, въ состояніи ли или нѣтъ лучшія туземныя войска сойтись съ европейской арміей. Почему же нѣтъ, въ Сѣверной Индіи и Непалѣ есть достаточно прекраснаго матеріала, способнаго потрясти до основанія слишкомъ далекое отъ природы европейское общество, если оно когда либо осмѣлится вмѣшаться въ вопросъ милитаризма, того милитаризма, который только одинъ способенъ въ нынѣшній вѣкъ погони за наживой и роскошью дать обществу болѣе высокіе идеалы.

Я упомянулъ о Непалѣ, какъ примѣрѣ примитивнаго государства, жители котораго природные воины. Я думаю, что только благодаря моему знанію храбраго, маленькаго Гуркаса я могъ такъ увѣренно и смѣло отзываться о японской арміи въ моихъ первыхъ письмахъ домой. Съ точки зрѣнія практическаго изученія, опыта и знанія людей и матеріала, я имѣю меньше основаній высказывать мое мнѣніе, чѣмъ всякій другой, не военный, зорко слѣдившій за всѣмъ, видѣвшій ихъ офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и людей во время маршировки, обученія и прогулокъ по улицамъ въ теченіи послѣднихъ двѣнадцати мѣсяцевъ. Но я обладаю ключемъ, который даетъ мнѣ доступъ къ самому сердцу всего механизма.

Съ перерывами съ 1879 года я сражался въ рядахъ Гуркасовъ, я имѣлъ честь имѣть ихъ подъ моей командой, я наблюдалъ ихъ долгими часами во время стрѣльбы, когда выступаетъ наружу сердце солдата, я знаю ихъ на бивакѣ, на маршѣ, во время войны и мира. Мнѣ такъ же памятны охоты, въ которыхъ мы участвовали вмѣстѣ, мои посѣщенія Непала. Въ особенности мнѣ памятна та чудная недѣля въ южныхъ джунгляхъ, когда 400 слоновъ и два батальона Гуркасовъ помогали въ охотѣ на тигровъ великому человѣку, въ обществѣ котораго я былъ. Я долженъ хорошо знать Гуркасовъ и, если это такъ, то я такъ же хорошо знаю японскаго солдата. Онъ мой старый знакомый. У

лорда Робертса былъ преданный вѣстовой, великолѣпный боевой Гуркасъ, оберегавшій его ревниво съ 1878 по 1881 годъ. Теперь онъ почтенный туземный офицеръ на пенсіи. Мы звали его „Пуля". Посмотрите на японскую роту, въ ней найдется навѣрное дюжина такихъ людей, такихъ же маленькихъ и полныхъ жизни и совершенно похожихъ на этого великолѣпнаго солдата Афганской войны!

Пока я наблюдалъ за ротой, она была распущена и меня обступили со всѣхъ сторонъ только что призванные на службу запасные изъ разныхъ мѣстностей. Это дало мнѣ возможность направить къ нимъ моего переводчика и мы обмѣнялись впечатлѣніями. Тутъ не было сомнѣній; сходство между Гуркасомъ и Японцемъ очень глубоко. Та же всегда готовая улыбка; то же веселое, добродушное настроеніе; тѣ же независимыя манеры, показывающія въ ясной, но не обидной формѣ всю солдатскую гордость и его сознательное превосходство надъ каждымъ штатскимъ, а въ особенности иностраннымъ. Когда я сообщилъ имъ, что я тоже военный, онѣ сдѣлались сообщительными, и у насъ начался цѣлый разговоръ. Это были настоящіе Гуркасы но болѣе развитые и цивилизованные. Съ другой стороны не такіе мощные и плотные. Большая часть роты, быть можетъ двѣ трети, приближалась къ типу Муггуровъ Непала (Muggurs of Nepaul): коренастые и широкоплечіе, круглоголовые и круглолицые. Остальная часть отличалась отъ нихъ. Тутъ попадались люди болѣе слабаго сложенія, съ рѣзкимъ орлинымъ профилемъ. Эти произвели на меня впечатлѣнія, что и они будутъ въ бою въ переднихъ рядахъ. Въ цѣломъ Токіо я не видалъ ни одного солдата съ тяжелой поступью, неповоротливаго и узкогрудаго. Офицеры роты производятъ впечатлѣніе дѣловыхъ людей и хорошо развитыхъ физически; штабные офицеры, въ подтвержденіе общаго правила, не таковы. Эта японская армія можетъ служить лучшимъ примѣромъ примѣненія всеобщей воинской повинности: сравнительно незначительное количество людей, выбранныхъ изъ сотенъ тысячъ за ихъ физическую годность и навыкъ къ извѣстному роду профессій. Армія представляетъ собой сливки націи. Какъ далеко намъ до этого!

Мощь русской арміи, въ противуположность другимъ европейскимъ націямъ, заключается въ ея нижнихъ чинахъ, крестьянахъ, до сихъ поръ находящихся въ общеніи съ природой, людяхъ крѣпкаго тѣлосложенія, коренастыхъ, терпѣливыхъ и неразвитыхъ. Но они не только не обладаютъ навыкомъ къ войнѣ, но и лишены той жизненной искры военнаго задора, который такъ сильно искупаетъ недостатки физической организаціи. Конечно, если бы русскимъ пришлось оборонять свои собственныя жилища, они были бы иными. Менѣе всего они обладаютъ независимостью характера и способностью дѣйствовать по собственному почину. Современная же война отнынѣ предъявляетъ къ этимъ качествамъ самыя высокія требованія.

Японскіе солдаты такіе же мужики, такъ же благонадежны и съ цѣльной нервной системой. Здѣсь сходство прекращается, ибо наши союзники воинственны по ихъ наклонностямъ и традиціямъ. Къ патріотизму, всосанному ими съ молокомъ матери, правительство озаботилось привить инициативу, быстроту и сообразительность. Это совершается въ школахъ, гдѣ воинская доблесть стоитъ во главѣ всего курса обученія. Здѣсь внѣдряется жизненное правило, преподанное предводителемъ клана Отоно своимъ вассаламъ: „Вы обязаны умереть рядомъ съ вашимъ великимъ повелителемъ и никогда не показывать своей спины врагу. Если вы умрете на морѣ, пусть ваше тѣло погрузится въ воду. Если вы умрете на склонѣ холма, пусть ваше тѣло будетъ распростерто на горной травѣ". Съ тѣхъ поръ, какъ Шотландскіе кланы уступили мѣсто оленямъ, ни одной женщинѣ въ Великобританіи не придетъ въ голову внушать такіе идеалы или идеи своему ребенку.

Цивилизація японской и русской арміи находится на различномъ уровнѣ. Помимо внушительной военной силы, спасительная мощь нашего стараго Западнаго Міра заключается въ его образованіи и умственномъ развитіи. Но, въ этомъ случаѣ, представители Востока стоятъ выше.

Одна армія примыкаетъ къ своей базѣ, другая какъ бы виситъ на концѣ одноколейной желѣзной дорогѣ въ тысячу миль длиною, подобно мыльному пузырю; но какая же при-

чина можетъ заставить меня опасаться, что цѣлый рядъ моихъ предсказанiй не оправдается? Такой причины нѣтъ! Меня не тревожитъ мысль, что мы ошибались въ нашихъ расчетахъ и еще менѣе того я опасаюсь, что я далъ неправильную оцѣнку той новой силѣ, представительницей которой является японская армiя. Но европейскихъ государственныхъ людей должно тревожить то обстоятельство, что ихъ народы, казалось, позабыли, что внѣ заколдованнаго круга Западной цивилизацiи живутъ миллiоны народовъ, готовыхъ вырвать скипетръ изъ ихъ нервныхъ рукъ, коль скоро позволятъ исчезнуть духу старинной воинской доблести. Странно читать о конференцiяхъ, обсуждающихъ желательность мира и побуждающихъ къ подавленiю воинскаго духа, какъ будто бы они полагаютъ, что кромѣ нихъ нѣтъ никого на свѣтѣ. Это напоминаетъ овецъ, разсуждающихъ о безполезности сторожевыхъ собакъ и забывающихъ о волкахъ. Какъ будто бы Азiя и Африка уже не волнуются въ своемъ безпокойномъ снѣ, мечтая о завоеванiяхъ и войнѣ.

Если я не особенно ошибаюсь, этотъ небольшой народъ, восточный до мозга костей, вполнѣ готовъ доказать выстрѣлами своихъ орудiй, что шесть Великихъ Державъ—только часть всего мiра. Что участь ихъ въ концѣ концовъ зависитъ отъ храбрости ихъ солдатъ, какъ и участь накопленныхъ ими богатствъ, свободы и всего того, что они считаютъ для себя наиболѣе дорогимъ. Пока что, Японiя нашъ союзникъ и такой, который не окажется неблагодарнымъ, если я позволю себѣ судить объ этомъ такъ рано. Поэтому для Англiи есть время впереди, время, чтобы привести въ порядокъ всѣ свои военныя дѣла; время, чтобы посѣять и возростить въ сердцахъ ея дѣтей воинскiе идеалы; время, чтобы приготовиться къ смутному и тревожному двадцатому столѣтiю. Самое важное для насъ, убѣдиться въ томъ, что ни вознагражденiе, воинская повинность, численность или снаряженiе не въ состоянiи замѣнить собой того отважнаго духа воина, который еще доселѣ живъ въ сердцахъ нашего народа. То, что цивилизацiя, быть можетъ неизбѣжно, должна была украсть отъ древняго полу-варварскаго воинскаго

духа, должно быть выполнено пробужденіями болѣе горячаго патріотизма. Въ немъ слѣдуетъ полагать тотъ идеалъ, за который послѣдующія поколѣнія должны быть готовы пожертвовать своею жизнью. Развѣ уже слишкомъ поздно, и уже нѣтъ надежды? Начиная съ дѣтской съ ея игрушками и до воскресной школы и ея молодой компаніи, должно употреблять все вліяніе, чтобы внѣдрить въ слѣдующее поколѣніе Британскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ чувство преданности родинѣ и вѣрность традиціямъ. Слѣдуетъ глубоко запечатлѣть въ ихъ молодомъ сознаніи чувство благоговѣнія и восторга передъ патріотическими доблестями ихъ предковъ.

Въ Англіи министерства военное и народнаго образованія не находятся между собой даже въ шапочномъ знакомствѣ, и это, въ общемъ, не вина послѣдняго министерства. Правительственныя министерства лишены души, стремленій и сердца. Если бы Бушидо (Bushido) пустить на рынокъ для продажи, онъ висѣлъ бы тамъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не взяла бы жалость. Вся цѣль министерства заключается только къ томъ, чтобы показать плательщику податей нѣчто осязательное; напримѣръ подростка въ дешевомъ красномъ мундирѣ, такъ чтобы можно было во время дать отвѣтъ: „Вы ввѣрили мнѣ восемнадцать пенсовъ, смотрите, вотъ вамъ солдатъ!“ Принудили ли ребенка голодъ и морозъ вступить въ ряды арміи или же его естественнымъ путемъ влекло къ почтенной профессіи, это для нихъ не важно. На немъ красный мундиръ, и онъ существуетъ. Да здравствуетъ Британія! Если наша военная система и образовательные курсы будутъ по прежнему пренебрегать насажденіемъ древняго воинственнаго духа, которому одному мы обязаны своей свободой, опасенія, а вмѣстѣ съ ними и всеобщая воинская повинность, скоро должны постучаться у нашихъ дверей. Я не завидую тѣмъ ощущеніямъ, съ которыми руководители англійскихъ школъ читали выдержки изъ рапорта Королевской Коммиссіи о войнѣ въ южной Африкѣ. Они должны были сознавать, какъ далеко зашли они въ свое время, принимая всѣ мѣры, чтобы отбить охоту у лучшихъ изъ своихъ учениковъ въ выборѣ

военной карьеры. Что же касается до учителей правительственныхъ школъ, то они по своимъ убѣжденіямъ восторженные патріоты. Но многимъ ли изъ нихъ когда либо приходила въ голову мысль, что душа мальчишки-зеленьщика должна быть воспламеняема тѣмъ воинственнымъ огнемъ, который, можетъ быть, когда либо окажется для страны полезнѣе даже знанія чтенія, письма и арифметики. Съ нашимъ анти-военнымъ воспитаніемъ и арміей, организованной на началахъ денежнаго вознагражденія, мы идемъ прямо по стопамъ Китая, который еще тысячу лѣтъ тому назадъ былъ настолько уменъ, что призналъ войну за наслѣдіе варварства. Оно такъ и есть; но не признавать законовъ войны это значитъ передать управленіе міромъ въ руки варваровъ. Мандарины отговаривали лучшихъ своихъ людей отъ военной карьеры, полагая, что для войны болѣе подходящи худшіе. Много много лѣтъ тому назадъ они сталкивались съ вопросами, волнующими теперь нашихъ западныхъ идеалистовъ мира, и думали, что разрѣшили ихъ. Теперь, въ 1904 г., безпомощный какъ прикованный Прометей, Китай глядитъ, какъ чужеземная война опустошаетъ лучшую изъ его провинцій. Война, въ которой, какъ кажется, прямо или косвенно, Китаю придется послужить наградой побѣдителю. Никогда до сихъ поръ мнѣніе Рёскина (Ruskin) не подтверждалось лучше: „Всѣ чистыя и благородныя искусства міра имѣютъ свое основаніе въ войнѣ; великое искусство на землѣ процвѣтало только въ странѣ воиновъ.... Великое искусство доступно только націи, основавшей его на битвѣ... Когда я говорю, что война служитъ основаніемъ всѣхъ искусствъ, я подразумѣваю также, что она есть основаніе всѣхъ высокихъ доблестей и дарованій человѣка. Мнѣ было весьма странно открыть все это; это ужасно, но я убѣдился, что это несомнѣнный фактъ.

Я пришелъ къ убѣжденію, что общепринятое мнѣніе, будто бы миръ и гражданскія доблести могутъ процвѣтать совмѣстно, совершенно не допустимо. Миръ и пороки гражданской жизни, совмѣстно процвѣтаютъ. Мы разсуждаемъ о мирѣ и наукахъ, мирѣ и изобиліи, о мирѣ и цивилизаціи; но я убѣдился, что муза исторіи соединяетъ не эти поня-

тія; что на ея устахъ отожествляются миръ и чувственность миръ, и эгоизмъ, миръ и смерть. Я усмотрѣлъ, что всѣ великія націи научились правдѣ слова и силѣ мысли на войнѣ; что онѣ были возращены войной и разорены миромъ; научены войной и обмануты миромъ; дисциплинированы войной и преданы миромъ: однимъ словомъ онѣ рождены были войной и испустили послѣдній вздохъ во время мира".

Для насъ было бы очень полезно, если бы эту выдержку зналъ наизустъ каждый ребенокъ въ англійской школѣ. Здѣсь, въ Японіи, это было бы излишне. Когда во время маневровъ войска проходятъ извѣстную мѣстность, всѣ школьники этой мѣстности освобождаются на это время отъ занятій и разставляются шпалерами вдоль дорогъ, по которымъ ожидаются солдаты.

Въ Токіо, каждый разъ, когда происходитъ торжественная отправка войскъ, собираютъ малышей обоихъ половъ, чтобы дать имъ возможность пожелать Божьей помощи, „нашимъ дорогимъ, храбрымъ солдатамъ". Въ ихъ школьныхъ комнатахъ висятъ портреты героевъ и картины битвъ. Японцы имѣютъ за собой нравственныя качества ихъ матерей и отцовъ, которые въ свою очередь представляютъ продуктъ поколѣній отцевъ и матерей, воспитанныхъ на идеяхъ самопожертвованія и вѣрности долгу. Но они не вполнѣ довѣряютъ работѣ поколѣній въ цѣляхъ созданія ихъ арміи. Если они желаютъ сдѣлать изъ каждаго мужчины настоящаго боеваго солдата они знаютъ, что начинать нужно съ самаго начала и вселять въ дѣтяхъ необходимыя идеи, какъ только они начнутъ лепетать. Прохожденіе на парадѣ 5-го Германскаго армейскаго корпуса произвело на меня гораздо меньше впечатлѣнія, чѣмъ маршировка маленькихъ японскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, шедшихъ попрощаться съ ихъ солдатами. „Вотъ гдѣ идутъ", сказалъ я самому себѣ, „всесвѣтно знаменитыя и непобѣдимыя арміи 1920 года!"

Постараюсь запечатлѣть на бумагѣ такъ ясно, какъ я только въ состояніи, мои впечатлѣнія отъ японскаго народа. Впечатлѣніе это можетъ быть ошибочно до абсурда. Въ самомъ дѣлѣ, даже много повидавшій путешественникъ,

врядъ ли рѣшится, высказать такое опредѣленное мнѣніе въ столь короткій срокъ. Всетаки я хотѣлъ бы припомнить его впослѣдствіи, когда я лучше узнаю нашихъ союзниковъ, чтобы, или посмѣяться надъ моимъ собственнымъ заблужденіемъ или же подивиться моей проницательности. Все-таки искра перваго впечатлѣнія несомнѣнно очень цѣнна. Если я буду воспринимать ощущенія подобно японцу, а со временемъ это будетъ возможно, то мнѣ совершенно не удастся передать ихъ характеристику европейцу. Какъ бы то ни было, я пробылъ здѣсь недѣлей дольше, чѣмъ авторъ „Замка Дэли“ въ Ирландіи, когда она написала свое классическое произведеніе о жителяхъ Изумруднаго Острова. Такъ вотъ я осмѣлюсь высказать то, что думаю.

По моему, можетъ быть, нѣсколько смѣлому убѣжденію, японцы настолько же цивилизованы, какъ Черный Принцъ и его армія, если бы можно было ихъ воскресить и привить имъ тщательное германское обученіе. Внѣшнимъ образомъ японцы такъ же цивилизованы, какъ и мы. Но, достигнувъ своей цѣли въ короткое время, они не успѣли усвоить себѣ роскошь и чувственность, неразрывно связанныя съ утонченностью и техническими усовершенствованіями цивилизаціи. Японцы будто бы обладали дѣвственной почвой, которая дала имъ возможность исключить изъ жатвы всѣ плевела и чужеядныя растенія, такъ угрожающія взять верхъ на истощенной почвѣ болѣе старой культуры. Большинство людей производитъ впечатлѣніе тиходумовъ, мозгъ которыхъ, кажется, работаетъ съ большимъ усиліемъ. Это мѣшаетъ имъ быть собесѣдниками, но съ другой стороны они думаютъ основательно; идеи ихъ въ общемъ здравы, и они никогда не болтаютъ о пустякахъ, исключая того случая, когда они дѣлаютъ это нарочно. Достаточно прибавить, что мои заключенія я вывелъ изъ знакомства съ ихъ передовыми людьми.

Японскія женщины еще до сего времени не эмансипированы. Онѣ встаютъ изъ-за стола послѣ своихъ мужей и хозяевъ и занимаютъ второстепенное мѣсто въ прямомъ и переносномъ смыслѣ слова. Однако, если бы европейцы и Американцы попробовали бы основать свою критику на этихъ

обстоятельствахъ, японцы могли бы найти сильное возраженіе въ томъ, что послѣдствія этого тѣ, что ихъ женщины однѣ изъ самыхъ очаровательныхъ въ мірѣ. Наружность можетъ быть дѣломъ вкуса, но не очарованіе. Улыбка японской дѣвушки обворожительна. Она производитъ впечатлѣніе чрезвычайной доброты и, я увѣренъ, что ея наружность не обманчива. Въ ней есть что-то дѣтское, и вмѣстѣ съ тѣмъ она такъ разсудительна и, какъ говорятъ, очень храбра, чему я вполнѣ вѣрю. Но въ ней есть еще нѣчто другое. Она по своему существу чрезвычайно женственна. Женщины Азіи до сихъ поръ еще обладаютъ тайной женственности, которую, по всѣмъ признакамъ, наши западныя женщины уже начинаютъ терять. Мужчины всегда были эгоистичны, но теперь цивилизаціи угрожаетъ страшная опасность въ видѣ образа американской женщины и ея подражательницъ въ Европѣ.

Въ Японіи кругъ дѣятельности обоихъ половъ до сихъ поръ еще совершенно различенъ. Хотя это, можетъ быть, и вызоветъ чувство возмущенія у иностранной женщины, но, повидимому здѣсь это ведетъ къ всеобщему счастью. И не только къ всеобщему счастью, но и къ пользѣ для военнаго дѣла. Женщины, занятыя держаніемъ экзаменовъ, общественными удовольствіями, спортомъ, играми съ перерывами для флирта, врядъ ли найдутъ столько времени, чтобы пробудить юное воображеніе своихъ дѣтей.

По образованію, какъ я уже намекнулъ, японцы стоятъ выше англичанъ. Въ особенности, если сравнивать представителей высшихъ и низшихъ классовъ населенія обѣихъ странъ. Самая существенная причина этому заключается, по моему мнѣнію, въ томъ безспорномъ фактѣ, что въ Англіи ни мальчики, ни юноши не проявляютъ особаго рвенія къ ученію. Японцы же всѣхъ возрастовъ и сословій какъ бы горятъ желаніемъ расширить кругъ своихъ знаній и усовершенствовать самихъ себя. Одни шотландскіе мальчики во всемъ Соединенномъ Королевствѣ имѣютъ небольшое природное влеченіе къ наукамъ, но и они никакъ не могутъ выдержать сравненія съ японцами. Если бы японская молодежь имѣла бы профессоровъ, склонныхъ скорѣе обучать

ихъ атлетикѣ, чѣмъ наукамъ, то они не нуждались бы въ помоши своихъ родителей, чтобы осилить работу въ такомъ учрежденіи. Даже слуга мой и тотъ постоянно старается извлечь изъ меня нѣсколько уроковъ англійскаго языка дешевымъ способомъ, и хотя я и вижу насквозь его хитрости, и онъ мнѣ надоѣдаетъ этой своей манерой, но я втайнѣ восхищаюсь его честолюбіемъ.

Библиотека ВМФ СССР
105222

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нѣсколько новыхъ знакомствъ.

Токіо 16-го апрѣля (н. с.) 1904.—Сегодня исполнился ровно мѣсяцъ со времени моего прибытія въ Японію! Я склоненъ иногда думать, что время мое потрачено совершенно даромъ. Въ особенности овладѣваетъ мной это пессимистическое настроеніе, когда я сознаю все несоотвѣтствіе разныхъ развлеченій по принужденію, съ мобилизацiей войскъ и чистой бодрящей атмосферой битвъ и приключеній, среди которыхъ я уже мысленно живу, двигаюсь и существую. Я все еще въ гостяхъ у моего стараго товарища по Сендхорсту (Sandhurst) и друга Сэра Клавдія Макъ Дональда (Sir Claude Mac-Donald), за прохожденіемъ службы котораго за время 30 лѣтъ нашей разлуки, я всегда слѣдилъ съ такимъ интересомъ. Онъ всегда добросовѣстно заслуживалъ свои удачи, всегда находясь на своемъ мѣстѣ и какъ разъ въ самое нужное время. Пусть успѣхъ сопровождаетъ его всюду!

Я повидалъ уже многихъ изъ японскаго общества. Я очень часто встрѣчался какъ съ барономъ Комура (Komura), министромъ иностранныхъ дѣлъ, такъ и съ премьеръ-министромъ генералъ-майоромъ графомъ Кацура (Katsura); съ военнымъ министромъ генералъ-лейтенантомъ Терауци (Teraoutsi); съ морскимъ министромъ барономъ Ямамото (Yamamoto); съ президентомъ Императорскаго Совѣта Обороны маркизомъ Ямагата (Yamagata); съ маркизомъ Ито (Ito); съ начальникомъ генеральнаго штаба арміи, генералъ-лейтенантомъ маркизомъ Ойяма (Oyama), съ его помощникомъ генералъ-лейтенантомъ барономъ Кодама (Kodama) и нако-

нецъ съ начальникомъ втораго отдѣленія генеральнаго-штаба генералъ-майоромъ сэромъ Я. Фукушима, кавалеромъ ордена Бани *).

Баронъ Комура говоритъ превосходно по англійски, немного рѣзкимъ голосомъ. Онъ очень небольшого роста, даже для японца, и даже для японца очень уменъ. У него впалыя щеки и скорѣе пытливые, чѣмъ проницательные, глаза. Онъ напоминаетъ мнѣ своими манерами и видомъ одного изъ нашихъ статсъ-секретарей. Мнѣ однажды пришлось упомянуть ему объ этомъ, онъ засмѣялся и сказалъ, что статсъ-секретарь этотъ не почувствовалъ бы себя польщеннымъ, если бы услышалъ это сравненіе. Я отвѣтилъ ему откровенно, что мнѣ никогда не приходилось встрѣчаться съ человѣкомъ, будь то мужчина или женщина, который былъ бы польщенъ тѣмъ, что онъ похожъ на кого нибудь другого, даже если бы это лицо было очень красиво.

Мнѣ никогда не удавалось обмѣняться болѣе чѣмъ немногими словами съ премьеръ-министромъ. Онъ превосходно говоритъ по нѣмецки, шарообразенъ и самодоволенъ, но производитъ впечатлѣніе чрезвычайно умнаго маленькаго человѣка. Онъ, кажется, обладаетъ достоинствами и мужа, и политическаго дѣятеля, свойствами, которыми премьеръ-министру полезно обладать въ настоящія бурныя времена. Я склоненъ былъ думать, что его характеръ твердъ и спокоенъ, хотя онъ и не производилъ этого впечатлѣнія своей внѣшностью. Въ Англіи все еще пугаются тѣни Оливера Кромвеля и во всякомъ удачномъ военномъ дѣятелѣ готовы видѣть по крайней мѣрѣ Буланжэ. Но въ Японіи нѣтъ такой трусливости и тамъ не только премьеръ-министръ Генералъ-Майоръ, но, говорятъ, что его преемникомъ будетъ морякъ — Ямамото. Ямомото самый красивый изъ всѣхъ японскихъ Ожизи, судя по нашему западному образцу. Онъ сильно напоминаетъ англійскаго капитана корабля съ открытымъ лицомъ и короткой сѣдой бородой. Военный министръ Терауци холодный человѣкъ со сдержанными ма-

*) Knights of the Bath—кавалеръ ордена Бани. Британскій орденъ установленный при коронаціи Генриха IV въ 1399 г. и возстановленный Георгомъ I въ 1725 г.

нерами, его лицо отличается нѣсколько мрачнымъ выраженіемъ. У него высоко поставленные косые глаза, онъ насто ящій типъ кровнаго японца. Онъ раненъ въ правую руку въ прежнія войны и ему приходится здороваться, протягивая лѣвую. По свидѣтельству всѣхъ, кто его хорошо знаетъ, это очень любезный человѣкъ и мнѣ приходится только подтвердить его симпатичность и тихое, доброе сердце. Говорятъ, что онъ всегда готовъ оказать помощь молодому офицеру, въ особенности втихомолку, а въ нужномъ случаѣ онъ не считается съ хлопотами.

Если даже разъ въ жизни его подчиненный попадетъ въ серьезную бѣду по безпечности или неопытности, генералълейтенантъ Терауци приложитъ всѣ свои усилія, чтобы вновь поставить его на ноги, но онъ совершенно безпощаденъ въ случаѣ явной неспособности. По словамъ одного изъ его почитателей, который его хорошо знаетъ, „если генералъ Терауци убѣдится, что офицеръ лѣнивъ и безучастенъ, онъ способенъ отставлять его отъ производства въ теченіе пятнадцати лѣтъ!“ Такъ какъ настоящій военный министръ въ свое время былъ офицеромъ въ Кадетскомъ корпусѣ (Military Cadet Skool), то его характеристика всѣмъ извѣстна. Ему несомнѣнно удалось зажечь здоровую искру во всѣхъ чинахъ арміи. Въ тоже время онъ отличается безпристрастнымъ и простымъ характеромъ. Какъ то разъ я имѣлъ честь присутствовать на одномъ парадномъ банкетѣ, гдѣ Терауци былъ въ качествѣ гостя. Внезапно наступило полнѣйшее молчаніе, самое долгое посѣщеніе тихаго ангела, которое мнѣ когда либо приходилось испытать, языки 150 гостей какъ бы парализовались. Послѣ нѣсколькихъ секундъ терпѣнья, Терауци Грозный не выдержалъ и крикнулъ капельмейстеру сердитымъ голосомъ: „Сыграйте что нибудь скорѣе!“ на что всѣ отвѣтили громкимъ хохотомъ, и музыка оказалась лишней.

Маршалъ маркизъ Ямагата — лордъ Робертсъ Японіи, принимая въ соображеніе его славу и популярность. Такъ какъ онъ очень рѣдко бываетъ въ обществѣ то мнѣ удалось увидѣть его только дважды. Одинъ разъ по случаю пріема Китайскаго посольства, даннаго въ честь Китайскаго

Принца Крови и другой разъ въ домѣ военнаго министра. Онъ красивый, старый воинъ съ пропорціональныии тонкими чертами лица: его зубы обильно запломбированы золотомъ, которое блеститъ, когда онъ смѣется. Его лицо отличается ярко выраженнымъ орлинымъ профилемъ. Онъ одинъ изъ представителей старой школы Самураевъ и славится своею храбростью въ странѣ, гдѣ всѣ храбры. Одна изъ многочисленныхъ исторій, разсказываемыхъ про него, состоитъ въ томъ, что онъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, выплылъ одинъ въ море и пытался своимъ мечемъ потопить одинъ изъ иностранныхъ кораблей у Іокогамы. Знать это и видѣть того же самого человѣка, который сравнительно еще недавно имѣлъ такое первобытное представленіе о силѣ современнаго вооруженія, направляющимъ противъ великой Европейской державы, какъ Россія, всѣ знанія и средства, воплощенныя въ вооруженномъ народѣ— это значитъ отчасти понять ту перемѣну, которая произошла за его жизнь въ Японіи. Какъ Президентъ (по праву старшинства) Совѣта Императорской Обороны, онъ, говорятъ, самый могущественный человѣкъ въ государствѣ. Дѣйствительно, мои свѣдѣнія въ этомъ отношеніи настолько авторитетны, что я самъ ни мало не сомнѣваюсь въ ихъ правдивости. По старшинству въ Государственномъ Совѣтѣ онъ занимаетъ, послѣ Императорскихъ принцевъ, третье мѣсто. Порядокъ этого старшинства таковъ: маркизъ Ито, Президентъ Личнаго Совѣта; Князь М. Куджо (Kujo); маркизъ Ямагата; маркизъ Ойяма; графъ Катсура, Премьеръ и т. д. Въ немъ соединяются большая сила характера съ широкимъ умомъ и той чистосердечностью, которую враждебная критика считаетъ столь рѣдкимъ явленіемъ въ японскомъ обществѣ. Встрѣчи съ нимъ чрезвычайно пріятны, и онъ обсуждалъ со мною сложный вопросъ подвижности и вѣса металла полевыхъ орудій съ проницательностью истаго артиллерійскаго майора. Каждому грустно сознавать, что онъ, пожалуй, уже слишкомъ старъ, чтобы вновь начать дѣйствительную службу въ качествѣ главнокомандующаго арміями въ полѣ.

Карьера маркиза Ито всѣмъ извѣстна. Мнѣ посчастли-

вилось встрѣчаться съ нимъ нѣсколько разъ. Онъ очень милый человѣкъ; очень искуссный собесѣдникъ и одинъ изъ тѣхъ людей, которые, зная обо всемъ, умѣютъ скрывать свои таланты и стараются, насколько возможно, смѣшаться съ остальными, обыкновенными, гостями. Чрезвычайно удобную особенность японскаго общества составляетъ то, что вообще въ немъ замѣтно менѣе людей, стремящихся блистать, давить и производить впечатлѣніе на прочихъ, чѣмъ это можно бы было замѣтить среди подобнаго же числа европейцевъ или американцевъ при подобныхъ же условіяхъ. Японцы болѣе естественны, и если даже природа виновата въ томъ, что они слишкомъ молчаливо ѣдятъ и пьютъ, то въ чемъ же бѣда, если каждый изъ нихъ счастливъ? Типъ лица маркиза Ито ясно выраженный монгольскій.

Когда я недѣли три тому назадъ впервые встрѣтился съ маркизомъ Ойяма, я испыталъ чувство удовлетворенія, пораженный сходствомъ, существующимъ между нашей хорошо испытанной, не требовательной къ назначаемымъ, системой и способомъ замѣщенія высшихъ постовъ въ Японіи. Я признаюсь, что великій Маркизъ произвелъ на меня впечатлѣніе скорѣе „très grand seigneura“ клана Сатсума (Satsuma clan) съ широкими политическими связями, чѣмъ человѣка, которій хоть на минуту желалъ бы казаться необыкновенно старательнымъ, ученымъ и профессіональнымъ военнымъ. Точно такъ же я не могу найти за нимъ другихъ чрезвычайныхъ заслугъ, кромѣ проявленной имъ при всѣхъ обстоятельствахъ храбрости. Вначалѣ онъ участвовалъ съ большой честью, но не особенно блестяще, при подавленіи Сатсумскаго возстанія въ Китайской войнѣ. Такъ онъ мало по малу возвышался, исполняя, что ему было приказываемо, не дѣлалъ особыхъ ошибокъ, пока не достигъ своего высшаго кульминаціоннаго пункта, назначенія начальникомъ штаба. Основанія для избранія его на этотъ наиболѣе важный постъ въ арміи, по словамъ его друзей, заключались въ его честности, большой личной популярности и вліяніи клана Сатсума. Маркизъ, можетъ быть, немногимъ превосходитъ средній ростъ японцевъ и некрасивъ съ европейской точки зрѣнія, совершенно отличающейся отъ япон-

ской. У него круглое лицо и мелкія черты лица, немного изборожденныя оспой. Мнѣ пришлось услышать одну исторію о маркизѣ и одномъ изъ его старыхъ друзей, которая мнѣ показалась интересной. Однажды, когда оба они народились вмѣстѣ въ чайномъ домѣ, пріятель пошелъ въ ванную и увидѣлъ тамъ маркиза, сидящаго по горло въ горячей водѣ. ,,Выжмите только на минуту губку и держите Вашу голову спокойно, чтобы я могъ отличить одну отъ другой", обратился онъ къ маркизу. Слѣдующимъ долженъ былъ сѣсть въ ванну пріятель маркиза, и если все происшедшее было дѣйствительностью, то, какъ меня увѣряли, все это слѣдуетъ понимать въ прямомъ смыслѣ, ибо великій Ойяма не страдаетъ пустымъ тщеславіемъ.

Если даже мое мнѣніе справедливо, что Ойяма не представляетъ изъ себя идеала начальника штаба несмотря на всю его энергію, способности и опытъ, которые необходимы на этомъ высокомъ посту, все таки несомнѣнно, что онъ обладаетъ другими, совершенно различными, но не менѣе цѣнными качествами какъ начальникъ. Обыкновенно ничто не можетъ вывести его изъ себя, но когда онъ дѣйствительно разсердится, онъ становится страшенъ для всѣхъ окружающихъ. Такъ это и должно быть. Хорошій характеръ даетъ возможность двигать работу безъ излишнихъ треній, тогда какъ скрытная, но всегда ожидаемая возможность взрыва гнѣва держитъ подчиненныхъ на чеку и дѣлаетъ излишними всѣ эти мелкія замѣчанія и раздражительность, которыя такъ легко могутъ привести въ негодность самыя нѣжныя части всего механизма.

Въ дѣлахъ маркизъ Ойяма особенно непоколебимъ, даже для японца, какъ они торжественно утверждаютъ. Въ доказательство этого мнѣ пришлось услышать о немъ слѣдующій анекдотъ:

Десять лѣтъ тому назадъ онъ начальствовалъ надъ войсками, атаковавшими Портъ-Артуръ. Какъ извѣстно, атака этой крѣпости и взятіе ея открытой силой, безъ примѣненія способовъ постепенной атаки и съ силами сравнительно слабыми, была одной изъ самыхъ опасныхъ и рискованныхъ операцій съ военной точки зрѣнія. Бой былъ въ самомъ

разгарѣ, когда пришла телеграмма изъ Кинчжоу (Kinchow), гдѣ были оставлены два батальона ввидѣ аріергарда для обезпеченія марша къ Портъ-Артуру. Эта телеграмма была послана офицеромъ, командовавшимъ этими двумя батальонами и содержала донесеніе о томъ, что эти два батальона были атакованы 5000 или 6000 китайцевъ, сильно тѣснимы ими и настоятельную просьбу о подкрѣпленіи. Штабъ былъ этимъ сильно взволнованъ и, собравъ все свое мужество, доложилъ объ этомъ Ойямѣ. Однако онъ, несмотря на то, что у него въ резервѣ имѣлся всего только одинъ батальонъ и одинъ эскадронъ, а самому ему приходилось нелегко, только улыбнулся и не обратилъ вниманія на эту просьбу о подкрѣпленіи, замѣтивъ, что онъ протелеграфируетъ отвѣтъ нѣсколько позднѣе днемъ. Въ это время случилось, что его взглядъ упалъ на трупъ китайца, лежавшаго около кумирни только въ 2500 ярдахъ отъ укрѣпленій Портъ-Артура и, естественно, подъ сильнымъ огнемъ изъ его орудій. Около китайца была небольшая собаченка, которая лаяла и ворчала самымъ свирѣпымъ образомъ на всѣхъ, кто пытался приблизиться къ ея хозяину. Ойяма очень заинтересовался этой сценой и, несмотря на то, что снаряды крѣпостныхъ орудій рвались вокругъ кумирни, спокойно направился къ вершинѣ холма, гдѣ лежалъ китаецъ, досталъ изъ его ранца немного пищи, подошелъ къ несчастному животному и скоро успокоилъ его. Въ то-же время доктору удалось осмотрѣть его хозяина, который оказался уже мертвымъ, несмотря на то, что тѣло его было еще теплое. Только когда Ойяма узналъ объ этомъ, онъ отдалъ приказаніе своему единственному резерву оставить его и направиться назадъ для освобожденія атакованнаго гарнизона въ Кинчжоу. Несомнѣнно, что Ойяма только воспользовался этимъ эпизодомъ съ китайцемъ и его собакой, чтобы выиграть время и обдумать спокойно обстановку. Въ это время, какъ это многимъ извѣстно, командовавшій отрядомъ въ Кинчжоу полковникъ, вывелъ его изъ-за валовъ города, предпочитая вести бой въ полѣ. Онъ вооружилъ нѣсколькихъ кули захваченными мушкетами и ружьями, оставилъ ихъ ввидѣ гарнизона въ Канчжоу, самъ же сдѣлалъ вылазку

изъ города и началъ бой. Его сильно тѣснили, однако онъ мужественно удерживалъ свои позиціи, пославъ телеграмму Ойямѣ съ просьбой о подкрѣпленіи, какъ то было уже описано. Въ концѣ концовъ противнику, который обнаружилъ въ этотъ день особую самоувѣренность и храбрость, удалость совершенно обойти лѣвый флангъ японцевъ и, казалось, что имъ ничего больше не оставалось, какъ держаться до послѣдней минуты, которая быстро приближалась.

Внезапно, какъ разъ въ самый критическій моментъ, съ валовъ цитадели загремѣли орудія, и ихъ снаряды, падая среди первыхъ рядовъ китайцевъ, сразу измѣнили обстановку въ пользу японцевъ, и противникъ былъ отброшенъ. Никто не былъ болѣе удивленъ этимъ вмѣшательствомъ провидѣнія, какъ самъ полковникъ, начальникъ отряда. Какъ оказалось, въ цитадели имѣлись 4 орудія, оставленныя тамъ китайцами. Въ госпиталѣ лежалъ больной артиллерійскій унтеръ-офицеръ. Когда бой разгорѣлся, онъ всталъ съ постели, показалъ нѣсколькимъ раненымъ пѣхотинцамъ, какъ зарядить орудія, прицѣлиться и выстрѣлить по противнику. По китайскому обыкновенію снаряды были снаряжены пескомъ, вмѣсто дорого стоющаго взрывчатаго матеріала, но, несмотря на это, они оказались все таки вполнѣ пригодны въ этомъ случаѣ. Во время этой отчаянной небольшой стычки, Портъ-Артуръ былъ взятъ приступомъ, и такимъ образомъ резервной колоннѣ изъ батальона и эскадрона, подобно колоннѣ Эрлона блуждавшей между Катръ-Бра и Линьи, не пришлось принять участіе въ боѣ, вознаградившемъ бы ее за всѣ ея передвиженія.

Чтобы дополнить эту исторію, слѣдуетъ упомянуть, что Ойяма посадилъ въ Кинчжоу вишневое дерево въ память боя и приказалъ каждому офицеру своего штаба написать поэму въ честь этого событія. Древняя идея соединенія двухъ искусствъ, войны и поэзіи, еще до сихъ поръ не исчезла въ японской арміи. У насъ же совсѣмъ наоборотъ. Если сказать, что кто либо пишетъ стихи, это все равно, что присудить ему такую ничтожную похвалу, которая нисколько не отличается отъ насмѣшливаго презрѣнія. На отдаленнѣйшемъ же Востокѣ преобладаетъ совершенно

противуположное мнѣніе, мнѣніе вполнѣ естественно выраженное въ только что приведенномъ случаѣ съ Ойямой. Маркизъ Ойяма большой любитель стариннаго фарфора и имѣетъ всѣ средства, чтобы удовлетворить свою страсть. Онъ искусcный старый воинъ, но онъ на десять лѣтъ старше, чѣмъ былъ, когда взялъ Портъ-Артуръ. Все таки, быть можетъ, японцы правы, что не отстранили его отъ дѣла. Такъ, одинъ изъ японскихъ офицеровъ сказалъ мнѣ: „У насъ имѣются сотни болѣе образованныхъ, совершенныхъ и знающихъ офицеровъ, которые бы могли занять мѣсто Ойямы, но они не будутъ Ойямой! Его репутація очень высока, его любитъ народъ и, кромѣ того, мы не увольняемъ старыхъ вождей, разъ они желаютъ продолжать служить намъ. Генералъ-лейтенантъ баронъ Кодама напоминаетъ своей наружностью Сэра Михаила Биддульфа (Sir Michael Biddulph) въ миніатюрѣ. Многіе изъ британскихъ офицеровъ замѣтили это сходство, которое, значитъ, не плодъ одного моего воображенія. Онъ говоритъ только по японски и не ведетъ роскошной общественной жизни какъ Ойяма и его рѣдко приходится видѣть на собраніяхъ высшаго Токійскаго общества. Однако, благодаря исключительно счастливымъ обстоятельствамъ, я имѣлъ высокую честь быть приглашеннымъ къ обѣду въ его частномъ домѣ, что въ Японіи служитъ болѣе рѣдкой формой любезности, чѣмъ банкетъ въ оффиціальномъ помѣщеніи хозяина. Банкеты акредитованнымъ въ Японіи иностранцамъ даются очень часто. Пожалуй, даже слишкомъ часто для людей, любящихъ покой. Банкеты эти совершенно то же, что мы въ Индіи называемъ burra khanas, очень утонченные, но и очень оффиціальные. Я предполагаю, что правительство платитъ за ѣду, напитки и музыку. Приглашенные размѣщаются по рангамъ самымъ строжайшимъ образомъ. Естественно, что гостю на этихъ торжествахъ представляется очень мало вѣроятія завязать новую дружбу, влюбиться или сдѣлать что-либо помимо ѣды, питья и куренья, совершенно такъ же, какъ если бы онъ присутствовалъ на парадномъ обѣдѣ подъ предсѣдательствомъ Лордъ-Мэра Лондона.

Если иностранцу, постоянному жителю Японіи или путе-

шественнику, удается проникнуть за предѣлы оффиціальныхъ банкетовъ или клубныхъ обѣдовъ, то онъ можетъ назвать себя особенно счастливымъ.

Ѣда, напитки и куреніе по моему собственному опыту не оставляютъ желать ничего лучшаго; но во всѣхъ другихъ отношеніяхъ щедрое и общее для всѣхъ гостепріимство оффиціальныхъ торжествъ не можетъ быть сравниваемо, по моему мнѣнію, съ очаровательной любезностью частнаго лица. Какъ въ данномъ случаѣ, такъ и всегда, когда мнѣ приходилось встрѣчать генералъ-лейтенанта барона Кодаму, онъ паражалъ меня своимъ сильнымъ чувствомъ юмора, быстротою и находчивостью возраженій и самымъ заразительнѣйшимъ сердечнымъ смѣхомъ. Въ то же время я не могу отрѣщиться отъ мысли, что разговаривая и восхищаясь блестяще воспитаннымъ современнымъ человѣкомъ, я нахожусь лицомъ къ лицу съ самымъ яркимъ представителемъ Востока, азіатомъ изъ азіатовъ. Я не помѣстилъ бы этого, даже въ своемъ дневникѣ, если бы я думалъ. что подобная оцѣнка можетъ быть принята близко къ сердцу или вызвать возраженія. Я думаю, что она только доставитъ удовольствіе. Дѣйствительно, я могу утверждать, что японскіе идеалы, въ особенности же ихъ взгляды, настолько отличаются отъ европейскихъ и американскихъ, что иностранецъ имѣетъ право личной критики или описанія, не опасаясь причинить этимъ непріятность, конечно въ томъ случаѣ, если критика не явно злонамѣренна.

Генералъ Кодама обладаетъ необыкновенно большимъ тактомъ, которымъ онъ широко пользуется. Несмотря на его добродушіе и непринужденныя шутки и манеры, онъ былъ всегда настолько остороженъ и серьезенъ, что про него никогда не сплетничали. Это должно служить особенной похвалой для выдающагося человѣка въ Японіи, странѣ, гдѣ пресса превозошла даже американскій журнализмъ въ стараніи посвятить публику въ подробности частной жизни и готовой къ инсинуаціямъ даже при самомъ малѣйшемъ къ тому поводѣ. Его постоянная должность губернатора Формозы, гдѣ онъ казнилъ несмѣтное число

разбойниковъ и дикарей и установилъ въ концѣ концовъ финансовое равновѣсіе. Разсказывая мнѣ объ этомъ, онъ, казалось, съ бо́льшимъ удовольствіемъ вспоминалъ, какъ онъ рубилъ головы, чѣмъ о приведеніи въ порядокъ финансовъ страны. Онъ принадлежитъ къ клану Чіозу (Chiosu), который даже въ современные демократическіе дни приноситъ свою пользу.

Я чувствую, что описаніе моихъ впечатлѣній отъ новыхъ знакомствъ было бы неполное, если бы я не остановился на генералъ-майорѣ Сэрѣ I. Фукушимѣ (Sir Y. Fukushima K. C. B.) кавалера ордена Бани и начальника второго отдѣленія генеральнаго штаба. Его карьера служитъ подтвержденіемъ, насколько важно удачно начать службу. Въ бытность его еще только маіоромъ и военнымъ агентомъ въ Берлинѣ, на одномъ изъ банкетовъ зашелъ разговоръ о томъ, какое разстояніе способна пройти лошадь подъ всадникомъ при ежедневной работѣ и при опредѣленной скорости. Фукушима заявилъ, что его лошадь въ состояніи перенести его изъ Берлина прямо во Владивостокъ. Его подняли на смѣхъ и этимъ только укрѣпили его въ намѣреніи сдѣлать этотъ опытъ. Онъ пустился въ путь и дѣйствительно доѣхалъ до Владивостока, проѣхавъ все это разстояніе верхомъ, но не на одной и той же лошади. Что замѣчательно въ этой исторіи, то это не его поѣздка, которую можетъ совершить всякій, пользующійся хорошимъ здоровьемъ, имѣющій паспортъ и помощь банкира, а то впечатлѣніе, которое произвела эта поѣздка въ Японіи. Публика и пресса (или, пожалуй, пресса и публика) прямо сошли съума по этому поводу. Обыкновенный человѣкъ, уронивъ свѣчу въ Темзу, тушитъ ее, баловню же фортуны удается уронить ее какъ разъ въ то время, когда потокъ нефти течетъ внизъ по рѣкѣ. Высшее военное начальство присоединилось къ энтузіазму толпы, можетъ быть, противъ его желанія, однако ему пришлось такъ поступить. Фукушима былъ произведенъ изъ маіоровъ въ подполковники. Ему была устроена публичная встрѣча въ Токіо, гдѣ народъ собрался въ тысячахъ. Лихой генеральный штабъ, среди котораго находился по меньшей мѣрѣ одинъ ревнивый со-

перникъ, принялъ участіе въ почетной встрѣчѣ Сибирскому герою, театрально красовавшемуся въ своемъ изношенномъ дорожномъ костюмѣ, съ хлыстомъ въ рукахъ, истрепаннымъ нарочно для этого случая, какъ говорили его враги. Въ послѣдствіи этотъ костюмъ и эмблематическій хлыстъ благоговѣйно были помѣщены въ музей, въ которомъ можно ихъ видѣть и по сію пору, если только они не будутъ вытѣснены оттуда массой реликвій, которыя несомнѣнно принесетъ съ собою наступающая война.

Я записалъ эту исторію такъ, какъ мнѣ передалъ ее одинъ японскій офицеръ. Я нахожу не лишеннымъ интереса отмѣтить задатки будущей Мефкингской истеричности (Mafeking histeries) въ народѣ, который такъ гордится, что они англичане, больше чѣмъ мы сами, подразумѣвая подъ этимъ англичанъ добраго, стараго времени и ихъ сдержанность и невозмутимость характера. Я всегда былъ того мнѣнія, что самымъ лучшимъ пробнымъ камнемъ будущаго побѣдителя служитъ самое тщательное наблюденіе за послѣдствіями его перваго успѣха. Приходитъ ли улыбка фортуны въ видѣ неожиданной удачи или же она служитъ наградой за умѣлую работу, большинство этихъ удачниковъ склонны видѣть въ ихъ успѣхѣ подходящій случай, чтобы какъ бы опуститься, и дать себѣ отдыхъ, праздникъ или что либо въ этомъ родѣ. Для честолюбивыхъ же даже удача служитъ какъ бы ударомъ шпоръ или хлыста. Успѣхъ не ослабляетъ ихъ ни на мгновеніе, наоборотъ даетъ имъ новыя силы идти впередъ съ удвоенной энергіей. Генералъ-маіоръ Фукушима принадлежитъ къ этой немногочисленной категоріи. Со времени его знаменитой поѣздки онъ удвоилъ свои старанія держаться впереди всѣхъ и въ общемъ ему это удалось. Нерѣдко, однако, успѣхъ ставитъ своего избранника въ такое странное положеніе, что, въ то время, когда всѣ его современники полны зависти къ нему, самъ онъ желаетъ быть чѣмъ либо другимъ въ великомъ мірѣ, монахомъ, священникомъ, незамѣтнымъ рыбакомъ или даже птицей, беззаботно распѣвающей на вѣтвяхъ. Подобныя чувства, я воображаю, должны были теперь овладѣть Фукушимой, единственной обязанностью котораго было вво-

дить въ заблужденіе и противодѣйствовать всѣмъ иностранцамъ, бывшимъ въ сношеніяхъ съ нимъ; въ то же время, для того, чтобы дать ему возможность наиболѣе успѣшно выполнить свое назначеніе, онъ оффиціально значится ихъ руководителемъ и помощникомъ. Въ дѣйствительности же, какъ я болѣе чѣмъ подозрѣваю, онъ для военныхъ агентовъ и корреспондентовъ настоящій волкъ въ овечьей шкурѣ. Однако онъ такъ искуссно блеетъ, что большинство изъ нихъ втетаки видитъ въ немъ своего рода справочное бюро и лучшаго пріятеля и самаго полезнаго человѣка въ Токіо. Нѣкоторые изъ нихъ признавались мнѣ, что они получили отъ него очень важныя свѣдѣнія, неизвѣстныя никому другому. Если припомнить, что онъ не сообщилъ ни одному единственному лицу ни одного единственнаго факта цѣнностью въ мѣдный грошъ, для какого либо иностраннаго правительства или газеты, нужно признать, что генералъ-маіоръ Фукушима былъ необыкновенно ловокъ.

Всѣ мы сознаемъ въ глубинѣ души, что мы представляемъ изъ себя иностранную язву, стремящуюся узнать и увидѣть раньше времени то, что еще не готово къ нашему осмотру. Можетъ быть, нѣкоторая откровенность со стороны Фукушимы спасла бы его въ будущемъ отъ ненависти и оставила бы его настоящую популярность незапятнанной. Ничто не въ состояніи такъ вывести изъ себя европейцевъ, а въ особенности американцевъ, какъ сознаніе, что ихъ ловко провели. Что касается лично до меня, то я никогда не обращалъ вниманія на то, что на мои просьбы о подробныхъ свѣдѣніяхъ я получалъ въ отвѣтъ общія мѣста, шутки и банальности. Я даже находилъ въ нихъ нѣкоторый забавный интересъ. Фукушима обладаетъ превосходными свѣдѣніями о нашей Индійской арміи и ея русскихъ соперникахъ. Я нашелъ, что онъ считаетъ казака уже чистѣйшимъ достояніемъ исторіи. Казакъ лишился, такъ говоритъ Фукушима, всѣхъ своихъ бурскихъ качествъ, исключая искусства верховой ѣзды, и въ настоящее время представляетъ изъ себя простого мужика, слава котораго опирается только на Наполеоновскія легенды; иногда онъ храбръ, иногда нѣтъ, совершенно

такъ же, какъ и прочіе землепашцы; но онъ никогда не дисциплинированъ и почти всегда плохо обученъ и находится подъ командой плохихъ офицеровъ.

Фукушимѣ такъ же прекрасно извѣстны военныя качества различныхъ категорій нашихъ Индійскихъ туземныхъ войскъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько язвительныхъ замѣчаній по поводу британскихъ офицеровъ и проявленной ими способности тѣсно сплотиться съ ихъ людьми. Британскій офицеръ въ Индіи, какъ говорилъ онъ, становится болѣе Сикхомъ, чѣмъ самъ Сикхъ; болѣе Гуркасомъ, чѣмъ самъ Гуркасъ; болѣе Мадрассэ, чѣмъ самъ Мадрассэ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ находилъ эту особенность достойной восхищенія, и такъ это и должно быть, если мы вспомнимъ, что только благодаря этой особенности мы имѣемъ единственный преданный на дѣлѣ правительству классъ старыхъ отставныхъ туземныхъ офицеровъ и солдатъ, какъ въ Индіи, такъ и въ Египтѣ.

Съ другой стороны въ словахъ Фукушимы есть доля правды, что въ ихъ esprit de corps есть какая то слѣпая враждебность.

Въ доказательство этому онъ, конечно, привелъ въ примѣръ дни возстанія, когда офицеры скорѣе готовы были погубить себя, и чуть было не погубили съ собой и Имперію, чтобы только отстранить отъ себя подозрѣнія со стороны своихъ солдатъ. Онъ даже намекнулъ, что продолжительная служба въ Индіи иногда можетъ лишить офицеровъ широты взгляда и сдѣлать ихъ самодовольными и способными воображать, что ихъ армія превосходна, что, какъ извѣстно, наиболѣе вредный образъ мыслей. Онъ былъ слишкомъ деликатенъ, конечно, чтобы высказать все это такъ подробно, однако въ справедливыхъ мнѣніяхъ есть какое то особенное свойство выплывать наружу. несмотря на всѣ осторожныя фразы. Взгляды, которыхъ придерживается Фукушима, я полагаю, есть дѣйствительность; и если бы онъ включилъ въ свои замѣчанія гражданскихъ дѣятелей въ Индіи, онъ попалъ бы прямо въ цѣль. Какой бы великолѣпной формой дисциплины послужило бы для нихъ посѣщеніе во время отпуска Японіи и пребываніе здѣсь подъ отеческимъ

и очень строгимъ надзоромъ „туземной полиціи"! Ихъ представленія объ Азіи можетъ быть постепенно измѣнились бы и сотни тысячъ нашихъ согражданъ почувствовали бы на себѣ благотворныя послѣдствія этого измѣненія. Немного меньше презрительныхъ мѣръ и немного больше сердечности. Немного поменьше чувства превосходства и побольше доступности и деликатности, тогда станетъ возможнымъ тоже мечтать о дружбѣ, которая теперь на самомъ дѣлѣ не существуетъ между англичаниномъ и индусомъ. Какъ превосходно бы было, если бы кондуктора, начальники станцій и контролеры билетовъ на Индійскихъ и Индоевропейскихъ желѣзныхъ дорогахъ вообразили бы себѣ туземцевъ, спокойно путешествующихъ безъ воображаемой необходимости толкать и втискивать ихъ въ первый попавшійся пустой или биткомъ набитый вагонъ какъ опасныхъ сумашедшихъ!

Прекрасно, пусть генералъ Фукушима представляетъ собою самый интересный предметъ для изученія, я все-таки думаю, что лучше покончить съ его описаніемъ до тѣхъ поръ, пока я не узнаю его немного побольше, хотя я и сомнѣваюсь, что это мнѣ когда-либо удастся. Онъ также производитъ на меня впечатлѣніе азіята au bout des ongles [1]) какъ и Кодама, только скорѣе нѣсколько въ иномъ смыслѣ, болѣе обыкновенномъ. Фукушима говоритъ свободно на многихъ языкахъ и хорошо знакомъ съ Лондономъ, Берлиномъ и С.-Петербургомъ. Кодама говоритъ только по японски и настоящій чистокровный японецъ. И вотъ они оба, болѣе чѣмъ кто-либо изъ тѣхъ, съ кѣмъ я здѣсь встрѣчался, убѣждаютъ меня что Востокъ всегда останется Востокомъ, Западъ—Западомъ. Какъ это было прежде, такъ это и въ настоящее время и такъ же должно быть и всегда. Аминь!

[1]) Вѣроятно авторъ хотѣлъ сказать: jusqu'au bout de ongles. До конца ногтей, а не «на концѣ ногтей». Прим. пер.

ГЛАВА III.

Три пріятныя черты,

Токіо, апрѣля 25-го (н. ст.), 1904.—Три незначительныя особенности этой страны производятъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Я могу шутить здѣсь съ прислугой и обращаться съ ними, какъ съ равными, не опасаясь нарушить ихъ нравственное равновѣсіе и вызвать порицаніе со стороны остального общества. Я могу прогуливаться по самымъ многолюднымъ улицамъ, держа шляпу въ рукахъ, а не на головѣ и никто, будь то мужчина, женщина или ребенокъ не остановится, чтобы глазѣть на меня, какъ на невиданную диковину, сбѣжавшую изъ цирка Барнума. Я могу принимать участіе въ обѣдахъ и банкетахъ и могу тамъ ничего не ѣсть, и хозяинъ будетъ такъ же мной доволенъ, какъ еслибы я перепробовалъ всѣ кушанья его жены.

Можетъ быть для людей серьезныхъ это покажется слишкомъ ничтожнымъ, чтобы чувствовать себя свободнымъ и беззаботнымъ: однако, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ, подобныя мелочи служатъ, какъ бы эмблемами болѣе глубокихъ принциповъ, въ которыхъ лежатъ ихъ корни. Перейдемъ къ вопросу о прислугѣ.

Японцы кажутся постольку же демократичными въ ихъ общественныхъ отношеніяхъ, поскольку они вѣрны началамъ безусловнаго повиновенія власти, какъ по традиціямъ такъ и по ихъ врожденному чувству, въ особенности въ дѣловыхъ отношеніяхъ. Поэтому, такъ называемые низшіе классы населенія, болѣе почтительно относятся къ людамъ, стоящимъ у власти, чѣмъ къ намъ. Но это отношеніе замѣчается только при исполненіи ими своего служебнаго долга. Коль скоро служба окончена, нѣтъ никакихъ

препятствій со стороны хозяина и подчиненнаго, мѣшающихъ имъ временно обмѣниваться шутками, папиросами и вообще считать себя принадлежащими на равныхъ началахъ къ общечеловѣческой семьѣ. Несомнѣнно, что это есть общая черта всѣхъ азіатскихъ народовъ, но также и естественное послѣдствіе всепоглощающей власти и божественнаго начала, приписываемаго ими ихъ Императору, уравнивающему всѣхъ подданныхъ и ихъ общественныя ступени. Хоть бы завтра императоръ можетъ превратить моего переводчика въ Японскаго посла въ Лондонѣ и я осмѣлюсь сказать, что тотъ будетъ держать себя съ большимъ достоинствомъ на этомъ посту.

Съ другой стороны, если источникъ свѣта, исходящій отъ лица Императора, засіяетъ въ другомъ направленіи, то пострадавшее лицо теряетъ свое прежнее значеніе такъ же безусловно и покорно, какъ свѣтъ электрической лампы, гасимой рукой хозяина дома. Тогда какъ у насъ, въ то время, когда случай или необходимость лишитъ человѣка занимаемаго имъ высокаго поста, онъ начинаетъ отчаянно бороться съ ожидающей его судьбой до тѣхъ поръ, пока, волнуясь и сопротивляясь, не погаснетъ, подобно свѣчѣ, распространяя послѣ себя вредныя испаренія.

Естественно, что при возможности подобныхъ чудесныхъ перемѣнъ, чувство мелкаго личнаго самолюбія и превосходства не можетъ развиваться такъ безпредѣльно, какъ это случается у насъ. У нихъ много чувства національной гордости, но только по отношенію къ иностранцамъ и это чувство ни сколько не портитъ общественныхъ отношеній одного японца къ другому. Въ Японіи, въ среднемъ выводѣ, всѣ граждане держатся того мнѣнія, что подъ властью Императора всѣ они совершенно равны. Въ Америкѣ, какъ это хорошо извѣстно, каждый считаетъ себя лучшимъ, чѣмъ его сосѣдъ; и чѣмъ ниже его общественное положеніе, тѣмъ чувство это дѣлается сильнѣе; въ лицѣ кондуктора желѣзной дороги или въ слугѣ гостинницы мы встрѣчаемся съ самымъ безусловнымъ деспотомъ въ свѣтѣ. Никакой французскій аристократъ даже до революціонной эпохи не позволилъ бы себѣ такъ смотрѣть или обращаться

со своими рабами, какъ это дѣлаетъ американскій кондукторъ и служащій въ гостинницѣ съ невиннымъ, но дрожащимъ путешественникомъ. Революція во Франціи пролила бы въ десять разъ больше крови при подобныхъ отношеніяхъ.

У насъ въ Англіи, строго говоря, не существуетъ отдѣльныхъ личностей. Все населеніе раздѣлено на неизмѣнныя соціальныя касты, между которыми роль Брамина играетъ финансистъ, роль Паріи—солдатъ. У насъ есть чувство національной гордости, но оно почти совсѣмъ поглощено гордостью касты. Въ общемъ, изъ этихъ трехъ отношеній къ человѣчеству вообще и въ частности, я предпочитаю японское.

Самодержавное правительство съ настоящимъ демократическимъ устройствомъ народа гораздо лучше, чѣмъ демократическое правительство съ обществомъ, раздѣленнымъ на рядъ слоевъ, самодержавныхъ по отношенію къ низшимъ и раболѣпныхъ къ высшимъ, какъ въ Англіи или раболѣпныхъ къ низшимъ и самодержавныхъ къ вызшимъ. какъ въ Америкѣ.

То же самое съ моей пріятной привиллегіей прогуливаться безъ шляпы, не возбуждая этимъ никакого надоѣдливаго любопытства. Это служитъ скорѣе внѣшнимъ и нагляднымъ признакомъ того, что японцы освободились отъ той узкой нетерпимости, которая считаетъ за личное оскарбленіе, если кто-либо живетъ, дѣйствуетъ и выглядитъ не такъ, какъ его сосѣди. Но это происходитъ не по той причинѣ, что наши союзники лишены любопытства. Отъ этого очень далеко. Если, кто-либо попробуетъ присѣсть у дороги съ цѣлью зарисовать что-нибудь, онъ скоро убѣдится, что этимъ качествомъ они обладаютъ въ полной мѣрѣ. Но они не настолько глупы, чтобы бросить хотя бы только одинъ любопытный взглядъ на подобные пустяки, какъ особенность въ одеждѣ или ея употребленіи. Дѣйствительно, это любопытство было бы странно въ странѣ, гдѣ встрѣчаются на улицахъ костюмы всевозможныхъ періодовъ, начиная отъ ранняго періода Плантагенстовъ и кончая современнымъ костюмомъ члена парламента, порою даже на одномъ и томъ же лицѣ.

Что касается до японскаго обѣда, то я откровенно сознаюсь, что чувство полной и никѣмъ не стѣсняемой свободы, которыми они такъ отличаются, служатъ полнымъ вознагражденіемъ за недостаточныя и миніатюрныя блюда, подаваемыя съ неправильными промежутками времени въ ихъ игрушечныхъ домахъ. Но за то, тамъ все такъ восхитительно просто и удобно. Это не бѣда, если Вы опоздаете къ обѣду на полчаса или даже часъ, никто не обратитъ на это никакого вниманія, всѣ будутъ сидѣть и продолжать обѣдъ. Вамъ же самимъ будетъ легко догнать ихъ, отказавшись отъ какого-нибудь сиропа изъ морскихъ водорослей, жареннаго листа папортника, кусочка сахарнаго леденца или вообще отъ первыхъ двухъ блюдъ, каковы бы они не были. Цѣлый рядъ крошечныхъ кушаній подается маленькими, пикантными дѣвушками и когда маленькія, лакированныя скамеечки, служащія вмѣсто столовъ полны, кушанья уносятся вмѣстѣ съ ними. Заставлять ѣсть гостя, несмотря на его сопротивляющійся апетитъ такъ же рѣдко приходитъ въ голову хозяину, какъ просить гостей ѣсть поменьше. Въ общемъ это видоизмѣненіе западныхъ обычаевъ можетъ быть только привѣтствуемо.

Кромѣ того, никто не привязанъ къ своему мѣсту. Въ любое время пиршества каждому дозволяется встать съ мѣста, прогуляться и выкурить папиросу или выпить за чье нибудь здоровье въ другомъ концѣ комнаты или даже перемѣнить свое мѣсто за столомъ. Боже мой! За одну только эту привиллегію можно бы было охотно заплатить 500 рублей въ ночь въ Лондонѣ. Въ заключеніе, что можетъ быть наиболѣе важно, развлеченія, бѣсѣды и удовольствія лежатъ на обязанности цѣлой компаніи хорошенькихъ дѣвушекъ, подрядившихся прогонять скуку отъ гостей по столько то съ головы и по стольку то въ часъ. Это не неповоротливыя любительницы въ ихъ обязанностяхъ, какъ многія женщины на свѣтѣ, а подготовленныя съ дѣтства для ихъ деликатнаго и труднаго назначенія. Въ Англіи все зависитъ отъ хозяйки. Только она одна вмѣстѣ съ ея помощникомъ поваромъ могутъ или оставить въ гостѣ хорошее впечатлѣніе отъ обѣда или испортить послѣдній. Хозяйка, поль-

зующаяся хорошимъ здоровьемъ, отличнымъ настроенiемъ духа и нелишенная необходимыхъ умственныхъ достоинствъ и опытности можетъ мгновенно превратить скучающее и многочисленное общество людей въ самое веселое и разговорчивое. Ея энергiя и воля, примѣняемая въ ея собственномъ домѣ, обладаютъ волшебнымъ свойствомъ и съ ихъ помощью она можетъ двигать горы, даже горы людей. Но всему есть предѣлъ и восемь человѣкъ, вотъ вѣроятный предѣлъ ея дѣйствiя на разстоянiи.

Въ Японiи имѣется хозяйка для каждаго гостя. Гейши, кто бы онѣ не были, очень молодыя и прелестныя хозяйки, и каждая изъ нихъ старается увеличить успѣхъ пиршества, какъ будто бы она сама его учредительница, Если кто-нибудь изъ гостей кажется скучнымъ и забытымъ, даже если онъ самый безобразный, старый и ничѣмъ не выдающiйся человѣкъ, гейши, одна за другой принимаются за него, пока одной изъ нихъ не удается ускорить его вялый пульсъ и къ его собственному удивленiю, вовлечь его въ веселую, кокетливую болтовню. Я слышалъ, что не всѣ гейши такъ предупредительны и готовы къ самопожертвованiю; нѣкоторыя изъ нихъ, говорятъ, очень избалованы, сердятся, много о себѣ воображаютъ и даже показываютъ видъ, что Вы имъ надоѣли. На это я могу возразить только одно, что я никогда не встрѣчалъ такого рода гейшъ. Я думаю, что онѣ восхитительныя собѣсѣдницы, полны такта и находчивы въ своихъ возраженiяхъ. Два вечера тому назадъ за обѣдомъ я долго занимался флиртомъ съ молодой особой, называвшейся Цвѣтущая Змѣиная Трава. При прощанiи я высказалъ ей мое глубокое ею восхищенiе. Она отвѣтила, что ея имя въ переносномъ смыслѣ означаетъ такъ же Британское Владѣнiе и что во все будущее время она будетъ пользоваться имъ только въ этомъ его значенiи.

Я полюбопытствовалъ какъ то впослѣдствiи спросить у одного изъ выдающихся языковѣдовъ можетъ ли графическое изображенiе ея имени имѣть двойное значенiе и мнѣ объяснили, что это произойдетъ отъ незначительной лишней черточки.

На другомъ обѣдѣ, который давалъ одинъ изъ самыхъ

выдающихся людей, имя котораго я уже имѣлъ смѣлость упоминать, я былъ пораженъ ужасомъ, когда мой хозяинъ самымъ серьезнымъ образомъ началъ извиняться за отсутствіе между прислуживающими за обѣдомъ гейшами О-Сузатъ-Санъ или иначе достопочтенной госпожи Воробей. Я воскликнулъ: „Гдѣ Вы, Ваше Превосходительство, слышали эту исторію"? „Какъ же, я читалъ ее въ японскихъ газетахъ; онѣ полны ею".

Я на самомъ дѣлѣ былъ испуганъ, что и отразилось на выраженіи моей физіономіи. Видя это, моему хозяину угодно было разразиться смѣхомъ и добавить, что онъ только хотѣлъ заинтересовать меня. Во всякомъ случаѣ въ этой исторіи не было ничего особеннаго, и она заинтересовала собою Токіо только потому, что главныя дѣйствующія лица ея, исключая меня самого, были всѣмъ хорошо извѣстны. Достопочтенная госпожа Воробей, одна изъ самыхъ красивыхъ дѣвушекъ на свѣтѣ, сѣющихъ повсюду раздоръ, начиная съ тѣхъ временъ, когда изъ за Елены Троянской жгли города. Мнѣ захотѣлось однажды сказать ей комплиментъ, для уразумѣнія котораго ея знанія англійскаго языка было недостаточно. Поэтому я обратился съ просьбой къ одному изъ почтенныхъ морскихъ офицеровъ, гордящемуся свободнымъ знаніемъ языка, перевести ей слѣдующее: „Я желалъ бы, высокопочтенная госпожа Воробей, имѣть роскошную золотую клѣтку, чтобы посадивъ васъ въ нее, увезти съ собой домой". Мой флотскій другъ отвѣтилъ мнѣ: „Конечно, я могу перевести это вполнѣ свободно". Вслѣдъ за этимъ онъ сказалъ что-то этой маленькой особѣ, послѣ чего ея лицо затуманилось; она сдѣлалась очень молчаливой и воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы уйти отъ меня. Впослѣдствіи одинъ изъ японскихъ генераловъ спросилъ меня, знаю-ли я, какъ былъ переведенъ мой комплиментъ. Я отвѣтилъ „нѣтъ" и онъ передалъ мнѣ, что дѣйствительный переводъ былъ таковъ: „Такъ какъ вы воробей, то я желалъ бы, чтобы вы заперли себя въ ящикъ". Вотъ каковы бываютъ послѣдствія, если солдатъ въ разговорѣ съ дамами избираетъ своимъ посредникомъ моряка!

Токіо, апрѣля 30-го (н. ст.) 1904.—Сегодня я получилъ номеръ одной вліятельной французской газеты со статьей извѣстнаго писателя, описывавшаго интервью со мной. Газета была отъ 13-го марта, и такъ называемое интервью должно было произойти или въ Средиземномъ или въ Красномъ морѣ, незадолго до или сейчасъ же спустя объявленія войны. Это доказываетъ, какъ нужно быть осторожнымъ.

Доброе судно Armand Béhic, на которомъ я путешествовалъ, было полно въ то время французскими офицерами и чиновниками и я могъ думать, что это было вполнѣ безопасное мѣсто для открытаго высказыванія моихъ мыслей, коль скоро они ни коимъ образомъ не опровергали непобѣдимость союзниковъ Франціи. Однако я, кажется, сдержалъ себя достаточно и только слегка коснулся моихъ идей, потому что въ статьѣ репортера имѣется касательно ожидаемой войны только слѣдующее: „Если бы мы жили въ то время, когда массы противуставлялись массамъ, я не минуты бы не сомнѣвался въ неминуемомъ сокрушеніи японцевъ. Русская армія, стѣна неустрашимыхъ людей. Къ несчастью для нея, какъ мы узнали на собственномъ опытѣ, война теперь больше не ведется противуставляя огню врага валы драгоцѣннаго человѣческаго мяса. Сила сопротивленія и побѣда зависятъ отъ стрѣлка, содѣйствующаго сколь возможно самостоятельно, сознательно и дисциплинированно выполненію общаго плана. Буры обладали этимъ индивидуальнымъ развитіемъ; но имъ не доставало дисциплины. Я думаю, что японскіе солдаты обладаютъ и тѣмъ и другимъ. Они могутъ приготовить сюрпризы своимъ храбрымъ противникамъ“.

ГЛАВА IV.

Изъ Токіо къ Ялу.

Пароходъ Суминойэ Мару (Suminoye Maru), мая 14-го (н. ст.) 1904 г.—Tout vient à point à qui sait attendre *). Наконецъ мы отплыли, сопровождаемые большой толпой избраннаго Токійскаго общества послѣ устроенныхъ намъ торжественныхъ проводовъ. Мы выѣхали изъ столицы 30-го апрѣля н. ст. и къ полудню слѣдующаго дня прибыли въ Шимоносеки (Shimonseki). Весь этотъ нашъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ напоминалъ намъ предвыборное путешествіе политическаго дѣятеля въ Англіи, если переполненныя толпой станціи, депутаціи, молодыя дамы съ букетами могутъ сдѣлать Востокъ похожимъ на Западъ.

Вполнѣ вѣроятно будетъ предположить, что если представители власти, явившіеся пожелать счастливаго пути иностраннымъ офицерамъ и ученики школъ, разставленные шпалерами вдоль платформъ, присутствовали тамъ по спеціальному приказанію, то тамъ находилось такъ же много частныхъ лицъ изъ любопытства или любезности. Впереди всѣхъ находились дамы общества Краснаго Креста, среди которыхъ много было женъ офицеровъ изъ дѣйствующей арміи. Толпа отличалась необыкновенно сдержаннымъ энтузіазмомъ и пѣла-ли она воинственную пѣсню, плясала-ли или рукоплескала, постоянная ея при этомъ сдержанность удивляла меня больше всего. Тамъ не допускалось ни одного подвыпившаго малаго, который въ Европѣ имѣетъ обыкновеніе портить всеобщее настроеніе своимъ лошадинымъ ржаніемъ-хохотомъ.

*) «Терпѣніе и трудъ все перетрутъ».

Мы прибыли въ Шимоносеки 2-го и выѣхали дальше въ полдень 3-го. Какъ разъ передъ отъѣздомъ мы получили изъ Токійскаго главнаго штаба телеграмму о сраженіи на р. Ялу. Хотя мы и сходимъ почти съ ума отъ досады, что пропустили это сраженіе, все-таки это извѣстіе было пріятнымъ напутствіемъ для насъ, англичанъ, и я былъ особенно порадованъ телеграммой отъ одного моего стариннаго пріятеля, которая гласила: «И такъ все-таки дѣло сдѣлали орудія большого калибра... лучшія поздравленія». Это относилось къ высказаннымъ мною на обѣдѣ у генерала Кодамы, взглядамъ что тяжелыя орудія должны имѣть большое значеніе. Весьма забавно припомнить, что въ то время, когда я защищалъ необходимость употребленія на войнѣ тяжелыхъ орудій, болѣе могущественныхъ, чѣмъ обыкновенныя полевыя, и даже сильно увлекся этой темой, высшіе штабные японскіе офицеры должны были меня выслушать и возражать мнѣ съ чисто академической точки зрѣнія, тогда какъ имъ должно было быть отлично извѣстно о предполагавшемся употребленіи этихъ орудій въ предстоящемъ бою. Я полагаю, что это были 12-сант. мортиры. Мы не должны бы называть ихъ тяжелыми орудіями, но маленькія лошади японцевъ заставляютъ приблизить ихъ къ болѣе легкому типу.

Теперь мы съ удобствомъ плывемъ на Суминойэ Мару, военномъ транспортѣ въ 884 тонны водоизмѣщенія. Капитанъ парохода кажется славнымъ малымъ; большую часть своей молодости онъ провелъ на парусномъ суднѣ изъ Глазго. Въ знакъ вниманія къ союзу, онъ поднялъ большихъ размѣровъ британскій флагъ на передней мачтѣ. Я думалъ до сихъ поръ, что на подобную честь можетъ разсчитывать только генералъ-адмиралъ или кто-либо другой особо выдающійся во флотѣ; но я не былъ въ состояніи уяснить себѣ существующія для японскаго военнаго транспорта положенія, когда какія почести онъ обязанъ или не имѣетъ права отдавать. Во всякомъ случаѣ экипажъ находящихся въ порту британскихъ кораблей этимъ сильно наэлектризовался, высыпалъ толпами на палубы и оживленно привѣтствовалъ насъ.

Въ устьѣ пролива мы прошли въ нѣсколькихъ ярдахъ отъ большаго германскаго почтоваго парохода, направлявшагося въ Шимоносеки. Человѣкъ на мостикѣ и экипажъ видимо недоумѣвалъ, какъ къ. намъ отнестись. Англійскіе же пассажиры, находящіеся на борту, видя нашъ развѣвающійся флагъ на передней мачтѣ японскаго военнаго транспорта, послали намъ вслѣдъ громкій британскій кличъ, ввидѣ послѣдняго привѣтствія при нашемъ отъѣздѣ. Лучшаго предзнаменованія и желать было невозможно.

Наше общество состояло изъ: подполковника Юма (Hume) артиллериста; капитана Жардаинъ (Jardine) 5-го уланскаго полка; капитана Винцента (Vincent), тоже артиллериста. Послѣдній долженъ былъ присоединиться къ намъ въ Чемульпо (Chemulpho). Далѣе два американца: полковникъ Кроудеръ (Crowder) и капитанъ Марчъ (March), артиллеристъ. Кромѣ нихъ тамъ же находились восемь офицеровъ съ континента, два француза, два нѣмца, одинъ швейцарецъ, одинъ австріецъ, одинъ итальянецъ и одинъ шведъ. Нашими т. ск. „вожаками медвѣдей“ были, полковникъ Сатоу (Satow), говорящій по французски японскій артиллерійскій офицеръ и капитанъ маркизъ Сайго (Saigo). офицеръ Императорской Гвардіи, говорившій немного по нѣмецки. Посему я предвижу, что англійскій языкъ врядъ ли будетъ употребляться какъ во время самаго путешествія такъ, можетъ быть, и послѣ него.

Наше общество было посажено на пароходъ ввидѣ служебнаго цѣлаго, снабженнаго всѣмъ необходимымъ. Мы имѣли съ собой на кораблѣ нашъ багажъ, обозныя повозки и лошадей, погонщиковъ и т. п. Тамъ же находились наши верховыя лошади и продовольствіе на двухнедѣльный срокъ. Если бы въ случаѣ затруднительнаго положенія намъ пришлось бы высадиться на берегъ, то мы были бы снабжены всѣмъ необходимымъ и могли бы продолжать свое движеніе безъ потери времени.

Суминойэ Мару, мая 6-го (н. ст.).—Вчера прибыли въ Чемульпо и бросили якорь рядомъ съ остатками Корейца и Сунгари, миновавъ сперва Варяга, блестящій бортъ котораго, выдаваясь изъ мелкой воды отлива, казался частью

тѣла какого-то огромнаго мертваго морского чудовища. Я надѣлъ этимъ утромъ свою саблю и зашелъ къ британскому консулу, потомъ позавтракалъ въ маленькой гостиницѣ, содержимой французомъ и его женой-японкой. Корейцы кажутся очень похожими на Кашмирцевъ. Тѣ же грязныя, бѣлыя одежды; та же выносливость подъ тяжестью огромной ноши; та же бычачья привычка къ понуканію со стороны людей высшей энергіи. Примѣровъ мы видѣли достаточно, даже во время нашей непродолжительной остановки, продолжавшійся немного больше часа. Возвращаясь назадъ, я былъ такъ неосторожен, что оступился, пробуя прыгнуть со шлюпки на трапъ. Я отчаянно взмахнулъ руками, падая внизъ, и ухватился за крѣпкую руку Полковника Сатоу, вмѣсто соломинки, какъ говорится въ пословицѣ. Это было очень ловко съ его стороны и спасло меня отъ купанья во всякомъ случаѣ,

Чиннампо Гавань, мая 17-го (н. с.), 1904.—Двигаясь въ сѣверномъ направленіи при тихой погодѣ, мы этимъ утромъ достигли устья р. Пингъянга (Pingyang). По правдѣ говоря, мы пришли къ этому заключенію послѣ тщательнаго изученія картъ и послѣ трудныхъ вычисленій. Странно путешествовать подобно Колумбу или Кортецу, взирая на каждый мысъ съ дикими предположеніями, гдѣ мы находимся. Однако это было совсѣмъ такъ, ибо молчаливые японцы, какъ мы ни старались войти къ нимъ въ довѣріе, всегда отказывались сообщить намъ о мѣстѣ нашего назначенія. Наши подозрѣнія усилились, когда мы увидали миноноску, скользившую подобно сѣрому привидѣнію среди многочисленныхъ островковъ. Она быстро приблизилась къ намъ и, удовлетворившись своимъ изслѣдованіемъ, такъ же быстро удалилась. Асагири (Asagiri) или Утренній Туманъ было ея названіе, и она исчезла подобно призраку въ утреннемъ туманѣ, откуда она такъ внезапно появилась. На обоихъ берегахъ рѣки возвышались одинъ за другимъ зеленыя, безлѣсныя горы, а далеко впереди мы съ удивленіемъ увидѣли густой, грязный дымъ, какъ бы дѣловито висѣвшій на голубомъ уборѣ ранняго утра. Дымъ этотъ могъ подниматься надъ Нагасаками или Вей-хай-веемъ, мы не могли

съ точностью опредѣлить его мѣсто. Оказалось же, что онъ висѣлъ надъ Чинанпо (Chinanpo), въ гавани котораго мы вскорѣ очутились. Дымъ этотъ шелъ отъ девятнадцати транспортовъ въ числѣ которыхъ было нѣсколько большихъ океанскихъ пароходовъ. Всѣ эти транспорты были биткомъ набиты войсками. На борту транспортовъ находились 1-я артиллерійская бригада, 15-мъ полкомъ которой командовалъ мой личный другъ полковникъ Шиба (Shiba). Кромѣ того тамъ же находилась масса пѣхоты, входящей въ составъ Второй Арміи. Всѣ эти войска направлялись въ Манчжурію, какъ насъ объ этомъ увѣдомили, но куда именно, ни одинъ японецъ не посмѣлъ бы даже высказать предположеніе. Я слышалъ, что мы не будемъ высаживаться на берегъ; и такъ, пока нашъ пароходъ легъ на нѣкоторое время въ дрейфъ, ко мнѣ вновь возвращается мое уравновѣшенное, спокойное настроеніе, позволяющее мнѣ записать кое-что изъ моихъ впечатлѣній.

Съ тѣхъ поръ, какъ я выѣхалъ изъ Чемульпо, мнѣ удалось собрать очень немного свѣдѣній о дикой и уединенной Кореѣ отъ Винцента, присоединившагося къ намъ послѣднимъ. Онъ провелъ въ Кореѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ и посвятилъ меня во все пережитое имъ въ этой оригинальной странѣ. Въ его похожденіяхъ туземцы, казалось, не играли большой роли, и ихъ образъ какъ бы блѣднѣлъ передъ болѣе энергичными и предпріимчивыми женами японскихъ генераловъ, миссіонеровъ обоихъ половъ и американскими золотоискателями. Оказалось, что мы съ Винцентомъ встрѣчались не только въ Южной Африкѣ, гдѣ намъ посчастливилось служить вмѣстѣ и исколесить съ востока до запада весь Западный Трансвааль, но также и послѣдней осенью въ гостинницѣ Монреаля въ Канадѣ, гдѣ я принималъ депутацію безбородыхъ „ветерановъ“, а онъ былъ на пути въ Японію на два года. Наша британская компанія теперь въ полномъ составѣ, и всѣ три рода войскъ имѣютъ своихъ представителей. Я трижды счастливъ, имѣя такихъ хорошихъ товарищей, готовыхъ прійти ко мнѣ на помощь во время неизвѣстныхъ намъ приключеній, съ которыми, можетъ быть, придется встрѣчаться. Вин-

центъ и Жардайнъ оба изучали японскій языкъ и знаютъ его настолько, чтобы видѣть вокругъ себя, такъ сказать, однимъ глазомъ, въ сравненіи съ остальными нами, совершенно слѣпыми. Мысль, прикомандировывать молодыхъ офицеровъ, уже имѣющихъ нѣкоторое знакомство съ Востокомъ, къ японской арміи во всѣхъ отношеніяхъ превосходна. Можно только пожалѣть, что она не приводится въ исполненіе въ масштабѣ, разъ въ десять превосходящемъ существующій. Для офицеровъ, которымъ придется впослѣдствіи имѣть много дѣла съ азіатами, не можетъ быть лучшей школы, какъ потратить небольшую часть ихъ жизни на изученіе азіатскаго характера въ положеніи подчиненнаго, а не начальника; въ качествѣ незамѣтнаго подчиненнаго, а не недоступнаго Саиба. Очень немногіе посвящаютъ достаточно труда, чтобы изучить недостатки или даже чувства своихъ подчиненныхъ, не смотря на то, что всѣми признается, насколько это становится важнымъ дѣломъ, когда приходится заботиться о возбужденіи къ себѣ любви и уваженія. Двѣ совершенно разныя вещи, быть ли капитаномъ въ полку Сикховъ или Гуркасовъ, гдѣ съ вами должны очень и очень считаться, или же быть прикомандированнымъ къ японскому полку, гдѣ вы можете разсчитывать только на то, что заслуживаютъ ваше поведеніе и хорошія манеры. Въ Индіи британскій офицеръ видитъ свое превосходство надъ восточной расой, въ Японіи же онъ учится находить, что Востокъ можетъ дать Западу. Съ военной точки зрѣнія британскимъ офицерамъ представляется превосходный случай работать съ прекрасной арміей, сильной какъ разъ въ томъ отношеніи, въ которомъ слаба ихъ собственная, т. е. въ отношеніи ея однородности и организаціи. Кромѣ того, присутствіе нѣкотораго числа британскихъ офицеровъ въ японской арміи способно сдѣлать ея офицеровъ немного менѣе farouche по отношенію къ британцамъ. Я имѣлъ время удостовѣриться въ несомнѣнно досадномъ явленіи, что японская армія по ея типу и образованію скорѣе германская или французская, но во всякомъ случаѣ не англійская. Дѣйствительно, можно подтвердить съ увѣренностью, что военный прогрессъ въ Японіи гораздо

меньше подвергся англійскому вліянію и симпатіямъ, чѣмъ остальная область мысли. А къ несчастью армія представляетъ собою первое изъ всѣхъ общественныхъ учрежденій, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и по важности ея назначенія. Для обыкновеннаго же путешественника или же жителя Японіи, вслѣдствіе ихъ взглядовъ и идей, армія остается закрытой книгой.

Возвращаюсь къ Винценту и его похожденіямъ въ Кореѣ. Какъ кажется, онъ нашелъ время съ октября мѣсяца дважды посѣтить Корею. Онъ прибылъ въ Фузанъ въ послѣдній день 1903 года и провелъ тамъ и въ Чемульпо три недѣли. Въ мартѣ 1904 года онъ вновь пересѣкъ море на извѣстномъ увеселительномъ пароходѣ Гаймунъ (Haimun) газеты „Times", гдѣ ему пришлось быть въ обществѣ, которое онъ называетъ: „невѣроятное смѣшеніе разнообразныхъ странныхъ типовъ". Въ этотъ разъ онъ достигъ до Пингъянга (Pingyang). Я задалъ ему обыкновенный, безнадежный вопросъ, который способенъ смутить возвратившагося путешественника, и получилъ отвѣтъ лучшій, чѣмъ я заслуживалъ. На вопросѣ, какого онъ мнѣнія о Кореѣ, онъ легко вышелъ изъ затрудненія, указавъ мнѣ на стоявшаго въ гавани угольщика, выкрашеннаго въ бѣлый цвѣтъ и вооруженнаго нѣсколькими старинными пушками. Это судно напоминало ворону въ старинной баснѣ, вырядившуюся въ павлиньи перья. Онъ прибавилъ: „Бѣдная, старая Корея! До чего дошла она, что это судно, навязанное имъ японцами, должно составлять весь ихъ военный флотъ. Этотъ наиболѣе типичный примѣръ доказываетъ полную безпомощность какъ ея правительственной дѣятельности, такъ и всей націи, начиная отъ Императора и до послѣдняго „кули".

Потомъ, когда я началъ распрашивать его о Сеулѣ, онъ отвѣтилъ: „Если-бы только четверть того труда, который былъ потраченъ на сооруженіе внѣшнихъ валовъ, была употреблена на постройку домовъ и улицъ, то Сеулъ былъ бы вполнѣ приличнымъ городомъ". По моему мнѣнію этотъ отвѣтъ даетъ гораздо болѣе удовлетворительное представленіе о дѣйствительной картинѣ Сеула

чѣмъ самое подробное описаніе всей его нищеты, грязныхъ хижинъ и истощенія, только для вида прикрытыхъ блестящимъ покровомъ. Городъ, говорилъ онъ, представлялъ собою какъ бы кипящій котелъ интригъ и сплетенъ. Еще задолго до начала войны въ городѣ распространился слухъ, что люди-гиганты на такихъ же огромныхъ лошадяхъ, все увеличиваясь въ числѣ, двигаются черезъ замерзшую рѣку Ялу въ южномъ направленіи, а тысячи желтолицыхъ карликовъ съ лицомъ, обращеннымъ къ сѣверу, прокрадываются къ открытымъ портамъ, пользуясь всѣми джонками и мирными купеческими кораблями, неся на себѣ мѣшки съ ружьями и военной одеждой. Даже про самыхъ уважаемыхъ японскихъ генераловъ говорили, что они, искуссно переодѣвались въ платье кули, усердно таскали на себѣ тяжести въ докахъ до того времени, когда грохотъ пушекъ долженъ былъ воскресить ихъ во всеоружіи и во главѣ ихъ пылкихъ войскъ. Предполагали, что одинъ изъ этихъ переодѣтыхъ генераловъ долженъ былъ быть Куроки, штабъ арміи котораго представляетъ въ настоящую минуту нашу завѣтную мечту и цѣль. Винцентъ имѣетъ преимущество надъ большей частью изъ насъ, такъ какъ уже знакомъ съ нимъ. Какъ разъ около того времени, когда въ Сеулѣ ходили толки о таинственномъ прибытіи Куроки въ Корею, одинъ изъ его сыновей, личный другъ Винцента, ввелъ его въ частный домъ генерала въ Токіо. Со всего семейства Куроки какъ разъ въ то время снимали фотографію въ память его отъѣзда, уже въ то время рѣшеннаго. Куроки принялъ Винцента самымъ привѣтливымъ образомъ и настоялъ, чтобы открыли бутылку съ виски въ честь торжественнаго событія. Трудно было себѣ представить, говорилъ Винцентъ, этого гостепріимнаго, стараго человѣка, одѣтаго въ домашній „кимоно“ и туфли, предводителемъ лучшихъ японскихъ воиновъ, выступившихъ противъ великой или во всякомъ случаѣ, самой большой арміи въ свѣтѣ.

Среди другихъ интересныхъ впечатлѣній, Винценту удалось видѣть высадку Императорской Гвардіи какъ разъ въ этой самой гавани Чиннампо 15-го марта и въ послѣдую-

щіе дни. Въ это время онъ все еще былъ въ средѣ „пестраго общества“ на борту „Гаймуна“, пробивавшаго себѣ дорогу вверхъ по р. Пингъянгу среди массъ ледяныхъ глыбъ и замершаго снѣга, которыя онъ порою долженъ былъ разбивать, не имѣя другого прохода. Однако бороться приходилось не съ однѣми силами природы. Канонерская лодка „Тори-Но-Уми“ (Tori No Umi) или „Морская Птица“ и миноносецъ „Гайа Уми“ (Haya Umi) или „Быстрая Птица“ потребовали отъ „Гаймуна“ удостовѣреніе на право продолжать движеніе. Но, военный кореспондентъ, при случаѣ, способенъ побѣдить всѣ затрудненія и, въ данномъ случаѣ, любопытный „Гаймунъ“ смѣло сунулъ свой носъ прямо въ середину большого военнаго и транспортнаго флота. Однако „Гаймунъ“ дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. За капитаномъ Джемсъ была послана шлюпка, въ которой его отвезли къ флагманскому судну. Здѣсь адмиралъ сообщилъ ему, чтобы онъ къ разсвѣту слѣдующаго дня былъ бы внѣ предѣловъ гавани. Винцентъ же въ это время разсудилъ, что, пока не возникли дальнѣйшія недоразумѣнія, ему лучше высадиться на берегъ. Онъ направился къ небольшому, но на видъ гостепріимному зданію, надъ которымъ развѣвался флагъ, украшенный Полосами и Звѣздами*). Такъ обыкновенно поступаетъ всякій британецъ, не видя своего собственнаго флага. Здѣсь ему посчастливилось встрѣтиться съ агентомъ Восточнаго Консолидированнаго Горнаго Общества Капитаномъ Барстоу (Barstow), который сразу оказался ему очень полезнымъ. Лучше всего было то, что садъ этого агента примыкалъ вплотную къ военной пристани и Винцентъ могъ наблюдать изъ этого священнаго мѣста всю работу выгрузки войскъ, не рискуя никакой помѣхой или арестомъ. Онъ сообщилъ мнѣ слѣдующее.

Каждый транспортъ, кромѣ обыкновеннаго количества лодокъ имѣлъ на себѣ нѣсколько большихъ плоскодонныхъ „сампановъ“, употребляемыхъ въ Японіи для береговой службы. Эти „сампаны“, сильно нагруженные, могли нести около пятидесяти человѣкъ или соотвѣтствующее количество ло-

*) Флагъ Сѣв. Ам. Соед. Штатовъ.

шадей или военнаго матеріала. Послѣ нагрузки эти „сампаны“ быстро буксировались цѣлымъ флотомъ паровыхъ катеровъ къ одной изъ четырехъ военныхъ пристаней, длиной около 150 ярдовъ. Тутъ „сампаны“ ловко привязывались двумя лодочниками, помѣщавшимися на ихъ прикрытой кормѣ. Молъ, соединявшій пристань съ берегомъ, длиною около 100 ярдовъ, состоялъ изъ деревянныхъ досокъ, утвержденныхъ на „сампанахъ“, которые въ низкую воду лежали въ грязи, а въ высокую плавали на водѣ. Такимъ образомъ сходни могли быть употребляемы безпрерывно не смотря на двадцать футовъ разницы высокой и низкой воды. По прибытіи каждаго „сампана“ люди высаживались быстро и въ порядкѣ и сразу двигались по квартирамъ въ Корейскомъ городѣ, всѣ дома котораго были приспособлены для ихъ помѣщенія. Кавалеристы выводили своихъ лошадей на берегъ, размѣщали ихъ между сосновыми деревьями сосѣднихъ холмовъ и вновь возвращались къ пристани за своими сѣдлами и прочимъ имуществомъ. Орудія выгружались чрезвычайно искусно и отвозились сразу же на рукахъ, чтобы очистить дорогу другимъ высаживавшимся войскамъ. Съ понтонами поступали подобнымъ же образомъ. Они прибывали тремя отдѣленіями, нагружались на повозки, запряженныя каждая одной лошадью. При такой великолѣпной организаціи около двадцати транспортовъ выгружались одновременно. На каждой лодкѣ имѣлось нѣсколько небольшихъ, двухъ-колесныхъ, ручныхъ телѣжекъ, которыя, по прибытіи къ пристани, составлялись вмѣстѣ, нагружались мѣшками съ рисомъ и увозились тремя, четырьмя людьми въ складъ. Такимъ путемъ устранялось загроможденіе моловъ. Дѣйствительно, наиболѣе замѣчательной особенностью всей выгрузки была та энергія, съ которой увозились и уводились съ момента высадки войска, лошади и военный грузъ, избѣгая этимъ загроможденіе проходовъ и выходовъ. Пѣхота высаживалась въ тяжеломъ походномъ снаряженіи, дѣйствительно, очень тяжеломъ съ британской точки зрѣнія. Кромѣ обыкновенной шинели синяго сукна, каждый солдатъ несъ на себѣ толстую коричневаго цвѣта шубу съ мѣховымъ овечьей

шерсти воротникомъ, красное одѣяло, ранецъ, мѣшокъ, водяную баклагу, шанцевый инструментъ, полотнище палатки, запасные башмаки, соломенныя сандаліи, маленькую корзинкусъ рисомъ, котелокъ и кромѣ всего этого конечно, ружье, поясъ съ патронными сумками и штыкъ. Британскій солдатъ жалуется, что онъ похожъ на Рождественскую елку когда на него надѣта только половина этого снаряженія; старинная исторія Преторіанской гвардіи съ ея доспѣхами. Самый превосходный обозъ не можетъ избавить отъ примѣненія для переноски тяжестей силы людей, которые не всегда могутъ сражаться, имѣя позади себя обозныя повозки. Съ другой стороны, можно впасть въ крайность и вопросъ, не перегруженъ ли, несмотря на его выносливость, японскій солдатъ всѣмъ его носимымъ имуществомъ, остается открытымъ.

Я хотѣлъ бы описать всѣ похожденія Винцента; какъ онъ отправился въ путь съ американскими чернорабочими, конвоировавшими серебро на 30.000 іенъ въ повозкахъ, запряженныхъ мулами; какъ этотъ транспортъ столкнулся съ японской полевой батареей и мѣшки съ деньгами должны были уступить дорогу орудійному металлу. Но моя каюта до невѣроятія мала, и я думаю, что онъ когда нибудь самъ напишетъ свою исторію. Ему удалось пройти 45 миль между Чиннампо и Пингъянгомъ, встрѣчая на пути тысячи двухколесныхъ повозокъ, которыя онъ видѣлъ при выгрузкѣ ихъ съ кораблей. Ихъ съ трудомъ везли маленькіе солдаты въ формѣ гвардейской пѣхоты. Это были военные кули, только вслѣдствіе ихъ маленькаго роста не принятые на службу. Каждый изъ нихъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на Винцента въ хаки и штабной фуражкѣ съ красной лентой вокругъ. Порою было трудно и даже невозможно пройти мимо многочисленныхъ войсковыхъ частей, запружавшихъ собою всю ширину, такъ называемой, дороги. Часто ему приходилось двигаться прямо полемъ безъ дорогъ, гдѣ онъ встрѣчалъ глубокія и узкія канавы съ валами и прочія досадныя препятствія. Его только что пріобрѣтенная маленькая китайская лошадь, была не гунтеръ изъ Лейчестершайра и никакъ не могла удовлетво-

рить требованіямъ Винцента. Слѣдствіемъ этого весьма часто было сожалѣніе и удивленіе со стороны цѣлой японской арміи, видѣвшей офицера въ незнакомой формѣ неустрашимо борющагося со своей лошадью. Офицеры тоже вопросительно взирали на него, въ особенности когда ему приходилось галопировать мимо штаба, завтракавшаго въ небольшей деревушкѣ. Однако никто не останавливалъ его несмотря на то, что онъ ожидалъ ареста каждую минуту. Надѣтая на немъ сабля очевидно спасала его, и вскорѣ узкая дорога вывела его на равнины Пингъянга. Онъ увидѣлъ въ этомъ направленіи городъ, расположенный на отдѣльномъ горномъ хребтѣ посреди равнины шириною въ шесть миль съ рѣкой Татонгъ (Tatong), шириною въ 400 ярдовъ, протекавшей непосредственно около города съ его восточной и южной стороны. Хребетъ этотъ имѣлъ видъ корабля со скатами, постепенно понижавшимися съ сѣвера на востокъ. Туземцы до сихъ поръ сохранили легенду, что старинный городъ былъ построенъ въ кораблѣ и что два большихъ колоннообразныхъ камня въ сѣверномъ его концѣ указываетъ на то мѣсто, къ которому когда то этотъ карабль былъ привязанъ. Можетъ быть какъ разъ здѣсь Ной присталъ со своимъ ковчегомъ? Внутри города находится памятникъ, воздвигнутый въ честь крысъ, которыя однажды вылѣзли ночью изъ города и перегрызли тетивы у луковъ осаждавшихъ его монголовъ и тѣмъ спасли городъ. Очутившись за валами города нашъ искатель приключеній еще разъ чуть было не очутился на краю гибели; и еще разъ Америка явилась къ нему на помощь въ лицѣ нѣсколькихъ благородныхъ миссіонеровъ съ чаемъ, пирожками и бисквитами, о которыхъ Винцентъ до сихъ поръ вспоминаетъ съ удовольствіемъ.

Здѣсь кончилась его независимая дѣятельность. Ему не удалось получить разрѣшенія на сопровожденіе арміи наступавшей далѣе къ Анжу (Anju) и, такимъ образомъ, ему ничего больше не оставалось, какъ сидѣть смирно въ Пингъянгѣ и наблюдать за проходившей мимо него гвардіей и Двѣнадцатой дивизіей. Кажется, онъ очень былъ пораженъ дисциплиной и образцовымъ поведеніемъ всѣхъ этихъ войскъ.

Съ помощью миссіонеровъ онъ познакомился, насколько было возможно, съ корейцами и пришелъ къ заключенію, что нѣтъ никакой надежды на ихъ самостоятельное существованіе. Въ молодости они кажутся замѣчательно понятливыми, но съ годами они теряютъ и эту способность. Отчего это происходитъ, потому ли, что они черезчуръ много курятъ, или оттого, что у нихъ нѣтъ побудительной причины для умственнаго развитія, Винцентъ не могъ рѣшить. Онъ нашелъ въ нихъ полное отсутствіе мужества и опрятности, но много добродушія и гостепріимства. Они считаютъ войну наслѣдіемъ варварства и скорѣе предпочитаютъ быть рабами, чѣмъ отказаться отъ этого удобнаго міровоззрѣнія. Послѣ недолгаго пребыванія въ Пингъянгѣ, Винцентъ получилъ приказаніе присоединиться ко мнѣ и прибылъ въ Чемульпо на бортъ корабля какъ разъ въ то время, когда я чуть было не упалъ въ море.

Рикуаго около Чульзана (Rikwaho, Chulsan), 9 ч. утра мая 9-го (н. с.) 1904 г. Тайна нашего назначенія обнаружилась въ Рикуаго, гдѣ мы высадились вчера послѣ полудня. Цѣлыя мили покрытыхъ грязью и изрѣзанныхъ извивающимися каналами равнинъ кончались пристанью и моломъ, подобно видѣннымъ Винцентомъ у Чиннампо. По близости мы увидали маленькій, уютный лагерь, разбитый на вершинѣ холма, господствовшаго надъ заливомъ, среди шотландскихъ сосенъ; это единственныя большія деревья, которыя видны вездѣ, на сколько хватаетъ глазъ. Мнѣ захотѣлось посмотрѣть, какъ могутъ ходить Юмъ (Hume), Жардайнъ и Винцентъ, и я предложилъ имъ хорошее упражненіе: взобраться на высокую гору, на вершинѣ которой былъ поставленъ сигнальный постъ изъ одного унтеръ-офицера и трехъ рядовыхъ. Вначалѣ эти люди весьма странно посматривали на насъ, но когда Жардайнъ и Винцентъ, владѣя японскимъ языкомъ, объяснили имъ, кто мы такіе, они превратились изъ осторожныхъ стражей горы въ любезныхъ хозяевъ и кончили тѣмъ, что настояли на томъ, что пожелали непремѣнно сварить намъ по чашкѣ чаю. Чай этотъ оказался совсѣмъ не чаемъ, а скорѣе кипяткомъ, въ которомъ было сварено нѣсколько зеренъ риса. Японцы

такъ любятъ чай, что, говоря о немъ, называютъ его не иначе, какъ „благородный чай“, точно такъ же какъ мы, говоря о дочери виконта. Питье это оказалось далеко не благороднымъ, однако мы увѣряли, что оно намъ очень нравится. Возвратившись назадъ въ лагерь, мы получили нашъ обѣдъ ввидѣ „бенто“, т. е. ввидѣ солдатской манерки, наполненной свареннымъ кушаньемъ. Это наше первое бенто состояло изъ небольшого, съ дессертную ложку, количества холоднаго свиного мяса, разрѣзаннаго на мелкіе кусочки, и большой порціи холоднаго риса. Я съѣлъ все, до послѣдняго зернышка риса, и впродолженіи нѣсколькихъ минутъ мнѣ казалось, что я наѣлся до отвала, но въ скоромъ времени я почувствовалъ себя еще болѣе голоднымъ, чѣмъ до обѣда. Винцентъ сообщилъ мнѣ, что рисъ, попавши въ желудокъ, увеличивается въ объемѣ, а затѣмъ снова уменьшается, какъ бы таетъ. Мнѣ кажется, что это обстоятельство не должно быть очень пріятнымъ для интендантства. Для европейца ѣсть этотъ рисъ рѣшительно то же, что ѣсть снѣжныя хлопья, въ обоихъ случаяхъ онъ получитъ совершенно одинаковое удовлетвореніе. Какъ я сожалѣлъ, что я отдалъ своему слугѣ ящикъ съ отличными бисквитами, подаренный мнѣ комендантомъ порта при отъѣздѣ!

Антунгъ (Antung), мая 13-го (н. с.) 1904 г. Порядочно пришлось мнѣ попутешествовать со времени моихъ послѣднихъ записокъ, и я хочу воспользоваться свободнымъ получасомъ, чтобы набросать кое что въ мой дневникъ. На слѣдующій день послѣ нашей высадки на берегъ, наша веселая кавалькада, состоявшая изъ всевозможныхъ мундировъ Европы, въ порядкѣ двигалась по фашинной дорогѣ, которую японцы съ безконечнымъ трудомъ проложили по болотистымъ рисовымъ полямъ. Дорога эта предназначалась для доставки мортирнаго полка на Ялу.

Мѣстность представляетъ собою зеленые холмы вперемежку съ широкими долинами, что то среднее между Шотландіей и центральной Азіей. Долины широки, обильно орошены и плодородны. Холмы, покрытые кое гдѣ группами елей, въ обыкновенное время должны представлять хорошее пастбище для скота; но я думаю, что скотъ этотъ уже

попалъ въ желудки казаковъ, потому что на всемъ нашемъ пути мы не видѣли и признака стадъ. Пріятно было видѣть вездѣ вокругъ сливовыя и грушевыя деревья въ полномъ цвѣту. Эту ночь мы провели въ корейскомъ домѣ, который оказался несравненно грязнѣе тѣхъ хижинъ, въ которыхъ я укрывался отъ холода много лѣтъ тому назадъ и принадлежавшихъ близкимъ родственникамъ корейцевъ по крови. Этотъ народъ, по имени Балтисъ (Baltis), живетъ къ сѣверу отъ Кашмира. Они совершенные двойники корейцевъ не только по внѣшнему виду и манерамъ, но насколько я могу судить, и по характеру. Въ видѣ обѣда, съ грустью долженъ замѣтить, я вновь получилъ полную тарелку риса съ примѣсью небольщого количества свинины для вкуса. Хлѣбъ, овощи, чай, сахаръ и соль видимо относятся къ давно прошедшимъ сновидѣніямъ; однако насъ обнадежили, что чай, сахаръ и соль мы получимъ къ слѣдующему дню. По этому случаю, намъ пришлось ограничиться кипяткомъ, напиткомъ, вызывающемъ въ памяти барынь, страдающихъ несвареніемъ желудка, или же дымящіеся стаканы грога.

На слѣдующій день мы продолжали наше движеніе по такой же мѣстности, какъ наканунѣ, и безъ всякихъ приключеній. Какъ разъ въ этотъ день мы впервые замѣтили, что наши „вожаки медвѣдей“, подполковникъ Сатоу и капитанъ маркизъ Сайго, чрезвычайно опасались, чтобы мы не увидѣли того, чего намъ видѣть не полагалось. Ихъ даже подозрѣвали въ томъ, что они нарочно дали крюку въ цѣлую милю, чтобы не дать намъ встрѣтиться съ ранеными солдатами съ передовыхъ позицій, которыхъ несли на носилкахъ корейскіе кули. Я надѣюсь и увѣренъ, что когда мы будемъ имѣть дѣло съ высшими офицерами, они не будутъ доводить скрытность до такихъ крайностей! 2-го числа нашъ путь пролегалъ по болѣе гористымъ и лѣсистымъ холмамъ, представляющимъ рядъ позицій, гдѣ горсть буровъ могла бы задержать наступленіе цѣлой арміи. Странно, что казаки не использовали эту благопріятную обстановку! Мы встрѣчали много двухколесныхъ повозокъ, везомыхъ тремя маленькими японцами, а также тысячи корейцевъ-кули, съ мѣшками риса на плечахъ.

Всѣ деревни, по обѣимъ сторонамъ дороги, были сожжены отступившими казаками, чтобы лишить такимъ образомъ прикрытія наступающія японскія войска. Я сомнѣваюсь, стоитъ ли терять время на подобныя предпріятія, будь то въ Кореѣ или Южной Африкѣ. Конечно, эти черныя развалины придавали окружающей мѣстности унылый характеръ. Это впечатлѣніе усиливалось еще болѣе при видѣ корейцевъ, у которыхъ ограбили скотъ. Несчастные люди сами запрягались въ плуги и безъ особеннаго успѣха старались вспахать свою землю. Однако, одинъ изъ нихъ оказался болѣе счастливымъ. Онъ производилъ чудеса, глубоко бороздя землю съ помощью коровы и осла, запряженныхъ вмѣстѣ въ плугѣ. Подходя ближе къ долинѣ Ялу, намъ пришлось пересѣкать цѣлый рядъ ущелій, поросшихъ великолѣпнымъ лѣсомъ шотландскихъ сосенъ. Приблизительно за четыре мили до Виджу (Widju), мы переправились черезъ послѣднее такое ущелье и, устремивъ наши взгляды къ сѣверу, увидѣли по другой сторонѣ широкой Ялу Манчжурскія горы, тянувшіяся однѣ за другими насколько видѣлъ глазъ. Красота природы и видъ этой исторической рѣки возбудили во мнѣ энтузіазмъ. Я сталъ махать въ воздухѣ моей фуражкой и закричалъ: „банзай!“ къ немалому удовольствію нашего японскаго конвоя, который тоже скоро уяснилъ себѣ значеніе великолѣпнаго вида, развертывавшагося у нашихъ ногъ, подобно развернутой картѣ.

Съ нашегс мѣста р. Ялу казалась намъ раздѣленной на нѣсколько рукавовъ, протекавшихъ по совершенно плоской равнинѣ бѣлаго песка, шириною около 3 миль. Къ сѣверу отъ этой равнины подымались поросшіе травой или скалистые холмы, высотой отъ 500 до 600 футовъ. Позиція эта производитъ впечатлѣніе очень сильной и неприступной. Мы двигались въ направленіи къ Виджу и вскорѣ встрѣтились съ первымъ примѣромъ Японскихъ тактическихъ ухищреній. Дорога, по которой мы слѣдовали, была открыта взорамъ русскихъ съ противуположной стороны рѣчки, и посланный туда съ хорошимъ биноклемъ офицеръ могъ составить отчетливое представленіе о томъ, сколько японскихъ войскъ

прибыло за день въ долину Ялу. Чтобы воспрепятствовать этому, японцы призвали на помощь лѣса. Макбетъ не могъ быть болѣе пораженъ, видя Бирнамскій лѣсъ двигающимся къ Дунсинану, чѣмъ поразились русскіе, замѣтивъ однажды утромъ внезапно выросшую великолѣпную аллею изъ большихъ сосенъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Работа произведена была очень тщательно. Не маленькія деревца или незамѣтные кустики, а красивая аллея тѣсно посаженныхъ большихъ лѣсныхъ деревьевъ выросла по обѣимъ сторонамъ дороги, аллея, которая могла бы сдѣлать честь даже самому искусному агенту по продажѣ домовъ. Эта аллея вывела насъ къ нашему ночлегу Виджу, чрезвычайно грязному городу, расположенному въ непролазной грязи на лѣвомъ берегу рѣки, образующей здѣсь большую впадину. Насъ помѣстили въ корейскомъ театрѣ. Самое сильное впечатлѣніе, оставшееся у меня отъ этой ночи, была моя радость и благодарность за пять яицъ, подаренныхъ мнѣ губернаторомъ города. Какъ я припоминаю, я уничтожилъ ихъ съ большимъ наслажденіемъ въ 11 часу ночи. Послѣ питанія однимъ рисомъ впродолженіи нѣсколькихъ дней, эти пять яицъ оставили такое воспоминаніе, которое могло бы быть вытѣснено изъ памяти только развѣ большимъ и серьезнымъ сраженіемъ. Какъ мало добрые люди Англіи уясняютъ себѣ смыслъ словъ молитвы: „Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь". Какъ почувствовали бы они себя, если бы на самомъ дѣлѣ хлѣба оказалось недостаточно! Какъ сильно чувствую я въ себѣ недостатокъ необходимыхъ для солдата качествъ, когда, уже теперь я съ сожалѣніемъ вспоминаю о нашей мясной пищѣ въ Египтѣ. Давно ли я въ Токіо неоднократно и хвастливо высказывалъ свое горячее желаніе питаться совершенно той же пищей, какъ солдаты!

Мы выѣхали изъ Виджу рано утромъ на слѣдующій день, т. е. вчера. Весь городъ былъ полонъ ранеными. Винцентъ и Жардайнъ, бесѣдовавшіе со многими изъ нихъ, увѣряли меня, что всѣ они въ бодромъ настроеніи духа, что всѣ жаждутъ какъ можно скорѣе вернуться въ свои части до новой битвы. Мы направились къ Антунгу и, не смотря на то, что путь нашъ былъ коротокъ, намъ удалось

найти время, чтобы разсмотрѣть по дорогѣ русскіе окопы и подступы японцевъ для атаки. Мои первыя впечатлѣнія о силѣ позиціи болѣе чѣмъ подтвердились. Позиція представляетъ природную крѣпость. Холмы, занимавшіяся русскими, круто возвышаются надъ ровнымъ пескомъ подобно настоящему брустверу, а рѣчка Айхо протекала какъ разъ на такомъ разстояніи, гдѣ долженъ былъ бы находиться ровъ. Отсюда простирался въ южномъ направленіи вплоть до р. Ялу самый совершенный гласисъ, какой можно только вообразить, около 2000 ярдовъ длиною. Для войскъ, ведущихъ отчаянную атаку на эту позицію нѣтъ ни малѣйшаго закрытія на всемъ протяженіи этого естественнаго гласиса. Хотя я и набросалъ много замѣтокъ объ этомъ сраженіи, однако я до тѣхъ поръ не рѣшусь приступить къ связному изложенію событій, пока мнѣ не удастся выслушать мнѣній отъ главныхъ дѣятелей побѣдоносной стороны. Все-таки я послалъ сегодня домой итогъ моихъ первыхъ впечатлѣній и короткую телеграмму *), ибо я считалъ необходимымъ отмѣтить фактъ, могутъ ли результаты этого перваго сраженія служить доказательствомъ превосходства вооруженія, управленія, численности и нравственныхъ достоинствъ, или же они являются слѣдствіемъ тѣхъ болѣе или менѣе случайныхъ и эфемерныхъ факторовъ, примѣромъ которыхъ были Бульсъ Ронъ или Маджуба. Быть можетъ, это сраженіе доказало неизмѣримо болѣе важное явленіе, т. е. что русскіе, какъ раса, были превзойдены на полѣ сраженія другой расой.

Мы провели это утро, осматривая поле сраженія при Хаматонѣ (Hamaton), что значитъ по-китайски Лягушечій Прудъ.

Похоже, что русскіе попали здѣсь въ неблагопріятную обстановку; однако, несмотря на то, что насъ сопровождалъ офицеръ, бывшій въ этомъ сраженіи, я не были въ состояніи уяснить себѣ нѣкоторые вопросы. Мнѣ придется отложить описаніе этого дѣла до того времени, когда мнѣ удастся встрѣтиться съ людьми, дѣйствительно командовавшими японскими войсками въ этомъ сраженіи.

*) По ироніи судьбы это поспѣшное и вступительное сообщеніе попало въ прессу и распространилось подъ названіемъ „Критическій отзывъ генерала Гамильтона о сраженіи". *Прим. автора.*

ГЛАВА V.

Фенгхуангченгъ.

Фенгхуанченгъ (Fenghuangcheng), мая 27 (н. ст.) 1904 г. Я нахожусь здѣсь при штабѣ знаменитой Первой Арміи и проживаю въ маленькомъ китайскомъ домикѣ, что кажется для меня такъ же естественнымъ, какъ будто я родился мандариномъ! Я только что вернулся домой послѣ пріятнаго посѣщенія генералъ-майора Ватанабэ, какъ разъ того лица, къ которому я собирался обратиться за разъясненіями въ концѣ предыдущей главы. Я присутствовалъ также на трехдневномъ сообщеніи о сраженіи при Ялу, бесѣдовалъ съ многими второстепенными начальниками и теперь я чувствую себя вполнѣ компетентнымъ сказать что-либо объ этомъ сраженіи. Сперва, однако, я долженъ продолжать мой дневникъ, насколько позволитъ мнѣ моя память. 14-го числа мы покинули любезнаго генерала Шибуйа (Shibuya), начальника коммуникаціонной линіи, который былъ нашимъ гостепріимнымъ хозяиномъ въ Антунгѣ. Не смотря на обѣдъ а la Chinoise, состоявщій буквально изъ хвостовъ щенковъ и улитокъ, послѣ котораго я долженъ былъ произнести мою благодарственную молитву по французски, я проснулся утромъ 14-го числа бодрымъ какъ сверчокъ, когда мы двинулись дальше къ Тосанджо (Tosandjo), въ семнадцати миляхъ по нашей дорогѣ къ Фенгхуангенгу. Когда мы остановились на отдыхъ на полдорогѣ въ великолѣпномъ дубовомъ лѣсу, росшемъ на коврѣ изъ цвѣтовъ ириса и ландышей, я нашелъ окровавленный русскій мундиръ съ пулевымъ от-

верстіемъ спереди на правой сторонѣ груди и сзади, посрединѣ спины. Бѣднягѣ долго пришлось идти съ такой страшной раной, а, можетъ быть, его и похоронили въ нѣсколькихъ ярдахъ дальше. Этотъ случай произвелъ на меня очень печальное впечатлѣніе. Болѣе печальное, чѣмъ поле сраженія, усѣянное сотнями труповъ. Когда встрѣчаешься со смертью въ такомъ колоссальномъ размѣрѣ, напоминающемъ смертнымъ объ ихъ общей участи, какъ бы невольно признаешь все это за явленіе, свойственное смертному человѣчеству. Но когда умираетъ отдѣльная личность, чувствуешь себя иначе. Судьба не пощадила его, когда его товарищамъ удалось спастись, и всю эту трагедію легко можно было себѣ представить, въ особенности когда каждаго изъ насъ могла ожидать такая же участь. На ночь мы расположились въ фанзѣ и улеглись вдоль кана насколько возможно тѣснѣе. На слѣдующее утро мнѣ пришлось увидѣть много фазановъ, и я страстно мечталъ о ружьѣ. Мы отправились въ путь въ 10 ч. утра.

Наша дорога пролегала по мѣстности, достойной „бѣлыхъ людей", какъ эгоистично назвалъ бы ее американецъ или англичанинъ. Не удивительно, что русскіе и японцы борются за обладаніе ею. Она стоитъ хотя бы семилѣтней войны. Одинъ изъ французовъ нашелъ сходство между этой почвой и почвой Бэрри въ прекрасной Франціи. Американецъ увѣрялъ, что эта мѣстность болѣе плодородна, чѣмъ большой поясъ хлѣбовъ вдоль Миссисипи. Нѣмецъ заявилъ, что Маньчжурія напоминаетъ ему горы Гарца со всѣми его домиками, только выровненными и учетверенными въ размѣрѣ рукою какого то добродѣтельнаго духа. Я не могу привести примѣра изъ Великобританіи. Остроконечныя горы, возвышавшіяся надъ равнинами безъ особой системы, производили странное и необычное впечатлѣніе. Китайцы съ косами, одѣтые въ костюмы изъ синей бумажной матеріи, замѣнившіе одѣтыхъ во все бѣлое корейцевъ съ ихъ шляпами въ видѣ печной трубы, такъ же походили на моихъ соотечественниковъ, какъ и ихъ страна походила на мою собственную. Но очевидно, что это страна, гдѣ текутъ медъ и молоко, замѣняя, конечно, эти продукты соотвѣтственными

Дальнему Востоку. Исчезли небрежные корейцы-хлѣбопашцы; не видно больше жалкихъ, грязныхъ лачугъ.

Необыкновенно параллельно проведенныя борозды вездѣ покрыты нѣжными ростками и листочками проса и маиса, посѣянными, вырощенными и выполотыми, точно садъ богатаго хозяина, посреди которыхъ возвышаются солидные, кирпичные дома съ опрятными черепичными крышами, окруженные фруктовыми деревьями. Климатъ въ это время года безусловно превосходенъ, и все вокругъ зелено и красиво. Вездѣ по песку или голышамъ текутъ кристально-чистые ручейки, пріятно оживляющіе весь пейзажъ. Здѣсь ни человѣку, ни животному не придется испытать мученій жажды.

Наконецъ мы увидали Фенгхуангченгъ, похожій на живой пейзажъ, перенесенный въ дѣйствительность съ рисунка стариннаго китайскаго чайника. Городъ очень живописно расположенъ въ центрѣ воздѣланной равнины, на которой гаолянъ скромно подымалъ свои верхушки, подобно обыкновенному растенью, а не будущему гиганту, способному, какъ намъ говорили, скрыть въ своей чащѣ цѣлыя бригады кавалеріи. Мы проѣзжали черезъ улицы внѣшняго города, биткомъ набитыя солдатами всѣхъ родовъ оружія, покупавшихъ у китайскихъ продавцевъ всевозможныя, не поддающіеся описанію, пирожки и сласти. Я сомнѣваюсь, чтобы кому либо на свѣтѣ удалось видѣть выраженіе лица, выражавшее глубокое удивленіе, которому я былъ сегодня свидѣтелемъ. Многимъ изъ японцевъ, пришедшихъ изъ отдаленныхъ частей имперіи, никогда до сихъ поръ не приходилось видѣть Европейца, за исключеніемъ развѣ убитаго или раненаго русскаго. Китайцы были поражены не менѣе. Наше шествіе черезъ эти улицы напомнило мнѣ невольно, какъ изолированы мы были среди этихъ тысячъ азіятовъ, не имѣя другого пути сообщенія съ остальнымъ міромъ кромѣ того, ключъ котораго находится въ рукахъ цензора прессы.

Въ 3 ч. дня, проѣхавъ подъ аркой воротъ цитадели, мы очутились въ штабѣ арміи. Такъ какъ генералъ и его штабъ куда то уѣхали, то мы усѣлись въ пріемной, гдѣ насъ угостили чаемъ и бисквитами. Служилъ намъ японскій солдатъ,

самый высокій во всей арміи, какъ онъ объяснилъ намъ на отличномъ англійскомъ языкѣ. Кажется, что его отецъ былъ англичанинъ. Смѣшеніе двухъ расъ въ этомъ случаѣ вышло очень удачное, онъ былъ высокъ даже для европейца и красивъ, хотя нѣсколько въ тяжеломъ стилѣ. Немного спустя появился маршалъ баронъ Куроки вмѣстѣ со своимъ адъютантомъ принцемъ Куни (Kuni) и генералъ-маіоромъ Фуджіи (Fudjii), его начальникомъ штаба. Они прошли черезъ нашу пріемную во внутреннюю комнату, куда я былъ сейчасъ же приглашенъ. Здѣсь я имѣлъ случай поговорить съ генераломъ нѣсколько минутъ, а также вторично отвѣдать бисквитовъ. Въ это время офицеры генеральнаго штаба направились въ наружную комнату, гдѣ завязали разговоръ съ находившимися тамъ другими иностранными офицерами.

Вскорѣ всѣ военные агенты одинъ за другимъ входили въ нашу комнату и представлялись его высочеству принцу. Маршалъ Куроки не принялъ въ этомъ представленіи совершенно никакой роли, какъ бы совершенно стушевавшись и оставаясь, подобно мнѣ, посторstriнимъ зрителемъ. Потомъ Куроки вышелъ, оставивъ меня вдвоемъ съ принцемъ, и сказалъ нѣсколько словъ каждому изъ иностранныхъ офицеровъ отдѣльно. Въ заключеніе онъ опять вернулся обратно, и тогда мнѣ были оффиціально представлены одинъ за другимъ всѣ офицеры генеральнаго штаба. Вскорѣ послѣ этого я откланялся.

Вся эта сложная процедура видимо была тщательно продумана. У маршала Куроки очень пріятное лицо и симпатичная улыбка. Онъ производитъ впечатлѣніе интеллигентнаго человѣка и я могъ бы принять его за ученаго или художника. Я не замѣтилъ въ немъ ни тѣни того грубаго, рѣшительнаго, бульдожьяго выраженія, которое такъ легко усваиваютъ себѣ среди бурной обстановки энергичные люди дѣла. Я не замѣтилъ въ немъ того быстраго, смѣтливаго и проницательнаго взгляда, порою смѣняемаго раздумьемъ или даже отсутствіемъ мысли, тѣхъ особенностей, которыя характеризуютъ типъ еще болѣе высшаго порядка.

Генералъ-маіоръ Фуджіи произвелъ на меня очень сильное впечатлѣніе. Я готовъ думать, что онъ обладаетъ въ

высшей мѣрѣ прекраснымъ характеромъ, глубокими познаніями и энергіей. Несомнѣнно, начальнику штаба должны быть свойственны всѣ эти качества, а въ особенности первое изъ нихъ. Мы разговаривали о роли тяжелой артиллеріи въ современной войнѣ и ея дѣйствіи въ Южной Африкѣ и на Ялу. Я разсказалъ ему, какъ я восхищался искусствомъ японцевъ, когда они посадили цѣлую аллею изъ деревьевъ вдоль дороги, спускавшейся съ южныхъ высотъ рѣчной долины къ Виджу. Онъ отвѣтилъ, что мнѣ слѣдовало бы увидѣть эти деревья зелеными, а не засохшими, какими они должны быть теперь. Я прибавилъ, что аллея нисколько не засохла и что деревья пустили вѣроятно корни чтобы служить памятникомъ великой побѣды. На это всему генеральному штабу угодно было улыбнуться. Я замѣтилъ между прочимъ, что достаточно самой ничтожной шутки, чтобы заставить японца разразиться хохотомъ, при томъ условіи конечно, чтобы шутка не касалась личности и не походила бы даже на самое легкое, невинное зубоскальство. Въ противномъ случаѣ, японецъ съеживается подобно чувствительному растенію и весьма вѣроятно что вы убѣдитесь въ послѣдствіи, что нажили себѣ въ немъ врага.

Со дня нашего пріѣзда и до сего времени не случилось ничего сколько нибудь значительнаго. Но это спокойное время было для меня очень цѣнно. Мнѣ удалось познакомиться съ японскими генералами и прочими офицерами, присмотрѣться къ нѣкоторымъ цѣннымъ военнымъ мелочамъ, обученію войскъ, администраціи и проч. Здѣсь же находятся восемь или девять газетныхъ корреспондентовъ, большинство которыхъ англичане. Всѣ они хорошій народъ, а нѣкоторые изъ нихъ мои старые пріятели со времени Южно-Африканской войны. Но они прямо изъ себя выходятъ отъ цѣлаго ряда ограниченій, которымъ ихъ здѣсь подвергаютъ, а также отъ непроницаемой скрытности японцевъ. Эта скрытность служитъ однимъ изъ ихъ военныхъ достоинствъ, которыми слѣдуетъ восхищаться. Конечно, вполнѣ справедливо, что младшіе офицеры заходятъ въ скрытности слишкомъ далеко. Они такъ боятся нечаянно сказать слишкомъ много, что предпочитаютъ лучше совсѣмъ не говорить.

Такъ, напримѣръ, выѣхавъ верхомъ этимъ утромъ, мы встрѣтили японскаго офицера, который пожелалъ намъ добраго утра такимъ любезнымъ и предупредительнымъ тономъ, какъ будто приглашалъ насъ этимъ къ дальнѣйшей бесѣдѣ. Поэтому Винцентъ спросилъ его, куда онъ ѣдетъ. Онъ отвѣтилъ: „Въ 12-ю дивизію". Мы спросили, далеко ли это, только чтобы сказать что нибудь, потому что это разстояніе было намъ отлично извѣстно и получили въ отвѣтъ: „Я не знаю." Если бы вы у него спросили, кто выигралъ сраженіе на Ялу, онъ бы тоже отвѣтилъ „Я не знаю." Конечно такая недогадливость совершенно отбиваетъ всякую охоту попытаться завести разговоръ, ибо васъ вѣчно подозрѣваютъ въ выуживаніи важныхъ новостей въ то время, когда вся ваша цѣль заключается въ томъ, чтобы сказать нѣсколько пустыхъ, банальныхъ общихъ мѣстъ. Несмотря на это, скрытность, доведенная до такихъ предѣловъ хотя и крайность, но крайность въ правильномъ направленіи. Генералы или высшіе штабные офицеры, не опасаясь подозрѣній въ нескромности, часто позволяютъ себѣ очень свободно обсуждать не существенные вопросы, но они вѣрятъ въ самихъ себя и въ свою способность отличить важное отъ неважнаго, чего какъ разъ недостаетъ молодымъ офицерамъ. Я отлично вижу, что когда мы останавливаемся на улицѣ, чтобы поговорить съ какимъ нибудь молодымъ офицеромъ, онъ чувствуетъ себя все время, какъ на иголкахъ, пока ему не удастся сбѣжать отъ насъ. Онъ находится въ ужасѣ, какъ бы какой нибудь высшій офицеръ не появился бы изъ-за угла и не увидалъ бы его и если убѣдится, что мы узнали отъ него слишкомъ много и инцидентъ будетъ разслѣдованъ, то его заподозрятъ, что онъ открылъ тайну. Съ другой же стороны, когда мы встрѣчали того же офицера въ обществѣ, гдѣ бесѣда съ нами входила въ программу увеселеній, или же сталкивались съ нимъ гдѣ либо на холмѣ или въ другомъ уединенномъ мѣстѣ, онъ становился довольно болтливымъ.

Легко понять, что если все это было непріятно для насъ, то это невыразимо раздражало военныхъ корреспондентовъ, испорченныхъ англійской публикой, жадной до новостей и

не только перемывающей свое грязное бѣлье на глазахъ у всѣхъ, но и приглашающей и всѣхъ прохожихъ принимать участіе въ этомъ процессѣ. Конечно мнѣ извѣстно, что критика свободной прессы производитъ непріятное впечатлѣніе, подобное восточному вѣтру, однако она очень полезна для тѣхъ, кто можетъ ее вынести. Какъ бы то ни было мы доводимъ это дѣло до крайности. Даю слово, я увѣренъ что гораздо здоровѣе жить въ блаженномъ раю полнаго невѣдѣнія, чѣмъ добровольно плавать на поверхности грязной воды, въ которой постоянно перемывается гнилое бѣлье на глазахъ у всѣхъ народовъ. Поэтому я, какъ человѣкъ, очень симпатизирую журналистамъ, но, какъ военный я гораздо болѣе на сторонѣ японцевъ. Одни сражаются за свою родину, другіе же должны сами согласиться, что они работаютъ для райка. Нѣкоторые корреспонденты также раздражены тѣмъ, что между ними и японскими журналистами здѣсь не дѣлаютъ никакого различія, между тѣмъ, какъ послѣдніе не пользуются такимъ высокимъ уваженіемъ, какъ журналисты Америки или Англіи. Я не думаю чтобы это было такъ. Японцы, съ которыми мы имѣли дѣло, представляютъ изъ себя чистѣйшую военную касту и вполнѣ естественно, что присутствіе штатскихъ въ арміи ихъ раздражаетъ. Насколько я понимаю, японцы считаютъ военныхъ агентовъ за неизбѣжное зло, корреспондентовъ же за совершенно лишнее зло, но все таки я не нахожу разницы между обращеніемъ съ нами и съ ними. Болѣе горькія жалобы раздаются на то, что иностранцамъ не позволяется ходить и разсматривать японскіе орудія, магазины, склады и проч. Пусть кто нибудь изъ нихъ отправится, даже во время глубокаго мира, хотя бы въ Миротъ (Meerot) и попробуетъ войти въ орудійный паркъ, они скоро убѣдятся, что не одни только японцы принимаютъ элементарныя мѣры предосторожности. Все это весьма обыкновенныя вещи, но мелочи способны выростать до большихъ размѣровъ, пока что либо дѣйствительно выдающееся не поставитъ ихъ на ихъ настоящее мѣсто.

24-го числа я встрѣтился съ маршаломъ Куроки, который сообщилъ мнѣ, что только что привели двухъ плѣн-

ныхъ, сотника и казака. Офицеръ лишился своей лошади, вырвавшейся у него, а казакъ остался при своемъ начальникѣ. Они располагались на отдыхѣ въ лѣсу, когда китайцы донесли о нихъ на ближайшій постъ коммуникаціонной линіи. Единственными солдатами на этомъ посту были обозные, не имѣвшіе ружей и вооруженные лишь штыками. Несмотря на это, они всетаки рѣшили взять въ плѣнъ казаковъ и вырѣзавъ себѣ дубины, окружили ихъ и, по условленному предварительно сигналу, набросились на двухъ русскихъ прежде, чѣмъ тѣ успѣли схватить свое огнестрѣльное оружіе. Офицеръ былъ красивый молодой человѣкъ. Онъ наотрѣзъ отказался сообщить какія либо свѣдѣнія и просилъ только, чтобы его возвратили назадъ при первомъ обмѣнѣ плѣнныхъ. Генералъ Куроки со смѣхомъ разсказывалъ мнѣ эту исторію, какъ знаменитые на весь міръ казаки были захвачены въ плѣнъ двумя или тремя обозными при помощи нѣсколькихъ кули. Это, было конечно, очень ловко и смѣло со стороны японцевъ, но я не вполнѣ уясняю себѣ, какимъ образомъ эти русскіе могли бы успѣшно защищаться противъ цѣлой толпы этихъ рѣшительныхъ маленькихъ людей.

ГЛАВА VI.

Позиція на р. Ялу.

Планъ № 2.

Въ моемъ распоряженіи имѣется въ настоящее время цѣлый рядъ данныхъ объ операціи на р. Ялу. Въ особенности цѣнными оказались свѣдѣнія, полученныя мною при личномъ моемъ посѣщеніи съ этой цѣлью генераловъ Инуйэ и Ватанабэ. Генераловъ-маіоръ Инуйэ (Jnouye), начальникъ 12-й пѣх. дивизіи познакомилъ меня съ примѣненіемъ русскими ружейнаго огня и съ дѣйствіями 5-й роты 24-го пѣх. полка. Генералъ-майоръ Ватанабэ (Watanabe), командиръ 2-й гвардейской бригады и старшій начальникъ въ сраженіи при Хаматонѣ (Hamaton), что было 1 мая н. с., оказался особенно любезнымъ человѣкомъ. Онъ не только сообщилъ мнѣ цѣлый рядъ полезныхъ свѣдѣній, но и далъ мнѣ оригиналъ кроки поля сраженія, бывшее у него въ рукахъ во время этого дѣла, съ обозначеніемъ расположенія войскъ. Я думаю, что я могу въ настоящее время составить ясное представленіе объ операціи на р. Ялу и постараюсь изложить ходъ событій насколько возможно яснѣе, не вдаваясь въ излишнія подробности. Въ концѣ апрѣля (н. с.) 1904 г. генералъ Кашталинскій съ отрядомъ около 6 т. человѣкъ занялъ оборонительную позицію на Пекинской дорогѣ, гдѣ она проходитъ черезъ д. Чіуліенченгъ (Chiuliencheng) на р. Ялу. На противуположномъ берегу рѣки у д. Виджу (Widju) расположился Куроки, дѣятельно занятый окончаніемъ организаціи Первой японской арміи, этого ключа, который Генеральный штабъ въ Токіо такъ долго старался подобрать къ Маньчжуріи.

Первое, серьезное столкновеніе, за исключеніемъ конечно рѣшающаго исходъ кампаніи сраженія, представляется чрезвычайно важнымъ.

Какъ бы незначительны ни были силы обѣихъ сторонъ и второстепенны результаты перваго сраженія, его исходъ всегда долженъ оказать существенное вліяніе на ходъ кампаніи. Результатъ этотъ отразится не только на духѣ сражающихся войскъ и на престижѣ представляемыхъ ими странъ, но и способенъ придать столь необходимую иниціативу побѣдоносному начальнику. Дѣйствительно, если принять во вниманіе, что предстоявшее столкновеніе должно было произойти впервые между этими двумя расами Европы и Азіи, то исходъ сраженія представляется особенно важнымъ.

Русская армія наиболѣе значительная по числу изъ всѣхъ современныхъ армій. Ея числительность мирнаго времени значительно превосходитъ мобилизованную армію Микадо. Несмотря на это, ко дню неизбѣжнаго столкновенія на р. Ялу, результатъ котораго ожидался съ понятнымъ интересомъ всей Азіей, болѣе слабый противникъ съумѣлъ сосредоточить на полѣ сраженія силы, въ семь разъ превосходившія русскихъ. Конечно, японскій главнокомандующій былъ ближе къ своей базѣ. Однако это обстоятедьсто не вполнѣ можетъ извинить происходившія событія. Я думаю, что врядъ ли найдется кто либо въ Европѣ или Америкѣ, кто бы могъ предсказать, что русскіе разыграютъ свое первое сраженіе на поляхъ Маньчжуріи съ силами, въ два раза меньшими, чѣмъ столь осуждаемое британское военное министерство могло сосредоточить къ злочастному понедѣльнику подъ Ледисмитомъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію событій, я полагалъ бы необходимымъ разъяснить слѣдующіе вопросы:

Во первыхъ: Какимъ образомъ японцамъ удалось разгадать слабость русскихъ въ Маньчжуріи прежде, чѣмъ она стала извѣстной въ Европѣ или Америкѣ?

Во-вторыхъ: Почему Куропаткинъ не оставилъ Ялу совсѣмъ безъ войскъ, если онъ не былъ въ состояніи сосредоточить тамъ достаточныя силы?

Разбирая послѣдовательно эти вопросы, интересно отмѣтить то различіе впечатлѣній, которое производили на Японію и Англію цѣлый рядъ опубликованныхъ въ свое время небылицъ про Россію и ея будущіе успѣхи на Дальнемъ Востокѣ. Какъ часто и авторитетно насъ увѣряли въ Англіи, что Россія прочно утвердилась въ Маньчжуріи; что Маньчжурія уже стала Россіей; что судьба и русское правительство такъ рѣшило и что Англо-Саксамъ оставалось лишь только раскланяться передъ совершившимся фактомъ. Мы вѣрили во все это. Такъ часто намъ повторяли обо всемъ этомъ, настолько казались заслуживающими довѣрія очевидцы что, не смотря на кое гдѣ раздававшіяся возраженія, мы все таки повѣрили. Казалось, еще одинъ искуссный маневръ придется записать на счетъ нашего главнаго соперника въ Азіи. Какъ же поступила Японія?

Она вдумчиво, внимательно взвѣсила истинное положеніе вещей и пришла къ совершенно обратному заключенію.

Въ чемъ же заключается причина подобнаго коренного различія мнѣній въ двухъ союзныхъ государствахъ? Мы полагаемъ, что причина эта не въ превосходствѣ употребленныхъ Японіей диплотатическихъ и военныхъ средствъ, а въ томъ, что Англо-Саксъ не допускаетъ мысли, что кто либо другой можетъ быть лучше освѣдомленъ, чѣмъ онъ самъ. Какъ бы то ни было, Японія, взвѣсивъ могущество Россіи, составила свое собственное мнѣніе о ея ближайшемъ назначеніи на Дальнемъ Востокѣ, мнѣніе, которое затрагивало не только судьбы Россійской Имперіи, но, можетъ быть и всего христіанскаго міра. Принятое важное рѣшеніе не сопровождалось рѣзкими выходками и вызывающимъ образомъ дѣйствій. Наоборотъ, когда приблизился рѣшительный моментъ, Японія старалась подчеркнуть свою готовность къ уступкамъ, пока, наконецъ, не наступило время, когда мирное разрѣшеніе конфликта было бы равносильно униженію. И если я не особенно ошибаюсь, стараясь разгадать характеръ этой націи, униженный образъ дѣйствій всегда будетъ далекъ въ сношеніяхъ этой страны съ какимъ либо западнымъ государствомъ.

Удивительно, какъ Россія не могла разгадать истиннаго

могущества Японіи, выражавшагося хотя бы въ той непреклонности, съ которой Японія, несмотря на всю свою умѣренность, настаивала на важнѣйшихъ для ея будущности требованіяхъ или той рѣшимости ея при началѣ военныхъ дѣйствій. Японскій образъ дѣйствій кажется новымъ только потому, что онъ очень старъ. Италія временъ Маккіавелли отлично была съ нимъ знакома и способъ этотъ стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ тотъ, по которому въ Англіи и Америки принято готовиться къ войнѣ. Какъ легко было привести Россію въ состояніе сладкаго усыпленія прессой и общественнымъ мнѣніемъ Запада! Съ какимъ понятнымъ пренебреженіемъ должна была смотрѣть Японія на всѣ эти увѣренія и убаюкиванія! Я думаю даже, что все это входило въ ея планы. Во всякомъ случаѣ Японіи и въ голову не приходило разъяснить истину, хотя бы даже въ ограниченномъ кругу ея истинныхъ друзей. Въ теченіи первыхъ недѣль моего пребыванія въ Токіо мнѣ посчастливилось посѣтить одно лицо, занимающее очень высокій постъ, и получить отъ него подробный отчетъ о численности русской арміи. Этотъ отчетъ, или точнѣе дислокація, точно опредѣляла какъ мѣста расположенія, такъ и боевой составъ каждой изъ войсковыхъ частей, расквартированныхъ къ востоку отъ озера Байкалъ. Дислокація эта давала данныя октября 1903 г. Къ ней были приложены документы, указывающіе въ подробностяхъ число людей, орудій и лошадей, прибывшихъ на театръ военныхъ дѣйствій съ означеннаго времени вплоть до января 1904 г. Я былъ пораженъ всѣмъ этимъ количествомъ точныхъ цифръ, а также и внушительной силой русской арміи. Предполагалось, что имѣется на лицо 180 батальоновъ полнаго состава, а вмѣстѣ съ кавалеріей, артиллеріей и инженерами, русскія силы въ Маньчжуріи исчислялись до 200 т. Я попросилъ разрѣшенія сообщить содержаніе этого важнаго документа въ Англію и получилъ на это согласіе, только въ видѣ доказательства особаго ко мнѣ расположенія и довѣрія. Я послалъ въ Англію этотъ документъ, однако, по возвращеніи моемъ, я убѣдился, что въ немъ не было ни слова правды. Теперь я отлично знаю, что въ то время, когда я былъ вполнѣ убѣ-

жденъ въ искреннемъ ко мнѣ довѣріи высшихъ военныхъ круговъ въ Японіи, ихъ полевой штабъ отлично зналъ, что численность мобилизованной русской арміи къ 1-му мая едва достигала 80 т. чел. Японцы не только знали о дѣйствительной силѣ русскихъ, но и предрѣшили, что для ген. Куропаткина булетъ невозможно сосредоточить сколько нибудь значительную часть этихъ силъ на р. Ялу. Во-первыхъ, потому что для подвоза продовольствія 30 т. чел. столь удаленныхъ отъ базы, потребовалось бы около 3 т. китайскихъ арбъ, а о такомъ распоряженіи ничего не было извѣстно; во вторыхъ, потому что они слишкомъ вѣрили въ военныя способности Куропаткина. Трудно было предположить, чтобы Куропаткинъ, имѣя ввиду, что порты свободны отъ льда, рѣшился бы отдѣлить значительную часть своихъ силъ для рискованной операціи въ Маньчжурскихъ горахъ. Для этого достаточно бросить взглядъ на карту Маньчжуріи и Кореи. Чіулинченгъ (Chiuliencheng) находится на крайнемъ лѣвомъ флангѣ русской морской границы, длиной около 400 миль съ весьма плохими сообщеніями по фронту. Если бы ген. Куропаткинъ рѣшилъ сосредоточить главныя силы своей небольшой арміи на р. Ялу, то или вновь высланная изъ Японіи армія, или 1-я армія совершивъ посадку у Чульсана (Chulsan), могла бы, высадившись у Нью-Чуанга (Newchwang) и предупредивъ русскихъ у Кайпинга (Kaiping), отрѣзать не только ихъ сообщенія, но и прервать связь съ гарнизономъ въ Портъ-Артурѣ. До тѣхъ поръ, пока рѣки не освободились отъ льда, сообщенія ген. Куропаткина на р. Ялу, Аньчжу (Anju), Пеньянъ (Pingyang) и во всей сѣверной Коpеѣ были вполнѣ обезпечены. Послѣ же вскрытія рѣки онъ принужденъ былъ держать главныя силы своей сравнительно небольшой арміи на центральоой позиціи.

Со стратегическій точки зрѣнія трудно найти объясненіе не тому, что Куропаткинъ послалъ на р. Ялу такъ мало силъ, а скорѣе почему такъ много. Несомнѣнно и вполнѣ понятно, что цѣль русскихъ состояла въ томъ, чтобы на сколько возможно воспрепятствовать вступленію японцевъ въ Маньчжурію. И не только для поддержанія своего престижа, но и потому, что каждый выигранный такимъ обра-

зомъ день обозначалъ собою прибытіе подкрѣпленій и военныхъ припасовъ слѣдовавшихъ по Великому Сибирскому Пути. Казалось бы, что аріергардный отрядъ въ составѣ казаковъ, посаженной на коней пѣхоты и конной артиллеріи, подобно отрядамъ, оперировашимъ въ мартѣ и апрѣлѣ въ Сѣверной Кореѣ выполнили бы свое назначеніе, не подвергаясь большому риску. Между тѣмъ, назначеніемъ пѣхоты съ ея артиллеріей какъ бы предусматривается серьезный бой и, если ихъ число недостаточно, то такой отрядъ легко можетъ быть отрѣзанъ.

Итакъ, почему же ген. Куропаткинъ послалъ ген. Засулича въ Фенгхунченгъ (Fengchuancheng) съ силами, слишкомъ слабыми для достиженія сколько нибудь рѣшительнаго результата и слишкомъ неподвижными, чтобы своевременно уклониться отъ столкновенія съ превосходными силами противника?

Если генераломъ, обладающимъ солидной военной репутаціей, совершаются ошибки, противорѣчащія кореннымъ принципамъ стратегіи, то почти всегда нужно искать объясненіе во вмѣшательствѣ политики въ область стратегіи. Конечно, правительству, какого бы рода оно не было, трудно воздержаться отъ подобнаго вмѣшательства.

Вліяніе церкви на стратегію, сообщая войскамъ иногда религіозный фанатизмъ, могло еще иногда искупить этимъ нарушеніе принципа невмѣшательства въ распоряженія полководца. Но коль скоро правительство, оставивъ свои прямыя обязанности избѣгать войнъ или ихъ создавать, примется руководить ими, то печальный результатъ не заставитъ себя долго ждать.

Примѣръ этому мы можемъ найти въ послѣдней Южно-Африканской войнѣ. Отдѣленіе отряда изъ всѣхъ родовъ войскъ къ Донди (Dundee) въ 1899 году и отряда ген. Засулича на р. Ялу въ 1904 представляетъ собой два совершенно одинаковыхъ случая. Несомнѣнно, что оба эти образчика штатской стратегіи были внушены свыше отвѣтственнымъ военноначальникамъ.

Гражданскія власти въ Наталѣ заявили, что очищеніемъ отъ войскъ Донди (Dundee) будетъ подорванъ британскій

авторитетъ среди населенія; что Кафры выйдутъ изъ подчиненія и Дурбанъ (Durban) можетъ быть отрѣзанъ отъ нѣкоторыхъ каменоугольныхъ копей. Превосходныя соображенія въ своемъ родѣ. Однако мнѣнія полководцевъ въ обоихъ случаяхъ оказались дальновиднѣе компетенціи ихъ соотвѣтствующихъ правительствъ. Мнѣніе, что полководцу, какъ бульдогу, полагается безотчетно бросаться въ атаку на противника, слѣдуя предписаніямъ правящей воли, не подтверждается ни разсужденіями зраваго смысла, ни примѣрами военной исторіи.

Такъ, напримѣръ, въ Американской Гражданской войнѣ Линкольнъ былъ вполнѣ правъ, доказывая необходимость защиты Вашингтона. Онъ понималъ что если Вашингтонъ перейдетъ въ руки конфедератовъ, Францiя и Англiя прорвутъ блокаду и наводнятъ югъ оружiемъ, припасами и даже; можетъ быть, волонтерами.

Но онъ же совершилъ большую ошибку, стараясь навязать Мак-Клеллану (Mc. Clellan) и другимъ генераламъ свой собственный планъ обороны этого города. Японцы мнѣ кажется, оказались вполнѣ правы, объясняя себѣ посылку большихъ, но недостаточныхъ силъ на р. Ялу вліяніемъ адмирала Алексѣева на ген. Куропаткина.

По имѣющимся въ японскомъ штабѣ ко второй половинѣ апрѣля н. с. свѣдѣніямъ о противникѣ, генералъ-лейтенантъ Засуличъ, расположившись съ 15.000 пѣхоты, 5.000 кавалеріи и 60 орудіями въ треугольникѣ Фенгхуанченгъ (Fenghuancheng), Антунгъ (Antung), Чангсонгъ (Changsong), отдѣлилъ ген. Кашталинскаго съ 6.000 чел. и 30 ор. къ сліянію р. Ялу и Айхо (Aiho), гдѣ и приказалъ имъ окопаться.

Такимъ образомъ волею судьбы на одного ген. Кашталинскаго, ни кѣмъ не поддержаннаго, была возложена задача подорвать престижъ Россіи въ бою за переправу черезъ эти рѣки съ 40.000 японской арміей, имѣвшей кромѣ соотвѣтствующей полевой артиллеріи еще и 20 гаубицъ. Однако, прибытіе подкрѣпленій къ ген. Кашталинскому было вполнѣ возможно. Насколько было извѣстно японцамъ, 20.000 ген. Засулича были распредѣлены, какъ показано на пл. № 2. Его главныя силы находились въ 12 ми-

ляхъ отъ Чіуліенченга (Chiulienсheng); казалось бы, что сосредоточеніе силъ для обороны переправы у этого пункта не представило бы затрудненій. Во всякомъ случаѣ полное сосредоточеніе силъ было крайне необходимо, имѣя ввиду, что даже и тогда противнику противупоставлялись далеко несоотвѣтственныя задачѣ силы.

4-го апрѣля н. с. разъѣзды японцевъ, за которыми двигался авангардъ арміи подъ начальствомъ ген.-маіора Асада (Asada), достигли линіи д. д. Виджу (Widju) и Іонганпо (Iongапро). Авангардъ вступилъ въ Виджу 8-го апрѣля н. с. Это движеніе авангардъ началъ въ составѣ полной бригады, но непреоборимыя затрудненія по доставкѣ продовольствія и боевыхъ припасовъ заставили штабъ арміи значительно уменьшить численный составъ этого авангарда. Соотвѣтственно этому часть бригады была задержана въ Казанѣ (Kasan), въ 5 дняхъ марша отъ р. Ялу; и въ концѣ концовъ составъ авангарда арміи, сосредоточивавшійся по частямъ въ Виджу съ 8-го по 13 апрѣля н. с., состоялъ только изъ полка пѣхоты, полка кавалеріи и 2-хъ батарей. Это довольно странное обстоятельство. Никто не посмѣетъ такъ рисковать даже на маневрахъ, а здѣсь, гдѣ рѣшались судьбы имперій, подобный маневръ совершенъ былъ вполнѣ безнаказанно.

Въ теченіи нѣсколькихъ дней послѣ сосредоточенія этого слабаго отряда у Виджу, онъ не имѣлъ никакой возможности получить подкрѣпленія. Генералъ Куроки вполнѣ сознавалъ всю опасность положенія. Когда полевой штабъ арміи находился въ Пингъянгѣ (Pingyang), положеніе этого выдвинутаго авангарда серьезно обсуждалось. Было извѣстно, что русскіе имѣли лодки на р. Ялу; но главная забота заключалась въ томъ, достаточно ли ихъ количество для постройки моста въ случаѣ вскрытія рѣки. Ледоходъ начался какъ разъ ко времени вступленія авангарда въ Казанъ. Во время этого же совѣщанія въ Пингъянгѣ, начальникъ военныхъ сообщеній заявилъ, что для выполненія предположеннаго движенія составъ бригады долженъ быть значительно уменьшенъ. Только нѣкоторые изъ наиболѣе молодыхъ штабныхъ офицеровъ настаивали на рискованномъ

планѣ продвинуть столь слабый отрядъ вплоть до дѣйствительнаго соприкосновенія съ противникомъ. Въ концѣ концовъ штабъ арміи рѣшился на этотъ рискъ, хотя, какъ мнѣ говорили, обстановка складывалась такъ, что авангардъ легко могъ быть отрѣзанъ. Однако, дѣло было въ томъ, что если бы авангардъ не былъ продвинутъ впередъ, японцамъ пришлось бы на неопредѣленное время задержать выполненіе общаго плана операціи, детали котораго были выработаны къ этому времени въ Токіо. Главныя силы арміи не могли начать наступленія, пока Чульсанъ (Chulsan) не былъ превращенъ въ удобный портъ для выгрузки всякаго рода припасовъ, тяжелой артиллеріи и пр. Конечно, для прикрытія Чульсана необходимо было выдвинуть авангардъ, но такъ ли далеко, какъ въ Виджу, это сще вопросъ. Когда я обращался съ этимъ вопросомъ къ японцамъ, то они увѣряли меня, что, рискуя подобнымъ образомъ, они вполнѣ были увѣрены въ инертности русскихъ.

На сѣверномъ берегу рѣки, въ разстояніи орудійнаго выстрѣла отъ лишеннаго поддержки слабаго японскаго отряда въ 2.000 пѣхоты, 500 кавалеріи и 12 орудій, располагались 6.000 русской пѣхоты, 1000 кавалеріи и 30 орудій. Русскіе давно находились въ этой мѣстности и казалось, должны были имѣть превосходныя свѣдѣнія. Они притянули къ своему берегу всѣ мѣстныя перевозочныя средства, и р. Ялу не представляла серьезнаго препятствія для активныхъ дѣйствій противъ слабаго японскаго отряда.

Если бы русскіе считали свой отрядъ недостаточнымъ для вышеуказанной цѣли, они могли бы въ теченіе 24 часовъ удвоить силу своей пѣхоты и артиллеріи и утроить кавалерію. Вотъ какъ счастливо складывалась обстановка для генераловъ Куропаткина! Однако имъ не суждено было воспользоваться ею. До самого 12-го апрѣля н. с., въ теченіи 4-хъ дней со времени начала сосредоточенія японскаго авангарда въ Виджу, русскими не было проявлено ни малѣйшей попытки захватить иниціативу въ свои руки.

Когда же попытка была сдѣлана, то, судя по способу ея выполненія, русскіе были далеки отъ истиннаго пониманія обстановки. Русскій отрядъ, силой около 50 чел., при-

близился къ городу и попытался переправиться черезъ рѣку. Рота японской пѣхоты легко отбросила ихъ, убивъ одного офицера и нижняго чина; офицеръ этотъ былъ поручикъ Демидовичъ 12-го полка. На немъ было найдено письменное приказаніе проникнуть за сторожевую линію японцевъ и развѣдать ихъ сили къ югу отъ Виджу. Мои японскіе друзья увѣряли меня, что всѣ сожалѣли о печальной участи этого офицера, которому съ 50 чел. было поручено предпріятіе, на которое не рѣшался его генералъ съ 6.000 чел. Эпизодъ съ авангардомъ 1-й арміи представляетъ исключительный интересъ. Дѣйствительно, черты національнаго характера одинаково можно подмѣтить и въ незначительной стычкѣ, и въ большомъ сраженіи. Несомнѣнно, если бы отрядомъ на сѣверномъ берегу р. Ялу командовали бы Деларей (Delarey), Бота (Botha), Деветъ (De Wet), Смутсъ, (Smuts) или кто либо изъ менѣе значительныхъ бурскихъ военоначальниковъ, слабый японскій отрядъ, двигающійся изъ Казана былъ бы атакованъ на пути въ Виджу. Если же ему дали бы достигнуть этого пункта, то ему пришлось бы вести долгую отчаянную борьбу съ противникомъ, пока прибыли бы подкрѣпленія.

Признаюсь, подобный примѣръ нерѣшительности русскихъ убѣдилъ меня въ конечномъ успѣхѣ японцевъ больше, чѣмъ блестящая переправа послѣдныхъ черезъ р. Ялу подъ громъ подавляющей числомъ артиллеріи. Какъ военный я не могу выразить своего профессіональнаго сожалѣнія, что генералъ Кашталинскій упустилъ случай нанести рѣшительное пораженіе столь изолированному авангарду Асады (Asada).

Къ 20-му апрѣля вся 1-я армія завершила свое сосредоточеніе къ Виджу безъ всякихъ препятствій и затрудненій, не считая стихійныхъ, которыя природа расточала очень щедро. Противникъ, пассивный въ то время, когда отъ его инціативы зависѣлъ несомнѣнный успѣхъ, казалось и теперь ни сколько не заботился о томъ, что перевѣсъ въ силахъ перешелъ съ сѣвернаго берега на южный. Однако и тогда, не смотря на то что опасность отъ перехода русскихъ въ наступленіе исчезла, представлялось очень желательнымъ

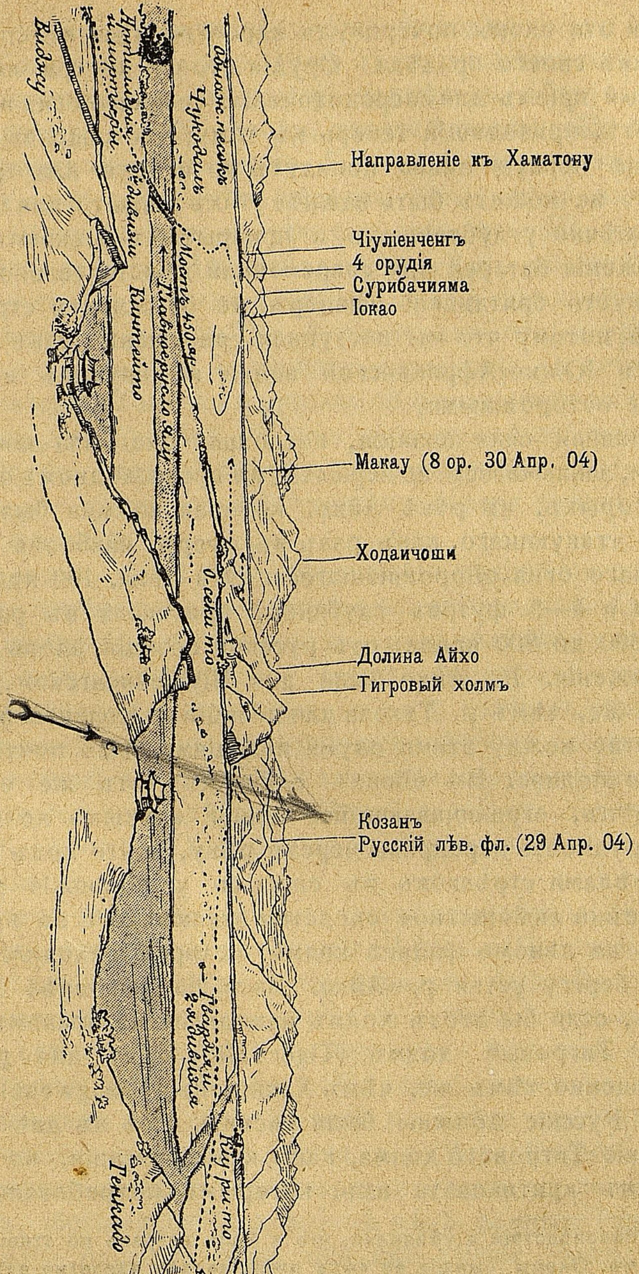
помѣшать генералу Засуличу сосредоточить свои силы къ Виджу для обороны переправы. Онъ могъ выполнить это сосредоточенiе въ 12 часовъ или меньше, осмотрительнымъ же японцамъ нужно было-бы не менѣе 10 дней для подготовки рѣшительнаго удара. Надо было измѣрить броды, изслѣдовать горныя тропинки и возвести редуты на случай контръ-атаки. Необходимо было заготовить лѣсной матерiалъ, гвозди, канаты и якоря для мостовъ. Дѣйствительно, каждая деталь была тщательно взвѣшена и продумана такъ, что, когда занавѣсъ взвился, каждое дѣйствующее лицо было на своемъ мѣстѣ и въ полной готовности. Въ это время генералъ Засуличъ, растянутый на 25 миль по фронту, не былъ въ состоянiи угадать мѣсто переправы японцевъ. Дѣйствительно отрядъ ген.-маiора Сасаки (Sasaki) у Чангсонга (Changsong) въ 30 миляхъ вверхъ по рѣкѣ, причинялъ опасенiя русскимъ за ихъ лѣвый флангъ, а на другомъ флангѣ флоту предписано было демонстрировать у Антунга (Antung). Незначительная глубина рѣки препятствовала даже канонеркамъ или миноноскамъ подняться выше этого пункта, однако, дѣятельность флота оказала свое влiянiе, и русскiе продолжали сохранять растянутое положенiе противъ сосредоточенныхъ силъ японцевъ. Былъ изданъ строгiй приказъ по 1-й японской армiи, воспрещающiй офицерамъ и нижнимъ чинамъ ни подъ какимъ предлогомъ не показываться на возвышенностяхъ, лежащихъ вдоль южнаго берега рѣки. На сѣверномъ берегу, видимо, думали иначе. Тамъ никто не препятствовалъ весьма понятному любопытству солдатъ посмотрѣть на своего противника, и вершины холмовъ русской позицiи обыкновенно были усѣяны цѣлыми массами любопытныхъ зрителей, разсматривавшихъ противоположный берегъ. Русскiе до такой степени мало заботились о скрытности что людямъ было даже разрѣшено поить лошадей въ р. Айхо (Aiho) между 2 и 4 час. по полудни и дѣлать имъ проѣздку на песчаной отмели, простирающейся отъ сѣвернаго берега рѣки до русской позицiи у холмовъ. Все это было очень соблазнительной цѣлью для японской артиллерiи, скрыто расположенной и готовой по первому знаку засыпать снарядами столь безпечнаго противника.

Планъ сраженія былъ составленъ задолго до оставленія арміей Японіи. Было даже предрѣшено, что 12-я дивизія должна была наступать на правомъ флангѣ черезъ горный треугольникъ между р. Ялу и р. Айхо въ обходъ лѣваго фланга противника. Выборъ же пути для этого обходнаго движенія и рѣшеніе вопроса, должна ли эта дивизія дѣйствовать въ связи съ остальными частями арміи или двинуться независимо по Куантченской (Kuantchen) дорогѣ предоставлено было сдѣлать на мѣстѣ. Несомнѣнно что у японцевъ были и другіе планы. Но главный планъ, наиболѣе ими продуманный, прибылъ съ ними изъ Японіи и былъ приведенъ въ исполненіе безъ существенныхъ измѣненій 1-го мая н. с. Аріергардное дѣло у Хаматона (Hamaton), конечно, не было предусмотрѣно и поэтому представляется наиболѣе интересной части всей операціи, потому что неожиданность ея потребовала совершенно иныхъ распоряженій, чѣмъ тѣ, которыя вытекали изъ заранѣе выработаннаго плана.

Позиція, на которой русскіе рѣшили противодѣйствовать переправѣ японцевъ черезъ р. Ялу, занимала по фронту 24 мили. Правый флангъ находился въ трехъ-четырехъ миляхъ отъ Антунга (Antung), центръ у Чіуліенченга (Ghiuliencheng), а лѣвый флангъ былъ осаженъ назадъ вдоль р. Айхо въ милѣ или двухъ къ сѣверу отъ Шичонга (Sheechong). Войска, оборонявшія эти двѣ послѣднія части фронта Засулича, опирались своимъ правымъ флангомъ на Чіуліенченгъ (Chiuliencheng), остальныя же войска были распредѣлены почти равномѣрно въ направленіи къ вершинѣ холма къ сѣверу отъ Ишико (Ishiko). Отсюда до Шичонга (Sheechong) были только слабые отдѣльные посты, потому что, вслѣдствіе крайней пересѣченности мѣстности, здѣсь видимо не ожидали переправы японцевъ. У Шичонга (Sheechog) правый берегъ р. Айхо былъ сильно занятъ для противодѣйствія обратнаго движенія японцевъ у Хаматона (Hamaton) вдоль Куантіенченской дороги (Kuantienchen). Эти точныя свѣдѣнія стали извѣстны японцамъ только послѣ сраженія. Для того, чтобы уяснить себѣ особенности позиціи и происходившія передвиженія войскъ, слѣдуетъ обратиться къ плану № 2 на

которомъ обозначены всѣ сооруженія, мосты и расположеніе войскъ, согласно полученнымъ мною свѣдѣніямъ. Такимъ путемъ, я полагаю, можно избѣжать утомительнаго описанія. Въ особенности это необходимо при описаніи сраженія на Китайско-Корейской границѣ. Здѣсь русскіе, китайцы, корейцы и японцы, казалось приложили всѣ старанія для искаженія названій ничтожныхъ деревушекъ вдоль рѣки причемъ обѣ сражавшіяся стороны признали совершенно различную номенклатуру мѣстныхъ предметовъ. Обращаюсь къ позиціи. Ширина равнины или долины, образующей собою русло р. р. Ялу и Айхо съ ихъ главными и второстепенными притоками, доходитъ въ среднемъ до 4-хъ миль. Долина эта покрыта мягкимъ бѣлымъ пескомъ или песчаной землей и за исключеніемъ немногочисленныхъ деревьевъ и кустарниковъ на островахъ Осекито (Osekito) и Кинтеито (Kinteito), не представляетъ никакихъ закрытій, не считая закрытій по обоимъ берегамъ. Другими словами, русскіе обладали превосходнымъ обстрѣломъ, лучше котораго нельзя себѣ представить. Ихъ окопы тянулись вдоль вершинъ праваго или сѣвернаго холмистаго берега р. Айхо и командовали футовъ на 20—30 надъ равниной. Вершины эти постепенно понижались по направленію къ рѣкѣ и оканчивались небольшими холмами, съ крутыми спусками къ песчаной долинѣ. Въ общемъ возвышенности представляли изъ себя голые скалистые холмы, хотя небольшой кустарникъ и группы деревьевъ представляли кое гдѣ нѣкоторыя закрытія. Пересѣченная мѣстность представляла всѣ удобства для замаскировки окоповъ, однако, русскіе, видимо, нисколько не заботились объ этомъ, потому что бруствера ихъ окоповъ представляли собой длинные прямолинейные участки грудной высоты, укрѣпленные кое-гдѣ сучьями. Подобныя сооруженія были болѣе умѣстны нѣсколько ниже, на песчанномъ грунтѣ, который значительно ослабилъ бы дѣйствіе какъ шрапнели, такъ и фугасныхъ снарядовъ.

Часть русской артиллеріи должна была дѣйствовать безъ окоповъ, однако для 12 орудій были сооружены окопы какъ разъ подъ Чіуліенченгомъ (Chiulienchеng) на вершинѣ невысокаго холма. Русскій саперъ или артиллеристъ, стро-

Фиг. 1. Панорама сраженія на р. Ялу со стороны Виджу.

ившій эти окопы, почерпнулъ вѣроятно идеи въ справочной книжкѣ своего прадѣда. Орудія стояли въ три линіи; старинный пріемъ для сосредоточенія, сильнаго огня на узкомъ фронтѣ, приводящій теперь къ тому, что снаряды, перелетѣвшіе первую линію попадутъ во вторую или третью *). Ничто не можетъ быть важнѣе этихъ закрытій для прислуги, достаточно углубленныхъ и прикрытыхъ и скрытнаго расположенія батарей при современной дѣйствительности огня. Но пусть британскій офицеръ не осуждаетъ строго русскихъ, потому что мы поступали совершенно такъ же, пока опытъ Южно-Африканской войны не научилъ насъ быть болѣе осторожными.

Главная сила позиціи, поскольку она была занята русскими, заключалась во первыхъ, въ превосходномъ обстрѣлѣ, во вторыхъ, въ рѣкѣ Айхо, которая должна была задержать атакующаго, какъ разъ въ сферѣ наиболѣе дѣйствительнаго огня обороняющагося. Эта рѣка, 100 ярдовъ шириной и 4—5 футовъ глубиной, протекала въ разстояніи отъ 300 до 800 ярдовъ отъ русской позиціи, вдоль всего ея протяженія. Р. Айхо была для Чіуліенченгской позиціи, тѣмъ же, чѣмъ р. Тугела для позиціи у Колензо и вообще сходство между этими двумя позиціями было почти совершенно полное. Въ обоихъ случаяхъ тотъ же открытый обстрѣлъ, ограничивающійся линіей крутыхъ холмовъ, та же трудность переправы черезъ рѣку, почти подъ прямыми выстрѣлами стрѣлковъ въ окопахъ у подножія холмовъ. Особенно любопытное сходство заключалось въ командующемъ на лѣвомъ флангѣ холмѣ, который находился на лѣвомъ берегу устья р. Айхо. Было бы выгоднѣе для русскихъ, если бы этотъ холмъ находился на правомъ берегу Айхо. Тигровый холмъ (Tiger Hill) былъ для русскихъ совершенно тѣмъ же, чѣмъ Хленгвенъ (Hlangwene) для буровъ. Русскіе должны были уяснить себѣ въ двѣ минуты значеніе Тигрового холма, какъ ключа позиціи, но не британцамъ критиковать ихъ, которымъ потребовалось два

*) Впослѣдствіи я убѣдился, что я былъ неправъ по отношенію къ русскимъ. Окопы, бывшіе въ тылу, представляли вѣроятно рядъ послѣдовательныхъ позицій.

мѣсяца, чтобы прійти къ подобному же заключенію о Хленгвенѣ (Hlangwene). Р. Ялу, какъ въ географическомъ, такъ и въ коммерческомъ отношеніи важнѣе р. Айхо. Первая рѣка шириною въ 400 ярдовъ, вторая только въ 250 ярдовъ и обѣ непроходимы въ бродъ. По отношенію же къ разбираемому сраженію болѣе широкая рѣка имѣла второстепенное значеніе, хотя и дала ему свое имя. На разсвѣтѣ 30 апрѣля н. с. р. Ялу перестала служить препятствіемъ между русскимъ лѣвымъ флангомъ и 12-й японской пѣхотной дивизіей, а въ ночь съ 30-го апрѣля на 1-е мая н. с. Гвардія и 2-я дивизія совершили переправу не встрѣтивъ сопротивленія. Такъ какъ русская оборона носила пассивный характеръ, то р. Ялу, будучи внѣ ружейнаго выстрѣла, представляла только физическое препятствіе, конечно при условіи, что артиллерія на сѣверномъ берегу будетъ вынуждена замолчать.

Я полагаю, что я далъ достаточно подробное описаніе позиціи, чтобы дополнить превосходную карту. Однако, считаю необходимымъ упомянуть, что на сѣверномъ участкѣ позиціи, гдѣ и разыгрались важнѣйшія событія, имѣлись двѣ превосходныя передовыя позиціи, которыя, при соотвѣтственномъ укрѣпленіи и упорной оборонѣ, должны бы были причинить японцамъ значительныя затрудненія во время подготовительныхъ дѣйствій. Одной изъ этихъ позицій служила д. Чукодаи (Chukodai) на р. Ялу, между этой рѣкой и р. Айхо.

Деревня эта занимала командующее положеніе по отношенію къ главной дорогѣ между Виджу и Чіуліенченгомъ и впослѣдствіи выяснилось, что японцамъ было бы необходимо занять эту деревню, чтобы установить свою артиллерію на островѣ Кинтейто въ ночь 30-го апрѣля н. с. Другой позиціей могъ бы быть Тигровый холмъ, скалистая возвышенность и крайній пунктъ гористаго треугольника, раздѣляющаго теченія р. Айхо и р. Ялу. Корейцы дали этому холму названіе Тигроваго по сходству съ ползущимъ тигромъ, обращеннымъ головой къ рѣкѣ. Высота Тигроваго холма надъ русломъ рѣки, при ихъ сліяніи. доходила до 250 футовъ.

Какъ я уже упоминалъ, этотъ скалистый холмъ представлялъ собою болѣе, чѣмъ передовую позицію; онъ былъ ключемъ всей позиціи. Если бы русскіе заняли этотъ холмъ артиллеріей, они могли бы, такъ сказать, смести своимъ огнемъ все въ долинѣ р. Ялу на 6000 ярдовъ ниже Виджу и сдѣлали бы дневную переправу совершенно невозможной. Въ рукахъ японцевъ холмъ этотъ могъ послужить осью для позицій противъ любого изъ фланговъ или центра русской операціи. Тигровый холмъ былъ обезпеченъ отъ неожиданной атаки непроходимой въ бродъ р. Ялу и если бы онъ былъ укрѣпленъ сооруженіями временнаго характера, то, по моему убѣжденію, японцамъ пришлось бы кореннымъ образомъ измѣнить весь свой планъ. Казалось, что русскіе сознали особое тактическое значеніе этого пункта только въ самую послѣднюю минуту, подъ угрозой мемедленной атаки, когда они вырыли тамъ нѣсколько окоповъ. Но болѣе чѣмъ странно, что русскіе во время шестинедѣльнаго сидѣнья на позиціи пренебрегли ея укрѣпленіемъ. Если бы это было сдѣлано, то японцамъ пришлось бы встрѣтить здѣсь большія затрудненія, понести значительныя потери и, что еще важнѣе, у ген. Засулича открылись бы глаза на дѣйствительное положеніе вещей и онъ могъ бы принять заблаговременно мѣры для возможнаго возстановленія равновѣсія въ силахъ. Если главная цѣль атакующаго должна состоять въ томъ, чтобы сосредоточить превосходныя силы на рѣшительномъ пунктѣ или ключѣ позиціи, то цѣлью обороняющагося должно быть сосредоточеніе возможно значительныхъ силъ на угрожаемомъ пунктѣ, ослабивъ для сего, если необходимо, менѣе важные участки позиціи. Я думаю, что обороняющемуся гораздо труднѣе успѣшно выполнить свою задачу. Онъ долженъ обладать двумя качествами, воображеніемъ и желѣзной рѣшимостью. Воображеніемъ, чтобы на основаніи имѣющихся данныхъ разгадать дальнѣйшія намѣренія противника. Желѣзной рѣшимостью, чтобы соотвѣтственно мѣняющейся обстановкѣ измѣнять свой планъ, несмотря на возраженія своего штаба и недовольство подчиненныхъ, теряющихъ часть подчиненныхъ имъ войскъ. Можно принять за непре-

ложную истину, что каждый изъ второстепенныхъ начальниковъ всегда убѣжденъ, что на него долженъ обрушиться главный ударъ противника. Ключъ позиціи, при соотвѣтственной оборонѣ, даетъ возможность обороняющемуся держаться на всей позиціи. Но коль скоро противникъ овладѣетъ ключемъ позиціи, то онъ можетъ заставить обороняющагося оставить позицію и отступить. Деревня Фрошвиллеръ въ Вертскомъ сраженіи представляетъ общеизвѣстный примѣръ. Въ тактическомъ отношеніи этотъ ключъ можетъ послужить позиціей для артиллеріи противника, которая сдѣлаетъ невозможной оборону другихъ участковъ ея на 5 миль. Онъ можетъ послужить пунктомъ, откуда можно угрожать сообщеніямъ обороняющагося, или отрѣзать его отъ подвоза припасовъ и нарушить связь между частями арміи. Наконецъ занятіе ключа позиціи можетъ имѣть цѣлый рядъ другихъ послѣдствій, матеріальныхъ и моральныхъ, которыя можно легко себѣ представить. Однимъ изъ преимуществъ атакующаго является возможность выбирать пунктъ атаки, придавая уже этимъ однимъ атакуемому пункту значеніе ключа позиціи. Этотъ случай имѣетъ мѣсто въ особенности тогда, когда оборонительной линіей служитъ рѣка, протекающая по ровной мѣстности, когда атакующій борется за извѣстный пунктъ, намѣченный имъ для своей переправы. Когда же дѣйствительной оборонительной линіей является пересѣченная мѣстность позади рѣки, служащей какъ бы щитомъ, то изложенная теорія можетъ быть приложена только въ извѣстной степени.

Русская позиція по фронту простиралась до 24 миль, но японцы аттаковали лишь ея лѣвый участокъ отъ Чіуліенченга до крайняго лѣваго фланга около Шичонга (Sheechong) на р. Айхо, на фронтѣ отъ 6 до 7 миль. Наличность 8 батальоновъ, 24 орудій и нѣсколькихъ тысячъ кавалеріи въ окрестностяхъ Антунга не оказала содѣйствія 7 батальонамъ и 30 орудіямъ на линіи Чіуліенчегъ-Шичонгъ, оборонявшимъ рѣку между этими пунктами. Однимъ словомъ Русскіе пытались оборонять фронтъ, не соотвѣтствовавшій ихъ силамъ. И если только ихъ развѣдывательный отдѣлъ

и проницательность ихъ генераловъ не давали достаточно данныхъ, гарантировавшихъ своевременное сосредоточеніе всѣхъ имѣющихся силъ для воспрепятствованія переправѣ, то казалось бы болѣе соотвѣтственнымъ ограничиться прочнымъ занятіемъ Антунга и Хаматона, наблюдая лишь остальные доступы къ рѣкѣ вверхъ по теченію. Однимъ словомъ, русскіе могли бы принять расположеніе арміи Ли (Lee) при оборонѣ рѣки передъ сраженіемъ при Фредериксбургѣ, а именно ввидѣ нѣсколькихъ отрядовъ, могущихъ быть быстро сосредоточенными къ угрожаемому пункту. Промежутки между этими отрядами наблюдались кавалерійскими разъѣздами. Если память мнѣ не измѣняетъ, протяженіе обороняемаго участка рѣки въ обоихъ случаяхъ было одинаково, т. е. около 24 миль. Прежде чѣмъ приступить къ описанію самаго сраженія, я позволю себѣ подвести итоги положенія, въ которомъ русскіе находились наканунѣ этого перваго серьезнаго столкновенія съ противникомъ.

1) Армія Куропаткина представляла менѣе половины тѣхъ силъ, которыя вообще предполагались въ его распоряженіи.

2) Куропаткинъ не могъ отдѣлить болѣе одной трети своей арміи къ р. Ялу.

3) Изъ всѣхъ войскъ, отдѣленныхъ къ р. Ялу, менѣе половины было сосредоточено для противодѣйствія переправѣ сосредоточенной японской арміи.

4) Немногочисленный отрядъ, готовый разыграть сраженіе, которое могло принять характеръ одного изъ наиболѣе рѣшительныхъ въ мірѣ, не могъ считаться по своему составу лучшимъ представителемъ русской арміи, но во всякомъ случаѣ исполнилъ свой долгъ самымъ достойнымъ образомъ.

ГЛАВА VII.

Сраженіе на р. Ялу.

Планы № 2 и № 3.

Можно было предположить, что армія Куроки, закончивъ свое сосредоточеніе къ 20-му апрѣля н. с. къ мѣсту намѣченной переправы, начнетъ ковать желѣзо, пока оно горячо, чтобы не дать русскимъ времени измѣнить свое положеніе въ невыгодную для японскихъ плановъ сторону. Однако, наши союзники очень осторожный народъ, который считалъ необходимымъ предварительно испытать прочность каждаго стежка послѣдней пуговицы у гетры. Они ожидали встрѣтить въ русскихъ противника, готоваго удовлетворить этой осторожности, тѣмъ болѣе, что занятое русскими положеніе можно сравнить съ неподвижнымъ положеніемъ семейной группы передъ камерой фотографа. Никогда не расчитывая на случайный успѣхъ, японцы принялись за промѣры глубины рукавовъ р. Айхо между извѣстными уже бродами и за сооруженіе значительнаго количества мостовъ черезъ р. Ялу. Всѣ эти мѣры не могли имѣть практическаго значенія, пока острова Кіурито (Kyurito), Осекито (Osekito) и Кинтеито (Kinteito) не были заняты. Въ ночь съ 25 на 26 апрѣля н. с. занятіе ихъ завершилось полнымъ успѣхомъ. Только на островѣ Кіурито русскіе оказали нѣкоторое сопротивленіе. 1-й батальонъ Императорской гвардіи былъ предназначенъ для этой атаки, и день или два спустя я получилъ о ней подробности отъ одного изъ участниковъ, молодого офицера. Ширина рѣки на выбранномъ для переправы мѣстѣ было 100 ярдовъ, глубина $2^1/_2$ ярда и скорость теченія $1^1/_4$ ярда въ секунду. Въ

распоряженіи японцевъ были двѣ лодки. Резервъ занялъ лѣвый берегъ рѣки, чтобы въ случаѣ сопротивленія, поддержать атакующихъ огнемъ. Переправа началась въ 4 ч. утра 26-го апрѣля н. с. Нервное настроеніе переправлявшихся въ темнотѣ войскъ было вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, что они приближались впервые къ неизвѣстному и опасному противнику. Все было тихо, кромѣ плеска веселъ, которое казалось нестерпимо громкимъ. Вдругъ длинный языкъ желтаго пламени взвился къ небу на противуположномъ берегу, отражаясь въ темной водѣ и освѣщая лодки, тяжело наполненныя гвардейскими солдатами. Вслѣдъ за этимъ, изъ темноты позади огня раздался частый рядъ залповъ. Пули свистали надъ головами японцевъ и, попадая въ сильно нагруженныя лодки, ранили или убили около тридцати человѣкъ. Ничто не можетъ имѣть болѣе деморализующаго дѣйствія на солдатъ, двигающихся въ темнотѣ къ своей цѣли, какъ неожиданное освѣщеніе и обстрѣливаніе противникомъ, скрытымъ въ темнотѣ. Японцы вполнѣ выдержали это испытаніе Русскіе плохо цѣлились, и гребцы ни минуты не колебались и не пытались повернуть обратно, пока не достигли противуположнаго берега. Гвардейцы быстро высадились, не встрѣчая дальнѣйшаго сопротивленія со стороны русскихъ, которые, удовольствовавшись совершеннымъ подвигомъ, быстро скрылись подъ покровомъ темноты. Впослѣдствіи узнали, что часовой на берегу рѣки былъ снабженъ сигнальной вѣхой, которую онъ и зажегъ при подозрительномъ шумѣ, отойдя къ своему посту, открывшему огонь залпами. Если этотъ примѣръ съ одной стороны указываетъ на предпріимчивость и искусство русскихъ, то съ другой стороны онъ указываетъ, что японцамъ не доставало ни правильнаго расчета, ни необходимыхъ предварительныхъ мѣръ. Войска, расположенныя вдоль лѣваго берега съ цѣлью огневой поддержки переправлявшихся товарищей, находились на нѣсколько ярдовъ ниже пункта переправы. Конечно, лодки были отнесены теченіемъ и такимъ образомъ закрыли собою цѣль въ критическій моментъ. Войска праваго берега, не будучи въ состояніи открыть огонь, приняли на

себя лишь нѣсколько случайныхъ русскихъ пуль. Занявъ такой дешевой цѣной эти острова, японцы получили возможность произвести развѣдки и построить мостъ у Кинтеито, причемъ со стороны русскихъ впервые за сухопутную кампанію раздались орудійные выстрѣлы, а японцы, занятые сооруженіемъ моста, отвѣчали имъ криками „Банзай“. Мостъ у Кинтеито, длинной въ 260 ярдовъ, былъ построенъ на козлахъ. Сооруженъ онъ былъ исключительно изъ мѣстнаго матеріала, а постройка его, будучи задержана артиллерійскимъ огнемъ, продолжалась 45 часовъ. Но весь интересъ заключался не въ матеріалѣ, изъ котораго этотъ мостъ былъ построенъ и не въ количествѣ времени, затраченнаго на его сооруженіе, а въ томъ, что онъ, вызвавъ огонь русскихъ, послужилъ японцамъ средствомъ для заблаговременной оцѣнки искусства русскихъ артиллеристовъ, опредѣленія ихъ позиціи и силы ихъ огня. Остальные мосты показаны на планѣ № 2. Всего было десять мостовъ, длиной въ общей сложности 1660 ярдовъ или на 100 ярдовъ меньше мили. Одна треть ихъ были обыкновеннаго понтоннаго типа, остальныя двѣ трети импровизація. При сооруженіи послѣднихъ было обнаружено, что небольшія китайскія лодки прекрасно служили вмѣсто понтоновъ, а плуги несчастныхъ корейцевъ вполнѣ замѣняли собою якоря. Здѣсь нужно кстати замѣтить, что японцы чрезвычайно гордятся своимъ искуствомъ сооружать мосты и, я думаю, вполнѣ справедливо. Они далеко не такъ довольны своими понтонами. Они находятъ, что понтоны сами по себѣ хороши, но ихъ деревянныя платформы слишкомъ тонки и хрупки, чтобы выдержать удары, неизбѣжные при условіяхъ ихъ службы.

Подходило время отдачи приказаній для атаки, Была произведена развѣдка гористаго треугольника, мѣстности черезъ которую должна двинуться 12-я дивизія съ цѣлью, отбросивъ русскихъ отъ Тигроваго холма, дѣйствовать противъ ихъ лѣваго фланга. Тутъ же было принято важное и окончательное рѣшеніе: выборъ пути наступленія. Первоначальная мысль объ отдѣленіи этой дивизіи для удара въ тылъ лѣваго русскаго фланга, путемъ кружнаго обходнаго движенія по относительно удобной Куанчіенгской дорогѣ,

была въ послѣднюю минуту оставлена, и не безъ сожалѣнія. Но послѣ непродолжительнаго изученія условій, при которыхъ движеніе это должно было быть выполнено, было рѣшено, что планъ этотъ слишкомъ рискованъ и что не были приняты достаточно въ соображеніе какъ уже извѣстныя препятствія, такъ и еще неизвѣстная опасность при слѣдованіи по такому пути. По словамъ японцевъ, было совершенно не выполнимой задачей организовать въ теченіи 3—4 дней подвозъ продовольствія и припасовъ, и это время дивизія должна бы была продовольствоваться своими средствами. Кромѣ того силы русскихъ у Куанчіенченга и Айянмена (Aiyanmen), которыя могли бы угрожать флангу колонны совершавшей такой кружный обходъ, не были тогда извѣстны. Соотвѣтственно изложенному 12-я дивизія получила приказаніе совершить менѣе кружное обходное движеніе и своимъ лѣвымъ флангомъ войти въ соприкосновеніе съ правымъ флангомъ Императорской гвардіи въ день боя. Путь пройденный дивизіей въ дѣйствительности согласно приказанія, ясно указанъ на планѣ № 2.

Главнымъ возраженіемъ на изложенный планъ японцевъ могла бы послужить возможность дѣйствія въ тылъ 12-й дивизіи непріятельской кавалеріи, спустившейся для этого внизъ отъ д. Айянмена (Aiyanmen), причемъ кавалерія могла перехватить японскія сообщенія съ Пингъянгомъ (Pingyang) или Чинанпо (Chinanpo). Но теперь, когда вся армія была сосредоточена у Виджу, прикрывая собою новую, короткую и безопасную коммуникаціонную линію на Чульсанъ (Chulsan), нельзя было опасаться подобныхъ предпріятій конницы. Другое возраженіе заключалось въ крайней пересѣченности мѣстности, по которой дивизія должна была наступать. Треугольникъ мѣстности между р. Айхо и р. Ялу оказался не такимъ непроходимымъ, какъ полагали ветераны китайской войны, проходившіе по нему для сходной цѣли десять лѣтъ тому назадъ. Отсюда можно заключить, что воспоминанія японскихъ ветерановъ нисколько не отличаются отъ подобныхъ воспоминаній вообще и что значеніе ихъ можетъ быть вполнѣ безнаказанно уменьшено на половину. По

успѣшномъ выполненіи 12-ой дивизіей переправы черезъ р. Айхо, ей приходилось столкнуться съ препятствіемъ ввидѣ высокихъ скалистыхъ горъ, высотою въ 1000 футовъ, подъ названіемъ Ходайчоши (Hodaichoshi). Такимъ образомъ развѣдка была крайне затруднена и трудно было предрѣшить въ какомъ мѣстѣ будетъ наиболѣе удобно перевалить черезъ эти горы или обойти ихъ.

Еще одно и послѣднее возраженіе противъ предписаннаго дивизіи движенія относится главнымъ образомъ къ первоначальному плану. Возраженіе это имѣетъ мѣсто вообще при всѣхъ обходныхъ движеніяхъ и состоитъ какъ извѣстно въ томъ, что обходящая колонна на время изолируется. Такъ, согласно полученнымъ приказаніямъ, 12-я дивизія совершая переправу у Суикаочина (Suikaochin), была бы отдѣлена цѣлымъ днемъ марша отъ двухъ другихъ дивизій. Такимъ образомъ цѣлая треть арміи была отдѣлена отъ остальныхъ силъ широкой рѣкой и подвергалась риску быть подавленной превосходными силами русскихъ, не будучи въ состояніи получить поддержку.

Я привелъ эти теоретическія соображенія главнымъ образомъ потому, что японцы, видимо, тщательно старались обратить на нихъ мое вниманіе; это, я думаю потому, что они инстинктивно сознавали, что ихъ стратегія была черезъ чуръ методична и медленна. Подчеркивая весь рискъ предстоящей операціи, они такимъ путемъ хотѣли придать своей стратегіи въ глазахъ иностранца недостававшія ей свойства. Я не думаю, что 12-я дивизія когда либо подвергалась риску быть атакованной русскими. Развѣ можно было предположить, что ген. Засуличъ, не обнаружившій до сего времени какой либо предпріимчивости, рѣшится поставить свой отрядъ въ такое критическое положеніе? Вѣдь отдѣленіе большой части силъ на другой берегъ р. Айхо предоставляло свободу дѣйствій остальнымъ двумъ японскимъ дивизіямъ, которыя могли отрѣзать его сообщенія и путь отступленія на Фенгхуанченгъ. Я думаю, что ген. Засуличъ не могъ рѣшиться на это. Далѣе, я полагаю, что исторія назоветъ командующаго 1-й японской арміей излишне осторожнымъ. Обсуждая событія съ чисто теоре-

тической точки зрѣнія, казалось бы несомнѣннымъ, что командующій 1-й арміей долженъ былъ, вооружившись рѣшимостью, направить 12-ю дивизію кругомъ на Чангсонгъ (Changsong) и далѣе по Куантіенченгской дорогѣ, какъ было рѣшено раньше. Въ его распоряженіи былъ великолѣпный случай совершить нѣчто великое, а онъ предпочелъ удовольствоваться лишь хорошимъ.

Когда планъ дѣйствій принялъ окончательную форму и всѣ приготовленія были закончены, японцы приступили къ демонстраціямъ, для чего канонерскія лодки 25 и 26 апрѣля н. с. были посланы къ Іонгампо (Iongampho), а нѣсколько джонокъ, нагруженныхъ лѣсомъ, къ устью Ялу, чтобы этимъ убѣдить Засулича, что переправа произойдетъ у Антунга. Приказанія для атаки были разосланы въ 10 ч. утра 28 апрѣля н. с. 12-я дивизія должна была начать переправу черезъ р. Ялу у Суикаочина (Suikaochin) въ 3 ч. дня 30 апрѣля н. с. и двигаться далѣе, какъ показано на планѣ, прикрывая переправу главныхъ силъ арміи. Отъ 12-й дивизіи былъ отдѣленъ отрядъ, силой въ батальонъ съ эскадрономъ, для дальняго обхода на Кубкаку (Kubkaku) въ тылъ лѣвому флангу противника, но такой слабый отрядъ, конечно, не могъ произвести сколько нибудь значительнаго впечатлѣнія. Къ вечеру 30 апрѣля н. с. дивизія должна была занять положеніе, показанное на планѣ № 2 (приказаніе было выполнено буквально) и, продолжая наступленіе на слѣдующій день, должна была на разсвѣтѣ 1 мая развернуться на правомъ флангѣ Императорской гвардіи на восточномъ берегу р. Айхо. 2-я дивизія, выступивъ въ полночь, должна была наступать черезъ мосты „c“, „d“, „e“ и „f“ и развернуться для атаки на о. Чукодаи (Chukodai) до разсвѣта 1 мая н. с. Императорская гвардія должна была слѣдовать за 2-й дивизіей и развернуться между этой послѣдней и 12-й дивизіей.

Артиллерія и резервы должны были стать, какъ показано на планѣ № 2.

Несмотря на то, что приказаніе это отдано было за три дня, въ этотъ промежутокъ времени не произошло ничего, что могло бы заставить измѣнить планъ. Это особенно

ярко указываетъ на инертность русскихъ. Все таки они проявили небольшой проблескъ дѣятельности, который грозилъ помѣшать операціи и исключить монотонность изъ програмы. Когда 26-го апрѣля н. с. русскіе очистили о. Кіурито, они, казалось, были готовы уйти и съ Тигроваго холма, совершенно также, какъ поступили буры, оставивъ Хленгвенъ, этотъ натальскій прототипъ, при первомъ появленіи Буллера. Точно также, какъ въ Южно-Африканскомъ примѣрѣ, когда Людвигъ Бота, сознавая тактическое значеніе Хленгвенскаго холма, собрался съ силами и вновь занялъ этотъ пунктъ, поступилъ и Кашталинскій; но здѣсь сходство кончается. Припомнимъ, что Тигровый холмъ составлялъ вершину горнаго треугольника, ограниченнаго съ двухъ сторонъ теченіями рѣкъ Ялу и Айхо. Холмъ этотъ былъ занятъ одной гвардейской ротой, прикрывавшей развѣдку путей, по которымъ дивизіи должны были совершить свое ночное движеніе съ цѣлью занять предназначенныя имъ позиціи. Въ 4 ч. дня 29-го апрѣля н. с. батальонъ русской пѣхоты съ четырьмя орудіями, переправившись черезъ р. Айхо неподалеку отъ Ишико (Ishiko) атаковалъ эту роту, которая безъ большихъ потерь отступила. Русскіе заняли Тигровый холмъ.

Планъ покажетъ гораздо нагляднѣе, что русскіе, по мнѣнію Куроки конечно, попали не на свое мѣсто. Однако сила ихъ въ сравненіи съ значительными массами японцевъ, готовыми двинуться на Тигровый холмъ и въ его тылъ, была очень незначительна (такъ же было и съ Ботой). Поэтому японцы рѣшили направить туда части 12-й дивизіи. Запоздалыя попытки русскихъ окопаться были остановлены огнемъ гвардейской артиллеріи.

Наступило утро 30-го апрѣля н. с., а вмѣстѣ съ нимъ и время, когда 12-я дивизія должна была начать свое трудное и рискованное наступленіе. По мнѣнію нѣкоторыхъ знакомыхъ мнѣ японскихъ офицеровъ, было рѣшено начать артиллерійскую борьбу для поддержки этого наступленія; по мнѣнію другихъ было рѣшено, обезпечивъ подавляющее численное превосходство артиллеріи, совершенно уничтожить своимъ огнемъ артиллерію противника въ артиллерій

скомъ поединкѣ за день до самаго сраженія. Наконецъ были нѣкоторые офицеры, утверждавшіе, что здѣсь повліяли оба вышеприведенныя соображенія. Довольно любопытно, что я, иностранный офицеръ, хотя и союзной арміи, благодаря любезности одного моего вліятельнаго друга, былъ посвященъ въ истинное положеніе вещей по этому интересному вопросу. Полагаю, что немногимъ это удалось. Вопросъ, начать ли бомбардировку 30-го апрѣля н. с. или же отложить ее до 1-го мая н. с., оживленно и даже горячо обсуждался въ штабѣ 1-й арміи. Съ одной стороны доказывали, что было бы весьма желательно заставить противника обнаружить свои силы, ибо единственнымъ вѣрнымъ свѣдѣніемъ о его артиллеріи, было свѣдѣніе о 12-ти орудіяхъ къ сѣверу отъ Чіуліенченга (Chiulienshеng). Съ другой стороны горячо доказывалось, что полученныя такимъ путемъ свѣдѣнія не окупятъ преждевременнаго обнаруженія гаубицъ. Доказывалось, что обнаруживъ истинную силу японской артиллеріи, русскіе уберутъ всѣ орудія къ сѣверу, выведя ихъ изъ сферы пораженія гаубичнымъ огнемъ. Это было бы неважно, если бы долина Ялу представляла собой обыкновенную долину, но такъ какъ здѣсь протекала рѣка, то невозможно было двинуть на слѣдующій день гаубицы вслѣдъ за противникомъ. Такимъ образомъ сраженіе могло бы затянуться или разыграться совсѣмъ безъ гаубицъ. Мнѣнія настолько раздѣлились, что въ дѣйствительности рѣшили предоставить дѣло случаю. Кто хорошо знакомъ съ характеромъ японцевъ, врядъ ли мнѣ повѣритъ. Однако не смотря на все, я не могъ ошибиться, потому что вышеприведенное свѣдѣніе получено мною изъ безусловно достовѣрнаго источника.

До полудня солнце находилось въ тылу гаубицъ; послѣ полудня оно должно было свѣтить прямо въ глаза прислугѣ. Артиллеріи было приказано въ ночь съ 29 на 30-е апрѣля сосредоточиться на островѣ Кинтеито. Она должна была открыть огонь при первомъ удобномъ случаѣ, предоставленномъ ей русскими. Если бы русскія орудія не открыли вовсе огня, японская артиллерія должна была молчать. Въ дальнѣйшіе секретные планы лицъ, руководившихъ

1-й арміей, входило рѣшеніе воспретить стрѣльбу при каких бы то ни было обстоятельствахъ, если бы она не была открыта до полудня. Къ разсвѣту 30-го апрѣля н. с. вся масса японской артиллеріи 2-й дивизіи вмѣстѣ съ пятью батареями 12-ти сант. гаубицъ (всего 72 пол. ор. и 20 гауб.) великолѣцно окопалась въ мягкомъ песчаномъ грунтѣ острова Кинтеито, который особенно для этого удобенъ. Японцы воспользовались каждой складкой мѣстности и обнаружили много искусства въ замаскированіи позиціи отъ глазъ русскихъ артиллеристовъ на сѣверномъ берегу. Въ небольшомъ разстояніи отъ фронта батарей посадили цѣлый рядъ деревьевъ, чтобы скрыть вспышки выстрѣловъ. Для этого выбрали деревья изъ росшихъ или прямо передъ позиціей или позади ея, такъ что на слѣдующій день перемѣна въ ландшафтѣ осталась незамѣченной русскими, которымъ, конечно, невозможно было замѣтить, что то или другое дерево за ночь отодвинулось назадъ ярдовъ на 200—300 или продвинулось впередъ. Въ песокъ воткнули шесты, а между ними протянули веревки, къ которымъ привязали вѣтки деревьевъ. Землю, вынутую изъ глубокихъ орудійныхъ рвовъ, старательно просѣяли и разсыпали, чтобы не обнаружить измѣненіе поверхности грунта. Орудійные рвы и эполементы гаубицъ были соединены между собою траншеями. Много прикрытыхъ путей вели внизъ къ берегу рѣки и указывали на заботу о своевременной и безопасной доставкѣ воды, необходимой для поливки пыли, могущей обнаружить позицію при открытіи огня.

Когда всѣ мѣры по маскировкѣ позиціи были приняты, позаботились о томъ, чтобы обезпечить безопасность орудій и прислуги на случай обнаруженія позиціи. Блиндажи для прислуги настолько углубили въ землю и прикрыли такимъ количествомъ земли и толстыхъ балокъ, что позиція могла бы вполнѣ свободно выдержать огонь не только полевыхъ, но и осадныхъ орудій. Телефонныя станціи, склады боевыхъ припасовъ и проч. солидно обезпечили земляными сооруженіями съ толстыми балками. Расположили ихъ такъ, чтобы они были незамѣтны съ противоположнаго берега. Расположеніе всѣхъ построекъ было настолько удачно примѣнено

къ мѣстности, что, когда мы выѣхали осматривать ихъ, намъ невозможно было опредѣлить ихъ мѣсторасположенiе, несмотря на то, что оно было намъ приблизительно извѣстно. Такимъ образомъ, были приняты всѣ мѣры, чтобы путемъ скрытности и средствъ фортификацiи, насколько возможно, ослабить дѣйствiе непрiятельской артиллерiи. Оставалось только докончить приготовленiя для активныхъ дѣйствiй. Съ этой цѣлню были устроены двѣ наблюдательныя станцiи (обозначены на планѣ) на высотѣ 3000—4000 ярдовъ въ тылу батарей, откуда открывался превосходный видъ на русскiй лагерь позади Чiулiенченга и на продольныя пути сообщенiя въ тылу русскихъ траншей. Эти наблюдательныя станцiи были соединены съ гаубичными батареями телефономъ. На батареяхъ и на станцiяхъ имѣлись карты непрiятельской позицiи, раздѣленныя на квадраты, такъ что наблюдатели на южныхъ высотахъ могли немедленно сообщить на батареи номеръ квадрата, гдѣ появилась цѣль и такимъ образомъ сосредоточить на ней весь огонь. Кромѣ сего, на флангахъ батарей были устроены вышки, съ которыхъ офицеры могли слѣдить за дѣйствiемъ огня. Все это было закончено въ одну ночь. Несмотря на то, что грунтъ былъ очень легкiй для рытья, я былъ пораженъ, когда на слѣдующiй день увидѣлъ всю эту массу земляныхъ сооруженiй, платоформъ и огромныхъ балокъ. Большiя деревья были перенесены съ мѣста на мѣсто съ такою же легкостью, какъ садовникъ пересаживаетъ розовые кусты.

Къ разсвѣту все пришло въ порядокъ. Старый полковникъ изъ Ганновера, который многому научилъ меня въ военномъ дѣлѣ, обыкновенно настаивалъ на томъ, что „Ordnung und Pünktlichkeit“ (порядокъ и точность) должны служить единственными солидными основанiями для военнаго генiя. Въ такомъ случаѣ здѣсь японцы въ высшей степени позаботились о достиженiи „Ordnug und Pünktlichkeit“. Какъ я уже упоминалъ, артиллерiи было разрѣшено открыть огонь только въ отвѣтъ на огонь русскихъ. Японская артиллерiя не имѣла ни малѣйшаго представленiя о томъ, что даже это заблаговременное разрѣшенiе должно было быть отнято послѣ полудня. Дѣйствительно, они этого не знаютъ и теперь; вѣроятно никогда не узнаютъ.

Какъ бы то ни было, они горѣли желаніемъ открыть огонь и съ нетерпѣніемъ ожидали перваго выстрѣла русскихъ орудій. Въ предшествовавшіе дни эти орудія открывали огонь по мостамъ точно въ 7 ч., но въ этотъ знаменательный день, какъ будто случайно, они молчали. Выраженія досады, употребляемыя на японскихъ батареяхъ, превзошли бы по своей вульгарности языкъ, бывшій въ ходу у нашей арміи во Фландріи, если бы у японцевъ былъ бы достаточный запасъ ругательствъ. Минуты казались часами, и до 10 ч. утра ни одно русское орудіе какъ бы не рѣшалось нарушить господствовавшую тишину. Такимъ образомъ становилось необходимымъ держать себя болѣе смѣло и вызывающе.

Я считаю недопустимымъ, не смотря на оффиціальныя увѣренія, что двѣ лодки, наполненныя японскими саперами, выбрали какъ разъ это время для промѣровъ главнаго русла р. Ялу, плавая вверхъ и внизъ по рѣкѣ противъ Чукодаи (Chukodai). Припоминая традиціонную дружбу между артиллеристами и саперами, я склоненъ скорѣе предположить, что нѣсколько предпріимчивыхъ артиллеристовъ уговорили своихъ товарищей саперъ прибѣгнуть къ этому способу, чтобы вызвать огонь противника. Трудно предположить, чтобы какая бы то ни было артиллерія удержалась отъ огня, видя два большихъ, нагруженныхъ людьми понтона, спокойно плавающихъ въ небольшомъ разстояніи отъ дула ихъ орудій. Такъ и случилось въ дѣйствительности; русскіе открыли артиллерійскій огонь по этимъ понтонамъ, и немедленно же на нихъ обрушилась вся масса огня семидесяти двухъ орудій и двадцати гаубицъ японцевъ. Огонь русской скорострѣльной артиллеріи только первыя десять минутъ казался значительнымъ и опаснымъ нервно настроенному штабу арміи и смотрящей на все происходившее издалека японской пѣхотѣ. Вслѣдъ за симъ не только подавляющее превосходство въ числѣ японскихъ батарей и въ вѣсѣ выбрасываемаго ими металла, но и вся совокупность тщательной подготовки не замедлили произвести свой разрушительный эффектъ. Японцы были невидимы и сравнительно неуязвимы, расположеніе же русскихъ

бросалось въ глаза и почти что вездѣ поражалось. Въ тридцать минутъ русскія орудія принуждены были замолчать. Въ 11 ч. утра ихъ свѣжая батарея выѣхала на позицію на холмѣ къ востоку отъ Макау (Makau) и открыла огонь, но двѣ или три батареи гвардейской артиллеріи, достигнувшія въ это утро острова Кіурито, въ нѣсколько минутъ заставили и ихъ замолчать. Такимъ образомъ съ блестящимъ и легкимъ успѣхомъ окончилась столь тревожно ожидавшаяся артеллерійская дуэль, можетъ быть, послѣдняя въ своемъ родѣ. Почему, почему русскій генеральный штабъ пренебрегъ примѣромъ буровъ, которые такъ недавно показывали всему міру, какъ нужно пользоваться артиллеріей, уступающей въ числѣ противнику?

Во время артиллерійскаго сраженія 12-я дивизія заняла предназначенную ей позицію безъ всякихъ препятствій и принудила своимъ появленіемъ русскій батальонъ съ четырьмя орудіями быстро отступить съ Тигроваго холма, чтобы не быть отрѣзаннымъ отъ главныхъ силъ. Холмъ этотъ былъ занятъ гарнизономъ изъ одного гвардейскаго батальона и другого батальона, занятаго сооруженіемъ дороги черезъ острова для артиллеріи. Одновременно съ оставленіемъ русскими Тигроваго холма, т. е. въ полдень, японцы начали сооруженіе мостовъ какъ черезъ главное русло рѣки (показано на планѣ подъ „e“ и „g“) такъ и черезъ второстепенный ея протокъ (на планѣ f), какъ разъ внизу у Тигроваго холма. Всѣ эти мосты были закончены вскорѣ послѣ наступленія темноты. Въ теченіи дня должны были быть сдѣланы приспособленія для переправы артиллеріи 12-й дивизіи черезъ главное русло рѣки, съ цѣлью поддержать ея огнемъ атаку пѣхоты. Энергичная поддержка эта достигалась такимъ образомъ гораздо удобнѣе, чѣмъ если бы артиллерія оставалась на своихъ прежнихъ позиціяхъ. Ширина рѣки въ намѣченномъ мѣстѣ достигала 500 ярдовъ и такъ какъ сооруженіе моста было затруднительно, то было рѣшено переправить орудія въ теченіе ночи на плотахъ. Эта переправа ночью была такъ затруднительна, что къ развѣту 1-го мая только три батареи съ батальономъ прикрытія оказались на другомъ бе-

регу. Они и окопались у деревни Чукодаи (Chukodai). А въ это время всѣ три пѣхотныя дивизія достигли предназначенныхъ имъ позицій. Эти позиціи наглядно обозначены на планѣ вмѣстѣ съ артиллеріей различныхъ дивизій. Распредѣленіе частей по фронту, протяженіе фронта, глубина боевого порядка, дивизіонные и армейскіе резервы, однимъ словомъ весь боевой порядокъ представлялъ собою точную копію германскаго корпуса, атакующаго обозначеннаго противника. Въ 7 часовъ утра пѣхота начала свое наступленіе не замѣчая и признака противника, ибо ни съ Сурибачіамы (Suribachiyama *), ни съ холма сѣвернѣе его не было сдѣлано ни одного выстрѣла. Внушительность русскихъ позицій еще болѣе усиливалась полнымъ молчаніемъ. Одинъ японскій офицеръ, разсказывавшій мнѣ объ этомъ наступленіи, выразился такъ: „Если огонь противника очень силенъ, то это непріятно; если же онъ совершенно не стрѣляетъ, это ужасно“. Начальникъ штаба 1-й арміи выразился такъ: „Никто не зналъ, служило ли молчаніе русскихъ средствомъ заставить насъ подойти ближе или же они уже начали отступать, но большинство держалось перваго мнѣнія“, далѣе онъ прибавилъ: „молчаніе было крайне мучительно“.

Наконецъ 6 орудій русской батареи появились у Макау (Макау) и послали нѣсколько снарядовъ. Тогда вся масса атаковавшихъ войскъ вздохнула свободно и зашагала впередъ съ большимъ оживленіемъ. Гвардейская артиллерія набросилась на русскую батарею, какъ котъ на мышь и въ двѣ или три минуты заставила ее замолчать. Тогда русскіе попытались увести орудія, но были совершенно уничтожены огнемъ. Въ передокъ головнаго орудія попалъ необыкновенно удачно осколокъ шрапнели, и благодаря этому вся батарея принуждена была задержаться подъ огнемъ въ то время, когда она спускалась по такой узкой тропинкѣ, что остальныя орудія не могли даже объѣхать поврежден-

*) Холмъ былъ названъ японскими солдами Сурібачіяма по сходству съ опрокинутой посудой этого названія, въ которой въ Японіи толкутъ бобы для супа. Пр. авт.

наго передка. Достаточно было около восьми минутъ, чтобы совершенно привести въ негодность всю батарею.

Русская пѣхота вступила въ бой, стрѣляя залпами, только тогда, когда японцы достигли р. Айхо. Рѣка должна бы была быть переполненной тѣлами убитыхъ и раненыхъ. Обороняющимся было точно извѣстно разстояніе, которое не превышало 300—800 ярдовъ. Въ дѣйствительности однако японцы не понесли очень тяжелыхъ потерь. Русскій солдатъ самый плохой стрѣлокъ, по сравненію со стрѣлками другихъ большихъ армій Европы. Это я понялъ въ то время, когда я былъ начальникомъ Стрѣлковой школы въ Hyth *). Русскій солдатъ выпускаетъ небольшое количество пуль во время практической стрѣльбы и то большей частью залпами. Залпъ, это полное отрицаніе мѣткой стрѣльбы, такъ какъ онъ не допускаетъ индивидуальности стрѣлка, потому что стрѣлокъ никогда не знаетъ и не можетъ знать была ли его пуля въ числѣ промаховъ или попавшихъ въ цѣль. Кромѣ того, система залповъ не совмѣстима со стремленіемъ дойти до крайняго напряженія огня, достигаемаго нынѣ магазинными ружьями, такъ какъ каждый стрѣлокъ долженъ ждать, пока его слабѣйшій товарищъ изготовится къ выстрѣлу. Даже и тогда стрѣлокъ не можетъ произвести выстрѣла, а долженъ ждать, пока по мнѣнію его начальника всѣ точно прицѣлятся, что никогда не бываетъ одновременно. Залпъ, это не только отрицаніе мѣткости огня, но и индивидуальности въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Случайно онъ можетъ быть употребляемъ при необходимости убѣдиться въ сохраненіи дисциплины въ поколебленныхъ нравственно войскахъ. Кромѣ того залпами можно стрѣлять весьма осмотрительно съ большихъ дистанцій по большимъ цѣлямъ, неподвижнымъ или медленно двигающимся, наконецъ при атакѣ и оборонѣ ночью. Употребленіе же залповъ въ обыкновенныхъ случаяхъ должно скорѣе быть отнесено въ область давно прошедшей исторіи.

Во всякомъ случаѣ я думаю, что японцы предпочли бы имѣть противникомъ стрѣляющихъ изъ за валовъ залпами

*) Городъ въ южной Англіи. Пр. пер.

русскихъ, а не нѣсколько сотенъ бурскихъ стрѣлковъ. Русскіе окопы были расположены подобно тѣмъ, въ которыхъ старый Буръ убѣждалъ своего сосѣда малолѣтняго племянника не торопиться и продолжать тщательно цѣлиться „потому что", говорилъ онъ, „несмотря на то, что Rooinek'и *) теперь отъ насъ только въ 400 шагахъ и храбро подвигаются впередъ, ни одинъ изъ нихъ не дойдетъ до насъ, если ты хотя бы однимъ изъ трехъ патроновъ свалишь кого нибудь изъ нихъ, цѣля такъ же, какъ тебя учили на охотѣ на горныхъ козловъ". Слѣдуетъ допустить, что буры были не видимы, русскихъ же вполнѣ ясно видѣла не только атаковавшая пѣхота, но и артиллерія, что большая разница. Несомнѣнно, что дождь шрапнелей и безпрестанный свистъ пуль на волосъ отъ головы стрѣлковъ дѣлаетъ стрѣльбу самого искуснаго изъ нихъ менѣе мѣткой, чѣмъ если бы стрѣльба эта производилась изъ-за хорошихъ прикрытій черезъ амбразуры. Посредственный же стрѣлокъ болѣе склоненъ, спрятавъ свою голову, стрѣлять на удачу.

Не смотря на то, что всѣ признавали русскую стрѣльбу крайне плохой, все таки мѣстность была настолько открыта и темные мундиры японцевъ настолько выдавали ихъ сомкнутыя построенія, что они несли нѣкоторыя потери отъ огня, въ особенности при переправѣ черезъ р. Айхо. Потери эти были не особенно велики, однако заставили ихъ задержаться и даже, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отступить. Японцы въ этотъ періодъ кампаніи были еще не тѣ, которые должны были скоро, я думаю, очень скоро, начать свое наступленіе на Ляоянъ. Сами японскіе офицеры говорили, что со времени сраженія на р. Ялу довѣріе ихъ къ своимъ силамъ и увѣренность въ непремѣнной побѣдѣ удвоились. Они отступили, но не далеко и очень спокойно. Планъ японцевъ состоялъ въ томъ, чтобы не довести дѣла до атаки позиціи, продолжая бой на нѣкоторой дистанціи до тѣхъ поръ, пока обходное движеніе 12-й дивизіи не окажетъ своего дѣйствія. Тутъ случилось то же, что было съ шотландцами

*) Rooineks—прозвище данное Бурами англійскимъ солдатамъ по красному цвѣту ихъ мундировъ. Пр. пер.

Гордона *) при Дорнкопѣ (Doornkop), однако офицеры и люди быстро уяснили себѣ, что огонь былъ слишкомъ силенъ, чтобы выдержать этотъ поединокъ между войсками за закрытіями и совершенно открытыми и что не было другого исхода какъ идти впередъ или отступить. По всей линіи безсознательно повели наступленіе, гвардія безъ успѣха, пока на лѣвомъ флангѣ 2-я дивизія, одна изъ лучшихъ частей 1-й арміи, не захватила Чіуліенченгъ и западную часть Сурибачіямы. Тогда противникъ, бывшій противъ гвардіи, долженъ былъ начать поспѣшное отступленіе и въ тоже время русскій лѣвый флангъ у Секійо (Sekiyo) сталъ отходить къ югу до Хаматона и къ юго-западу въ направленіи къ Пекинской дорогѣ. Судя по описанію этой части сраженія въ японскихъ газетахъ, можно было прійти къ заключенію, что русскіе начали отступленіе вслѣдствіе обхода ихъ лѣваго фланга 12-й дивизіей. Въ дѣйствительности было совсѣмъ наоборотъ: атака и занятіе позицій на русскомъ правомъ флангѣ была причиной общаго отступленія русскихъ. 12-я дивизія при своемъ наступленіи отъ переправы на р. Айхо, встрѣтила самое незначительное сопротивленіе. По ней былъ открытъ огонь только орудіями у Секійо, которыя были принуждены скоро замолчать. Слабыя русскія передовыя части вдоль праваго берега этого участка рѣки въ это время уже отошли назадъ; вѣроятно потому, что съ одной стороны имъ нечѣмъ было отвѣчать но огонь 36 японскихъ горныхъ орудій, а съ другой стороны они могли догадаться, что наступленіе японскаго центра и лѣваго фланга могло отрѣзать ихъ отъ Пекинской дороги. Русскія войска, встрѣченныя 12-й дивизіей послѣ этого, не находились на противуположномъ берегу переправы, а были расположены у Секійо (Sekiyo), фронтомъ на сѣверъ и ожидая наступленія японцевъ по тому направленію, по которому они первоначально предполагали слѣдовать, т. е. изъ Чангсонга (Changsong) по Куантіенченской (Kiantienchen) дорогѣ. Если бы русскій отрядъ у Секійо занялъ позицію на скатахъ возвышенности у Ходайчоши (Hodaichoshi) напро-

*) Gordon Highlanders. Пр. пер.

тивъ Широшико (Shiroshiko), я полагаю, что 12-й дивизіи врядъ ли бы удалось совершить переправу безъ потери времени и значительной убыли людей. Рѣка Айхо въ этомъ мѣстѣ значительно глубже, чѣмъ далѣе внизъ по теченію и людямъ пришлось совершить переправу по глубокому броду, къ счастью безъ всякихъ препятствій со стороны русскихъ.

Знаменитая русская позиція на р. Ялу оказалась почти вся въ рукахъ японцевъ къ 9 ч. утра и обошлась имъ удивительно дешево. Они потеряли около 300 ч. убитыми и ранеными. Я повторяю, что, если бы русскіе расположились такъ, чтобы не представлять такой превосходной цѣли для японской артиллеріи и были бы лучшими стрѣлками, потери японцевъ должны были бы быть по крайней мѣрѣ въ пять разъ больше. Въ расположеніи русскихъ на оборонительной позиціи было много погрѣшностей, но позиція эта обладала такимъ свойствомъ, которое все это искупало, именно великолѣпнымъ обстрѣломъ. Къ тому же нѣмецкія построенія и темносиніе мундиры японской пѣхоты представляли отличную цѣль. Предположимъ, что остатки русской артиллеріи стали за ночь на позицію внѣ дѣйствительнаго выстрѣла японскихъ гаубицъ и полевыхъ орудій, однако не настолько далеко, чтобы лишиться возможности поражать своимъ огнемъ пунктъ переправы японцевъ на р. Айхо. Тогда русскіе заставили бы своего противника заплатить за переправу гораздо дороже. Но богъ войны, видимо не подсказывалъ защитникамъ сѣвернаго берега блестящихъ идей. Было 9 ч. утра. Офицеры японскаго штаба ставятся всегда въ примѣръ жестоко критикуемому штатскими британскому субалтерну. Однако я долженъ упомянуть о томъ, что хотя весь міръ, казалось, зналъ о желаніи японцевъ переправить свои орудія на другой берегъ рѣки, но всѣ старанія японскихъ офицеровъ были направлены въ дѣйствительности на откупориваніе бутылокъ шампанскаго, только что прибывшихъ въ русскія траншеи. Такимъ образомъ, едва смолкли раскаты жестокой, смертельной борьбы въ горахъ и долинахъ, какъ ихъ смѣнило хлопаніе пробокъ отъ шампанскаго, которое привѣтствовало появленіе на сцену „того мудраго

алхимика, который въ одно мгновенie свинецъ превращаетъ въ золото".

Сраженie было выиграно, а жатва если можно такъ выразиться, не собрана. „Какой бездѣльникъ крикнулъ стой"!? Теперь не время стоять!" послышалось изъ рядовъ мчавшагося эскадрона мадрасской кавалерiи, когда какой то несчастный офицеръ пытался собрать этотъ эскадронъ. Дадутъ ли когда либо японцы удовлетворительное объясненie тому, что происходило между 9 ч. утра и 2 ч. дня, я не знаю. Теперь каждый японскiй штабной офицеръ, касаясь этого вопроса, старается обойти его, убѣждая, что гвардiя и 12-я дивизiя были очень утомлены и голодны и нуждались въ отдыхѣ и пищѣ. Если все это слѣдуетъ понять буквально т. е. что японскiя войска были настолько утомлены, что не могли пройти еще милю или двѣ, чтобы войти въ тѣсное соприкосновенie съ противникомъ, то это утвержденie будетъ только злой сатирой на выносливую японскую пѣхоту. Если же вышеприведенное объясненie бездѣятельности японской армiи слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что генералы и штабы растратили всю свою энергiю, то въ этомъ мы найдемъ разгадку тайны, почему не только въ этомъ, но и во многихъ другихъ случаяхъ, за рѣшительнымъ въ началѣ успѣхомъ слѣдовала нерѣшительность въ дѣйствiяхъ.

Можетъ быть, необходимо пережить состоянie духа отвѣтственнаго начальника во время атаки, чтобы понять ту реакцiю облегченiя, которая наступаетъ послѣ крайняго напряженiя энергiи; „битва выиграна", шепчетъ на ухо какакой то голосъ, „противникъ отступаетъ; ради всего святого не мѣшай ему; какое право имѣешь ты жертвовать еще жизнью людей въ этотъ день?"

Какъ бы то ни было, но я полагаю, что благодаря моимъ настойчивымъ разспросамъ и особой любезности одного изъ самыхъ образованныхъ и предупредительныхъ японскихъ офицеровъ, имя котораго излишне упоминать, въ моемъ распоряженiи въ настоящее время находится почти что полный и правдивый сводъ данныхъ какъ о сраженiи при Хаматонѣ (Hamaton), такъ и о предшествовавшихъ ему дѣйствiяхъ. Я думаю, что въ немъ заключаются такiя свѣдѣнiя, которыя

врядъ ли будутъ опубликованы японскимъ генеральнымъ штабомъ послѣ войны. Вотъ напримѣръ: резервамъ въ 8 ч. утра было приказано съ возможной скоростью двинуться къ Сурибачіямѣ (Suribachiyama). Въ 9 ч. утра черезъ р. Айхо былъ перекинутъ мостъ, чтобы переправить на другую сторону двѣ батареи, которыя должны были содѣйствовать наступленію резервовъ. Большая часть русскихъ уже ускользнула заблаговременно изъ своихъ окоповъ и поэтому не понесла при отступленіи особенно значительныхъ потерь. Два батальона пѣхоты изъ ихъ резерва появились съ сѣверо-западной стороны Антунга и заняли позицію съ тремя пулеметами на холмѣ около 3000 ярдовъ къ западу отъ Чіуліенченга, откуда прикрывали отступленіе своихъ потерпѣвшихъ пораженіе товарищей. Какъ уже было упомянуто, общій планъ японцевъ состоялъ въ томъ, чтобы дѣйствуя выжидательно гвардіей и 2-й дивизіей на фронтѣ, дать время 12-й дивизіи обойти лѣвый флангъ противника. При совершеніи же переправы черезъ р. Айхо, войска на фронтѣ (гвардія и 2-я дивизія) принуждены были задержаться подъ огнемъ противника, и имъ ничего больше не оставалось, какъ или идти впередъ, отступить или погибнуть. Они двинулись впередъ, атаковали и заняли окопы русскихъ, прежде, чѣмъ обходное движеніе 12-й дивизіи дало себя почувствовать. Теперь же, когда русскими была занята невдалекѣ позади другая позиція, представлялось возможнымъ возстановить первоначальный планъ дѣйствій, выигрывая время для 12-й дивизіи, чтобы она могла совершить обходъ лѣваго фланга второй позиціи русскихъ. Къ несчастью, 12-й дивизіи не удалось совершить свой обходъ по достаточно крутой дугѣ, чтобы выйти за лѣвый флангъ противника и, благодаря присутствію русскаго отряда у Секійо (Sekiyo), ихъ фланговая атака превратилась во фронтальную. Русскіе оказали сильное сопротивленіе у Секійо, противъ праваго фланга 12-й дивизіи. Это заставило начальника дивизіи продвинуть свой лѣвый флангъ въ сѣверномъ направленіи, чтобы охватить русскихъ и отрѣзать ихъ отъ Пекинской дороги. Однако вмѣсто того, чтобы продвинуться по дугѣ нѣсколько влѣво, такъ, чтобы оказаться къ западу отъ Хаматона, 12-я дивизія

въ 10 ч. утра продвинулась нѣсколько вправо и фронтомъ на сѣверъ. Были отданы приказанія двигаться на Хаматонъ и кромѣ этого, ничего не было сдѣлано приблизительно до 11 ч. 30 м. утра. Какъ разъ въ это время Куроки приказалъ 2-й дивизіи наступать къ Антунгу по дорогѣ вдоль р. Ялу. Впереди ея былъ двинутъ 2-й кавалерійскій полкъ. Четыремъ резервнымъ батальонамъ, двумъ гвардейскимъ и двумъ батальонамъ 30-го полка было приказано слѣдовать за грардейской кавалеріей, по Пекинской дорогѣ. На планѣ № 2 видно, что цѣлью этого приказанія было направить резервы и гвардейскую кавалерію прямо на лѣвый флангъ русскаго аріергарда. Въ полдень начальникъ 2-й дивизіи генералъ-майоръ баронъ Ниши (Nishi) поднялся на Сурибачіяму (Suribachiyama), гдѣ находился командующій арміей со своимъ штабомъ, и доложилъ, что онъ не рѣшается привести въ исполненіе отданныя ему приказанія безъ необходимыхъ разъясненій, потому что дальнѣйшее наступленіе по указанной ему дорогѣ будетъ стоить такихъ потерь, которыя окажутся несоотвѣтствующими достигнутымъ результатамъ. Далѣе онъ упоминалъ о томъ, что русскій аріергардъ настолько прочно занимаетъ единственную дорогу къ Антунгу, что для движенія по ней ему необходимо предварительно выбить русскихъ фронтальной атакой изъ ихъ позицій. Генералъ Ниши прибавилъ, что онъ бы сдѣлалъ это, не спрашивая указаній, если бы онъ имѣлъ для содѣйствія артиллерію. Прибытіе гаубицъ нужно было ожидать очень долго, а мѣстность была настолько пересѣчена, что не было ни одной позиціи, съ которой полевая артиллерія 2-й дивизіи могла бы открыть огонь. Немного найдется начальниковъ, способныхъ послѣ мучительно тревожной ночи и утра, не обращать вниманія на цѣлый рядъ правдоподобныхъ доказательствъ только для того, чтобы убѣдить себя, что все идетъ прекрасно. Я слышалъ отвѣтъ лорда Кичинера при подобныхъ же обстоятельствахъ: „Выставляемыя Вами причины неисполненія отданнаго Вамъ приказанія весьма основательны; однако ступайте исполнить то, что Вамъ приказано!..“ Куроки же рѣшилъ, что такъ какъ главная позиція была взята, то дальнѣйшія жертвы, неми-

нуемыя при фронтальной атакѣ русскаго арьергарда, были бы нежелательны, и приказалъ генералу Ниши, оставаясь на мѣстѣ, ждать дальнѣйшихъ распоряженій. Очень жаль, что все это случилось, но несомнѣнно нужно быть исключительнымъ человѣкомъ, чтобы сумѣть оторвать свои мысли отъ ужасовъ сегодняшняго дня, и перенестись въ отдаленное будущее. Нужно твердо проникнуться сознаніемъ, что жертвы, кажущіяся сегодня чрезмѣрными и безполезными, окажутся совершенно ничтожными въ сравненіи съ тѣми, которыми придется заплатить за неполную побѣду.

Возвращаюсь отъ общихъ принциповъ къ ихъ выполненію. Въ теченіе 1-го мая н. с. Ниши упорно держался на мѣстѣ; 4 батальона изъ резерва тоже не двигались впередъ. Было ли это бездѣйствіе слѣдствіемъ приказаній высшаго начальства, какъ во 2-й дивизіи, или же войска эти находили свою задачу трудноисполнимой, но на ихъ фронтѣ происходили лишь мелкія стычки съ противникомъ, и до 2 ч. дня японцы не продвинулись далѣе немногихъ сотъ ярдовъ отъ Сурибачіямы. Въ это время 12-я дивизія медленно подвигались впередъ, задерживаемая сопротивленіемъ противника и крайнимъ утомленіемъ людей. Однако фактъ, что 12-я дивизія была въ состояніи продолжать движеніе, подтверждается тѣмъ, что гвардія и 2-я дивизія были способны на это несмотря на оффиціальное мнѣніе, что они были слишкомъ истощены. Достаточно взгляда на планъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что никто не двигался такъ долго по горамъ и долинамъ, какъ эти ихъ товарищи на правомъ флангѣ.

Наконецъ 12-я дивизія достигла пункта, откуда она угрожала отрѣзать путь отступленія двухъ батальоновъ русскаго аріергарда по Пекинской дорогѣ на Фенгхуанченъ. Къ этому времени (ок. 2 ч. дня) главныя силы потерпѣвшихъ пораженіе русскихъ вмѣстѣ съ ихъ обозами ускользнули подъ прикрытіемъ арьергарда и двигались на Фенгхуанченгъ, подъ угрозой лишь японской кавалеріи. Это было самымъ подходящимъ временемъ для русскаго аріергарда, чтобы начать свое отступленіе. Къ несчастью для него, двѣ его батареи съ прикрытіемъ застряли на крайне

узкой горной дорогѣ, ведшей къ Хаматону, какъ разъ позади позиціи.

Я просилъ многихъ офицеровъ дать мнѣ объясненіе, почему эти орудія такъ запоздали. Рискъ потерять двѣ батареи вполнѣ оправдывался бы, если бы они хоть на пять минутъ открыли огонь по переправлявшимся черезъ р. Айхо японцамъ. Или если бы арьергардъ воспользовался бы своими орудіями для удержанія японцевъ на извѣстномъ разстояніи, пока Чіуліенченгъ занимался русскими, то этими батареями можно бы было пожертвовать со спокойной совѣстью. Но такъ какъ мы видѣли, что эти батареи не произвели ни одного выстрѣла за данный промежутокъ времени, то становится страннымъ почему не были приняты мѣры для вывоза ихъ совсѣмъ изъ сферы пораженія. Наиболѣе основательными объясненіями я считаю то, что хотя русскіе и предполагали совмѣстное дѣйствіе артиллеріи и арьергарда, но не были въ состояніи до послѣдней минуты подвезти ее къ позиціи вслѣдствіе плохихъ дорогъ и большой потери въ лошадяхъ. Большія повозки, походныя кухни и тому подобныя помѣхи дѣлали дороги къ фронту позиціи еще болѣе непроходимыми. Передовыя части 12-й дивизіи своимъ близкимъ присутствіемъ у Хаматона угрожали единственному пути отступленія. Подошло время когда начальнику русскаго арьергарда предстояло принять одно изъ двухъ рѣшеній: или отступить, предоставивъ своей судьбѣ орудія, или же потерять и отрядъ и орудія. Онъ рѣшился попытаться отступить со своей пѣхотой, и вскорѣ послѣ 2 ч. дня началось очищеніе холма въ 3000 ярдовъ къ западу отъ Чіуліенченга. Какъ только это движеніе было замѣчено, Куроки отдалъ приказаніе всей арміи начать наступленіе и преслѣдовать.

Теперь слѣдуетъ обратиться къ плану № 3, который не только поможетъ объяснить себѣ событія лучше, чѣмъ всякія описанія, но и самъ по себѣ представляетъ въ высшей степени интересный документъ, какъ копія съ оригинала, даннаго мнѣ генералъ-маіоромъ Ватанабе (Watanabe), командовавшимъ войсками на этомъ участкѣ. Планъ этотъ былъ набросанъ во время самаго сраженія и тотчасъ же

послѣ него и былъ предназначенъ для генерала. Если вспомнить, что къ 1-му мая н. с. дни довольно коротки, то нужно отдать должную дань чертежному искусству его штаба. Первыми вошли въ соприкосновеніе съ противникомъ 2-й и 3-й батальоны 4-го гвардейскаго и 1-й батальонъ 30-го полка. Это было около 2 ч. 45 м. дня, и одновременно съ этимъ стали появляться на сцену передовыя части 12-й дивизіи. Въ началѣ и довольно продолжительное время, единственнымъ представителемъ 12-й дивизіи была столь знаменитая впослѣдствіи въ 1-й арміи, 5-я рота 24-го полка. Еслибы 12-я дивизія совершала бы свой обходъ лѣваго фланга русскихъ по дугѣ обыкновеннымъ способомъ, то этой ротѣ, находившейся на крайнемъ лѣвомъ флангѣ лѣваго батальона всей линіи, пришлось бы занять послѣдней изъ всѣхъ частей позицію, отрѣзывавшую русскихъ отъ ихъ пути отступленія. Но, какъ уже было объяснено выше, дивизія, благодаря обстановкѣ на ея участкѣ наступленія, была принуждена зайти нѣсколько лѣвымъ плечомъ и продвинуться на нѣкоторое разстояніе къ сѣверу. Когда отдано было приказаніе о преслѣдованіи, лѣвый флангъ всей линіи оказался какъ разъ на высотѣ Хаматона и къ востоку отъ него, а крайняя лѣвая рота нѣсколько впереди прочихъ, чѣмъ она и воспользовалась въ общемъ стремленіи достигнуть Хаматона.

Планъ достаточно ясно указываетъ на то, насколько крайне необходимо и важно было для русскихъ отбросить эту роту. Дѣйствительно, она непосредственно угрожала ихъ пути отступленія, занимая командующее положеніе въ разстояніи короткаго выстрѣла по отношенію къ дорогѣ, по которой уже отступала русская артиллерія. Кромѣ того, рота эта была ближе къ Хаматону, чѣмъ сами отступавшія войска. Соотвѣтственно этому главныя силы русскаго арьергарда приняли слѣдующія мѣры, чтобы отбросить 5-ю роту и задержать противника, непосредственно угрожавшаго тылу. Ихъ лѣвый флангъ удерживалъ пунктъ, обозначенный на планѣ $^{11}/_{3}$:, на фронтѣ они занимали въ данный періодъ боя тоже расположеніе какъ показано для японцевъ впослѣдствіи, правый же флангъ русскихъ кажется находился въ пунктѣ, обозначенномъ II/4.

Въ 3 ч. дня появился генералъ Ватанабэ съ 1-мъ батальономъ 4-го гвардейскаго полка и принялъ на себя командованіе отрядомъ. Нѣсколько минутъ ранѣе 4 ч. дня онъ приказалъ 30-му полку энергично атаковать фронтъ противника, а 10-й ротѣ и 4 гвардейскому полку обойти русскій правый флангъ. Этотъ обходъ увѣнчался успѣхомъ и русскій правый флангъ отступилъ черезъ узкую долину. Съ мучительнымъ трудомъ вскарабкались русскіе на длинный, обнаженный и острый какъ бритва хребетъ возвышенности, гдѣ и заняли позицію, показанную на планѣ. Я употребилъ выраженіе „съ мучительнымъ трудомъ" обдуманно, потому что я самъ взбирался на этотъ холмъ, причемъ мнѣ, ничѣмъ не стѣсняемому, пришлось ползти на рукахъ и колѣняхъ по 45 градусному скату, усѣянному къ тому же отдѣльными кремнями и осколками скалъ, дававшими ногѣ плохой упоръ.

Теперь было уже слишкомъ поздно, чтобы спасти русскую артиллерію. Русская же пѣхота могла бы еще благополучно отступить, если бы этому не помѣшало героическое самопожертвованіе 5-й роты 24-го японскаго полка.

Русскіе въ превосходныхъ силахъ находились противъ ея лѣваго фланга и были отъ него въ разстояніи только 300 ярдовъ, а немного сѣвернѣе дороги они были даже въ 200 ярдахъ. Капитанъ, командиръ роты былъ вскорѣ убитъ, а за нимъ той же участи подвергся его субалтернъ. Половина роты была перебита и переранена, патроны были на исходѣ. Несмотря на все это рота стойко держалась и отбивала русскихъ. Къ 4 ч. 30 м. дня обстановка складывалась такимъ образомъ: русскій лѣвый флангъ и центръ оставались еще на своихъ прежнихъ позиціяхъ, какъ показано на планѣ подъ $^{11}/_{3}$—I (что у дороги). Небольшой отрядъ отдѣлился отъ крайняго лѣваго фланга и дошелъ до пункта $^{9}/_{3}$i откуда онъ повелъ атаку на лѣвый флангъ 5-й роты 24-го полка. Русскій правый флангъ былъ отброшенъ съ пунктовъ $^{30}/_{1}$ и $II/_{4}$ назадъ къ вершинѣ длиннаго, остраго какъ бритва холма, гдѣ онъ и показанъ на планѣ. 10 и 12 японскія роты поднялись вслѣдъ за ними, гдѣ онѣ

и показаны подъ $^{10}/_4$ и $^{12}/_4$. Отсюда объ эти роты могли стрѣлять черезъ узкую долину въ тылъ русскаго лѣваго фланга, приблизительно въ направленіи къ $^{11}/_4$. Русскіе выдерживали этотъ огонь только нѣсколько минутъ. Подъ этимъ огнемъ, а также давленіемъ съ фронта они отступили со всей линіи вдоль восточнаго холма и спустились въ долину между этимъ холмомъ и другимъ, похожимъ на бритву. Атаковавшіе японцы немедленно же овладѣли хребтомъ возвышенности, очищенной русскими и взаимное положеніе обѣихъ сторонъ на этомъ участкѣ получилось совершенно такое, какъ изображено на планѣ. Я говорю на этомъ участкѣ потому, что какъ разъ въ это время, т. е. къ 4 ч. 40 м. дня, остальная часть 24-го полка, часть горныхъ орудій и людей 12-й дивизіи появились на полѣ сраженія, чтобы поддержать 5-ю роту. Это было очень кстати. Они подоспѣли какъ разъ во время, чтобы отбросить 300 русскихъ, двинувшихся уже въ штыки на поколебленныя остатки 5-й роты.

Рѣдко въ современныя войны войска находились въ такомъ крайне безнадежномъ положеніи, какъ эти несчастные русскіе къ 4 ч. 45 м. дня. Даже пользуясь превосходной картой генерала Ватанабэ, не побывавъ лично на мѣстности, трудно создать себѣ ясное представсеніе объ этой безпомощности. Западный или „холмъ-бритва“, какъ я уже упоминалъ, былъ крайне крутъ, со скатами подъ угломъ въ 45°. Онъ не имѣлъ абсолютно никакихъ закрытій и возвышался на 450 ф. приблизительно надъ долиной, черезъ которую пролегала дорога. Долина эта представляла собою абсолютную плоскость, гдѣ даже мыши трудно было спрятаться. Восточный холмъ, съ котораго русскіе только что были сброшены, былъ въ 550 футовъ высотою и также очень крутъ. Закрытій на немъ тоже не было. Потрясенные, но неустрашимые остатки 5-й роты 24 -го полка все еще преграждали выходъ изъ ловушки и каждое мгновеніе получали подкрѣпленіе орудіями и пѣхотой отъ 12-й дивизіи. Разъ русскіе были уже сброшены въ эту западню, казалось, что съ ними уже покончено, и генералъ Ватанабэ со штабомъ думалъ, что бой уже кончился.

Въ самомъ широкомъ мѣстѣ долина достигала только 800 ярдовъ. Орудія, повозки, и пѣхота наполнявшія долину, были въ самомъ безпомощномъ смятеніи и японцы занимали по отношенію къ нимъ такое же командующее положеніе, какое занимаетъ въ театрѣ галлерея надъ партеромъ. Однако, несмотря на все это, вѣчная слава русскимъ; они отказывались сдаться и въ то время, когда нѣкоторые изъ нихъ старались вырыть себѣ закрытія, другіе пытались уйти черезъ сѣверную вершину „холма-бритвы". Эти послѣдніе всѣ были перебиты. Японскій офицеръ говорилъ мнѣ, что ему противно было смотрѣть на избіеніе этихъ несчастныхъ. Они могли только очень, очень медленно подниматься вверхъ по крутому скату, а ихъ поражали изъ сотенъ ружей съ вершины высокаго холма, что къ востоку отъ дороги, Каждому охотнику было бы противно стрѣлять по дичи при такихъ условіяхъ, а по отношенію къ своимъ ближнимъ нѣтъ другого выбора, какъ или брать въ плѣнъ или же убивать. Сколько жизней, британскихъ и голландскихъ могло бы быть спасено, если бы мы послѣ штурма Таланскаго Холма (Talana Hill) не ослабили нашего огня изъ за неумѣстнаго состраданья и не позволили этимъ спастись большому числу противника! Русскія орудія стрѣляли по всѣмъ направленіямъ и храбро поддерживали огонь, но выстрѣлы ихъ становились все рѣже и рѣже по мѣрѣ того, какъ прислуга ложилась у орудій. Ружейный огонь тоже стихалъ понемногу, но такъ какъ русскіе продолжали окапываться, то нужно было съ ними покончить. Поэтому генералъ Ватанабэ приказалъ 10-й ротѣ 4 гвардейскаго полка пойти въ штыки. Въ это время взвился бѣлый флагъ.

Я хотѣлъ бы знать, удалось ли мнѣ мое повѣтствованіе настолько, чтобы сдѣлать дальнѣйшіе комментаріи излишними? Недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ дополнить мои воспоминанія. Увѣренность въ томъ, что семьдесятъ два японскихъ орудія, изъ которыхъ нѣкоторыя были 12 сант., немного умаляетъ интересъ состязанія обѣихъ артиллерій и мѣшаетъ уяснить себѣ особенности архаической артиллерійской тактики русскихъ. Однако трудно удержаться, чтобы не повторить уже сдѣланнаго предположенія:

что бы случилось, если бы русскіе убрали свою артиллерію въ самомъ началѣ къ высокимъ холмамъ въ тылу. Тамъ они были бы внѣ выстрѣла японской артиллеріи, а дальнобойность ихъ позволила бы забросать достаточнымъ количествомъ шрапнелей какъ берега р. Ялу и р. Айхо, такъ и промежуточные острова. Русская артиллерія могла бы даже и не скрывать своихъ позицій и не прибѣгать къ стрѣльбѣ по невидимой цѣли. Комбинацией этого послѣдняго способа стрѣльбы и прицѣльнаго огня русскіе могли бы продольно обстрѣливать линію р. Айхо и принести большую пользу своей родинѣ, несмотря на численное превосходство японской артиллеріи. Это удалось бы особенно тогда, если бы орудія были не только скрытно расположены, но разбиты по дивизіонно. Чтобы нанести вредъ противнику, наиболѣе существенное условіе видѣть его. Капитанъ одной изъ японскихъ гаубичныхъ батарей говорилъ мнѣ, что за все время артиллерійской борьбы въ день 30-го апрѣля н. с. русскіе не имѣли ни малѣйшаго представленія о томъ, гдѣ онъ находился. Ни одинъ снарядъ, какого бы то ни было рода, не упалъ ближе 300 ярдовъ къ японскимъ гаубицамъ и поэтому стрѣльба производилась ими такъ же спокойно, какъ на учебномъ полѣ. Стрѣльба эта была совершенно такъ же точна. Я насчиталъ на одномъ участкѣ, размѣромъ въ 15 и 14 ярдовъ, гдѣ расположена была русская батарея, восемь воронокъ отъ снарядовъ большой взрывчатой силы.

Еще разъ повторю, припомнивъ расположеніе русской артиллеріи 30-го апрѣля, что, если бы генеральный штабъ въ Петербургѣ тщательно изучилъ тактику артиллеріи, имѣющей дѣло со значительно превосходящимъ по числу противникомъ, напримѣръ, тактику буровъ, то русскимъ батареямъ удалось бы легче выйти изъ того ужаснаго положенія, въ которое онѣ были поставлены. Однимъ изъ самыхъ первыхъ уроковъ, вынесенныхъ нами изъ Южно-Африканской войны, былъ тотъ, что если въ началѣ артиллерійской дуэли ясно сознается подавляющее численное превосходство противника, то нужно немедленно убрать съ позиціи артиллерію изъ неравнаго боя прежде, чѣмъ она будетъ въ положеніи „hors de combat“, т. е. непригодна

къ дѣйствію. Если же орудія почему либо увезти нельзя, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ поставить прислугу за закрытія, пока не пронесется ураганъ. Крайне рѣдко случается, чтобы находящееся въ дѣйствіи орудіе было настолько серьезно повреждено непріятельскимъ снарядомъ, чтобы изъ него нельзя было стрѣлять. Можно подвергнуть батарею самому жестокому огню, даже сильно взрывчатыми снарядами и быть увѣреннымъ, что батарея эта нисколько не пострадаетъ послѣ получасовой бомбардировки. Я признаю, что учить людей прибѣгать къ закрытіямъ и оставлять орудія на произволъ судьбы до нѣкоторой степени опасно; людямъ, находящимся въ пылу сраженія, трудно судить, когда именно имъ слѣдуетъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и разъ она будетъ разрѣшена въ принципѣ, то они могутъ воспользоваться ею совсѣмъ не во время. Но всетаки, будетъ не трудно разъяснить людямъ, что ихъ прячутъ не для спасенія ихъ жизни, а только съ единственной цѣлью сохранить ее, чтобы пожертвовать ею въ необходимую минуту съ большимъ вредомъ для противника. Долгъ артиллеріи поддерживать огнемъ атакующую пѣхоту и защищать ее своимъ огнемъ, когда она атакована.

Артиллерія не должна продолжать слишкомъ долго борьбу съ непріятельской артиллеріей только для поддержанія славы своей части, рискуя такимъ образомъ ослабить себя въ той минутѣ, когда она должна будетъ съ какимъ бы то ни было рискомъ для себя, властно вмѣшаться въ борьбу пѣхоты. Американцы, достигшіе высокой степени искусства въ гражданскую войну, въ особенности въ концѣ ея, дали міру превосходный примѣръ. Такъ при Геттисбургѣ (Gettysburg) 2 іюля 1863 г., во время атаки Кладбищенскаго Холма (Cemetery Hill), Гентъ (Hunt), начальникъ федеральной артиллеріи, убралъ съ позиціи свои орудія, убѣдившись въ превосходствѣ силъ противника. Конфедераты рѣшили, что онъ разбитъ и послали въ атаку на холмъ свѣжую, знаменитую Виргинскую бригаду Пикетта. Орудія вдругъ появились вновь, какъ бы забывъ опасность въ такую рѣшительную минуту, и бригада была уничтожена.

Я привелъ этотъ примѣръ, какъ первый, пришедшій мнѣ

на память. Но нѣтъ ничего новаго подъ луной и можетъ быть можно найти еще болѣе подходящій примѣръ тому, какъ численно уступающая противнику артиллерія должна устранять себя отъ артиллерійской дуэли, сохраняя свои силы для дѣйствія противъ атакующей пѣхоты противника. Припомнимъ, какъ генералъ Ли употреблялъ свою артиллерію, обороняясь въ сраженіи при Фредериксбургѣ. Вскорѣ послѣ Американской Гражданской войны произошла Франко-Прусская. Французы не воспользовались указаніями опыта какъ должна дѣйствовать при оборонѣ численно уступающая противнику артиллерія. (Они могли бы легко изучить этотъ вопросъ на примѣрѣ Фредериксбурга) и это послужило однимъ изъ факторовъ ихъ пораженія при Вертѣ. Британская армія поступила не лучше, а пожалуй еще хуже. Въ 1898 и 1899 годахъ въ нашей артиллеріи очевидно было принято за аксіому, какъ при обученіи, такъ и на маневрахъ, что располагать скрытно орудія совершенно безполезно. Далѣе, мы были убѣждены, что въ то время, когда батареи очищаютъ путь атакующей пѣхотѣ, надо до полнаго истощенія поддерживать это неравное состязаніе. Когда буры начали дѣйствовать, какъ Ли, всѣ были удивлены. Выводъ изъ всего этого тотъ, что не только русская, но и всѣ прочія европейскія арміи неспособны пользоваться опытомъ другихъ, несмотря на то, что опытъ этотъ такъ ярко запечатлѣнъ на страницахъ исторіи. Еслибы русскіе артиллеристы на примѣрѣ 30-го апрѣля н. с. увидѣли черезъ десять минутъ, что дальнѣйшая борьба безполезна, то они могли бы разрушить весь планъ японцевъ, состоявшій въ полномъ уничтоженіи русской артиллеріи. Русскіе были бы въ состояніи угадать намѣренія противника и, въ теченіе ночи, они могли бы или занять новыя позиціи въ тылу, чтобы жестоко наказать японцевъ при ихъ переправѣ черезъ р. Айхо и прикрыть отступленіе своихъ войскъ или же совсѣмъ оставить поле сраженія, выйдя изъ предѣловъ преслѣдованія. Но оставаться на полѣ сраженія въ состояніи бездѣйствія, было самымъ неудачнымъ рѣшеніемъ.

Дѣйствія пѣхоты, такъ же какъ и артиллеріи, были слишкомъ односторонни, чтобы дать какія нибудь данныя

для военной критики. То обстоятельство, что 40.000 человѣкъ форсировали переправу, оборонявшуюся только 6.000, способно скорѣе отвлечь вниманіе отъ ошибокъ обороняющагося. Дѣйствительно, успѣхъ японцевъ казался неизбѣжнымъ, какъ бы искуссны ни были распоряженія и тактика русскихъ. Бросающаяся въ глаза профиль окоповъ русской пѣхоты, пожалуй, была самой грубой изъ всѣхъ ошибокъ. Артиллеріи не приходилось и мечтать о лучшей цѣли. Только полное прикрытіе головы стрѣлка могло бы еще возмѣстить этотъ недостатокъ рускихъ окоповъ. Они были грудной профили и не давали никакого закрытія головѣ стрѣлковъ; для этого не было принято никакихъ мѣръ. Но невозможно строго судить русскихъ за это упущеніе, потому что вообще нигдѣ на континентѣ не учатъ солдатъ, что устройство бойницъ есть наиболѣе важное усовершенствованіе полевыхъ окоповъ.

Со временъ Маджубы (Majuba) и до сего времени я постоянно держался того убѣжденія, что бойницы удваиваютъ значеніе всякаго закрытія и все, чему я былъ свидѣтелемъ за все это время, только еще болѣе утверждало меня въ моемъ мнѣніи. Даже во время самой атаки стрѣлокъ всегда можетъ найти прикрытіе своему тѣлу, если же его не имѣется, то создать таковое, быстро собравъ кучу камней или вырывъ яму лопатой. Въ такомъ случаѣ онъ будетъ находится по крайней мѣрѣ въ сходныхъ условіяхъ съ обороняющимся, который при стрѣльбѣ долженъ высунуть голову изъ за легко обнаруживаемыхъ глазомъ окоповъ. Дѣйствительно, наступающій гораздо менѣе замѣтенъ и поэтому не представляетъ удобной цѣли для артиллерійскаго огня. Для того, чтобы уравновѣсить условія обѣихъ сторонъ, въ особенности же облегчить положеніе обороняющагося, осужденнаго на относительное бездѣйствіе во время наступленія противника, крайне необходимо устройство бойницъ или же соотвѣтствующаго закрытія для головъ стрѣлковъ. И только тогда солдатъ среднихъ достоинствъ будетъ въ состояніи поддерживать хладнокровный и мѣткій огонь, несмотря на дождь шрапнелей и свистъ пролетающихъ мимо его ушей пуль. Иначе онъ будетъ стрѣлять

торопливо и давать перелеты, ибо инстинктъ самосохраненія будетъ заставлять его, спустивъ какъ можно скорѣе курокъ, стараться спрятать свою голову ниже на двѣнадцать дюймовъ, которые хотя не на долго избавятъ его отъ смертельной опасности. Конечно, я знаю, что типъ солдата, созданный воображеніемъ писателей и военныхъ корреспондентовъ никогда не прячетъ своихъ головъ. Но какъ часто мнѣ приходилось слышать окрики офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, на людей, сидѣвшихъ за окопами или скалами: „Головы выше! Держите выше головы!“ Но я боюсь, что я вдаюсь въ излишнія подробности.

Что касается до кавалеріи, японской и русской, то обѣ онѣ ничего не сдѣлали. чѣмъ весьма удивили нѣкоторыхъ моихъ товарищей. Одинъ изъ нихъ, который, какъ и я, держался того убѣжденія, что для кавалеріи типа Фридриха Великаго нѣтъ мѣста на поляхъ сраженій, находилъ это бездѣйствіе кавалеріи вполнѣ естественнымъ и ни сколько не неожиданнымъ. Кавалерія, обученная какъ хорошая пѣхота, могла бы много сдѣлать для обѣихъ сторонъ, дѣйствуя въ спѣшенномъ строю. Случаи для подобнаго ея употребленія представлялись, какъ во время самого сраженія при Ялу, такъ и послѣ него. Но даже самые ярые приверженцы тактики „пики“ и сабли, вспомнивъ рядъ событій и характеръ мѣстности, врядъ ли будутъ въ состояніи указать на случай когда лошадь могла бы принести хоть какую нибудь пользу, исключая только возможность быстро перенести стрѣлка къ нужному мѣсту.

Говоря вообще, позиція русскихъ не имѣла никакой глубины. Продольныя сообщенія естественно были очень плохи и легко обнаруживаемы съ японскихъ наблюдательныхъ станцій на холмахъ лѣваго берега рѣки и подъ огнемъ японскихъ батарей у русла рѣки. Какъ только фронтъ былъ бы прорванъ въ какомъ нибудь мѣстѣ, русскимъ не оставалось другого выбора, какъ постараться отступить по единственной дорогѣ. Этотъ недостатокъ относится не только къ позиціи, занятой Засуличемъ, но также и къ позиціи Кашталинскаго, которая была въ дѣйствительности атакована. Я предполагаю, что Засулича будутъ осуждать за то,

что онъ не предугадалъ мѣста, гдѣ японцы совершили переправу и не принялъ мѣръ къ соотвѣтственному сосредоточенію своихъ силъ. Ясно, что поступивъ такимъ образомъ, онъ по крайней мѣрѣ удвоилъ бы весьма слабый шансъ русскихъ на успѣхъ. Конечно, казалось бы, что сооруженіе шести мостовъ могло бы служить ему болѣе, чѣмъ намекомъ на тотъ пунктъ, гдѣ японцы собирались переправиться. Русскимъ, во всякомъ случаѣ, должно было быть извѣстнымъ существованіе трехъ мостовъ, по которымъ они стрѣляли. Но если даже и тогда было мѣсто для сомнѣній, то въ полдень 30 апрѣля н. с., когда двадцать японскихъ гаубицъ послали черезъ рѣку свой наглядный привѣтъ, нужно бы было прійти къ опредѣленному заключенію что Чіуліенченгъ и его окрестности будутъ полемъ сраженія. Вѣдь 12-ти сантиметровыя гаубицы трудно перебрасывать съ мѣста на мѣсто для демонстрацій! Сами гаубицы могутъ быть и не тяжелѣе полевыхъ орудій, но ихъ парки гораздо тяжелѣе полевыхъ и потому менѣе подвижны. Гаубицы требуютъ соотвѣтственныхъ платформъ, да и не употребляются обыкновенно для демонстрацій. Кромѣ того, 12-я дивизія уже переправилась на разсвѣтѣ черезъ р. Ялу и несомнѣнно, что нужно было ждать ея попытки соединиться съ остальными частями арміи гдѣ нибудь по близости отъ мѣста слiянія рѣкъ Ялу и Айхо.

Я увѣренъ, что Засуличъ былъ бы вполнѣ правъ, если бы сосредоточилъ главныя силы своего отряда для непосредственной поддержки Кашталинскаго въ ночь 30-го апрѣля. Но съ другой стороны, нужно вспомнить, что до послѣдняго времени у русскихъ были основанія опасаться высадки у Антунга. Этотъ случай служитъ превосходнымъ примѣромъ вліянія морскихъ операцій на сухопутную стратегію. Всетаки можно было допустить, что вся 1-я армія только демонстрируетъ и, какъ только закончится сосредоточеніе русскихъ силъ у Чіуліенченга, отдѣльный японскій экспедиціонный отрядъ могъ бы подняться вверхъ по рѣкѣ отъ Чиннампо (Chinnampo) къ Антунгу и отрѣзать русскихъ отъ Фенгхуанченга. Но не намъ приходится критиковать русскихъ, пусть мою критику докончатъ тѣ, которые увѣрены,

что поступили бы лучше. Одно обстоятельство не допускаетъ сомнѣній. О результатахъ этого сраженія нельзя судить не принимая въ разсчетъ силы сторонъ, вліяніе мѣстности, количество орудій и людей, взятыхъ въ плѣнъ, и прочія матеріальныя условія.

Ко времени объявленія войны японцы представляли дѣйствительно грозную силу. Они были храбры, дисциплинированы, полны энтузіазма, хорошо обезпечены офицерами и хорошо организованы. Они полагали, что русскіе были слабы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Однако, въ глубинѣ души, у нихъ всетаки было смутное опасеніе, что европеецъ окажется на полѣ сраженія лучше ихъ. Это неопредѣленное чувство страха передъ европейцами теперь исчезло; и исчезло навсегда. Нѣкоторые мыслители предлагали фаталистическое ученіе о томъ, что войны, побѣды и пораженія предопредѣлены заранѣе; что совокупность безконечно незначительныхъ самихъ по себѣ дѣйствій, чувствованій и мыслей сотенъ тысячъ неизвѣстныхъ другъ другу людей приводятъ къ неизбѣжному результату тріумфа или пораженія для ихъ стороны; и что такъ называемые, великіе полководцы служатъ въ исторіи скорѣе для обозначенія того или другого міроваго явленія.

По моему мнѣнію слѣдовать ученіямъ этихъ теоретиковъ опасно. Я еще допускаю, что страна можетъ имѣть геніальныхъ, хорошихъ или плохихъ генераловъ по ея заслугамъ, т. е. у народа высокихъ качествъ должны найтись и отличные генералы и наоборотъ. Но геніальный полководецъ уже не одно заглавіе его эпохи: онъ самъ создаетъ исторію. Однако его не было на маньчжурскихъ поляхъ сраженій. Не спеціалисты еще могутъ быть приведены въ восхищеніе подвигами Куроки, но мы, военные, не должны забывать критики. 25-го Апрѣля н. с. Японцы съ подавляющими численно войсками стояли противъ врага, раздѣленные лишь двумя рѣками и соотношеніе силъ было имъ хорошо извѣстно. Однако они не рѣшились на энергичный шагъ, пока всѣ ихъ сложныя приготовленія не были закончены. Пусть нѣмцы всѣмъ этимъ восхищаются если имъ это угодно; но это не примѣненіе принциповъ Марльборо (Marl-

borough), Наполеона или Ли, благодаря которымъ они создали себѣ безсмертную славу. Въ тотъ день, когда японцы встрѣтятся съ дѣйствительно первоклассным полководцемъ, страсть къ принятію безчисленныхъ мѣръ для безопасности операціи можетъ послужить причиной пораженія нашихъ осторожныхъ, маленькихъ друзей.

Благодаря счастливой случайности, мнѣ удалось побесѣдовать съ подполковникомъ Курита (Kurita), который сообщилъ мнѣ нѣкоторыя подробности о попыткѣ русской кавалеріи прервать японскія сообщенія въ Кореѣ. Подполковникъ Курита штабъ-офицеръ, завѣдывавшій этими путями сообщеній въ штабѣ арміи и его разсказъ послужитъ дополненіемъ къ описанію сраженія на р. Ялу. Русскій подполковникъ Моторировъ *) (Motoriroff) былъ отлично извѣстенъ японскому развѣдочному бюро благодаря своимъ многочисленнымъ поѣздкамъ по сѣверной Кореѣ съ цѣлями развѣдки страны передъ войной. 10-го мая н. с., когда штабъ 1-й арміи все еще находился въ Антунгѣ, получено было донесеніе, что городъ Анжу (Anju) окруженъ непріятелемъ. Къ этому времени сообщенія 1-й арміи должны были быть перенесены изъ Кореи на Антунгъ, гдѣ намѣревались устроить базу. Старая же коммуникаціонная линія должна была быть передана особымъ войскамъ, предназначавшимся для формированія особой, оккупаціонной арміи въ Кореѣ. Къ этому времени въ штабѣ 1-й арміи не имѣлось никакихъ свѣдѣній о величинѣ гарнизона, оставленнаго въ Анжу и генералъ Куроки вначалѣ былъ этимъ страшно озабоченъ; въ особенности потому, что хотя приказъ о перемѣнѣ линіи сообщенія былъ уже отданъ, однако было извѣстно, что значительное количество весьма цѣнныхъ запасовъ еще не было убрано изъ этапныхъ магазиновъ старой линіи. Донесеніе о появленіи русскихъ у Анжу было послано начальникомъ почтовой конторы въ Казанѣ и въ его первомъ донесеніи не было ничего, кромѣ голаго факта.

Впослѣдствіи выяснилось, что гарнизонъ Анжу состоялъ

*) Вѣроятно подполковникъ Мадритовъ. Пр. пер.

изъ семидесяти пѣхотныхъ резервистовъ подъ командой капитана; кромѣ того въ городѣ находились 1 унтеръ-офицеръ и 8 нижнихъ чиновъ интендантскаго вѣдомства; одинъ интендантскій чиновникъ съ унтеръ-офицеромъ и переводчикомъ занимались очисткой риса, пять солдатъ и два жандарма наблюдали за „кули", кромѣ того, тамъ были пять почтальоновъ, девять телеграфистовъ, докторъ, аптекарь и пятьдесятъ завербованныхъ „кули". Ружья убитыхъ при р. Ялу были отосланы въ г. Анжу и кромѣ вышеупомянутаго разношерстнаго гарнизона могло найтись не болѣе 30 человѣкъ, умѣвшихъ стрѣлять. Такимъ образомъ, всего на всего, гарнзонъ г. Анжу насчитывалъ не болѣе 100 ружей! Трудно найти болѣе убѣдительное доказательство пользы всеобщаго военнаго обученія или нагляднѣе понять, какъ низко упала военная доблесть британцевъ со времени Азинкура и Креси. Изъ 75 японцевъ, людей самыхъ различныхъ профессій, нашлось 30, которые умѣли обращаться съ ружьемъ. Интересно бы было знать, сколько британцевъ изъ такой же смѣшанной компаніи могли-бы различить прикладъ отъ дула ружья. Я думаю, что по примѣрному подсчету одинъ изъ пяти.

Къ вечеру 9-го на постъ дошелъ слухъ, что не подалеку находятся русскіе; однако подтвержденія этому не послѣдовало. Такъ какъ давно уже ходило много подобныхъ слуховъ, и они не подтверждались, то этимъ свѣдѣніямъ не придали значенія. Впослѣдствіи узнали, что подполковникъ Моториров (Мадритовъ?) спустился сюда съ 500 казаковъ и благодаря его знанію мѣстности и дорогъ, съумѣлъ избѣжать столкновенія съ японцами.

Городъ Анжу былъ окруженъ стариннымъ валомъ, немного напоминавшимъ валы Фенгхуанченга. Въ обоихъ случаяхъ валъ достигалъ тридцати футовъ высоты, и представлялъ продолговатую фигуру размѣрами около 300 и 200 ярдовъ. Внутри имѣлся какъ бы прикрытый путь, такъ что люди, стрѣляя изъ-за валовъ, были прикрыты до высоты плечъ. Въ Анжу имѣлось семь широкихъ воротъ.

Вскорѣ послѣ разсвѣта появился противникъ, двигаясь на коняхъ въ направленіи къ восточнымъ воротамъ. Постъ

открылъ по нему огонь, заставилъ его задержаться и далъ этимъ время капитану собрать своихъ сто стрѣлковъ и распредѣлить ихъ по разнымъ воротамъ. Къ 7 ч. утра противникъ увеличился въ числѣ и около 200 казаковъ появились на холмѣ, примыкавшемъ къ Анжу съ востока. Противъ этихъ 200 было только 30 японцевъ, разсыпанныхъ вдоль соотвѣтствовавшей части ограды. Спустя нѣсколько минутъ послѣ 7 ч. утра, 50 русскихъ кавалеристовъ пошли галопомъ въ атаку на восточныя ворота. Дорога, вдоль которой они скакали, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ понижалась и поэтому только нѣсколько японскихъ стрѣлковъ могли ихъ обстрѣливать. Они открыли огонь пачками и имъ удалось убить офицера, ведшаго атаку и четырехъ—пять его людей. Послѣ этого противникъ отступилъ, несмотря на то, что нѣкоторые изъ казаковъ подскакали почти что на 50 ярдовъ къ воротамъ. Почти одновременно съ этимъ, другой отрядъ русскихъ появился съ сѣвера и пытался сжечь мостъ черезъ р. Чонгчунъ (Chongchun). Какъ разъ тамъ въ 800 ярдахъ къ западу, внѣ валовъ укрѣпленія, имѣлся продовольственный складъ, гдѣ были разгружены на первое время прибывшія по рѣкѣ лодки. Посту изъ восьми человѣкъ было приказано охранять этотъ важный, но столь опасно удаленный, складъ. Три человѣка съ этого поста вышли изъ-за его закрытій и подъ сильнѣйшимъ огнемъ, пытались потушить огонь уже загоравшагося моста. Удивительно, что всѣ они остались цѣлы и невредимо вернулись къ своему закрытію. Каждый изъ нихъ впослѣдствіи получилъ „Кэнджо“ (Kanjo) или „почетный отзывъ“ отъ начальника отряда.

Другой русскій отрядъ появился съ востока и, спѣшившись, началъ приближаться къ городу; еще одинъ отрядъ приближался прямо съ юга, а на поддержку отряда, пытавшагося сжечь постъ, съ сѣвера двигался еще другой отрядъ. Къ 10 ч. у. укрѣпленіе города Анжу было окружено со всѣхъ сторонъ. Всѣ ворота были забаррикадированы и небольшой гарнизонъ, долженъ былъ положиться на свои собственныя силы, безъ большой надежды на успѣхъ. Въ 3 ч. дня противникъ почти добрался до склада

продовольствія, и оберегавшему его посту изъ восьми человѣкъ приходилось вести тяжелую борьбу. Къ счастью, въ самую критическую минуту подоспѣло на сцену подкрѣпленіе изъ семидесяти японцевъ при офицерѣ. Этотъ небольшой отрядъ, возвращаясь изъ Пингъянга (Pingyang), заночевалъ по дорогѣ и ничего не зналъ о происходившемъ, пока не подошелъ на милю разстоянія и не услышалъ перестрѣлки. Они спокойно двигались безъ всякихъ мѣръ охраненія. Однако, офицеръ, начальникъ этого отряда, быстро уяснилъ себѣ обстановку и бросился впередъ въ боевомъ порядкѣ, заходя противнику въ тылъ, съ южной стороны города. Это показалось русскимъ, атаковавшимъ на этомъ участкѣ, слишкомъ опаснымъ и они быстро отступили въ восточномъ направленіи. А въ это время, сильно насѣдавшій на продовольственный складъ отрядъ русскихъ, почти что захватившій уже его, принужденъ былъ уйти къ западу. Такимъ образомъ дорога къ г. Анжу была свободна и въ него вступило подкрѣпленіе, радостно встрѣченное гарнизономъ. Этотъ подъемъ духа гарнизона былъ пожалуй важнѣе, чѣмъ прибытіе еще семидесяти человѣкъ, которые, конечно, не были лишними.

Послѣ нѣкотораго совѣщанія оба японскіе офицера пришли къ заключенію, что имъ теперь слѣдуетъ перейти въ наступленіе. Соотвѣтственно этому рѣшенію, около половины гарнизона сдѣлало вылазку изъ юго-восточныхъ воротъ и обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ короткой дистанціи съ противникомъ, бросились на него въ штыки, заставивъ его отойти на возвышенность въ разстояніи около 400 ярдовъ, гдѣ противникъ оставался пока не стемнѣло. Японцы удерживались на занятой ими позиціи и рѣшили атаковать русскихъ съ разсвѣтомъ. Однако на утро обнаружилось, что противникъ совсѣмъ удалился. Потери японцевъ были 3 человѣка убитыхъ и 7 раненыхъ, отрядъ русскихъ состоялъ изъ 3-хъ сотенъ казаковъ подъ личной командой подполковника Моторирова (?). Поддержкой имъ служили: рота ѣздящей пѣхоты *) 1-го сибирскаго стрѣл-

*) Конная охотничья команда. Пр. пер.

коваго полка и такая же рота отъ 15-го сибирскаго стрѣлковаго полка. Въ общемъ силы русскихъ достигали до 500 человѣкъ. Они потеряли: два офицера и четырнадцать нижнихъ чиновъ убитыхъ, тридцать пять раненыхъ и, кромѣ того, одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ нижній чинъ плѣнными. Начальникъ этапнаго пункта въ Анжу былъ старый унтеръ-офицеръ, произведенный въ офицеры во время послѣдней китайской войны. Когда подошло время производства въ капитаны, онъ подалъ рапортъ, въ которомъ весьма серьезно доносилъ высшему начальству, что онъ чувствуетъ себя неспособнымъ командовать ротой. Однако онъ оказался способнымъ не только командовать ротой, а еще получилъ „почетный отзывъ“ за боевыя отличія.

ГЛАВА VIII.

Военныхъ агентовъ развлекаютъ.

Фенгхуангченгъ, Мая 19-го (н. с.) 1904.—Послѣднее время мнѣ очень хотѣлось убѣдиться, заставилъ ли японцевъ опытъ при Ялу измѣнить какимъ либо образомъ ихъ построенія для атаки, но только сегодня утромъ мнѣ представился для этого подходящій случай. Если бы я запросилъ объ этомъ оффиціально, то высшее начальство дало бы процензурованный отвѣтъ, предназначенный для всѣхъ военныхъ агентовъ, чѣмъ я, конечно, не могъ бы удовлетвориться. Итакъ, выѣхавъ въ 7 ч. утра этимъ майскимъ утромъ одинъ безъ провожатыхъ, я встрѣтилъ роту пѣхоты, укрывшуюся въ складкахъ мѣстности, очевидно приготовившуюся къ дѣйствію. Часть впадины, гдѣ я набрелъ на свою счастливую находку, представляла маньчжурское кладбище, большія земляныя насыпи котораго служили людямъ превосходнымъ закрытіемъ какъ отъ взоровъ, такъ и отъ огня противника. Я рѣшился скорѣе умереть на своемъ посту, чѣмъ пропустить случай что либо увидѣть. Поэтому я подобралъ поводъ и сталъ выжидать событій съ приличной дистанціи. Капитанъ роты не замедлилъ подойти ко мнѣ и, какъ я и предполагалъ, пожелалъ мнѣ только для вида „добраго утра"; въ дѣйствительности же цѣль его была разузнать, кто я такой и что мнѣ нужно. При подобныхъ случаяхъ очень выгодно быть генераломъ. Если бы я имъ не былъ то, по моему убѣжденію, меня любезно заставили бы удалиться. Къ счастью офицеръ этотъ говорилъ по нѣмецки и я былъ въ состояніи убѣдить его, что я на слишкомъ много старше его, чтобы такъ поступать со мной и что я не болѣе не менѣе, какъ невинный

любитель науки. Такимъ образомъ онъ сдѣлался необыкновенно любезнымъ и откровенно посвятилъ меня въ полученныя имъ инструкціи. Онъ началъ со своей роты. Его рота принимала активное участіе въ атакѣ Чіуліенченга и съ ея позиціи у резерва можно было наблюдать все происходившее у Хаматона. Капитанъ былъ очень доволенъ германской системой развертыванія. Система эта можетъ быть ведетъ къ небольшимъ лишнимъ потерямъ, но, коль скоро русскими употребляются еще болѣе плотныя построенія, то онъ не высказался въ пользу крупныхъ измѣненій ея въ смыслѣ удлинненія фронта.

Всѣ прочіе офицеры и треть людей были въ тотъ день въ караулѣ. Поэтому онъ рѣшилъ воспользоваться этимъ утреннимъ ученіемъ, чтобы дать необходимыя указанія унтеръ-офицерамъ. Съ этой цѣлью онъ рѣшилъ повести маневръ съ самаго начала развитія боя и предоставить самимъ людямъ принимать соотвѣтственныя рѣшенія. Заданіе для предстоящаго маневра состояло въ слѣдующемъ: рота представляла собою крайній лѣвый флангъ атакующей японской арміи, а находившійся противъ нея противникъ, крайній правый флангъ русской оборонительной позиціи. Въ разстояніи около 1500 ярдовъ къ сѣверу отъ кладбища, гдѣ лежала спрятавшись рота, возвышался покрытый лѣсомъ холмъ около ста футъ высотой. Здѣсь предполагалась окопавшаяся русская рота. Мѣстность на протяженіи первыхъ 200 ярдовъ между японцами и цѣлью ихъ дѣйствій была пересѣченнаго характера и представляла цѣлый рядъ закрытій. Отсюда далѣе, вплоть до подножія непріятельской позиціи на холмѣ, мѣстность была абсолютно ровная, свѣже вспаханная, трудная для движенія и совершенно лишенная закрытій. Это былъ такой участокъ мѣстности, хуже котораго для идущаго подъ огнемъ въ атаку солдата трудно было себѣ представить.

По отрывистому слову команды и знаку капитанской сабли около одной трети роты выскочила изъ закрытія, сдѣлала перебѣжку около 100—150 ярдовъ, бросилась на землю и открыла огонь. Люди бѣжали съ дѣйствительно ошеломляющей скоростью. Я вскочилъ на свою лошадь и

поскакалъ вмѣстѣ съ этой частью роты. Каждый нижній чинъ выбиралъ для себя наилучшій путь съ тѣмъ глубоко сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, которое удается вызвать на физіономіи англо-саксонца по крайней мѣрѣ крикетному шару, мячу *) или поло.

Интервалы между людьми были около одного ярда, но съ развитіемъ атаки эти интервалы стали постепенно сокращаться, пока кое гдѣ люди не сошлись плечомъ къ плечу. На стрѣльбу было потрачено очень мало времени и меньше чѣмъ черезъ минуту другая перебѣжка продвинула эту часть роты впередъ, на разстояніе около 1200 ярдовъ отъ позиціи. Эта первая часть роты была подкрѣплена сзади другою частью, продвинувшейся во время ея наступленія быстрымъ шагомъ впередъ и удлиннившей фронтъ влѣво. Къ моему удивленію эта поддержка прошла все разстояніе около 400 ярдовъ сразу, однимъ ужаснымъ усиліемъ воли. Не только наши солдаты не способны на это, но и солдаты какой либо другой континентальной, азіатской или американской арміи, которыхъ мнѣ приходилось видѣть. Далѣе наступленіе продолжалось перебѣжками частями на 100 ярдовъ и при каждой остановкѣ давалось не больше минуты на стрѣльбу. Въ разстояніи 800 ярдовъ отъ непріятельской позиціи цѣпь была усилена остальной частью роты, двигавшейся тѣмъ временемъ совершенно самостоятельно не стрѣляя къ закрытію ввидѣ фанзы, стоявшей на правомъ флангѣ всего фронта наступленія.

Эта послѣдняя поддержка удлинила цѣпь вправо и отсюда перебѣжки дѣлались по полуротно до послѣдней остановки въ разстояніи около 350 ярдовъ отъ предполагаемой русской позиціи. Тутъ раздались сигналы на трубахъ, люди примкнули штыки и бросились въ атаку съ крикомъ „Уа-а-а!“, пробираясь черезъ глубоко вспаханную землю съ поразительной быстротой и не переходя въ шагъ, пока не взобрались на двѣ трети горы. Какъ мнѣ объяснили, при ученьи было предположено, что русскіе очистили позицію. Вотъ гдѣ причина короткой стрѣльбы на послѣднихъ позиціяхъ

*) Foot-ball.

и вообще ускореннаго хода всего маневра. Я не думаю, чтобы весь этотъ маневръ занялъ болѣе четверти часа. Во всякомъ случаѣ онъ не длился двадцати минутъ, хотя я не могъ слѣдить точно за временемъ, неосмотрительно позабывъ дома свои часы. Было вполнѣ ясно, что на стройность движенія и на точное соблюденіе интерваловъ обращалось меньше вниманія, чѣмъ на развитіи энергіи и сообразительности, цѣлью чего и былъ весь маневръ. Въ общемъ я могу сказать, что эта атака способна устрашить хоть кого угодно. Это атака дервишей, вооруженныхъ современными ружьями и поддержанныхъ артиллеріей, которая, какъ кажется, не хуже нашей по своему личному составу и лучше нашей въ техническомъ.

Поздравляя капитана съ успѣшными маневрами, я спросилъ его, не думаетъ ли онъ, что употребленіе подобныхъ плотныхъ строевъ съ самаго начала боя поведетъ къ излишнимъ потерямъ? Онъ возразилъ мнѣ готовымъ германскимъ отвѣтомъ: „Нельзя одержать успѣха безъ потерь“ и я не сталъ оспаривать справедливость этого мнѣнія. Несомнѣнно, построеніе было слишкомъ плотное. Если бы то же протяженіе фронта было бы занято четвертой частью людей съ 1500 ярдовъ, т. е. разстоянія откуда начато было движеніе, и наступленіе продолжалось бы такимъ образомъ до позицій въ 1000 или 800 ярдовъ отъ противника, его вниманіе было бы привлечено болѣе растянутой цѣпью совершенно также, а остальная часть роты могла бы присоединиться въ 700 ярдахъ, не потерявъ ни одного человѣка. Я не забываю при этомъ существующей теоріи, доказывающей необходимость развитія сильнаго оружейнаго огня, чтобы съ самаго начала подавить огонь противника. Однако опытъ научилъ меня, что имѣя дѣло съ противникомъ за закрытіями, потери при этомъ со стороны атакующаго несомнѣнны, а вредъ ему наносимый болѣе чѣмъ проблематиченъ. Кромѣ того эта теорія совершенно не можетъ быть примѣнена къ атакѣ, свидѣтелемъ которой я только что былъ, потому что я не думаю, чтобы люди выпустили за все время маневра болѣе десяти патроновъ на винтовку. Такимъ образомъ мы приходили къ тому, что для стрѣльбы съ большихъ ди-

станцій японцы назначаютъ четверыхъ человѣкъ, гдѣ былъ бы вполнѣ достаточенъ одинъ. Конечно, я вполнѣ могу понять такое объясненіе, что людямъ необходимо имѣть чувство локтя, чтобы быть въ состояніи двигаться впередъ. Но я не думаю такъ о храбрыхъ японцахъ; а имѣть ряды на половину опустошенными ружейными пулями и шрапнелью съ большихъ дистанцій, далеко не лучшій способъ сохранить силы къ концу для штыковаго удара. Наступленіе подобное видѣнному мною сегодня, представляетъ собою значительное измѣненіе прототипа германскаго и введенный элементъ быстроты можетъ произвести деморализующее впечатлѣніе на второклассныя войска, въ особенности если они не особенно полагаются на свою стрѣльбу съ короткихъ дистанцій. Все таки я думаю, что эта система не должна имѣть успѣха противъ такихъ мѣткихъ стрѣлковъ, какими теперь стала британская пѣхота *). Если русскіе стрѣляютъ такъ плохо, какъ про нихъ говорятъ, то, конечно, все равно.

Единственнымъ тревожнымъ и новымъ фактомъ во всемъ этомъ вопросѣ является та поразительная быстрота, съ которой двигаются эти маленькіе люди. Нельзя не принять въ соображеніе того, что хотя съ одной стороны они и назначаютъ въ боевую часть въ четыре раза больше того, что слѣдуетъ, съ другой же стороны время, которое они находятся подъ огнемъ въ четверо меньше того времени, которое потребовалось бы для того для всякихъ другихъ войскъ. Эта комбинація пѣхотной тактики съ быстротой передвиженія конницы, которая способна, какъ я уже упоминалъ, деморализовать второклассныя войска, можетъ привести въ замѣшательство даже самыхъ лучшихъ артиллеристовъ и стрѣлковъ. При вооруженіи противника удобными, короткими ружьями и имѣющаго навыкъ къ быстрой стрѣльбѣ, я не понимаю, какъ японцы могутъ надѣяться сразу проскочить эти роковые 300 ярдовъ, если бы, конечно ихъ артиллерія не подавила бы огонь противника. Какъ бы то ни было, поживемъ увидимъ. Я не сомнѣвался, что это какъ нибудь

*) Генералъ Гамильтонъ былъ въ свое время начальникомъ стрѣлковой школы въ Англіи. Пр. пер.

да удастся имъ. Если я гдѣ либо видѣлъ удачное сочетаніе нравствственныхъ и физическихъ качествъ, которыя единственно создаютъ истиннаго воина, такъ именно здѣсь. Можетъ быть мои впечатлѣнія затемнены двумя годами пребыванія въ Англіи, которые я провелъ въ капуанскихъ условіяхъ и среди народа, въ глазахъ котораго деньги и роскошь значатъ слишкомъ много. Но, какъ бы то ни было я провелъ лучшую часть моей жизни на бивакакъ и чувствую, что всегда буду въ состояніи отличать благородный металлъ отъ имитаціи.

Мая 29-го (н. с.) 1904.—Вчера я очень интересно провелъ время и долженъ поспѣшить записать мои впечатлѣнія, чтобы время не изгладило ихъ остроту. Всѣ военные агенты были приглашены Куроки къ парадному завтраку, чтобы познакомить ихъ съ начальниками дивизій и командирами бригадъ первой арміи. Одѣтый въ свой синій мундиръ, который я имѣлъ при себѣ на всякій случай, я ввелъ представителей Европы и Америки въ длинную переднюю зданія штаба арміи, гдѣ мы нашли въ сборѣ генераловъ, сопровождаемыхъ, каждый, своимъ начальникомъ штаба и адъютантомъ. Они всѣ стояли очень чопорно вдоль стѣны и ждали представленія. Три дивизіонныхъ генерала были, конечно, здѣсь главными лицами и я постараюсь, если смогу описать ихъ. Мнѣ доставляетъ большое удовлетвореніе сознавать, что если эти замѣтки когда либо и дойдутъ до нихъ, то никто не найдетъ въ нихъ для себя что либо обидное. Японскій идеалъ красоты совершенно различенъ отъ нашего. Веселыя, граціозныя дѣвушки, румяныя какъ свѣжее яблоко, которыми такъ восторгаются иностранцы, показались бы японцу вульгарной посредственностью, ибо онъ предпочитаетъ дѣвушку съ мертвенно блѣднымъ лицомъ и орлинымъ профилемъ. Нѣсколько дней тому назадъ я сказалъ одному моему пріятелю, что по моему мнѣнію, одинъ изъ штабныхъ офицеровъ „очень похожъ на маску“ и это замѣчаніе было сочтено за комплиментъ и было ему передано. При этихъ условіяхъ, очевидно, что можно говорить не только правду, но и всю правду.

Первымъ изъ генераловъ былъ Хасегава (Hasegawa),

командиръ императорской гвардіи. Его фигура отличается ярко выраженнымъ военнымъ характеромъ, а наружность красива, тоже въ стилѣ „побѣдителя“ и нѣсколько фанфаронна, а слишкомъ близко другъ къ другу поставленные глаза портятъ все впечатлѣніе. Его начальники бригадъ—генералы Ватанабэ (Watanabe) и Асада (Assada). Ватанабэ съ перваго взгляда не производитъ впечатлѣнія большой энергіи и силы. Онъ очень интеллигентенъ на видъ, но не кажется сильнымъ ни физически, ни по характеру. Въ разговорѣ онъ оказывается самымъ пріятнымъ человѣкомъ и однимъ изъ самыхъ гуманныхъ съ иностранной точки зрѣнія, съ которымъ мнѣ пока пришлось познакомиться въ арміи. Онъ очень доступенъ и, какъ мнѣ говорили, дѣйствительно обладаетъ въ полной мѣрѣ энергіей и характеромъ. Асада (Assada) по внѣшнему виду истый военный, немного выше средняго роста японскаго офицера. Онъ дичится иностранцевъ и старается при первой возможности, на сколько позволяетъ вѣжливость, отдѣлаться отъ этихъ странныхъ созданій.

Вторымъ генералъ-лейтенантомъ былъ Ниши (Nishi) *), начальникъ второй дивизіи. Онъ очень худощавъ и желтъ; черепъ его головы отчетливо обнаруживается подъ плотно облегающей его кожей. Несомнѣнно онъ страдаетъ плохимъ пищевареніемъ. Онъ весь сплошная улыбка, но на европейца онъ не производитъ должнаго впечатлѣнія, потому что онъ кажется не способенъ смотрѣть людямъ прямо въ глаза. Съ нимъ были его начальники бригадъ, Окасаки (Okasaki)—15-й и Матсунага (Matsunaga)—3-й бригады. Первый изъ нихъ поразилъ меня своимъ истымъ солдатскимъ видомъ. Это хорошо сложенный человѣкъ лѣтъ 48—50 съ открытымъ, круглымъ лицомъ, мелкими чертами лица и откровенными, пріятными и чистосердечными манерами. Онъ производитъ на меня впечатлѣніе добраго и хорошаго человѣка и достаточно поговорить съ нимъ нѣсколько минутъ, чтобы убѣдиться, что онъ также человѣкъ очень разсудительный. Послѣдній изъ нихъ, Матсунага, похожъ болѣе на моряка,

*) Произведенный послѣ сраженія при Ялу (пр. автора).

необыкновенно могучаго и крѣпкаго тѣлосложенія, толстый, сердечный и веселый.

Послѣднимъ изъ генералъ-лейтенантовъ былъ Инуйэ *) (Inouye), начальникъ Двѣнадцатой дивизіи. Это спокойный старый человѣкъ со сдержанными манерами, предпочитающій собственное общество всякому другому и полагающій, что общественныя обязанности составляютъ несчастье выше всякаго описанія. Сасаки (Sasaki) и Кигоши (Kigoshi), его начальники бригадъ, не присутствовали. Такъ какъ я видѣлъ ихъ только нѣсколько дней тому назадъ, я могу кстати описать и ихъ. Сасаки, командиръ 12-й бригады, немногимъ отличается отъ Окасаки. Для ихъ друзей они, можетъ быть, совершенно непохожи другъ на друга, но я привожу здѣсь самыя первыя мои впечатлѣнія. Японцы и одинъ или два военныхъ агента, которые его знаютъ, говорятъ, что онъ прямодушенъ и исключительно любезенъ и вѣжливъ. Я могу замѣтить, что высшей похвалой со стороны военнаго агента служитъ признаніе его открытаго характера. Кигоши, командиръ 23-й бригады, человѣкъ маленькаго роста съ непропорціально мелкими чертами лица, съ острымъ, испытующимъ и лисьимъ выраженіемъ. Говорятъ, что его наружность не обманчива и что онъ дѣйствительно очень умный, развитой и ловкій человѣкъ, въ то же время очень доступный, любезный и гостепріимный.

Въ качествѣ дополненія къ этимъ выдающимся людямъ, конечно, весь составъ штаба первой арміи былъ на лицо. Наиболѣе выдающимися среди нихъ были полковникъ Матсуиши (Matsuishi), помощникъ начальника штаба, очень красивый человѣкъ, и маіоръ Факуда (Fakuda), болѣе незамѣтной наружности. Оба они вышколены въ Германіи и носятъ на себѣ всѣ эти отличительные признаки. Другой офицеръ европейской школы, полковникъ Хагино (Hagino), начальникъ развѣдывательнаго отдѣленія, проведшій семь лѣтъ въ Россіи для подготовки къ его спеціальнымъ обязанностямъ; человѣкъ среднихъ лѣтъ, тяжеловатаго сложенія, съ сѣдѣющей бородой и правильными чертами лица. Мнѣ приходилось уже

*) Произведенный послѣ сраженія при Ялу (пр. автора).

имѣть съ нимъ дѣло нѣсколько разъ. Онъ одинъ изъ наиболѣе добросовѣстныхъ, разсудительныхъ и трудолюбивыхъ офицеровъ; до мелочей осторожный, тяжеловѣсный и точный съ точки зрѣнія военнаго агента, но несомнѣнно честный и надежный во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ говорилъ мнѣ, что очень любитъ русскихъ, потому что онъ кромѣ радушія ничего не встрѣчалъ отъ нихъ во время его пребыванія въ ихъ странѣ. Подполковникъ Курита (Kurita), начальникъ отдѣленія, завѣдывающаго транспортами и снабженіями, другой германскій продуктъ. Человѣкъ съ рѣзкими чертами лица, сухой, со скорѣе отталкивающими манерами; онъ, я думаю, несмотря на это, все-таки очень разсудительный и благонадежный работникъ, хотя мнѣ и не пришлось имѣть съ нимъ дѣла внѣ строго служебныхъ отношеній. Маіоръ Ватанабэ (Watanabe), комендантъ штаба арміи, получилъ свое образованіе во Франціи. Онъ очень оживленъ, необыкновенно любезенъ, разговорчивъ, вообще совершенно типичный французъ, съ испаньолкой и вообще по своему внѣшнему виду; каковъ онъ по его внутреннему содержанію, я не берусь еще теперь судить. Генералъ-маіоръ Кодама (Kodama), начальникъ инженеровъ арміи, говоритъ только по японски. Онъ очень популярная и, я думаю, также очень талантливая личность. Онъ, кажется, всегда въ хорошемъ расположеніи духа, высокаго мнѣнія о своихъ шуткахъ, которыя иногда бываютъ удачны, чаще же плохи. Полковникъ Матсумото (Matsumoto) не принадлежитъ къ числу кипучихъ дѣятелей. Какъ мнѣ сообщили по секрету, онъ занимается только организаціей доставки боеыхъ припасовъ въ армію изъ Японіи. Оцѣнивая его по иностранному образцу, можно предположить, что онъ врядъ ли способенъ достичь какихъ нибудь поразительныхъ комбинацій или развивать особо блестящія идеи. Почему, хотѣлъ бы я знать, долго прослужившій артиллерійскій офицеръ становится иногда мало-по-малу тяжеловѣснымъ, тогда какъ артиллерійскій маіоръ, командиръ батареи, составляетъ гордость этого рода оружія? Это одна изъ неразрѣшимыхъ тайнъ службы. Нѣчто подобное происходитъ въ Индійской арміи' гдѣ только очень немногимъ изъ великолѣпныхъ эскадрон-

ныхъ командировъ Бенгальской кавалеріи удается достигнуть должности бригаднаго командира. Каждое поколѣніе съ грустью сознаетъ, что люди стоящіе на высшихъ ступеняхъ служебной лѣстницы истощены, и съ гордостью указываетъ на цѣлый рядъ выдающихся людей; и даже въ послѣдніе годи продолжается та же печальная исторія.

Послѣднимъ изъ этихъ высшихъ офицеровъ, котораго я припоминаю, былъ Танегучи (Tanegucһi), главный военный врачъ. Его чинъ соотвѣтствуетъ генералъ-маіору и онъ нѣмецъ по образованію, такъ-же какъ и вообще всѣ доктора, состоящіе при арміи. Если даже они не были въ Германіи, они обязаны знать немного нѣмецкій языкъ, ибо всѣ японскіе научные термины позаимствованы изъ этой страны. Японцы неизмѣнно придерживаются германскихъ методовъ, вмѣсто британскихъ, въ случаѣ ихъ различія между собою. Существуетъ цѣлый рядъ незначительныхъ подробностей: какъ промывать рану передъ перевязкой; число и глубина стежковъ при брюшныхъ операціяхъ; нужно ли зашивать одной стежкой мускулы и кожу или ихъ надо двѣ и т. д.

Дѣйствительно, мнѣ говорили, что экспертъ можетъ опредѣлить сразу, только по тому, какъ японскій докторъ моетъ свои руки послѣ операціи, что онъ вышколенъ германцами и держится германскихъ взглядовъ на медицину. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣхъ этихъ отношеніяхъ они нѣмцы, но не британцы. Я открыто сознаю, что это открытіе произвело на меня подавляющее впечатлѣніе. Въ чемъ бы ни заключалась причина этому, однако британскихъ докторовъ, несмотря на все ихъ богатство, титулы и британскій престижъ, превзошли въ этомъ міровомъ состязаніи народовъ, гдѣ японцы награждаютъ побѣдителя самой сердечной лестью. Островная имперія можетъ служить намъ зеркаломъ, гдѣ мы увидимъ самихъ себя, если только у насъ хватитъ достаточно мужества заглянуть въ него. Любой народъ, у котораго японцы позаимствовали какую либо отрасль дѣятельности, можетъ считать себя достигшимъ въ ней высшаго совершенства. Но пусть эти народы остерегутся отъ слишкомъ поспѣшнаго заключенія, что они такъ-же превосходятъ въ этихъ отношеніяхъ

своихъ маленькихъ, способныхъ учениковъ. Наоборотъ; такъ, когда мы бесѣдовали объ ихъ военномъ флотѣ, одинъ молодой японскій офицеръ довольно лукаво сказалъ мнѣ: „Мы наталкиваемся на несовершенство нашихъ образцовъ, только примѣняя способъ самаго тщательнаго и близкаго подражанія“.

Въ то время, когда я это пишу, мнѣ приходитъ въ голову мысль, что нѣкоторымъ объясненіемъ предпочтенія японцами германской военной медицины является то, что въ то время когда Японія обдумывала устройство своей арміи по современному образцу, у Германцевъ имѣлся свѣжій опытъ 1866 и 1870 годовъ. Конечно, это объясненіе очень правдоподобно, но всетаки, если бы британская медицина была бы одинаково хороша, то въ арміи нашлось бы одинъ или два доктора, говорящихъ по англійски. Главный врачъ Танегуши (Tanegushi), послужившій причиной всѣхъ этихъ разсужденій, худъ и сухощавъ. Онъ производитъ впечатлѣніе глубокаго ученаго, но такъ какъ отъ него ничего нельзя добиться, кромѣ ворчанья съ нѣмецкимъ акцентомъ, сопровождаемаго стремительнымъ бѣгствомъ, то я оставляю его въ области сомнѣній.

Несмотря на то, что я уже достаточно хорошо былъ знакомъ со штабомъ арміи и обмѣнялся уже визитами съ большинствомъ изъ генераловъ, представленіе происходило торжественно и медленно. Сдѣлавъ четыре, пять оффиціальныхъ поклона первымъ въ ряду, я съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ замѣтилъ, что ихъ по меньшей мѣрѣ еще около дюжины стояло выравненными въ линію съ чопорнымъ видомъ человѣка, проглотившаго аршинъ. Къ счастью одинъ комическій инцидентъ ослабилъ мучительную торжественность этой процедуры. Слѣдующимъ долженъ былъ мнѣ представиться генералъ Т. Кодама, начальникъ инженеровъ. Выступая впередъ онъ неловко задѣлъ и уронилъ большой глиняный горшокъ, произведя такимъ образомъ ужасный шумъ и смятеніе среди тишины, съ которой производилась такъ благоговѣйно церемонія представленія. Въ настоящее время такіе горшки употребляются въ Японіи для толченія бобовъ для супа. Они называются „Сурибачи“ (Suribachi) или ступа

для риса. Въ сраженіи при Ялу солдаты окрестили этимъ именемъ похожій на этотъ горшокъ холмъ конической формы, гдѣ у русскихъ стояла батарея. Я сказалъ начальнику инженеровъ, очень смущенному надѣланнымъ имъ шумомъ: „Вы разбили Сурибачіяму въ куски на Ялу, это вошло у васъ въ привычку и вы должны теперь разбивать Сурибачіяму, гдѣ только съ нимъ встрѣтитесь“. Эта неважная шутка сдѣлала чопорные ряды болѣе развязными и конецъ церемоніи былъ лишенъ нѣкоторыхъ своихъ ужасовъ.

Пока мы дожидались завтрака, три начальника дивизіи, вмѣстѣ со мною, были введены въ небольшую комнату, гдѣ я впервые встрѣтилъ генерала Куроки. Здѣсь мы курили папиросы и болтали съ генералъ-лейтенантомъ и принцами Киташирикава (Kitashirikawa) и Куни (Kuni). Было доложено, что завтракъ готовъ и, разъ попавъ въ эту комнату, пришлось пройти черезъ цѣлый рядъ взаимныхъ церемоній, прежде чѣмъ выйти изъ нея. Сначала оба принца долго кланялись и церемонились, кому выйти первому и прошло по крайней мѣрѣ двѣ минуты, пока они оба сразу не двинулись къ двери и, послѣ нѣкотораго пререканія, прошли черезъ нее, Киташирикава чуть-чуть впереди. Затѣмъ Куроки пожелалъ, чтобы я пошелъ первымъ, но я на отрѣзъ отказался и онъ уступилъ и двинулся первымъ къ двери. Вслѣдъ за нимъ пошелъ Ниши. Каждому извѣстна эта нерѣшительность. Она случается въ небольшихъ размѣрахъ даже въ Лондонѣ. Изъ десяти случаевъ въ девяти каждый бываетъ въ душѣ благодаренъ тому, кто рѣшится пройти первымъ, каково бы ни было его старшинство. Наконецъ Хасегавѣ, Инуйэ и мнѣ удалось, несмотря на безграничную скромность, отступленія и взаимные отказы, достигнуть правой половины двери, послѣ чего мы пошли завтракать безъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Дождь лилъ, какъ изъ ведра или, какъ говорятъ японцы какъ „стрѣлы и копья“, когда мы съ трудомъ пробирались по глубокой грязи къ большой палаткѣ съ плоской крышей, воинственно разукрашенной по стѣнамъ японскими флагами. Въ серединѣ потолка палатки былъ прикрѣпленъ скомбинированный флагъ восходящаго солнца и британскій. Ри-

сунки обоихъ флаговъ такъ удивительно подходили другъ къ другу, что я невольно подумалъ, какъ бы хорошо было украсить нашъ флагъ въ его центрѣ полнымъ взошедшимъ солнцемъ для общаго употребленія такого флага въ азіатскихъ странахъ. Столъ былъ убранъ флагами всѣхъ націй, за исключеніемъ одной. Но не флаги, несмотря на все ихъ великолѣпіе и значеніе, привлекали наши глаза. Отсутствіе чего либо говорятъ, дѣлаетъ сердце нѣжнѣе, а цѣлый рядъ тонкихъ, уже знакомыхъ намъ кушаній какъ бы приглашалъ приняться за нихъ, что я страстно желалъ показать на своемъ собственномъ примѣрѣ.

Для европейца рѣшительно все равно, наполнить ли свой желудокъ сновидѣніями объ обѣдѣ, или же обѣдомъ изъ риса. Не смотря на то, что онъ испытаетъ всѣ ощущенія ѣды и почувствуетъ себя на минуту сытымъ до отвала, увы! Только на минуту, потому что не пройдетъ и получаса, какъ ему придется туже затянуть свой поясъ. Однако, здѣсь было кое что, казавшееся существеннымъ и сулившее удовлетвореніе. Тутъ были цыплята, ветчина, холодная свинина, желе розоваго цвѣта и сладкіе пирожки. Винныя бутылки съ ярлыками Сотернъ, Шато Лафитъ и Помери свободно переходили изъ рукъ въ руки и также свободно опустошались. Хотя наши ноги постепенно все болѣе и болѣе увязали въ густой грязи, наше настроеніе подымалось все выше и выше, пока наконецъ не достигло точки кипѣнія или рѣчей. Куроки постучалъ по столу и этотъ столь знакомый мнѣ звукъ вмѣстѣ со всѣми его ненавидимыми мною послѣдствіями заставилъ кровь похолодѣть въ моихъ жилахъ. Онъ привѣтствовалъ военныхъ агентовъ и сказалъ, что желалъ встрѣтить ихъ какъ слѣдуетъ, но очень сожалѣетъ, что дождь испортилъ все впечатлѣніе празднества. Было очевидно, что мнѣ слѣдовало отвѣчать, ибо всѣ глаза были устремлены на меня съ непріятно-вопросительнымъ выраженіемъ. Среди всего собранія, около восьмидесяти человѣкъ, никто не говорилъ по англійски, кромѣ моихъ собственныхъ офицеровъ и мнѣ пришлось выбирать между нѣмецкимъ и французскимъ языками. Я чувствовалъ себя подобно портному, которому

предложено выбирать для дуэли саблю или пистолетъ; т. е. оба языка были въ моихъ рукахъ, такъ сказать, плохимъ оружіемъ для такой тревожной цѣли. Я выбралъ французскій языкъ и кое какъ отвѣтилъ, что у насъ въ Англіи самой надежной защитой отъ плохой погоды считается выпить какъ можно больше шампанскаго, которымъ его превосходительству было угодно сдѣлать насъ совершенно непроницаемыми для воды. Я добавилъ нѣсколько шутокъ, которыя казались въ то время необыкновенно смѣшными, но изложенныя на бумагѣ были бы скорѣе наивны. Я закончилъ увѣреніемъ, что мы приложимъ всѣ наши старанія отвѣтить тѣмъ-же гостепріимствомъ, если представится на это случай, въ Европѣ или Америкѣ. Чрезвычайно трудная задача говорить отъ лица собранія всѣхъ національностей. Единственный исходъ изъ этого положенія, это говорить отъ себя лично и отдѣлаться банальностью. Болѣе значительные и общіе интересы или идеи нашего общества такъ же различны, какъ два противуположныхъ полюса.

Послѣ этого обмѣна рѣчей всѣ встали изъ за стола и стали обходить кругомъ палатки и любоваться изысканными украшеніями, устроенными солдатами въ честь этого случая. Здѣсь, на самомъ дѣлѣ, пришлось увидѣть наиболѣе поразительный контрастъ по сравненію съ тѣмъ, что могло бы быть устроено солдатами какой либо другой страны. Квадратный дворъ, величиной около пятидесяти ярдовъ въ сторонѣ, былъ раздѣленъ на отдѣлы, на каждомъ изъ которыхъ втеченіи послѣднихъ двухъ, трехъ дней усердно работали обозные солдаты. Результатомъ этой работы было то, что дворъ превратился въ нѣчто вродѣ музея Мадамъ Тюссо *) и естественно-историческаго музея. Одна группа состояла изъ гигантскихъ лягушки, улитки и змѣи. Они были въ нѣсколько тысячъ разъ больше своихъ дѣйствительныхъ размѣровъ и прямо до страха натуральны. Вся лягушка была сдѣлана изъ гамашъ и высокихъ сапогъ; змѣя составлена изъ русскихъ подковъ, долженствавшихъ изображать

*) Извѣстный музей восковыхъ фигуръ и рѣдкостей въ Лондонѣ пр. перевод.).

чешую, а улитка была составлена изъ сѣделъ и котелковъ. Комбинація этихъ трехъ созданій напоминала японцамъ какую то всѣмъ извѣстную волшебную сказку. Мнѣ разсказывали ея содержаніе, но я боюсь, что позабылъ уже эту легенду.

Въ другомъ отдѣлѣ огороженнаго мѣста было представлено дѣйствительно замѣчательное изображеніе Чіуліенченга и сраженія на Ялу. Можно было легко распознать Маньчжурскіе холмы, устроенные при помощи сшитыхъ одѣялъ, разложенныхъ на упаковочныхъ ящикахъ и горшкахъ. Напротивъ горъ протекалъ настоящій ручей, изображавшій рр. Ялу и Айхо. Черезъ эти рѣки были перекинуты понтонные мосты и мосты на козлахъ, ввидѣ точной копіи и въ масштабѣ всего ландшафта. Всѣ детали были сохранены, даже маленькія копіи объявленій, бывшихъ на мосту во время сраженія съ указаніемъ, что эти мосты не для артиллеріи и обозовъ и что имъ слѣдуетъ идти кругомъ вбродъ. Слѣдующимъ за этимъ полемъ сраженія въ миніатюрѣ со всѣми его рѣками и горами, было изображеніе изъ картона предварительныхъ построеній для атаки на лѣвомъ берегу Айхо. Орудія изображались сигарами на бумажныхъ колесикахъ, а пѣхота и кавалерія были сперва нарисованы на картонѣ, потомъ вырѣзаны и разставлены въ боевомъ порядкѣ. Я нашелъ эту игрушку дѣйствительно очень поучительной, потому что она давала основную идею о принятомъ размѣщеніи войскъ. Японскіе солдаты несомнѣнно очень способны. Наши люди никогда не могли бы сдѣлать все это. Наши союзники обладаютъ глубокимъ художественнымъ вкусомъ и имъ удается обнаружить въ своей работѣ массу воображенія, а также и сильное чувство юмора. Кстати слѣдуетъ припомнить, что вѣдь эта армія составлена на основаніи общей воинской повинности и заключаетъ въ себѣ людей всѣхъ категорій. Какъ разъ за воротами находится могила дантиста, попавшаго въ ряды арміи въ качествѣ военнаго кули и какъ я предполагаю, ему оказалось гораздо труднѣе таскать повозки, чѣмъ вытаскивать коренные зубы.

Несомнѣнно, что въ арміи есть художники, поэты, куп-

цы, адвокаты, доктора и люди всѣхъ профессій, которые превратились при объявленіи войны въ дровосѣковъ, водовозовъ и носильщиковъ для разныхъ потребностей арміи. Конечно, должно быть тяжело приходилось, напримѣръ зажиточному купцу, привыкшему при малѣйшей усталости пользоваться быстрыми „рикшами", тащить за собой схожую съ „рикшей" повозку. Не легче и тѣмъ людямъ, болѣе высокаго образованія, которые, попавъ по набору въ армію, выдержали впослѣдствіи экзаменъ на офицера запаса. Многіе изъ этихъ офицеровъ запаса проживали въ Америкѣ или Китаѣ и вели успѣшныя торговыя предпріятія. Началась война и они обязаны были стать подъ знамена. Всеобщая воинская повинность дѣйствительно тяжелая повинность. Подумать только, если бы четверть, лучшая четверть нашего юношества, была бы отобрана для войны и потомъ, гдѣ бы они ни находились и какого бы положенія ни достигли, они были бы обязаны службой и жили бы, такъ сказать, подъ угрозой Дамоклова меча! Тотъ, кто полагаетъ, что любой бриттъ согласится принять подобную систему, не принуждаемый какой либо страшной катастрофой, тотъ или очень мало знаетъ своихъ соотечественниковъ или же, что можетъ быть вѣрнѣе, не имѣетъ понятія, что такое всеобщая воинская повинность.

Вечеромъ мы пошли смотрѣть на японскихъ актеровъ и китайскихъ жонглеровъ, дававшихъ спеціальное представленіе для военныхъ агентовъ. Все было поразительно хорошо. Я имѣлъ честь сидѣть рядомъ съ принцемъ Куни и мнѣ рѣдко приходилось видѣть кого нибудь, такъ отъ души наслаждавшагося всѣмъ. Мнѣ объяснили впослѣдствіи, что въ Токіо такой высокой особѣ было бы невозможно такое грубое и неутонченное представленіе и, что онъ можетъ быть въ первый разъ въ своей жизни слышалъ и видѣлъ вульгарныя шутки и танцы. Не могу сказать, что все это показалось вульгарнымъ для насъ; совсѣмъ напротивъ. Я былъ пораженъ тѣмъ, что представленіе во многомъ походило на забавы, которыя устраивали наши солдаты во время перерывовъ войны. Я припоминаю кое что удивительно похожее подъ Блумфонтейномъ, въ южной Африкѣ. Здѣсь,

въ Фенгхуангченгѣ, тема была по большей части воинственнаго содержанія. Вездѣ непремѣнно присутствовало оружіе и герой.

Одна пьеса была менѣе элементарна по своему содержанію и имѣла аллегорическій, политическій смыслъ. У одной старой женщины (роль ея была исполнена удивительно хорошо) была красавица дочь Гейша. Подъ Гейшей подразумѣвалась Корея, подъ старой женщиной Китай. Молодой человѣкъ, олицетворявшій собой Японію, пришелъ сватать благородную Корею. Старая госпожа Китай однако запросила больше денегъ, чѣмъ онъ соглашался дать. Поэтому она воспротивилась всякому формальному обрученію, хотя дѣвушка болѣе чѣмъ раздѣляла чувства своего возлюбленнаго. Наконецъ молодой господинъ Японія вышелъ изъ себя и послѣ очень оживленнаго спора началъ награждать старуху очень чувствительными ударами. На минуту кажется, что эта кулачная расправа имѣетъ успѣхъ. Госпожа Китай начинаетъ стонать, держа дѣвицу на колѣняхъ. Въ это время другой молодой человѣкъ, именно Россія, тоже приходитъ свататься, становится между господиномъ Японіей и госпожей Кореей и, надававъ господину Японіи тычковъ въ шею, выбрасываетъ его вонъ изъ дома. Тамъ онъ стоитъ нѣкоторое время безутѣшный, слушая черезъ тонкія бумажныя стѣны всѣ ихъ любовныя рѣчи. Наконецъ бѣдный отверженный любовникъ, измученный своимъ страстнымъ чувствомъ, обращается за совѣтомъ къ своему другу, старику Англіи, который извѣстенъ всѣмъ своимъ сказочнымъ богатствомъ. Онъ проситъ его дать ему необходимыя для борьбы съ соперникомъ деньги и старается доказать ему, что въ его собственныхъ интересахъ оказать ему эту помощь. Почтенный господинъ Англія весьма тщательно и плотно застегиваетъ свои карманы, но пользуется случаемъ сказать ему цѣлый рядъ рѣчей, исполненныхъ благородства. Онъ убѣждаетъ его не сидѣть здѣсь плача и слушая ухаживанія своего соперника, но вспомнить, что онъ потомокъ воиновъ и что сталь сдѣлаетъ свое дѣло не хуже золота. Зрители апплодируютъ и по этому совѣту Японія превращается изъ плачущаго просителя въ существо

полное огня и рѣшимости. Онъ тоже произноситъ при этомъ рѣчь и, вытащивъ свой кинжалъ, раздаетъ имъ удары кажется всѣмъ, кромѣ господина Англіи. Однако оказывается, что онъ только сдѣлалъ видъ, что ранилъ дѣвушку, которая старается показать зрителямъ кускомъ красной матеріи, что она покрыта кровью, но только до тѣхъ поръ, пока не убѣждается, что ея мамаша и бывшій женихъ испустили духъ. Я не могъ совсѣмъ точно услѣдить за ощущеніями стараго господина Англіи при такомъ оборотѣ дѣла, но онъ видимо былъ всѣмъ очень доволенъ. Исполненіе было первоклассное. Актеры были простые военные кули, но какъ я уже упоминалъ, эти кули набраны изъ всѣхъ классовъ населенія и очень вѣроятно, что они даже актеры по профессіи. Конечно, судя по содержанію пьесы, они знаютъ кое что о союзѣ, по сравненію съ ихъ офицерами, которые тщательно сохраняютъ о немъ полное невѣдѣніе.

Во время представленія нашъ фельдфебель Ишидо спокойно ускользнулъ изъ театра и украдкой подсматривалъ черезъ окошко, какъ обѣдалъ русскій плѣнный офицеръ. Кажется, что несчастный молодой человѣкъ прибылъ на Дальній Востокъ изъ Европейской Россіи только 1-го мая. Онъ непоколебимо увѣренъ, что русскіе выиграютъ въ долгой борьбѣ и это производитъ трогательное впечатлѣніе; онъ только проситъ о томъ, чтобы его обмѣняли на одного изъ многихъ японскихъ офицеровъ, уже захваченныхъ въ плѣнъ. Японцы увѣряли меня, что это сущій вздоръ, что ни одинъ японскій офицеръ не былъ взятъ въ плѣнъ и что для нихъ безконечно легче умереть, чѣмъ испытать такой позоръ. Я надѣюсь, что наши храбрые союзники помогутъ намъ на много возвысить наши идеалы въ этихъ отношеніяхъ. Ишидо сообщилъ, что молодой казакъ, по всѣмъ даннымъ, великолѣпно пообѣдалъ и что онъ видѣлъ на столѣ двѣ бутылки пива. Когда его взяли въ плѣнъ, при немъ было двадцать рублей, и японцы позволили ему истратить эти деньги на покупку себѣ пищи и табаку, въ дополненіе къ отпускаемой ему порціи. Я полагаю, что это былъ именно тотъ молодой человѣкъ, про котораго мнѣ надняхъ говорилъ Куроки.

Послѣ окончанія увеселеній я отправился домой вмѣстѣ съ двумя гвардейцами, которые разсказывали мнѣ объ удивленіи русскихъ раненыхъ, когда они получили отъ японцевъ пищу и питье вмѣсто изуродованій и мученій, которыхъ они видимо ожидали. Они также распространялись о развратности казаковъ, которые, во время пребыванія ихъ въ Кореѣ, били великолѣпныхъ быковъ, употребляемыхъ въ этой странѣ для работы, вмѣсто того, чтобы довольствоваться свиньями, доставляемыми дрожащими жителями. Я долженъ замѣтить, что не нахожу это ихъ поведеніе очень гнуснымъ, ибо корейская свинья дѣйствительно худа, какъ привидѣніе, а быки свободно выдержатъ конкурренцію даже съ лейстершайрскими. Всетаки, должен упомянуть съ сожалѣніемъ, что наши союзники имѣютъ очень небольшую склонность къ мясной пищѣ, въ какомъ бы она не была видѣ или формѣ, и я полагаю, что это служитъ одной изъ причинъ, почему мнѣ черезъ день приходится прокалывать по новой дыркѣ въ моемъ поясѣ.

ГЛАВА IX.

Китайскій генералъ дѣлаетъ визитъ.

Іюня 1-го (н. с.) 1904 г.—Особенныхъ событій не было. Генералъ Фуджіи пришелъ ко мнѣ и сообщилъ по секрету, что Куропаткинъ направилъ войска къ югу съ цѣлью освобожденія Портъ-Артура и что генералъ Оку со второй арміей двигается къ сѣверу ему навстрѣчу, такъ что скоро произойдетъ еще одно сраженіе. Былъ у меня съ визитомъ полковникъ К—, который выразилъ мнѣ свое глубокое удивленіе по поводу бѣгства Алексѣева изъ Портъ-Артура. „Это было бы хорошее мѣсто для него, чтобы умереть тамъ“, прибавилъ онъ. Японцы нанавидять Алексѣева отъ всей души, но, насколько я могъ замѣтить, видимо скорѣе любятъ Куропаткина.

Здѣсь происходила небольшая практическая стрѣльба изъ захваченныхъ русскихъ орудій. Мишенями служили бѣлые щиты, поставленные въ разстояніи 5000 ярдовъ. Спереди къ нимъ были привязаны десять живыхъ свиней. Нетронутымъ шрапнелью свиньямъ послѣ стрѣльбы перерѣзали горло, и онѣ послужили въ пищу артиллеристамъ. Предполагается, что я ничего объ этомъ не знаю, но мой пріятель, сообщившій мнѣ объ этомъ испытаніи, добавилъ, что японцы остались довольны орудіями во всѣхъ отношеніяхъ за исключеніемъ ихъ вѣса. Они захватили нѣсколько русскихъ лошадей и купили въ Тянь-Цзинѣ нѣсколько лошадей изъ Канады во время боксерскаго возстанія. Этихъ лошадей они хотятъ запречь вмѣстѣ съ крѣпкими китайскими лошадками и надѣются обойтись съ ними, пока отобьютъ еще массу орудій. Тогда имъ придется послать за

лошадьми въ Австралію, если имъ не посчастливится захватить къ этому времени у русскихъ достаточно лошадей.

Іюня 8-го (н. с.) 1904 г.—За послѣднюю недѣлю не произошло ничего особеннаго. Каждое утро, передъ завтракомъ, я съ удовольствіемъ дѣлаю небольшую прогулку верхомъ. Теперь я буду въ состояніи дѣлать болѣе длинныя поѣздки, ибо опредѣленныя для насъ границы, радіусомъ въ одну милю отъ стѣнъ города, значительно расширены.

Эта снисходительность только заставляетъ насъ желать еще большаго. Мы смотримъ на горы, лѣса, рѣки и долины съ такимъ же любопытствомъ, какъ госпожа Синяя Борода на запертую дверь запретной комнаты; лично я, однако, увѣренъ, что мы въ свое время все увидимъ, только для этого надо вооружиться терпѣніемъ, большимъ терпѣніемъ. Такова проповѣдь, которую я постоянно произношу, но текстъ ея не очень то популяренъ въ настоящее время. Помимо профессіональной любознательности, сама природа такъ прекрасна, что невольно искушаетъ любителя изслѣдовать ея отдаленныя красоты.

Въ настоящее время невоздѣланные холмы и прогалины покрыты ковромъ изъ англійскихъ травъ, маргаритокъ, одуванчиковъ и лютиковъ, а лѣса, покрытые майскимъ цвѣтомъ, выдѣляются на фонѣ темныхъ сосенъ и свѣтло-зеленыхъ дубовъ. Птицъ очень мало и до сихъ поръ мы видѣли только сѣрыхъ балабановъ, нѣсколько золотистыхъ иволгъ съ необыкновенно пріятнымъ пѣніемъ, кукушекъ, щегловъ, сорокъ, майнасовъ, ястребовъ, зимородковъ, дятловъ, сѣрыхъ трясогузокъ и, конечно, вездѣсущихъ воробьевъ. Я получилъ эти свѣдѣнія отъ Винцента, страстнаго любителя птицъ. Онъ готовъ цѣлыя мили бѣгать по лѣсамъ, чтобы вблизи полюбоваться какой-нибудь, по его мнѣнію, орнитологической рѣдкостью.

4-го числа насъ посѣтилъ генералъ Тангеи (Tangei), начальникъ „Китайской восточной летучей колонны конныхъ и пѣшихъ войскъ", какъ было напечатано черными іероглифами на его яркой визитной карточкѣ краснаго цвѣта, шириною въ дюймъ и длиною въ цѣлый футъ. Тангеи представительный мужчина, лѣтъ около пятидесяти, одѣтый

очень къ лицу. На немъ надѣта бѣлая, круглая шляпа съ висящими сзади двумя плюмажами изъ краснаго конскаго волоса. Кажется, что и павлиньи перья тоже гдѣ то были, но я не припомню хорошенько гдѣ. Его платье было сшито изъ пурпуроваго и желтаго шелка, а на боку висѣла французская сабля на золотой русской портупеѣ. По его словамъ, онъ купилъ ее у китайскаго генерала въ Мукденѣ, но онъ смутился, когда я спросилъ его объ этомъ, и я полагаю, что саблю подарили ему русскіе. Обыкновенно у него подъ командой было 4.500 человѣкъ, но теперь находилось налицо только 200, такъ какъ русскіе опредѣлили это число людей, какъ maximum. Несомнѣнно, что китайцы гораздо пріятнѣе въ обращеніи, чѣмъ наши друзья японцы. Я отдалъ ему визитъ сегодня утромъ и, такъ какъ я сообщилъ о своемъ посѣщеніи заранѣе, то мнѣ былъ блестящій пріемъ. Мы прошли всю главную улицу города и, затѣмъ, повернули въ переулокъ налѣво. Завернувъ за уголъ, мы были прямо оглушены громкими и варварскими звуками, какъ будто бы оркестръ Вуда въ Queen's Hall *) взбунтовался и каждый музыкантъ заигралъ свою особую партію, стараясь заглушить всѣхъ прочихъ. Войдя во дворъ, мы увидѣли, что причиной этого страшнаго шума былъ оркестръ около пятидесяти человѣкъ, одѣтыхъ въ черные съ желтымъ костюмы. На головахъ у нихъ были смѣшныя, маленькія соломенныя шляпы, укрѣпленныя дешевыми красными ленточками, кокетливо торчащими съ одной стороны. Мнѣ бы очень хотѣлось дать понятіе, насколько смѣшными казались эти дѣтскія соломенныя шляпы среди всей окружающей обстановки, производившей скорѣе внушительное зрѣлище.

Въ почетномъ караулѣ было 100 человѣкъ въ синихъ мундирахъ, вооруженныхъ ружьями стараго Маузеровскаго образца. Ружейные пріемы были сдѣланы замѣчательно хорошо и, въ то время, когда я прошелся вдоль строя, осматривая ихъ и дѣлая вопросы, никто изъ нихъ не пошевельнулся. Отвѣты были очень толковые. Затѣмъ мнѣ представили офицеровъ, а потомъ мы усѣлись въ креслахъ съ

*) Queen's Hall—зданіе, гдѣ даются въ Лондонѣ концерты. Пр. пер.

красными подушками, пили чай изъ восьмигранныхъ стакановъ и повели гораздо болѣе радушную бесѣду, чѣмъ съ японцами при подобныхъ оффиціальныхъ случаяхъ. Я было уже собрался распрощаться, какъ было доложено о „каши то сакэ“ *) (cashi to saké) и насъ пригласили въ другую комнату, гдѣ на черномъ, полированномъ столѣ были сервированы: водка, русское пиво, красное вино и пирожки. Я ѣлъ пирожки, пока не устыдился самого себя, ибо они были дѣйствительно очень вкусны. Генералъ видимо остался очень доволенъ моимъ аппетитомъ. Пирожки эти напоминаютъ сдобные пирожки, приготовленные на прогорькломъ маслѣ.

Нашъ хозяинъ досталъ китайскій географическій атласъ, изучать который было, по его словамъ, его любимымъ занятіемъ. Такъ какъ онъ смѣшалъ Афганистанъ съ Англіей и полагалъ, что Индія островъ, нужно думать, что его географическія познанія врядъ ли такъ солидны, какъ познанія ученика въ англійской начальной школѣ. Но, въ концѣ концовъ, что значитъ подобная небольшая географическая неточность въ сравненіи съ колоссальными заблужденіями относительно жителей Китая, въ которыхъ я самъ жилъ послѣднія тридцать лѣтъ? Мнѣ пришлось встрѣтиться теперь со многими выдающимися китайцами, и если генералъ Тангеи и Таотай Фенгхуангченга оказались исключительно славными людьми, то среди прочихъ мнѣ не пришлось увидѣть ни одного, который не поразилъ бы меня своимъ умомъ и дѣловитостью. Китайскіе крестьяне съ ихъ женами, женщинами и дѣтьми, сколько я могу судить—народъ достойный удивленія. Вездѣ мнѣ приходится сталкиваться съ поразительными открытіями и, въ ихъ присутствіи, у меня является чувство, какъ будто всю мою жизнь я былъ обманутъ и вводимъ въ заблужденіе стереотипными европейскими и американскими описаніями сыновъ Небесной Имперіи. Кажется, этотъ народъ всегда возбуждалъ во мнѣ любопытство и, сколько помню, я спрашивалъ, что о нихъ думаютъ мои военные друзья, бывшіе въ боксерской кампаніи. Какъ я

*) Пирожки и вино. Пр. авт.

припоминаю, всѣ кромѣ Винцента, бывшаго въ Пекинѣ и любящаго китайцевъ, отзывались о нихъ парой словъ, ввидѣ „грязные черти“, „скверныя свиньи“ и т. д. Можетъ быть китайцы Маньчжуріи совсѣмъ особая раса. Кажется невѣроятнымъ, чтобы образцами для описаній, встрѣчающихся въ западной литературѣ, послужили эти, полные достоинства, умные, часто благороднаго вида мужчины или эти толковыя, практичныя и трудолюбивыя женщины. Я согласенъ, что нѣкоторые ихъ обычаи нечистоплотны. Они содержатъ внутренность своихъ домовъ довольно опрятно, хотя имъ и далеко до японскаго образца, но для нихъ въ санитарномъ отношеніи ярдъ разстоянія отъ двери все равно что миля. Въ другихъ отношеніяхъ я нахожу въ нихъ такія достойныя удивленія качества, что я начинаю тревожиться за насъ самихъ, такъ низко упавшихъ въ сравненіи съ ними. Для меня эти сѣверные китайцы поразительный народъ. Я никогда даже не воображалъ, что можетъ существовать народъ, такъ страстно, лихорадочно преданный труду. Здѣсь не работаютъ только для вида, не дѣлаютъ особыхъ усилій на глазахъ у хозяина или хозяйки. Всѣ заинтересованы нѣкоторой частью дохода и работая, они не щадятъ своихъ рукъ и спинъ, какъ будто бы отъ ихъ усилій зависѣла самая ихъ жизнь. Энергія только половина дѣла; эти мужчины и женщины обладаютъ индивидуальной, высоко развитой способностью направлять эту энергію. Чтобы уяснить себѣ это, нужно увидать ихъ хозяйства. Какая обработка земли! Сколько зеренъ обѣщаетъ каждый поднимающійся ростокъ, посаженный какъ розовый кустъ въ саду герцогини! И вся эта энергія, выносливость и искусство оплачивается около десяти копѣекъ въ день на человѣка!

Когда русскіе чиновники увидѣли эту великолѣпную страну, гдѣ даже вершины холмовъ обработаны для посѣва, гдѣ ничто не заброшено или пустуетъ, гдѣ черепичныя крыши домовъ возвышаются надъ окружающими ихъ фруктовыми садами и каждая усадьба—мирная картина опрятности и зажиточности, когда они все это увидѣли, становится непонятнымъ, какъ они могли даже вообразить себѣ переселить сюда своихъ лѣнивыхъ мужиковъ среди такой конкуррен-

ціи. Покровительствовать такому сосѣдству было бы явнымъ безуміемъ. Но какъ долго разстоянія будутъ спасать каждаго изъ насъ? Теперь, когда наша бѣдная планета все сжимается и сжимается въ объятіяхъ электричества и пара, долго ли она останется настолько обширной, чтобы допустить возможность оплачивать работу человѣка въ одной ея части пятьюдесятью копѣйками, а въ другой части платить за ту же работу пятачками? Когда я вижу китайца, чинящаго дорогу или выгружающаго мѣшки съ рисомъ съ двойной энергіей по сравненію съ рабочимъ запада и меньше чѣмъ за одну десятую часть его вознагражденія, я хотѣлъ бы знать, чѣмъ это все кончится? Мы, какъ кажется, подобно русскимъ, сами идемъ на встрѣчу опасности. Въ копяхъ Витвотерсренда (Witwateresrand) всѣ искусственныя преграды сняты нашимъ собственнымъ правительствомъ; и теперь, когда бѣлые, черные и желтые готовы наброситься другъ на друга въ открытой борьбѣ и на равныхъ правахъ, мы должны будемъ скоро увидѣть, какой цвѣтъ кожи окажется побѣдителемъ.

Но что представляютъ изъ себя эти преграды? Эта самоохрана ввидѣ военныхъ флотовъ и армій, то что носитъ имя милитаризма. Что больше, кромѣ арміи и флота подъ флагомъ полосъ и звѣздъ, придаетъ такое значеніе заявленію лидеровъ Американской рабочей партіи, что кули не должны быть допускаемы въ Соединенныхъ Штатахъ? Единственно, чѣмъ мирно настроенный Китай могъ бы отвѣтить на эти фразы о вооруженной силѣ это издать распоряженіе, чтобы каждый американскій корабль, купецъ, миссіонеръ или путешественникъ, оставили бы въ двадцать четыре часа Серединную Имперію. Если бы Китай, поколѣніе тому назадъ, имѣлъ бы своими сосѣдями лишь европейцевъ и американцевъ, перековавшихъ свои мечи на палку полицейскаго, ему ничто бы тогда не мѣшало работать и съ невозмутимымъ спокойствіемъ обречь ихъ на голодную смерть.

При условіи ненарушаемаго мира и того общественнаго равенства, безъ котораго вѣчный миръ только пустое сновидѣніе, китаецъ, насколько я изучилъ его въ Маньчжуріи, способенъ разорить бѣлаго рабочаго современнаго типа

и прогнать его съ лица земли совершенно также, какъ болѣе слабыя и менѣе прожорливыя черныя крысы были выгнаны вонъ изъ Англіи коричневыми. Соціалистамъ, щеголяющимъ своими знаменами съ девизомъ „единеніе работы“, даже и не снится, къ чему на практикѣ поведутъ ихъ теоріи. И такъ неужто судьба бѣлаго человѣка въ концѣ концовъ состоитъ въ томъ, чтобы потонуть и исчезнуть? По моему крайнему разумѣнію, это будетъ зависѣть отъ того, послушается ли онъ голоса разсудка и закроетъ свои уши тѣмъ, кто говоритъ что войны и приготовленія къ нимъ чистѣйшее зло и что развитіе торговли поведетъ за собой райскую жизнь, вмѣсто преддверія ада, какъ я полагаю. Героизмъ, самопожертвованіе и рыцарство, вотъ что искупаетъ войну и совершенствуетъ національный характеръ. Какую роль играютъ эти героическія качества въ недостойной борьбѣ націй за торговыя преимущества и биржевыя спекуляціи? Мнѣ кажется, что рабочій классъ долженъ сдѣлать свой выборъ. Они должны или принять сторону милитаризма съ его случайными войнами, или же рѣшиться бороться не на жизнь, а на смерть съ рабочимъ-соперникомъ, который навѣрное подъ конецъ разоритъ ихъ. Я полагаю, что это очень старая тема, но китаецъ для меня совсѣмъ новое явленіе и къ тому же, болѣе чѣмъ вѣроятно, что наплывъ китайцевъ въ Южную Африку и проникновеніе японцевъ въ сердце Китая вновь вызоветъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые пока считались очень туманнымъ дѣломъ отдаленнаго будущаго. Повсюду я вижу этихъ умныхъ, дѣятельныхъ китайцевъ, отдающихъ все свое имущество безъ остатка въ распоряженіе японцевъ. Я замѣчаю, что они смотрятъ на японцевъ, скорѣе какъ умная такса на ощетинившагося, задорнаго, раздраженнаго и все таки скорѣе глупаго фоксъ-терьера. Несомнѣнно, что китаецъ низко преклоняется передъ могуществомъ меча въ рукахъ воинственнаго народа, но мнѣ кажется также, что здѣсь есть еще другое соображеніе: та идея, что Японія, слишкомъ близкая родня Китая, взявъ на себя труды и по управленію имъ, потеряетъ свои отличительные признаки и сдѣлается сама Китайской. Я долженъ внимательно слѣдить, въ чемъ проявляется род-

ственное сходство этихъ двухъ народовъ. Мнѣ представится къ этому много случаевъ, если только я хорошо сумѣю справиться со своей задачей.

Тѣмъ временемъ генералъ Тангеи проводилъ меня до двери и, сѣвъ на одну изъ своихъ маленькихъ, пестро украшенныхъ лошадокъ, приготовился позировать для камеры Винцента.

Вернувшись домой, я нашелъ записку отъ Максвелля (Maxwell), корреспондента „Standard'а", съ приложенiемъ перевода въ прозѣ японской военной пѣсни, которую они распѣваютъ безъ устали. Онъ слышалъ, что я въ случаѣ необходимости могу подобрать риѳмы и просилъ меня переложить въ стихотворную форму эту пѣсню, которая въ прозѣ не производитъ должнаго впечатлѣнiя. Мой опытъ очень печаленъ, я сознаю это, но каковъ онъ былъ, такимъ я и записалъ его *).

Долой всю Русь! Пора настала
Сыны Ниппона! Горе ей!
Законъ и честь она попрала
И нѣтъ для насъ врага страшнѣй.

Весь христiанскiй сонмъ народный
Клянетъ Россiю. Словно тать,
Какъ стая волковъ въ годъ голодный,
Стремится все она пожрать.

Она Маньчжурцевъ разоряетъ,
Пустыней сдѣлалась страна
И войско русскихъ угрожаетъ
Кореѣ взмахами меча.

Вѣдь ради мира мы отдали
Ужъ взятый нами Ляо-тонгъ,
Но договоръ лишь подписали,
Какъ измѣнился пѣсни тонъ.

Россiя клятвы нарушаетъ
И беззаконiя творитъ,
Чужiя страны занимаетъ:
Европа злобой къ ней горитъ.

*) Переводя стихи почтеннаго генерала на русскiй языкъ, также въ стихотворной формѣ, я охотно готовъ отнести по своему адресу откровенное замѣчанiе автора. (Прим. переводч.).

Друзья! нельзя жить, забывая
Японцевъ пролитую кровь,
И, души предковъ призывая,
Возьмемъ Маньчжурію мы вновь.

Насталъ ужъ часъ, настало время!
Мы возстановимъ вновь законъ!
Войны не тяжело намъ бремя,
Россіи смерть! Впередъ Ниппонъ!

Измѣна, голодъ тамъ не новы
И нищихъ тамъ не перечесть.
Съ Россіей спорить мы готовы,
Поддержимъ мы Ниппона честь.

Сильна Россія безъ сомнѣнья,
Но мощь полковъ намъ не страшна:
Пустынны русскія владѣнья,
Душа солдата холодна.

А наша родина могуча,
Ужъ много лѣтъ стоитъ она.
Сыны Японіи, какъ туча,
Ударятъ громомъ на врага.

Вѣдь вѣрность, правда, вѣчно съ нами,
Мы русскихъ побѣдить должны.
Такъ таетъ утромъ подъ лучами
Роса *), покрывшая холмы.

Впередъ за солнцемъ лучезарнымъ **)!
Зовутъ знамена! Ужъ пора!
Впередъ на бой съ врагомъ коварнымъ!
Погибнетъ Русь! Ниппонъ ура!

Іюня 9-го н. с. 1905 г.—Проѣхался верхомъ вдоль аванпостовъ послѣ грустнаго прощанья съ двумя очаровательными соотечественницами, которыя въ послѣдній разъ, за два или три дня своего пребыванія, озариди своимъ присутствіемъ Фенгхуанченгъ.

Посѣщеніе миссъ Макъ-Коуль и миссъ Ст.-Обэнъ было очаровательнымъ разнообразіемъ среди нашей монастырской

*) Японскіе іероглифы для словъ „роса“ и „Россія“ одинаковы.
Прим. автора.

**) „Утреннее солнце“ или „Восходящее“ солнце національный флагъ Японіи.
Прим. пер.

жизни. Онѣ не только искусcно пробрались сюда, но были очень счастливы въ своемъ предпріятіи, по крайней мѣрѣ по стольку, по скольку мы были счастливы ихъ увидѣть. Японцы не разрѣшаютъ присутствія женщинъ не только въ арміи, но и въ тылу. Даже императорскимъ принцессамъ пришлось щипать корпію въ Японіи. Японскимъ женщинамъ видимо не дана власть, соотвѣтственная ихъ очарованію. Мнѣ какъ то пришлось спросить одного японскаго офицера относительно женскаго вліянія въ арміи, но онъ даже не понялъ вопроса. Здѣсь ничего подобнаго не существуетъ. Не говорю, что бы въ японской арміи не существовала вовсе протекція другого рода, хотя нужно думать, по словамъ поручика, что эту протекцію нужно понимать, какъ и многое другое въ Японіи, въ совершенно обратномъ смыслѣ. Онъ сообщилъ мнѣ, что у него столько вліятельныхъ друзей въ Японіи, что будетъ необходимо задержать его производство, чтобы не возбудить сплетенъ. Я вполнѣ вѣрю, что онъ сказалъ чистѣйшую правду и это вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ наблюденіямъ, изъ которыхъ вытекаетъ, что японцы чрезвычайно чуствительны къ мнѣнію окружающихъ. Я лично полагаю, что даже женское вліяніе въ арміи было бы предпочтительнѣе подобному малодушію. Возвращаясь къ нашимъ очаровательнымъ соотечественницамъ я долженъ замѣтить, что одно обстоятельство находившееся въ связи съ ихъ визитомъ, произвело на меня особенное впечатлѣніе, которое еще болѣе укрѣпило во мнѣ нѣкоторые выводы, хотя, одному Богу только извѣстно, какъ я боролся противъ нихъ. Японская барыня, г-жа К., сопровождала ихъ. Она показалась мнѣ наиболѣе одухотворенной и очаровательной женщиной изъ всѣхъ, которыхъ я до сихъ поръ встрѣчалъ. По своимъ идеямъ относительно эмансипаціи японскихъ женщинъ и необходимости всеобщаго высшаго для нихъ образованія и проч. и проч., она напоминала собою передовую американку. Она, видимо, съ большой любовью относилась къ своимъ спутницамъ и онѣ, конечно, платили ей тѣмъ же. Однажды вечеромъ, когда à propos не происходило ничего особеннаго, она не будучи въ состояніи сдержать овладѣвшія ею чувства,

воскликнула: „Скажите мнѣ правду! Всѣ Ваши любезныя манеры одно притворство; только шутка! Иностранецъ не можетъ любить японцевъ. Мое самое глубокое убѣжденіе, что мы совсѣмъ особенный народъ!“. Подобно ли это невольно вырвавшееся замѣчаніе молніи, которая внезапно озаряетъ своимъ свѣтомъ грозную крѣпость, стоящую на дорогѣ путника, спокойно шедшаго до тѣхъ поръ съ цѣлью воспользоваться гостепріимствомъ сосѣдняго города? Или же эта преграда только одинъ обманъ зрѣнія, очарованный замокъ, который исчезнетъ передъ храбрымъ рыцаремъ? Можетъ быть мнѣ еще рано дать на это вѣрный отвѣтъ. Но въ одномъ я твердо увѣренъ, а именно, что тропа къ дружбѣ, довѣрію и близкимъ отношеніямъ между Западно-европейцемъ и японцамъ, далеко не такъ ровна и доступна, какъ я полагалъ, пируя среди космополитическаго общества Токіо. Всѣ ихъ чувства, вкусы, идеалы, стремленія и желанія совершенно различны отъ нашихъ и подобно тому, какъ сибаритъ не можетъ ждать къ себѣ симпатіи отъ голоднаго бѣдняка-бродяги, также и наши болѣе сложныя ощущенія кажутся японцу-военному никуда негодными мыслями по сравненію съ его собственными идеями, ограниченными по числу, но болѣе ярко выраженными.

Аванпосты были интересны. Они простирались дугой къ востоку, сѣверу и западу отъ Фенгхуангченга. Особенной разницы между принятымъ нами способомъ и янонскимъ не существуетъ. Приблизительный фронтъ охраненія опредѣляется старшимъ начальникомъ, который назначаетъ каждой дивизіи свой участокъ. Начальникъ дивизіи, согласно инструкцій отъ штаба арміи и по соглашенію съ начальниками артиллеріи и инженеровъ, опредѣляетъ фронтъ охраненія болѣе точно и подраздѣляетъ свой раіонъ охраненія на участки между командирами бригадъ, которые въ свою очередь указываютъ полковымъ командирамъ ихъ частные участки. Подобная процедура примѣняется только въ тѣхъ случаяхъ, когда отрядъ предполагаетъ удерживать позицію на нѣкоторое время.

Въ составъ аванпостовъ, которые я сегодня посѣтилъ, не входила ни кавалерія, ни артиллерія. Всѣ девять налич-

ныхъ эскадроновъ были выдвинуты далеко впередъ, нѣкоторые даже на 20 миль, какъ и должно быть. Орудія были расположены въ Фенгхуангченгѣ, въ разстояніи около пяти миль позади окоповъ, предусмотрительно построенныхъ для нихъ въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ позади оборонительной линіи. Артиллерійскій обстрѣлъ былъ очень плохъ вслѣдствіе крайней пересѣченности мѣстности, такъ что съ нѣкоторыхъ пунктовъ артиллерія не могла стрѣлять дальше мили. Это обстоятельство было слабымъ мѣстомъ позиціи и возмѣщалось только отчасти тѣмъ, что и противнику было бы очень трудно использовать свою артиллерію, за исключеніемъ стрѣльбы вдоль долинъ. Оборонительная линія была обыкновенно подобна линіи, занятой поддержками.

Японцы многому могутъ отъ насъ поучиться въ отношеніи оптической сигнализаціи. Чтобы приготовить орудія къ дѣйствію они всецѣло зависятъ отъ телефоновъ, телеграфовъ и конныхъ ординарцевъ.

Имѣя кавалерію далеко впереди и, принимая во вниманіе, что артиллеріи въ вышеприведенномъ примѣрѣ придется пройти лишь пять миль, пожалуй нечего опасаться какихъ либо непріятностей. Но у постовъ сторожевой цѣпи нѣтъ геліографовъ и даже люди на наблюдательныхъ постахъ не умѣютъ порядочно сигнализировать, а только знаютъ нѣсколько условныхъ знаковъ флагомъ, какъ напримѣръ: „Конница противника приближается“ и проч. Если бы на ихъ мѣстѣ была британская армія, она была бы въ геліографической связи со Второй арміей и Кореей, вмѣсто того чтобы полагаться, подобно японцамъ, на тонкую телеграфную проволоку, которую такъ легко порвать. По счастью русскимъ развѣдчикамъ далеко до афридіевъ или буровъ, а китайцы дружелюбны. Въ противномъ случаѣ телеграфная проволока, на которую японцы такъ полагаются, была бы разрѣзана въ двадцати разныхъ мѣстахъ за одну ночь, а части, производившія на утро починку, были бы уничтожены. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что японцы свободны отъ затрудненій и безпокойства, которыя

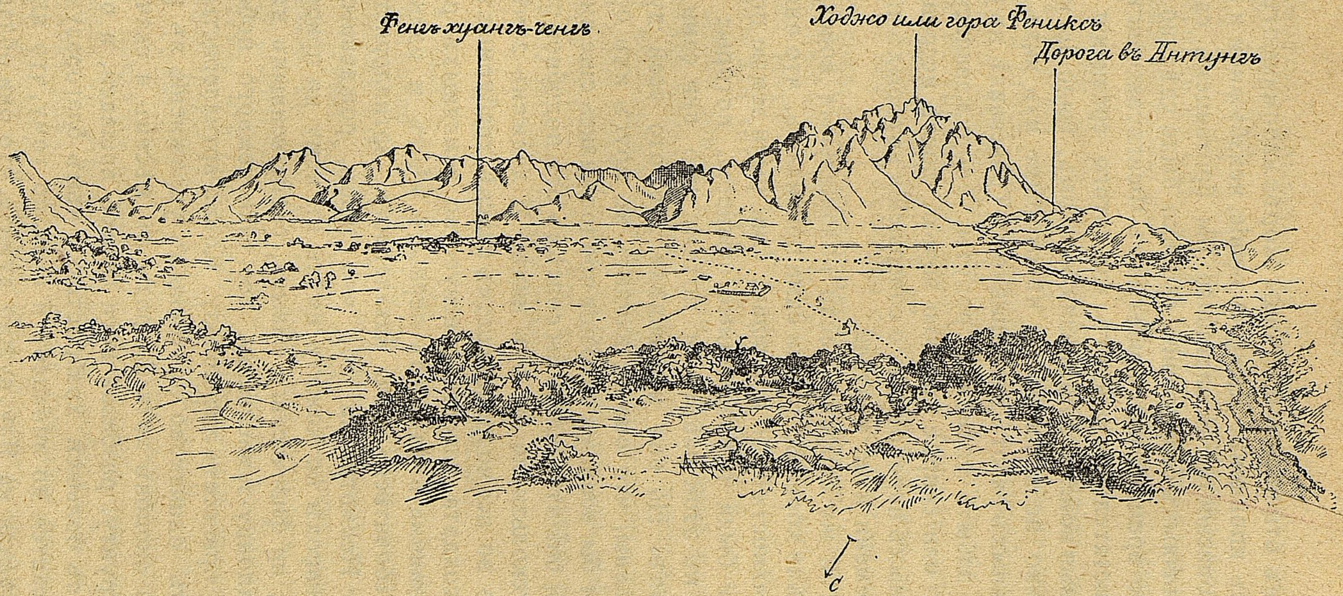
обыкновенно овладѣвали британскими генералами въ послѣднія кампаніи.

Я убѣдился, что выборъ мѣстности для расположенія аванпостовъ былъ произведенъ удивительно хорошо. Удобства наблюденія, обороны, перехода въ наступленіе или отступленіе были скомбинированы съ наименьшей затратой людей.

Обыкновенно окопы были сооружены вдоль вершинъ невысокихъ холмовъ, пѣхота располагалась на фронтѣ, артиллерія въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ позади и нѣсколько выше. Вездѣ имѣлись закрытія отъ осколковъ снарядовъ съ прикрытыми ходами отъ нихъ къ стрѣлковымъ или артиллерійскимъ окопамъ. Почву составлялъ мягкій песчаникъ, очень удобный для подобныхъ сооруженій. Во всѣхъ стрѣлковыхъ окопахъ были вырыты на разстояніи одного ярда другъ отъ друга ниши для патроновъ. Могущіе послужить противнику закрытіемъ овраги были засыпаны, рощи были срублены и превращены въ засѣки.

Какъ я уже упоминалъ, между нашимъ способомъ охраненія и японскимъ существуетъ только небольшое различіе. Такъ же, какъ и у насъ, молодыми офицерами дѣлается кроки ввѣренныхъ имъ участковъ. Количество людей, назначаемыхъ на посты, поддержка ихъ и сторожевые резервы, отдѣльные и пропускные посты, дозоры, расположеніе на ночь и проч. схожи въ обѣихъ арміяхъ. При примѣненіи же теоріи на практикѣ, нужно открыто сознаться, что наши люди никогда бы не были способны сдѣлать столько земляныхъ работъ, сколько понадѣлали японцы со времени ихъ прихода сюда.

Временный типъ этихъ фортификаціонныхъ сооруженій доказываетъ, что японцы видимо не считались съ возложеніемъ безконечныхъ трудовъ на войска и заставляли ихъ съ отчаянными усиліями работать, въ ожиданіи лишь вѣроятной атаки. Въ самомъ дѣлѣ, неизмѣримо больше труда и мысли было положено японцами на укрѣпленіе позиціи, которая врядъ ли могла быть серьезно атакована, чѣмъ то было сдѣлано русскими на Ялу, располагавшими тѣмъ же временемъ, и къ тому же, увѣренными, что они несомнѣнно будутъ атакованы.

Фиг. 2. Панорама Фенгхуанченга

Въ этомъ отношенiи британцы скорѣе напоминаютъ русскихъ, чѣмъ японцевъ. Даже сознанiе неизбѣжной и самой отчаянной опасности не заставило бы британцевъ сдѣлать столько земляныхъ сооруженiй, сколько было сдѣлано здѣсь японцами со времени ихъ прибытiя въ Фенгхуангченгъ. Наименѣе блистательно выйдутъ изъ этого сравненiя наши колонiаальныя войска. Упоминая объ этомъ, было бы крайне несправедливо не признать за нѣкоторыми изъ нихъ большихъ земляныхъ работъ въ Западномъ Трансваалѣ въ концѣ войны или забыть солидные редуты, сооружавшiеся ими ежедневно, или скорѣе каждою ночью, послѣ несравненно болѣе длинныхъ переходовъ, о совершенiи которыхъ японцы до сего времени и не мечтали.

Съ другой же стороны, если колонiальныя войска дѣлали это дѣло хорошо, то они сами признаютъ, что оно имъ до чрезвычайности было противно. Они рыли землю потому, что у нихъ были превосходные офицеры, которые побуждали ихъ къ этой работѣ и потому что они сами были ловкiй народъ. Но они ненавидѣли это ото всей души и были убѣждены, что оно не входитъ въ кругъ ихъ обязанностей. Если бы военныя операцiи продолжались еще дня два, то, конечно, они отказались бы совсѣмъ отъ подобной работы и добыча ускользнула бы отъ нихъ. Я долженъ замѣтить, что отнынѣ во все возростающемъ спискѣ требуемыхъ отъ хорошаго солдата качествъ, искусство земляныхъ работъ начинаетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ и одинаково должно требоваться отъ кавалериста, артиллериста и пѣхотинца. Несмотря на то, что нашъ, рожденный въ городахъ, народъ не можетъ имѣть къ нему ни природной склонности, ни физическаго навыка, свойственныхъ въ полной мѣрѣ японцу-землепашцу, все таки немного побольше упражненiя принесетъ имъ пользу. Конно-артиллеристы должны считать одинаково почтеннымъ упражненiе въ рытьѣ орудiйныхъ окоповъ хотя бы разъ въ мѣсяцъ и скачку по твердому грунту, разбивая ноги своихъ лошадей, и открывая огонь съ большей храбростью, чѣмъ благоразумiемъ. Что же касается до японцевъ и судя по тому, что ихъ артиллерiя сдѣлала на Ялу, нужно думать, что они обладаютъ

способностью зарываться въ землѣ на глазахъ у непріятеля подобно кротамъ.

Іюня 11-го (н. с.) 1904.—Всѣ представители печати явились сегодня ко мнѣ, чтобы списать у меня военную пѣснь японцевъ, которую они видѣли въ письмѣ у Максвэлля.

* * *

Съ этихъ поръ мой дневникъ начинаетъ заполняться цѣлымъ рядомъ пережитыхъ мною незначительныхъ препятствій и огорченій. Несомнѣнно, что однообразіе продолжительнаго пребыванія на одномъ и томъ же мѣстѣ нисколько не умалило ихъ значенія и я рѣшилъ опустить ихъ, только слѣдуя поговоркѣ, что все хорошо, что хорошо кончается. Я все таки включаю сюда нѣсколько выдержекъ изъ моего письма, написаннаго мною въ то время, потому что онѣ имѣли вліяніе на тѣ затрудненія, съ которыми мнѣ пришлось въ то время встрѣтиться. Это письмо гораздо болѣе предназначалось для того, чтобы путемъ военной цензуры, дать понять штабу арміи, въ какомъ мѣстѣ меня жалъ сапогъ, чѣмъ имѣло цѣлью призвать на помощь постороннее вліяніе. Мы находились внѣ возможности получить эту помощь извнѣ и наша судьба была вполнѣ въ рукахъ дѣйствующей арміи. Мы твердо знали, что военная цензура сообщаетъ все, что мы писали, штабу арміи.

Выдержки изъ моего письма.

....Въ глазахъ Первой арміи Англія, кажется, занимаетъ самое послѣднее мѣсто. Если ея офицеры и находятся подъ иностраннымъ вліяніемъ, то оно или германское или французское. Первая категорія наиболѣе многочисленная и принадлежащая къ ней партія получила отъ ихъ товарищей прозвище „Кейзермен'овъ“ или „Высокихъ Воротниковъ“. Я убѣжденъ, что говорящій по-французки японецъ склоненъ имѣть французскіе вкусы и убѣжденія, говорящій по нѣмецки — нѣмецкія. Это только свойственно человѣческой природѣ, принимая во вниманіе, что лучшіе годы ихъ жизни они провели въ этихъ странахъ и любезно были приняты ихъ инструкторами. Съ другой же стороны одинъ или два изъ этихъ японскихъ офицеровъ, бывшихъ въ Англіи (или

даже въ Америкѣ), наши друзья и никогда не упускаютъ случая упомянуть о нашемъ союзѣ, между тѣмъ какъ всѣ прочіе умышленно не хотятъ знать о немъ дѣйствительно, если бы не простое уваженіе къ моему чину генерала, всегда любезно ими оказываемое, то въ отношеніяхъ къ намъ и прочимъ офицерамъ не было бы замѣтно ни малѣйшей разницы. Въ видѣ примѣра могу привести слѣдующее: однажды мнѣ случилось задать нѣсколько самыхъ простыхъ вопросовъ относительно линіи военныхъ сообщеній, на что мнѣ очень любезно отвѣтили, что подобныя свѣдѣнія могутъ быть даны лишь всѣмъ иностранцамъ одновременно. Въ дѣйствительности же я вовсе не намѣревался дѣлиться пустячными свѣдѣнілми съ моими товарищами всѣхъ національностей. Но если этотъ японскій принципъ проводится въ жизнь, какъ главное руководящее правило, то это несомнѣнно ошибочно...... Здѣсь мы вновь должны возвратиться къ вопросу о языкѣ. Если мы желали бы привлечь японскихъ студентовъ въ Англію, намъ слѣдовало бы вознаградить ихъ за наши второклассныя образовательныя учрежденія предоставленіемъ имъ особыхъ преимуществъ въ томъ или другомъ направленіи. Я увѣренъ, что Англія можетъ сдѣлать больше того, что сдѣлано, чтобы привлечь въ наши университеты молодую Японію и Индія можетъ оказать большую пользу дѣлу, приглашая офицеровъ на большіе маневры и прикомандировывая ихъ къ окружнымъ штабамъ въ важныхъ военныхъ центрахъ. Мы будемъ вознаграждены за наши расходы. Какъ жалко, что Сесиль Родсъ не прожилъ нѣсколькими годами больше! Мы бы имѣли японцевъ въ Оксфордскомъ университетѣ вмѣсто нѣкоторыхъ другихъ націй..... Я, конечно, нисколько не оспариваю у японцевъ необходимость сохранять по нѣкоторымъ вопросамъ полнѣйшую тайну. Дѣйствительно, мнѣ было бы очень грустно видѣть ихъ слѣдующими нашему собственному примѣру въ этомъ отношеніи. Но таинственность по отношенію къ такимъ вопросамъ, какъ организація линіи сообщеній, таинственность не кстати, а ихъ утвержденіе, что если что либо было сообщено мнѣ, должно такъ же быть сообщено и всѣмъ прочимъ—полное отрицаніе нашего

союза, какъ фактора, имѣющаго какое либо значеніе, дѣйствительное или предполагаемое. Для штаба Первой арміи было бы крайне легко сдѣлать мнѣ какія либо облегченія. Со мной два офицера, говорящіе по японски, Винцентъ и Жардайнъ. За послѣдніе дни отсюда былъ предпринятъ цѣлый рядъ экспедицій и мнѣ сослужило бы большую пользу, если бы одному изъ нихъ или обоимъ было бы позволено отправиться посмотрѣть на мелкія сраженія или кавалерійскія стычки, вмѣсто того, чтобы сидѣть здѣсь, какъ на привязи.

ГЛАВА X.

Разговоръ съ генераломъ Фуджіи.

Іюня 15-го, н. с. 1904 г.—Выстрѣлъ, направленный мною вчера въ сторону цензоровъ прессы, низвелъ съ облачнаго неба какъ бы настоящую ракету. Ко мнѣ явился съ двухчасовымъ визитомъ генералъ Фуджіи, начальникъ генеральнаго штаба! Всѣ ушли на прогулку и я сидѣлъ въ нашемъ маленькомъ домикѣ одинъ съ Жардайномъ, когда послышался звонъ сабли о кирпичную дорожку, ведшую къ нашей двери между кустовъ піона. Увидѣвъ этого высокаго гостя, я былъ увѣренъ, что его визитъ долженъ былъ быть въ связи съ моимъ письмомъ. Такъ оно и было, хотя во все время разговора о немъ не было упомянуто ни слова.

Пока генералъ началъ любезную бесѣду, наши слуги побѣжали къ нашимъ сосѣдямъ американцамъ раздобыть у нихъ чаю и папиросъ, которыхъ у нихъ тогда было большое изобиліе. Спустя нѣкоторое время генералъ сообщилъ мнѣ, какъ его сегодня обезпокоили. Одинъ изъ иностранныхъ офицеровъ пожаловался ему на нелюбезное съ нимъ обращеніе, которое состояло, какъ потомъ оказалось, въ черезчуръ буквальномъ и неразумномъ пониманіи его инструкцій младшими офицерами. Фуджіи былъ принужденъ взяться самъ за самое тщательное разслѣдованіе этого дѣла. Я почувствовалъ къ нему искреннее сожалѣніе. Тутъ пришлось ему, начальнику штаба большой арміи, тратить свое драгоцѣнное время, цѣлые часы, чтобы успокоить разгорѣвшіяся страсти. Кромѣ того, разыгравшаяся буря была бурей въ стаканѣ воды.

Я попробовалъ вообразить себя самого въ Преторіи, гдѣ я занималъ почти такое же положеніе, занятый такими же

дрязгами, и долженъ былъ открыто сознаться, что всѣ мы были весьма непріятнымъ явленіемъ для нашихъ хозяевъ поневолѣ, все же сохранявшихъ любезность. Несмотря на это, я всетаки держусь того мнѣнія, что во всемъ этомъ виноваты сами японцы, дѣйствующіе черезъ младшихъ подчиненныхъ, которые или неспособны отличить смыслъ инструкціи отъ буквы, или же, что вѣроятнѣе, поступая такъ, не желаютъ взять на себя связанныхъ съ этимъ хлопотъ и отвѣтственности. Я сознавалъ, что каждому слѣдуетъ сначала научиться отдавать себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ, прежде чѣмъ управлять другими.

Хотя мнѣ и хотѣлось оставить въ покоѣ этого бѣднаго человѣка и предоставить ему возможность заниматься своими непосредственными дѣлами, но чувство самосохраненія пересилило и я всетаки атаковалъ его. Я сказалъ ему, по отношенію къ упомянутому имъ инциденту съ офицерами, что я, съ своей стороны, могу только замѣтить, что солдаты всѣхъ родовъ оружія чрезвычайно деликатны и что я убѣжденъ, что это мнѣніе, высказанное офицеромъ другой арміи, должно считаться за особую похвалу. Но что касается офицеровъ и въ особенности тѣхъ, которымъ мы поручены, а также своеобразнаго толкованія ими ихъ инструкцій, то я тоже буду принужденъ обезпокоить генерала своимъ небольшимъ протестомъ. Далѣе я сказалъ ему, что мнѣ открыто было заявлено, что никакого различія въ пользу британскихъ военныхъ агентовъ сдѣлано быть не можетъ, но я всетаки желалъ бы, чтобы представителямъ союзной націи оказывали немного больше вниманія, даже если бы къ нимъ примѣнялись общія для всѣхъ правила. Я не выпытывалъ секретовъ и не желалъ лишить другихъ офицеровъ какихъ либо свѣдѣній, которыя я самъ могъ бы получить, но съ точки зрѣнія одной только вѣжливости я противъ того, чтобы открыто заявлять намъ, что въ глазахъ японцевъ всѣ иностранцы совершенно равны.

Генералъ Фуджіи выслушалъ мою рѣчь съ тѣмъ непоколебимымъ добродушіемъ, благодаря которому такъ трудно вывести японца изъ терпѣнія. Пріятно улыбаясь, онъ возразилъ мнѣ, что онъ чрезвычайно радъ, что и его личныя

воззрѣнія вполнѣ совпадаютъ съ мною высказанными и что скоро я получу подтвержденіе исключительнаго положенія британцевъ. Такъ, въ скоромъ времени онъ пошлетъ ко мнѣ офицера изъ штаба арміи съ полнымъ отчетомъ объ устройствѣ и эксплуатаціи линій сообщенія. Кромѣ того, онъ съ большимъ удовольствіемъ, здѣсь же, даетъ мнѣ разрѣшеніе послать двухъ моихъ офицеровъ, съ цѣлью осмотра отрядовъ, выдѣленныхъ на правый флангъ арміи, одного въ Айянменъ (Aiyanmen), въ 47 миляхъ къ сѣверо-востоку и другого въ Куантіенченъ (Kuantienchen), въ 51 милѣ къ востоку-сѣверо-востоку отъ Фенгхуангченга. Въ этихъ направленіяхъ происходятъ непрерывныя стычки, такъ что они будутъ въ состояніи увидѣть кое-что интересное. Что же касается до меня самого, то генералъ Куроки уполномочилъ его сообщить мнѣ, что онъ будетъ очень радъ, если я присоединюсь къ какой бы то ни было экспедиціи. Мнѣ стоитъ только заявить о своемъ желаніи и оно будетъ исполнено. Кромѣ того, онъ сообщилъ мнѣ отъ себя лично, что доски съ надписями, запрещающія иностраннымъ офицерамъ входить въ артиллерійскіе парки и продовольственные магазины, для меня не предназначаются и что стоитъ мнѣ только предупредить заранѣе генеральный штабъ и мнѣ будетъ разрѣшено осматривать все, что угодно. Затѣмъ, онъ, можетъ быть намѣренно, выдалъ себя по отношенію къ моему письму, замѣтивъ, что хотя высшіе офицеры арміи не говорятъ по-англійски и что, къ несчастью, въ штабѣ первой арміи нѣтъ ни одного офицера, знающаго этотъ языкъ, зато теперь, при моихъ будущихъ посѣщеніяхъ разныхъ полковъ, я навѣрно встрѣчу нѣсколько молодыхъ офицеровъ, говорящихъ на моемъ родномъ языкѣ. Обратившись затѣмъ къ картѣ, онъ объяснилъ мнѣ, какъ отряды Первой арміи въ настоящее время начинаютъ наступленіе на сѣверъ. Это было вызвано движеніемъ двухъ русскихъ дивизій или 30.000 ч. къ югу вдоль желѣзной дороги противъ Второй арміи. У нихъ было двадцать четыре орудія, и онѣ заняли неподготовленную, но естественно очень сильную позицію, какъ разъ къ югу отъ Телиссу *), небольшого городка въ

*) На русскихъ картахъ—Вафангоу. Прим. переводч.

въ двацати миляхъ къ востоку-сѣверо-востоку отъ Фучоу (Foochou). Позиція представляла собою амфитеатръ холмовъ съ единственнымъ выходомъ у сѣверной стороны. Одна изъ этихъ японскихъ дивизій занимала широкій фронтъ къ западу и, весьма вѣроятно должна была обойти русскій правый флангъ и тылъ. Если тогда удастся отрѣзать русскихъ съ сѣвера, то мы скоро услышимъ о серьезномъ и значительномъ сраженіи. Дѣйствительно, если бы противникъ не отступилъ, сраженіе произошло бы именно сегодня. Въ этомъ случаѣ Мищенкѣ пришлось бы или атаковать Первую армію или же продолжить лѣвый флангъ русскихъ у Телиссу; однако онъ вчера все еще находился въ соприкосновеніи съ нашими разъѣздами и былъ бездѣятеленъ, такъ что его силы не слѣдовало бы принимать въ расчетъ, если бы сраженіе при Теллису дѣйствительно происходило. Далѣе Фуджіи сообщилъ слѣдующее:

„Вторая армія состоитъ изъ трехъ дивизій, одной бригады кавалеріи и одной бригады артиллеріи, т. е. всего около 40.000 чел. и 150 орудій. Она двигалась къ Телиссу съ линіи Пуліентенъ (Pulienten)—Шаошіатунъ (Shaoshiatun) и, въ случаѣ успѣха, должна была войти въ связь съ нашей Первой арміей. Въ случаѣ же неудачи въ ея дѣйствіяхъ или, когда, одержавъ успѣхъ, она будетъ послѣ сраженія сильно тѣснима Куропаткинымъ со свѣжими войсками, мы должны будемъ немедленно двигаться ей на помощь по дорогѣ Сіуенъ (Siuyen)—на Кайпингъ (Kaiping), даже, если бы всѣ наши линіи сообщеній на Леншанкуанъ (Lienshankuan) и Саймачи (Saimachi) были бы прерваны и намъ пришлось бы, пробираясь по горамъ, умереть съ голоду. Таковы наши стратегическія соображенія при томъ условіи, что Куропаткинъ долженъ атаковать или Первую или Вторую арміи. Невѣроятно, чтобы Куропаткинъ атаковалъ насъ, но я лично никогда не допускалъ, чтобы онъ совсѣмъ ничего не предпринялъ. Это было бы черезчуръ хорошо и потому неправдоподобно. Вы видѣли нашу тщательно подготовленную позицію аванпостовъ. Въ случаѣ атаки, мы надѣялись держаться тамъ со сравнительно небольшими силами и въ то же время со всѣми остальными $^3/_5$ арміи мы проивели бы

самую рѣшительную контръ-атаку съ лѣваго фланга или центра; или же со стороны Айянмена или Саймачи. Линія окоповъ, какъ вы сами видѣли, имѣетъ неправильную и изломанную форму, а мѣстность не представляетъ хорошихъ артиллерійскихъ позицій. Нѣкоторые изъ штабныхъ офицеровъ предлагали планъ, состоявшій въ томъ, чтобы допустить противника приблизиться почти вплотную къ намъ и тогда произвести контръ-атаку всѣмъ фронтомъ, полагая, что мы могли бы такимъ путемъ нанести ему полное пораженіе на пересѣченной мѣстности, гдѣ намъ былъ извѣстенъ каждый шагъ. Однако я не согласился на этотъ планъ. Среди ужаснаго смятенія общей свалки, кто знаетъ, что могло бы произойти. Я въ состояніи дать вамъ сегодня эти подробныя свѣдѣнія, потому что движеніе войскъ къ Телиссу указываетъ на то, что русскіе оставили свое намѣреніе двинуться къ намъ и что вмѣсто этого теперь намъ придется идти къ нимъ. Всетаки никому неизвѣстно, что можетъ случиться въ будущемъ и я долженъ просить васъ сохранить эти подробности въ тайнѣ.

„Со времени высылки нашихъ фланговыхъ отрядовъ, они имѣли что то около дюжины небольшихъ дѣлъ, и вездѣ русскіе казаки и кавалерія оказались совершенно безпомощными и были отброшены сравнительно съ большою легкостью. Несмотря на то, что теоретически разсуждая русскіе были въ состояніи сосредоточить превосходныя силы въ точкахъ соприкосновенія, они этого не сдѣлали. Зато намъ удалось достичь этого почти во всѣхъ случаяхъ. Около 17.000 русскихъ находятся у Ліеншанкуана (Lienshankuan) на южной сторонѣ Мотіенлингскаго перевала (Motienling-Pass) и около 1.500 занимаютъ позицію поперекъ большой дороги у Бунсуиреи (Bunsnirei), что въ 10 миляхъ къ югу отъ Ліеншанкуана. Русскіе не сдѣлали никакихъ приготовленій для обороны Мотіенлингскаго перевала, и если исходъ сраженія Второй арміи позволитъ намъ дѣйствовать въ наиболѣе соотвѣтственныхъ со стратегической точки зрѣнія направленіяхъ, то намъ не придется встрѣтить серьезнаго сопротивленія при движеніи черезъ этотъ перевалъ. Противъ праваго отряда у Айянмена стоитъ

Ренненкампфъ, занявшій Саймачи (Saimachi), съ отрядомъ изъ всѣхъ родовъ оружія, но главнымъ образомъ кавалеріи. Ренненкампфъ вѣчно предпринимаетъ такіе планы, которые, кажется, никогда не исполняются. Но онъ всетаки предпринимаетъ хоть что нибудь. Когда генералъ Сасаки (Sasaki) двинулся къ Саймачи, мы были вполнѣ увѣрены, что русскимъ удастся прервать наши сообщенія съ Ялу. Все-таки мы приняли всѣ зависящія отъ насъ мѣры, чтобы помѣшать подобной попыткѣ, для чего послали два батальона къ Коби (Kobi) и Куантіенчену (Kuantienchen), но все-таки мы мало надѣялись на успѣхъ. Несмотря на все это, до сего времени не только наши сообщенія остались неприкосновенными, но всѣ атаки были отбиты и даже телеграфная проволока нигдѣ не была порвана. На другомъ нашемъ флангѣ Мищенко доставляетъ намъ меньше безпокойства, чѣмъ Ренненкампфъ, потому что онъ гораздо менѣе предпріимчивъ. Дѣйствительно, я могу подтвердить, что Мищенко ровно ничего не сдѣлалъ въ своемъ раіонѣ. Но мы всетаки послали батальонъ вдоль морского берега къ пункту въ пяти миляхъ къ западу отъ Антунга, но до сего времени въ этомъ направленіи все спокойно. Общее количество русскихъ въ Маньчжуріи, вѣроятно, восемь дивизій, отъ числа которыхъ мы отвлекаемъ на себя по крайней мѣрѣ 35.000 чел. И такъ, хотя можетъ быть мы и кажемся Вамъ бездѣятельными, но мы всетаки приносимъ пользу. Двѣ японскія дивизіи находятся у Чуюанга (Chouyuang), имѣя противъ себя русскую смѣшанную бригаду въ двадцати пяти миляхъ къ сѣверо-западу на Хайченгской дорогѣ. Да, многое будетъ теперь зависѣть отъ исхода сраженія у Телиссу, если оно тамъ вообще произойдетъ. У русскихъ всего только 24 орудія и всѣ полевыя. Принимая во вниманіе, что у насъ орудій въ шесть разъ больше, я почти не сомнѣваюсь въ удачномъ для насъ исходѣ. Чтобы ни случилось у Телиссу, русскіе непремѣнно дадутъ сраженіе у Кайпинга (Kaiping). Тамъ есть дѣйствительно очень сильная позиція фронтомъ къ югу. Ее можно обойти только съ востока, что особенно легко можетъ сдѣлать Первая армія, базируясь на Фенгхуангченгъ. Намъ очень

трудно было взять Кайпингъ у китайцевъ въ послѣднюю войну. Хотя небольшія суда и могутъ содѣйствовать атакѣ, отвлекая на себя непріятельскія батареи съ запада, но самымъ дѣйствительнымъ разрѣшеніемъ этой задачи будетъ движеніе въ обходъ русскаго лѣваго фланга съ востока. Вы понимаете, что я говорю съ чисто стратегической точки зрѣнія. Когда вы познакомитесь съ устройствомъ нашихъ сообщеній, вы убѣдитесь что не ошибались, желая получить эти спеціальныя свѣдѣнія. Вопросъ о нашихъ сообщеніяхъ заключаетъ въ себя цѣлый рядъ затрудненій, которыя мы теперь старались разрѣшить съ крайнимъ напряженіемъ энергіи. Въ самомъ дѣлѣ, иногда становится весьма вѣроятнымъ, что вмѣсто того, чтобы наносить рѣшительные и побѣдоносные удары въ направленіи линіи Маньчжурской желѣзной дороги, мы будемъ осуждены оставаться здѣсь, какъ бы приклеенными въ позорной бездѣятельности, пока не кончится сезонъ дождей. Но это я сообщаю только Вамъ лично и я хотѣлъ бы, чтобы Вы не сообщали это даже другимъ британскимъ военнымъ агентамъ.

„Если Кайпингъ послѣ битвы окажется въ нашихъ рукахъ, то слѣдующей вѣроятной остановкой русскихъ будетъ городъ Ляоянъ. Подступы къ нему съ юга уже сильно укрѣплены и мы узнали отъ китайскихъ шпіоновъ, что русскіе произвели огромныя работы при сооруженіи углубленнаго пути, ввидѣ полукруга въ тылу редутовъ для безопаснаго продольнаго сообщенія. Мы надѣемся, что сильные дожди наполнятъ все это водою къ тому времени, когда мы будемъ готовы атаковать. Въ Портъ-Артурѣ имѣются 20.000 сражающагося гарнизона, включая сюда и моряковъ. Особой опасности нѣтъ, чтобы они были въ состояніи произвести серьезную диверсію. До сего дня флотъ былъ дѣятельно занятъ очисткой Таліенвана отъ минъ. Тамъ будутъ выгружены большія 11-ти дюймовыя мортиры для осады Портъ-Артура.

„Наше собственное положеніе у Фенгхуангченга становится теперь со дня на день болѣе удовлетворительнымъ, лучше сказать, менѣе неудовлетворительнымъ. Постройка конно-желѣзной дороги изъ Антунга будетъ закончена къ

26 числу настоящаго мѣсяца; когда она будетъ въ готовности, мы полагаемъ провозить по ней дневное довольствіе для арміи въ двадцать четыре часа. Трамвайная линія состоитъ теперь только изъ рельсъ, по которымъ кули вручную двигаютъ телѣжки; но желѣзнодорожный батальонъ въ настояшее время окончилъ свою работу на линіи Сеулъ-Виджу и нами сдѣланы самыя настоятельныя представленія о необходимости подчинить этотъ батальонъ генералу Куроки. Если эти представленія будутъ благосклонно приняты, то не пройдетъ много времени, какъ у насъ на этой первой Маньчжурской вѣтви желѣзно-дорожнаго пути Фузанъ-Ляоянъ будутъ работать паровозы".

Затѣмъ генералъ обратился ко мнѣ съ просьбой сдѣлать ему одолженіе, какъ союзнику и свободно подвергнуть критикѣ тѣ недостатки, которые я могъ замѣтить до сего времени. Я отвѣтилъ, что я охотно готовъ говорить по-дружески. Единственными отклоненіями японцевъ отъ нашихъ взглядовъ, какъ я до сихъ поръ замѣтилъ, были несоотвѣтствующіе сортъ и сила ихъ артиллерійскихъ лошадей, слишкомъ густыя построенія въ ранній періодъ боя и опасная зависимость отъ телефоновъ и телеграфовъ вмѣсто примѣненія оптической сигнализаціи. Это были мои собственныя наблюденія, но я слышалъ отъ офицеровъ, которымъ я вполнѣ довѣряю, что подготовка и дисциплина огня японской артиллеріи не можетъ, подобно прочимъ частямъ ихъ военнаго механизма, служитъ для насъ образчикомъ, достойнымъ подражанія.

На это онъ отвѣтилъ: „Когда бой достигаетъ своего высшаго напряженія, наши головы склонны разгорячаться. Для насъ было бы большимъ преимуществомъ имѣть въ подобныя мгновенія хладнокровнаго человѣка, который, подобно зрителю въ Токійской боевой пантомимѣ, могъ бы отдавать себѣ полный отчетъ во всемъ происходящемъ кругомъ. Прошу Ваше Превосходительство помнить, что я никогда не буду чувствовать себя обиженнымъ Вашей критикой, какъ бы безпощадна она ни была, ибо я не сомнѣваюсь въ Вашихъ благородныхъ намѣреніяхъ. Конечно Вы не ошиблись, указавъ на нѣкоторые наши недостатки. Мы

не виноваты, что наши артиллерiйскiя лошади не породисты; это наше глубокое несчастье. Артиллерiйскiе офицеры давно заявляли, что намъ слѣдуетъ покупать лошадей въ Австралiи; но мы не такъ богаты, какъ вы и не были въ состоянiи идти на встрѣчу ихъ желанiямъ. Всетаки я лично думаю, что намъ придется прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, пока нашъ конскiй составъ не будетъ совсѣмъ истощенъ, если только намъ не удастся захватить у русскихъ большого количества лошадей. Мы уже уполномочили начальниковъ дивизiй удвоить интервалъ, установленный въ уставѣ, если они найдутъ это нужнымъ. Я могу прибавить, что съ теченiемъ времени мы постепенно будемъ все расширять и расширять фронтъ атаки, въ особенности въ томъ случаѣ, если русскiе (которые больше нашего склонны выставлять въ огонь массы людей) начнутъ принимать болѣе гибкiя построенiя.

„Сигнализацiя несомнѣнно наше слабое мѣсто. Я вполнѣ понимаю, какъ было бы полезно имѣть гелiографъ на вершинѣ Хо-О-Санъ (Hô-ô-San) (Гора Фениксъ *) и поддерживать сообщенiе съ Антунгомъ и Виджу. Но континентальныя армiи тоже пренебрегали оптической сигнализацiей и въ этомъ заключается причина, почему наше вниманiе не было въ должной мѣрѣ обращено на нее. Ни одна нацiя не практиковала сигнализацiю больше чѣмъ вы, британцы, и теперь, когда намъ приходится дѣйствовать въ такой странѣ, какъ Маньчжурiя, мы поняли почему“.

Начальникъ штаба простился со мною и оставилъ меня въ очень хорошемъ настроенiи. Я превосходно сознавалъ что его визитъ, включая столь лестную для меня просьбу критиковать замѣченные недостатки, было только, или во всякомъ случаѣ главнымъ образомъ, средствомъ, расчитаннымъ на то, чтобы успокоить мое негодованiе. Сверхъ того, когда Фуджiи упомянулъ, что другой обиженный иностранный офицеръ опредѣлилъ провозоспособность желѣзной дороги въ двадцать четыре дивизiи **), я мы-

*) Гора Фениксъ—командующая Фенгхуангченгомъ (пр. автора),

**) Это относится къ той части моего разговора съ начальникомъ штаба, которую я счелъ болѣе благоразумнымъ выпустить. Пр. авт.

сленно убѣдился, ни минуты не сомнѣваясь въ вѣрности моего предположенія, что нашъ разговоръ, казавшійся мнѣ до сихъ поръ столь частнымъ и исключительнымъ, былъ не болѣе какъ старой темой, уже обсуждавшейся сегодня съ представителемъ другой державы. Грустно разочароваться въ столь лестномъ предположеніи. Я почувствовалъ на мгновеніе ударъ, подобный ощущенію жениха, узнавшаго о томъ, что невинная царица его сердца уже похоронила своего второго мужа! Но къ чему нырять до грязнаго дна пруда, когда его поверхность такъ зеркальна? Это было бы и непріятно и принесло бы мало пользы. Кромѣ того я несомнѣнно получилъ цѣлый рядъ очень интересныхъ новостей. Разговоръ, подобный вышеприведенному, былъ настолько цѣненъ, что я потерялъ всякое чувство стыда и не краснѣя вытащилъ мою записную книжку и карандашъ подобно истому американскому интерьвьюеру. Я думаю, что Фуджіи это понравилось. Это напомнило ему внимательные ряды его учениковъ, слушавшихъ его лекціи въ академіи генеральнаго штаба въ Токіо.

Стратегическая обстановка въ настоящее время дѣйствительно очень интересна. Я доволенъ, что мы расположены широкимъ фронтомъ, имѣя гвардейскую бригаду у Сіуена и Двѣнадцатую дивизію у Саймачи. Такимъ образомъ мы прикрываемъ сѣверо-западъ Кореи, Антунгъ и Ялу. Мы такъ же господствуемъ на Маньчжурскомъ побережьи по крайней мѣрѣ до Такушана и занимаемъ великолѣпное исходное положеніе для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками, высаженными въ этомъ пунктѣ, или же вообще къ востоку отъ него. Мы достаточно углубились въ Маньчжурію, чтобы вліять на населеніе и пользоваться его запасами и перевозочными средствами, а послѣднее было дѣломъ первостепенной важности. Мы такъ же удобно располагаемся для производства развѣдокъ и тревоженія непріятеля и мы приняли кой-какія мѣры для угрозы желѣзной дорогѣ къ сѣверу отъ русскихъ главныхъ силъ, хотя мы до тѣхъ поръ не будемъ въ состояніи принять болѣе дѣйствительныя мѣры, пока не будемъ владѣть знаменитымъ Мотіенлингомъ. И такъ, мы прикрываемъ наши сообщенія, угрожаемъ сообщеніямъ противника

и не только сосредоточиваемъ запасы и перевозочныя средства, но и укрѣпляемъ нашъ престижъ среди китайцевъ. Однако подобное положенiе не должно затянуться слишкомъ долго, потому что иначе дѣло можетъ измѣниться для него къ худшему.

Планъ Фуджiи о возможности стоять здѣсь пока не кончатся дожди, не только самъ по себѣ непрiятенъ, даже грустенъ, но и невыгоденъ съ точки зрѣнiя стратегической и политической. Я не могу вѣрить ему. Я увѣренъ, что намъ придется двинуться куда нибудь и этого ждать не долго. Я полагаю, что Фуджiи особенно опасался Ренненкампфа и Мищенко, упоминая до какой степени они оба оказались неспособными повредить его сообщенiя, несмотря на всю ихъ кавалерiю. Конечно мѣстность гориста и становится все болѣе пересѣченной къ востоку отъ Ляоянской дороги. Намъ говорили, что долины тамъ становятся болѣе узкими и тянутся преимущественно съ сѣвера на югъ. Это обстоятельство, между прочимъ, должно помѣшать планамъ Фуджiи, состоящимъ въ томъ, что если мы будемъ атакованы, быстро перебросить главныя силы Первой армiи къ правому флангу у Айянмена. Я не думаю, чтобы это движенiе могло бы быть исполнено въ необходимое время. Но я всетаки не могу назвать эту мѣстность плохой для дѣйствiя кавалерiи. Мѣстность представляетъ собою для предпрiимчиваго начальника гораздо болѣе удобную арену дѣйствiй, чѣмъ абсолютная равнина, которая многими считается наиболѣе подходящей для дѣйствiя конныхъ войскъ. Мѣстность эта слишкомъ пересѣчена для дѣйствiй бригадами, или даже полками, но она чрезвычайно благопрiятна для дѣйствiй эскадрона. Я не могъ удержаться отъ нѣкотораго злораднаго чувства удовлетворенiя, узнавъ что кавалерiя ровно ничего не сдѣлала, ибо ничто лучше не могло бы подтвердить справедливость моихъ теорiй, за которыя меня такъ преслѣдовали.

Полчаса спустя послѣ ухода Фуджiи, я получилъ письмо. Оно было отъ полковники Матсуиши (Matsuishi), помощника начальника штаба, съ разрѣшенiемъ для капитановъ Винцента

и Жардайна выѣхать 17 числа с. м. въ Айянменъ въ сопровожденіи одного офицера Двѣнадцатой дивизіи.

Я счелъ необходимымъ сообщить объ этомъ NN, который поспѣшилъ въ штабъ несомнѣнно для того, чтобы настоять на принятіи участія въ этой поѣздкѣ всѣхъ остальныхъ военныхъ агентовъ. Это для меня не имѣетъ значенія. Разъ только мои офицеры поѣдутъ, то для меня не важно, кто еще поѣдетъ и кто не поѣдетъ, развѣ за исключеніемъ того соображенія, что отдѣльная личность всегда болѣе видитъ и слышитъ, чѣмъ толпа.

ГЛАВА XI.

Торжество въ честь умершихъ.

Фенгхуангченгъ, Іюня 19-го (н. с.), 1904.—Сильные дожди заставили Винцента и Жардайна отложить свой отъѣздъ до сегодняшняго утра, когда они бодро настроенные выѣхали наконецъ, въ сопровожденіи итальянскаго и шведскаго военныхъ агентовъ. Ихъ конвоировали четыре кавалериста. Я радъ, что имъ удалось наконецъ благополучно выѣхать, хотя благодаря ихъ отъѣзду Фенгхуангченгъ становился для меня болѣе, чѣмъ когда либо, прелестной, но невыразимо печальной темницей. Я долженъ сказать, что мнѣ очень посчастливилось, когда я получилъ трехъ такихъ подчиненныхъ, какъ Юмъ, Винцентъ и Жардайнъ. Они всѣ не только офицеры съ высокими профессіональными качествами, но и люди повидавшіе свѣтъ, знакомые съ трудами и лишеніями и съ бодрымъ сердцемъ готовые идти навстрѣчу всевозможнымъ препятствіямъ. Бѣдное старое военное министерство! Никто никогда не услышитъ объ этихъ дѣйствительно превосходно исполненныхъ командировкахъ, если же они исполнили бы хотя одну изъ нихъ неудачно, то тутъ имѣется на готовѣ лагерь умирающихъ отъ жажды новостей газетныхъ корреспондентовъ, чтобы, раздувъ фактъ, распространить его по всей Имперіи и Америкѣ. Ибо подобно волку, газетный корреспондентъ не опасенъ до тѣхъ поръ, пока не голоденъ.

Въ день великаго интервью, а именно 16-го числа, Фуджіи послалъ ко мнѣ капитана О. съ сообщеніемъ, что сраженіе благополучно произошло у Телиссу. Вторая армія

встрѣтила двѣ русскихъ дивизіи, занимавшихъ позицію Дайбоши (Daiboshi) — Іошизанъ (Ioshisan) и атаковала ихъ на разсвѣтѣ 15-го. Въ это же время Третья дивизія (японская-двинулась вдоль желѣзной дороги отъ Сукатана и приняла участіе въ сраженіи, между тѣмъ, какъ въ 9 ч. утра бригада Четвертой дивизіи отъ Торіако (Torijako) и, къ полудню кавалерія отъ Какатона (Kakaton) оказали содѣйствіе обходу русскихъ. Въ результатѣ русскіе послѣ жестокой борьбы были отброшены къ сѣверу. Много скорострѣльныхъ орудій, знаменъ и т. п. попало въ руки японцевъ. Потери японцевъ достигали 1.000 чел., потери русскихъ еще до сихъ поръ неизвѣстны. Здѣсь не видно ни малѣйшаго признака торжества. Извѣстіе о побѣдѣ было принято всѣми совершенно спокойно и какъ фактъ вполнѣ естественный. Я долженъ замѣтить, что и мое нравственное настроеніе начинаетъ совпадать съ японскимъ. Я не только чувствую, что японцы не будутъ кѣмъ бы то ни было побѣждены въ настоящее время, но и настойчиво стараюсь проводить эту мысль передъ моимъ начальствомъ и друзьями въ моихъ рапортахъ и письмахъ на родину. Накамура говоритъ, что имена деревень, упомянутыхъ капитаномъ О.,— японскій переводъ китайскихъ знаковъ, такъ что я не вполнѣ представляю себѣ, какъ мы ихъ найдемъ впослѣдствіи на подробныхъ картахъ этой мѣстности.

Вчера, 18-го числа, всей арміи были розданы подарки отъ Императрицы, состоявшіе изъ табака и сакэ *). Я собирался пообѣдать съ mr. Максвэлль въ лагерѣ журналистовъ, въ разстояніи около мили отъ города и штабъ настоялъ на томъ, чтобы меня сопровождалъ туда и обратно говорившій по англійски жандармъ. Присутствіе представителя закона, слѣдовавшаго за мной по пятамъ, конечно, портило все удовольствіе уединенной прогулки, но такъ какъ было бы безполезно протестовать, то мы и отправились вмѣстѣ. Начало обѣда было великолѣпно. Тутъ былъ прелестный супъ съ плавающими въ немъ маленькими кусочками пуддинга. Послѣ него былъ длинный перерывъ, нѣсколько сардинъ и затѣмъ...

*) Сакэ—японскій напитокъ вродѣ водки. Прим. перев.

ровно ничего. Мой хозяинъ оживленно поддерживалъ разговоръ, но я могъ замѣтить въ немъ признаки нѣкотораго безпокойства, которые и я вполнѣ съ нимъ раздѣлялъ, а именно, какая участь постигла слѣдующее блюдо, обозначенное въ меню сосисками. Подъ конецъ онъ вышелъ изъ терпѣнія и громкимъ и нѣсколько суровымъ голосомъ сталъ требовать еще пищи. Яснаго отвѣта на это требованіе не послѣдовало, но мы услышали шумъ ссоры и протестовъ, смѣшанный съ грозными и отрывистыми словами приказаній, и, выглянувъ изъ палатки, мы увидѣли моего жандарма, волочившаго за косу нашего повара-китайца. Мальчикъ, служившій за столомъ, былъ уже арестованъ и препровожденъ въ заточеніе въ сосѣднюю кумирню. Адскій жандармъ, оказалось, напился пьянъ подареннымъ ему императрицей сакэ и громкимъ голосомъ объявилъ, что онъ арестуетъ всѣхъ слугъ журналистовъ. Единственнымъ поводомъ къ этому, какъ онъ снизошелъ увѣдомить насъ, было, что „онъ подозрѣваетъ плохія дѣла“. Я былъ въ неловкомъ положеніи, ибо сознавалъ, что я плохо отплатилъ за оказанное мнѣ гостепріимство, приведя сюда жандарма, который теперь собирается внести смуту въ мирный лагерь. Но всетаки въ Японіи жандармъ, скорѣе еще болѣе жандармъ когда ему море по колѣно, и поэтому во что бы то ни стало было необходимо воздержаться отъ какого бы то ни было примѣненія открытой силы. Въ концѣ концовъ, чуть было самъ не попавъ подъ арестъ, я убѣдилъ моего расходившагося стража освободить его плѣнниковъ, и нашъ обѣдъ продолжался безъ приключеній. Никогда, надѣюсь, я не буду настолько неблагодарнымъ, чтобы забыть его сосиски, цыплятъ, языкъ и ананасные консервы.

Пріятный вечеръ проходилъ въ очень интересной бесѣдѣ, затрагивавшей разнообразныя темы, потому что мой хозяинъ и я, мы были старыми друзьями временъ Лэдисмита.

Наконецъ наступила минута, когда я долженъ былъ, скрѣпя сердце, попытаться увести домой моего жандарма. По счастью онъ охотно согласился и, дѣйствительно, когда мы собирались двинуться въ путь, соблаговолилъ сказать: „Я начинаю идти“. Подъ конецъ я доставилъ его домой, въ

штабъ, гдѣ онъ направилъ свое имперское радостное настроеніе въ другую сторону, а именно, попытался арестовать одного изъ самыхъ самодовольныхъ и много о себѣ воображающихъ переводчиковъ. Эта сцена показалась всѣмъ чрезвычайно забавной, но я съ радостью оставилъ ихъ ссориться и драться во дворѣ. Дѣйствительно, скверное положеніе для британскаго генералъ-лейтенанта, старающагося отвести домой пьянаго жандарма по грязной дорогѣ и въ полной темнотѣ, гдѣ разставленные повсюду часовые готовы открыть магазинный огонь по всему, что покажется имъ необычайнымъ или страннымъ!

Послѣ отъѣзда Жардайна и Винцента этимъ утромъ, я надѣлъ мой синій мундиръ и поѣхалъ верхомъ присутствовать на парадѣ второй дивизіи въ честь умершихъ, т. наз. „Шоконсаи" (Shokonsai) или „торжество встрѣчи душъ", какъ гласитъ буквальный переводъ этого японскаго слова.

Вторая дивизія, безъ одного полка, была построена на равнинѣ противъ зеленаго холма, на которомъ былъ воздвигнутъ алтарь съ приношеніями солдатъ ихъ умершимъ товарищамъ. Я несомнѣнно былъ въ самомъ благоговѣйномъ настроеніи. Но когда я увидѣлъ большого высушеннаго лосося съ собственнымъ хвостомъ во рту, отложеннаго въ сторону для тѣхъ, кои, согласно моей собственной религіи, должны бы были отказаться отъ подобнаго приношенія, я никоимъ образомъ не могъ воздержаться отъ сознанія, что я очень голоденъ. Кромѣ лосося, тамъ была корзина, наполненная пирожками, сладостями, зеленью и живыми курицами. Все это представляло собой очень вещественную пищу. Съ правой стороны около алтаря стоялъ принцъ Куни и генералъ Ниши, начальникъ дивизіи, непосредственно за ними по лѣвую сторону послѣдняго было отведено мѣсто для меня. Напротивъ насъ стояли корреспонденты, среди которыхъ одинъ или два работали своими кодаками. Это казалось неблаговѣйнымъ, но было въ сущности не больше того, чѣмъ мои мысли о лососѣ.

Первая церемонія должна была быть произведена по ритуалу религіи Шинто и ее началъ почтенный священнослужитель, махая жезломъ надъ нашими головами, что, я ду-

маю, соотвѣтствовало той части нашего богослуженія, когда священникъ кропитъ прихожанъ святой водой въ началѣ службы. Затѣмъ складывалось на уже ломившийся отъ тяжести алтарь все больше и больше приношеній, все это сопровождалось перерывами, воздѣваніями рукъ къ небу, церемоніями, пока на алтарѣ уже не оказалось больше свободнаго мѣста. Вслѣдъ за этимъ, Ниши вышелъ впередъ и пѣвучимъ голосомъ, употребляемымъ японцами въ подобныхъ случаяхъ, началъ читать похоронную молитву, не столько въ честь умершихъ, какъ обращенную непосредственно къ умершимъ, которые, какъ предполагалось, дѣйствительно присутствовали среди насъ (и кто знаетъ, были ли они тутъ или нѣтъ?). Онъ восхвалялъ ихъ, какъ „кроткихъ и покорныхъ", говорилъ о нихъ, какъ „о достойныхъ любви" и вѣчной памяти. Онъ увѣрялъ ихъ въ вѣчной жизни въ воспоминаніяхъ ихъ соотечественниковъ. Это чувство понятно японскому солдату. Какъ видно, онъ не придаетъ никакого значенія аплодисментамъ толпы, банкетамъ и празд нествамъ, такъ же мало заботится онъ о какомъ бы то ни было матеріальномъ вознагражденіи, но слава послѣ смерти для него очень реальное представленіе. Будучи иностранцемъ, который поневолѣ долженъ смотрѣть на все черезъ туманное стекло, я всетаки былъ пораженъ этимъ чувствомъ солдата, которое, заставляя его вѣровать въ возможность принимать участіе въ жизни послѣ смерти, становится для него при жизни побудительной искрой, и потому смерть онъ считаетъ только благопріятнымъ для себя случаемъ. Въ самомъ дѣлѣ, для японскаго солдата умершій левъ достоинъ гораздо большей зависти, чѣмъ живущая собака.

Когда рѣчь кончилась, я былъ приглашенъ послѣдовать примѣру Ниши и возложить на алтарь вѣтвь сосноваго дерева *).

Я тщательно наблюдалъ за количествомъ поклоновъ и шаговъ, которые сдѣлалъ генералъ, и я полагаю, что я ис-

*) Сосновая вѣтвь обозначаетъ вслѣдствіе ея вѣчно зеленаго цвѣта— вѣчность. Обвитая вокругъ нея бѣлая тесьма, общепринятый символъ чистоты. Обѣ эти эмблемы хорошо извѣстны въ религіи Шинто. Прим. автора.

полнилъ свою обязанность вполнѣ исправно. Когда послѣднее приношеніе было возложено на алтарь, собранные отъ всей дивизіи горнисты протрубили салютъ, войска взяли на караулъ, потомъ къ ногѣ и отправились обратно къ своимъ стоянкамъ. Они стояли слишкомъ далеко, чтобы слышать слова молитвы, но они могли видѣть все, что происходило. Я все время чувствовалъ благоговѣйное присутствіе этихъ 10.000 японскихъ солдатъ.

Оффиціальная часть церемоніи кончилась, но генералъ со своимъ штабомъ все еще стоялъ около алтаря. Такъ какъ я колебался, уйти мнѣ или нѣтъ, то одинъ изъ офицеровъ, какъ бы между прочимъ, сказалъ мнѣ: „Здѣсь произойдетъ еще одна церемонія, частнаго характера; если вы пожелаете остаться здѣсь, милости просимъ, но прошу понять, что эта церемонія не имѣетъ особаго значенія“. Естественно я отвѣчалъ, что останусь. Эта частная церемонія, которая будто бы не имѣла особаго значенія, оказалась буддійскимъ богослуженіемъ. Главный жрецъ, весьма внушительнаго вида, принесъ жаровню съ древеснымъ углемъ и поставилъ ее передъ алтаремъ. Началась церемонія, которая, не смотря на то, что я не могъ понять ея смыслъ, произвела на меня несравненно больше впечатлѣнія, чѣмъ предшествовавшее ей богослуженіе Шинто. Весь ритуалъ показался мнѣ простымъ и величественнымъ, а пѣніе болѣе отвѣчало нашему европейскому представленію о церковной музыкѣ. Подъ конецъ церемоніи я вновь послѣдовалъ за Ниши, чтобы принести жертву душамъ умершихъ, но на этотъ разъ, вмѣсто сосновой вѣтви, я бросилъ въ жаровню щепотку куренья. Несомнѣнно, что буддійская церемонія показалась мнѣ болѣе торжественной и возвышенной, чѣмъ другая, но мнѣ было бы трудно объяснить, что заставило меня такъ думать. Конечно шинтоизмъ, какъ военная религія, лучше; она ставитъ патріотизмъ и преданность императору выше всѣхъ прочихъ гражданскихъ добродѣтелей. Странно подумать, что сегодня я дважды преклонилъ свою голову передъ чужими богами. Если бы только моя бѣдная, дорогая, старая бабушка могла узнать, что я такимъ образомъ принималъ участіе въ языческихъ обрядахъ, она на-

вѣрно повернулась бы въ гробу. Какъ бы то ни было, для этого имѣется хорошій библейскій прецедентъ!

Когда церемонія кончилась, принцъ Куни проводилъ меня до королевской палатки, а другіе военные агенты отправились къ особой палаткѣ, раскинутой ниже у холма. Генералы Фуджіи и Ниши спросили меня о южной Африкѣ и ея климатѣ. Всѣ они отъ души разсмѣялись, когда я описалъ имъ разочарованіе лошади сѣвернаго полушарія, которая начала было отращивать свою зимнюю шерсть, когда вдругъ наступило лѣто.

Фуджіи сообщилъ мнѣ, что онъ только что получилъ телеграмму, гдѣ доносилось о движеніи 5.000 русскихъ отъ Саймачи къ Айянмену. Это какъ разъ то мѣсто, куда направились Жардайнъ и Винцентъ сегодня утромъ и кажется, что имъ повезло. Отсюда ввидѣ подкрѣпленія былъ посланъ полкъ. Если они будутъ дѣлать двойные переходы, то будутъ въ состояніи сопровождать этотъ полкъ. Затѣмъ генералы начали дѣлать мнѣ комплименты, говоря, что я такъ хорошо исполнилъ свою роль въ церемоніи, какъ будто былъ рожденъ для нея. Хотѣлъ бы я знать, какую часть всего этого нужно отнести на счетъ любезности. Мнѣ было бы пріятно думать, что я все продѣлалъ, какъ слѣдуетъ, потому что я знаю, какое значеніе они придаютъ строгому соблюденію обрядностей въ этихъ случаяхъ.

Я не хотѣлъ бы оказать имъ несправедливость, но я думаю, что они не очень то вѣрятъ въ свою религію. Они, въ самомъ дѣлѣ даже стыдятся ея и стараются всячески дать понять, что это только одинъ обрядъ и удовольствіе для солдатъ и ровно ничего больше. Я подозрѣваю, что это только способъ отвлечь отъ подобной темы разговора. Большинство людей, въ этихъ случаяхъ становятся молчаливыми и не склонны открывать свои сердца передъ иностранцемъ. Почти подобное съ вѣроятностью можно сказать о насъ самихъ; какое бы впечатлѣніе произвело на японца то зрѣлище, когда субалтернъ офицеръ, хочешь не хочешь, ведетъ свою роту въ церковь? Развѣ этотъ парадъ могъ бы считаться за самое откровенное отрицаніе религіи? Относительно же японцевъ, я могу привести только мои

собственныя впечатлѣнія, какую бы цѣну они ни имѣли. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ слѣдующее: „Со стороны логики священнослужители совершенно неуязвимы, говоря что если завѣты Конфуція были хороши, когда онъ писалъ ихъ, то поэтому они должны оставаться хорошими и навсегда. То, что хорошо однажды, всегда хорошо. Но все-таки въ практической жизни нужно считаться съ политикой, а политика никогда не была и никогда не будетъ нравственной. Поэтому, истинно религіозный человѣкъ не можетъ быть хорошимъ политическимъ дѣятелемъ. Если вы желаете придерживаться Конфуція, вы должны быть готовы проиграть состояніе тому, у кого нѣтъ за спиной этого груза“. Это старинное затрудненіе совмѣстить служеніе Богу и Мамонѣ, только облеченное въ новую форму. На обратномъ пути мнѣніе другого офицера объ арміи очень заинтересовало меня; онъ сказалъ: „Наши офицеры очень хорошо образованы, между тѣмъ, какъ нравы нашихъ солдатъ грубы и примитивны. Эта амальгама создаетъ орудіе войны высокаго достоинства“.

Фенгхуанченгъ, іюня 20-го (н. с.), 1904.—Вышелъ сегодня прогуляться съ Юмомъ и набрелъ на несчастную маленькую лошадку, безнадежно завязшую въ болотѣ. Видимо она боролась со смертью всю ночь и теперь приготовилась къ своей участи, погружаясь все глубже и глубже въ отвратительную грязь, которая поглотила бы ее въ нѣсколько минутъ совершенно. Неподалеку лежалъ соломенный канатъ и мы попытались вытащить имъ несчастное животное, но послѣ нѣсколькихъ усилій мы убѣдились, что у насъ не хватаетъ для этого силы. Лошадь погрузилась уже такъ глубоко, что ея ноздри были въ уровень съ травой, росшей на поверхности болота. Къ моему удивленію, то, что мнѣ приходилось читать по этому поводу, оказалось совершенно справедливымъ, а именно, что въ эту минуту послѣдняго издыханія, лошадь начала щипать траву съ видимымъ наслажденіемъ. Я прямо не въ состояніи былъ стоять и ожидать той минуты, когда только нѣсколько пузырей останется на томъ мѣстѣ, гдѣ задохнулось бѣдное животное; такъ же не могъ я идти дальше своей дорогой, потому что

я зналъ, что въ моемъ воображенiи конецъ будетъ болѣе живъ, чѣмъ въ дѣйствительности. Поэтому Юмъ и я бросились бѣжать назадъ со всей доступной намъ скоростью къ тому мѣсту, гдѣ мы видѣли постъ, выставленный Второй дивизiей. Сначала солдаты этого поста выражали сомнѣнiе и спрашивали насъ, насколько знанiе Юмомъ японскаго языка могло намъ помочь, была ли эта лошадь казенная или же китайская. Я подумалъ, что безотлагательность этого случая оправдаетъ меня и заявилъ, что лошадь эта казенная, хотя я отлично зналъ, что она никогда ей не была. Въ концѣ концовъ они рѣшились придти на помощь, а разъ рѣшенiе было принято, то они пошли съ полной охотой и пустились съ нами бѣжать во всю, крича и смѣясь, какъ школьники. Ихъ было около пятнадцати. Достигнувъ болота, они быстро раздѣлись и никогда до сихъ поръ мнѣ не приходилось видѣть такихъ развитыхъ мускуловъ. Любой изъ нихъ могъ бы годиться въ видѣ модели для скульптора. Всѣ говорятъ, что Вторая дивизiя Сендай (Sendai), лучшая дивизiя во всей армiи. Я хорошо помню купальные парады моей бригады въ устьѣ долины Бара въ теченiе послѣдняго мѣсяца кампанiи Тира (Tirah). Здѣсь я наблюдалъ плескавшiйся въ водѣ королевскiй Ирландскiй полкъ, легкую пѣхоту герцога Корнуэлльскаго и шотландцевъ Гордона и забавлялся, стараясь различить ихъ нацiональности, что было очень легко, какъ только они снимали свои мундиры. Ирландцы были большей частью узковаты, съ длинными ногами, болѣе слабаго тѣлосложенiя, легче. Пѣхота герцога Карнуэлльскаго— меньше ростомъ и крѣпче; гордонцы были самыми коренастыми и толстыми изъ всѣхъ. Въ этой прекрасной бригадѣ было нѣсколько настоящихъ молодцовъ, но однако не много изъ нихъ выдержало бы сравненiе по развитiю мускулатуры съ этими случайными представителями Второй дивизiи. Въ одно мгновенiе они прыгнули въ болото по поясъ и поднявъ лошадь, вытащили ее на берегъ и привязали къ колючему кустарнику, чтобы она могла бы постепенно придти въ себя. Все это было произведено съ чрезвычайной легкостью и напоминало муравьевъ, борющихся съ насѣкомымъ въ десять разъ больше ихъ ростомъ.

Сегодня вечеромъ, послѣ обѣда NN пришелъ навѣстить меня. Я прогуливался взадъ и впередъ по моему маленькому садику, а всѣ остальные къ счастью сидѣли внутри и работали. Онъ видимо выпилъ пива или сакэ и былъ очень разговорчивъ. Такъ какъ онъ обыкновенно молчаливъ, то его выходки очень удивили и разсмѣшили меня. Несмотря на то, что мы были совершенно одни въ маленькомъ садикѣ, онъ держалъ себя совершенно такъ же, какъ будто мы находились въ комнатѣ, наполненной любопытнымъ народомъ. Онъ потащилъ меня за рукавъ сначала въ одинъ уголъ, затѣмъ въ другой, все время шепча мнѣ въ ухо такъ нѣжно, что я ровно ничего не могъ разобрать. Я всетаки съ искренней готовностью принялъ участіе въ этой игрѣ, шагая на цыпочкахъ и подражая ему въ пріемахъ. Онъ потратилъ часъ на то, чтобы сообщить мнѣ четыре или пять новостей, которыя могли бы быть переданы въ одну минуту, но всетаки эти новости стоили времени и безпокойства, конечно только въ томъ случаѣ, если онѣ не пьяныя галлюцинаціи, въ чемъ я сомнѣваюсь. Онъ сказалъ, что Первая армія съ ея тремя дивизіями черезъ два дня начнетъ движеніе на фронтѣ сорока миль. Ренненкампфъ находится у Саймачи съ пятью полками кавалеріи, конной батареей и полкомъ пѣхоты и выжидаетъ, чтобы напасть на походѣ на правый флангъ Двѣнадцатой дивизіи и, какъ только она достаточно далеко удалится, отрѣзать ея сообщенія. Но для японской пѣхоты такъ трудно войти въ тѣсное соприкосновеніе съ русской кавалеріей, что всѣ въ арміи предполагаютъ, что наше наступленіе послужитъ только ловушкой, дабы соблазнить Ренненкампфа на набѣгъ Съ этой цѣлью мы быстро отступимъ назадъ и поймаемъ его. Потащивъ меня въ другой уголъ сада, желая этимъ обозначить перемѣну театра операцій, онъ заявилъ мнѣ что теперь у японцевъ противъ Куропаткина стоятъ четыре дивизіи къ югу отъ Кайпинга, двѣ дивизіи осаждающія Портъ-Артуръ, т. е. всего шесть дивизій, а съ нашими— девять дивизій. Однако я не увѣренъ, включилъ ли онъ въ это число ту дивизію, которая по слухамъ недавно высадилась у Такушана (Takushan). Наконецъ, мой пріятель,

все держа меня за рукавъ, повлекъ меня изъ послѣдняго угла садовой стѣны къ центру подъ большое дерево. Со страхомъ озираясь кругомъ и убѣдясь, что мы по прежнему совершенно одни, онъ прошепталъ мнѣ на ухо: „Развѣ вы не думаете, что мы, японцы удивительный народъ?" На что я вполнѣ искренно ему отвѣтилъ: „Да, дѣйствительно, я это думаю". Онъ продолжалъ: „Мы въ состояніи сдѣлать первокласснаго солдата изъ мужика въ три недѣли, тогда какъ нѣмцы не могутъ этого сдѣлать со своими тупоголовыми пахарями меньше чѣмъ въ три года; что вы думаете объ этомъ?" Я отвѣтилъ: „Я думаю что вы почти правы". На это онъ закричалъ громкимъ голосомъ, въ противоположность его прежнему шопоту: „Это совершенно справедливо!" И съ этимъ восклицаніемъ исчезъ въ темнотѣ.

Іюня 21-го (н. с.), 1904 г.—Только что пришло сообщеніе о томъ, что высшее командованіе будетъ поручено Ойямѣ, а Кодама будетъ его начальникомъ штаба. Это пріятная для меня новость, ибо я хорошо узналъ ихъ обоихъ, хотя и предполагаю, что Ойяма и Кодама въ арміи будутъ совершенно другими людьми, чѣмъ Ойяма и Кодама въ Токіо.

Іюня 22-го (н. с.), 1904 г.—Ура! Мы наступаемъ черезъ три дня. Наступленіе будетъ организовано тремя колоннами, каждая колонна изъ трехъ отдѣленій. (см. планъ № 9). Правая колонна, Двѣнадцатая дивизія, двинется къ сѣверу по дорогѣ на Саймачи; средняя колонна, Вторая дивизія, вдоль большой Ляоянской дороги, ведущей черезъ Ліеншанкуанъ (Lienshankuan) къ Мотіенлингскому перевалу; наконецъ, лѣвая колонна или Императорская гвардейская дивизія; вдоль проселочной дороги, пролегающей дальше къ востоку. Первыя изо всѣхъ отдѣленій начнутъ движеніе 24-го, вторыя 25-го и третьи 26-го. Всѣ иностранные офицеры, равно какъ и корреспонденты, будутъ прикомандированы къ колоннамъ и только я одинъ буду сопровождать Куроки и штабъ, который вѣроятно будетъ переѣзжать отъ одной колонны къ другой, но въ началѣ движенія будетъ позади средней или Второй дивизіи. Я постарался

устроить, чтобы Жардайнъ сопровождалъ Двѣнадцатую дивизію, Винцентъ Вторую, а Юмъ Императорскую гвардію. Это подраздѣленіе работы было вполнѣ соотвѣтственно, потому что они могли слѣдить за всѣми подробностями, въ то время, когда я, оставаясь при штабѣ, могъ уяснить себѣ болѣе важные вопросы. Я боюсь, что это мнѣ покажется трудной работой въ одиночествѣ, но меня будетъ ободрять сознаніе, что на мою долю выпало нѣчто исключительное и, если мнѣ и не удастся разгадать нашихъ увертливыхъ хозяевъ, то всетаки мнѣ представится для этого такой случай, который доступенъ только немногимъ иностранцамъ.

Іюня 24-го (н. с.), 1904 г.—Всѣ военные агенты и журналисты сегодня выѣхали и наконецъ наступила минута, которой я и ждалъ и опасался, когда я очутился единственнымъ иностранцемъ въ сердцѣ Азіатской арміи въ Азіи. У меня иногда является желаніе имѣть слугу, хотя-бы даже японскаго солдата-денщика; мой такъ называемый переводчикъ не годится для вьюченья сѣдла или укладыванія какъ слѣдуетъ всѣхъ вещей для похода. NN пришелъ ко мнѣ рано утромъ сегодня и предложилъ сдѣлать эскурсію къ Хо-о-Сану или горѣ Фениксъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что это можетъ помочь развлечь мои мысли объ одиночествѣ и объ отъѣздѣ всѣхъ другихъ; прелестная мысль и весьма подходящее предложеніе.

Мы выѣхали въ 9 ч. 30 м. утра въ сопровожденіи нѣсколькихъ обозныхъ солдатъ, которые якобы несли намъ завтракъ, въ дѣйсвительности же отправились посмотрѣть на кумирню на вершинѣ горы. Подымаясь въ гору по крутой дорогѣ, мы услышали изъ густого кустарника слѣва соловьиное пѣнье. Всѣ маленькіе японцы были какъ бы очарованы и замерли на мѣстѣ подобно каменнымъ изваяніямъ, чтобы не пропустить ни одной нотки „угуис'а" (Uguis), какъ они нѣжно называютъ этого пѣвца рощъ. Иногда я нахожу сходство между Томомъ Аткинсъ*) и японцемъ; изрѣдка я подмѣчалъ другіе, похожіе на этотъ признаки.

*) Прозвище англійскихъ солдатъ. Пр. перев.

Наконецъ мы добрались до великолѣпной кумирни, недавняго убѣжища для китайскихъ женщинъ, когда они заслышутъ стукъ казачьихъ подковъ. Священнослужитель сообщилъ мнѣ, что въ окрестностяхъ горы были волки, медвѣди и пантеры, но съ тѣхъ поръ, какъ шесть мѣсяцевъ тому назадъ здѣсь появились два тигра и поселились неподалеку въ глубокомъ ущельѣ, волки и пантеры исчезли. Послѣ окончанія войны я очень хотѣлъ бы возвратиться сюда и навѣстить близкихъ по крови кузеновъ моихъ индійскихъ друзей.

Іюня 25-го (н. с.), 1904.—Сегодня утромъ я выѣхалъ верхомъ одинъ, стараясь все время затвердить по японски: „Я британскій генералъ и мнѣ разрѣшено здѣсь ѣздить; я ѣзжу здѣсь каждый день“. Это было нелишнимъ, потому что меня нѣсколько разъ останавливали. Новый полкъ, смѣнившій караулы и посты у воротъ и дорогъ, съ такимъ удивленіемъ глазѣлъ на меня, что ихъ маленькіе глазки почти вылѣзали изъ своихъ орбитъ. Они думали, что я русскій. Эти полки прибыли изъ самой глуши Японіи и многіе изъ нихъ никогда до сихъ поръ не видѣли иностранца.

Я телеграфировалъ въ Индію, какъ я распредѣлилъ моихъ трехъ офицеровъ и что я теперь единственный иностранецъ въ штабѣ. Я прибавилъ, что войска, покинувшія Фенгхуангченгъ въ убѣжденіи, что они идутъ для рѣшительнаго сраженія, казались настолько увѣренными и спокойными, что можно было подумать, что они совершаютъ обыкновенный переходъ. Ни криковъ, ни хвастовства, ни даже признака возбужденія. Мнѣ нравится эта черта характера этихъ маленькихъ людей. Это старый англійскій стиль предшествовавшихъ Мэфкингу дней.

Сегодня вечеромъ, послѣ обѣда, пришелъ адъютантъ съ посланіемъ отъ Куроки. Онъ сказалъ мнѣ, что генералъ боится, что я чувствую себя одинокимъ и что онъ надѣется увидѣть меня у себя. Такъ какъ это былъ можетъ быть послѣдній случай послушать музыку, то онъ послалъ для увеселенія за гвардейскимъ оркестромъ. Ничто не могло быть болѣе воинственнымъ и любезнымъ. Я съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе и направился въ штабъ. Въ ту

минуту, когда я появился, оркестръ заигралъ „The Garb of Old Gaul“ — торжественный маршъ Шотландскаго полка Гордона *). Я не знаю, какъ имъ удалось это угадать, но я былъ даже тронутъ. Ночь была чудная. Было почти полнолуніе и мѣсяцъ сіялъ на фонѣ серебристо-сѣраго неба подобно огромному щиту изъ блестящей стали. Я сидѣлъ между генераломъ Куроки и Его Высочествомъ принцемъ Куни и, несмотря на всю ихъ любезность, чувствовалъ себя совершенно такимъ же одинокимъ, какъ Марко-Поло, когда онъ пріятельски бѣсѣдовалъ съ Великимъ Ханомъ Татаріи. Мы пили чай изъ маленькихъ чашечекъ, покрытыхъ блѣдно-зеленымъ лакомъ. Никто бы не могъ подумать, что всѣ мы были накануне огромныхъ событій. Даже по нашему внѣшнему виду нельзя было этого угадать, хотя я долженъ признаться, что я чувствовалъ все значеніе переживаемаго нами времени. Мы были разговорчивы и веселы. Мнѣ это нравится: только немногіе изъ нашихъ товарищей способны на это, большинство же начинаетъ такъ безпокоиться и суетиться, что поневолѣ приходитъ въ голову мысль, что имъ не мѣшало бы выпить какого нибудь успокоительнаго средства. Въ то же время я замѣтилъ, что Фуджіи ходилъ взадъ и впередъ по полутемному пространству подобно безпокойному привидѣнью, погруженному въ глубокія и безпокойныя мысли. Какъ обыкновенно, мы болтали больше о пустякахъ. Принцъ сказалъ мнѣ, что онъ боится, что долгая стоянка на одномъ мѣстѣ мнѣ очень надоѣла. Я отвѣтилъ утвердительно. Но теперь, когда я видѣлъ на Его Высочествѣ хаки, мое нетерпѣніе пропало, ибо я былъ увѣренъ, что наконецъ сраженіе близко. Я разсказалъ имъ о моемъ сегодняшнемъ восхожденіи на Хо-о-Санъ или гору Фениксъ и о предполагаемомъ тамъ присутствіи тигровъ. Куроки спросилъ меня, охотился ли я когда нибудь на тигровъ въ Индіи. Я отвѣтилъ, что я застрѣлилъ больше тигровъ, чѣмъ получилъ. Онъ полюбопытствовалъ узнать, какъ это могло случиться и я объяснилъ ему, что я обыкновенно выѣзжалъ на охоту въ обществѣ людей гораздо

*) Генералъ Гамильтонъ шотландецъ по происхожденію. Пр. перев.

выше меня стоявшихъ и что туземцы въ этой мѣстности настолько любезны, что единогласно заявляютъ, что тигръ убитъ самымъ важнымъ лицомъ охоты, если оно даже и позабыло выстрѣлить изъ своего ружья. Куроки и принцу видимо понравилась эта идея и они безконечно долго смѣялись. Какъ только генералъ пришелъ въ себя отъ смѣха, онъ сказалъ мнѣ: „Ничего, ничего; вы становитесь очень большимъ лицомъ и скоро придетъ ваша очередь убивать тигровъ, не стрѣляя въ нихъ“. Принцъ освѣдомился о здоровьѣ Винцента. Я отвѣтилъ, что онъ ѣлъ курицу и сломалъ зубъ и что поэтому онъ очень страдалъ. Его Высочество замѣтилъ, что почтенному капитану попался навѣрно очень твердый кусокъ. Я отвѣтилъ: „Ваше Высочество, эта курица была такъ же стара, какъ Хо-о или Фениксъ, живущій на этой горѣ“. На это они тоже разомѣялись.

Оркестръ началъ играть поппури изъ ирландскихъ пѣсенъ и Куроки, видя, что я слушаю музыку, спросилъ меня музыкальный ли народъ ирландцы. Я отвѣтилъ ему утвердительно и прибавилъ, что они любятъ простую музыку. Онъ сказалъ: „Я думаю, что эта пѣсня о любовной исторіи?“ Это была пѣснь „The Minstrel Boy“ и я былъ очень радъ, что могъ ему отвѣтить: „Совершенно нѣтъ, ваше превосходительство: эта пѣснь не сантиментальнаго содержанія: она воспѣваетъ молодого арфиста, который отправляясь на войну оставилъ арфу дома и взялъ вмѣсто нея мечъ своего отца“. Куроки былъ доволенъ; онъ улыбнулся своей пріятной улыбкой и замѣтилъ: „Очень подходящая пѣсня для насъ этой ночью; мы оставляемъ всю нашу музыку здѣсь и завтра идемъ на врага, вооруженные мечами нашихъ предковъ!“ У Куроки это глубокое и изысканное чувство. Вскорѣ послѣ этого я откланялся и ушелъ. Теперь я долженъ лечь спать, чтобы быть свѣжимъ для ранняго выступленія на слѣдующій день. Мнѣ бы всетаки хотѣлось еще подольше посидѣть въ моемъ маленькомъ садикѣ изъ піоновъ, который я понемногу полюбилъ. Сегодня мѣсяцъ своимъ яркимъ сіяніемъ, казалось, пытался запечатлѣть въ моей памяти эту ночь въ Фенгхуангченгѣ. Подъ волнами лазуреваго свѣта, лившагося на причудливо украшенныя крыши домовъ и

кумирен, все кругомъ принимало таинственный и волшебный видъ и мнѣ казалось, что я нахожусь въ городѣ Аладина и его волшебной лампы. И такъ, еслибы я даже владѣлъ этой сказочной лампой, то можетъ быть я предпочелъ бы одно или два желанія стремленію идти на встрѣчу русскимъ съ 50.000 отборныхъ воиновъ Японіи!.. Несомнѣнно, въ сіяніи мѣсяца этой ночью есть что-то таинственное.

Мнѣ вспомнилась великая строка великаго француза:

„Les yeux sinistres de la Lune“.

ГЛАВА XII.

Наконецъ въ походѣ.

Іюня 25-го, (н. с.) 1904 г. — Выѣхали въ Хсуехлитенъ (Hsuehliten) по большой Ляоянской дорогѣ въ 7 ч. утра. Средняя колонна или Вторая дивизія должна была прибыть туда сегодня. Императорская гвардія, составлявшая лѣвую колонну, двигается по дорогѣ дальше на востокъ, а Двѣнадцатая дивизія, или правая колонна, идетъ на Саймачи. Первая армія двигается такимъ образомъ на фронтѣ, доходящемъ съ боковыми авангардами до пятидесяти миль. Каждая колонна, двигаясь по узкимъ долинамъ, разобщается отъ сосѣдней высокими горными кряжами, совершенно непроходимыми для войскъ въ какомъ бы то ни было строю. Подобная диспозиція для марша очевидно крайне необходима, но отъ этого она не становится менѣе опасной. Она необходима, потому что дороги или скорѣе тропы настолько узки и плохи, что дивизія—maximum того количества войскъ, которыхъ можно продовольствовать по подобной артеріи. Она опасна, ибо представляетъ удобный случай для блестящаго управленія войсками русскому генералу, который при умѣньи маневрировать быстро, рѣшительно и скрытно, долженъ бы быть въ состояніи, задерживая двѣ изъ нашихъ колоннъ, бросить неизмѣримо превосходныя силы на третью. Какъ бы то ни было мы благополучно начали нашъ опасный маршъ, при которомъ гораздо больше волненій, чѣмъ я предполагалъ, въ особенности вслѣдствіе контраста съ нашимъ долгимъ и утомительнымъ пребываніемъ въ Фенгхуангченгѣ.

Когда мы выѣхали, было пречестное утро, но вскорѣ небо стало становиться облачнымъ. Теперь 9 ч. 30 м. утра и я уже около получаса ѣду въ кампаніи штаба арміи, который я догналъ въ пяти миляхъ за Фенгхуанченгомъ. Этотъ штабъ производилъ впечатлѣніе очень небольшой, не обремененной группы по сравненію съ тѣми неуклюжими, громоздкими штабами, съ которыми мы начали войну въ Южной Африкѣ. Одинъ или два изъ штабныхъ офицеровъ могъ находиться позади съ обозомъ, одинъ или два впереди съ войсками, но всетаки у насъ всего было только пятнадцать офицеровъ, съ ихъ „бетто", или вѣстовыми, и конвой изъ пяти жандармовъ. Вся кавалькада была крайне не претенціозна, спокойна и дѣловита; ничего похожаго на Наполеоновское позированіе. Я еще не далъ пока полнаго списка штабныхъ офицеровъ и я полагаю, что теперь представляется подходящій случай для перечисленія тѣхъ, которые всѣ вмѣстѣ составляютъ мозгъ Первой арміи въ 42.000 человѣкъ:

Командующій арміей: маршалъ *) баронъ Куроки, командовавшій Шестой дивизіей подъ Вейхавеемъ въ войну 1894—5 г.г.

Начальникъ штаба: генералъ-маіоръ Фуджіи, который былъ три года военнымъ агентомъ во Франціи, затѣмъ въ Вѣнѣ, а передъ войной занималъ должность начальника офицерской школы.

Помощникъ начальника штаба: полковникъ Матсуиши (Matsuishi), который въ мирное время былъ профессоромъ офицерской школы. Онъ служилъ нѣкоторое время въ Германіи и бывалъ въ Лондонѣ.

Оперативное отдѣленіе: маіоръ Фукуда (Fukuda), служившій три года въ Германіи; капитанъ Іошіока (Ioshioka) и капитанъ Киношита (Kinoshita).

Развѣдывательное отдѣленіе: полковникъ Хагино (Hagino), проведшій семь лѣтъ въ Россіи, и капитанъ Хикида (Hikida).

Отдѣлъ военныхъ сообщеній: Подполковникъ Ку-

*) Его настоящій чинъ—полный генералъ, но всѣ въ арміи называютъ его маршаломъ. Пр. автора.

рита (Kurita), прослужившій три года въ Германіи, и капитанъ Саито (Saito).

Адъютантское отдѣленіе: Маіоръ Тваматсу (Twamitsu) – старшій адъютантъ; капитаны Курода (Kuroda) и Шибуяма (Shibuyama) — адъютанты командующаго арміей, капитанъ Омура (Omura)—адъютантъ оперативнаго отдѣленія и капитанъ Міагэ (Miage)—адъютантъ развѣдывательнаго отдѣленія.

Комендантъ штаба: маіоръ Ватанабэ (Watanabe).

Начальникъ артиллеріи: Полковникъ Матсумото (Matsumoto).

Начальникъ инженеровъ: генералъ-маіоръ Т. Кодама (Kodama).

Главный казначей: полковникъ (соотв. чинъ) Оянаги (Oyanagi) съ двумя помощниками: капитаномъ и поручикомъ.

Главный врачъ: генералъ-маіоръ (соотв. чинъ) Танегучи (Taneguchi).

Начальникъ военной полиціи: капитанъ Нюре (Nüre).

Что касается до мѣстности, то мы двигались по обыкновенной рѣчной долинѣ Маньчжуріи. Округленной формы, лѣсистые холмы, высотою отъ 500 до 1000 фут., были покрыты густой, почти непроходимой зарослью, небольшими деревьями и кустами необыкновенно яркаго, зеленаго цвѣта. Въ пейзажѣ Маньчжуріи есть что-то своеобразное и я не могъ бы вообразить себя въ какой либо другой странѣ изъ видѣнныхъ мною. Я думаю, что это своеобразіе страны происходитъ отъ формы горъ, многія изъ которыхъ похожи на остроконечныя пирамиды. Даже горные кряжи, спускающіеся отъ нихъ въ долины, и тѣ заканчиваются очень характерными маленькими остроконечными вершинками. Въ итогѣ получается впечатлѣніе безконечнаго числа огромныхъ сахарныхъ головъ, покрытыхъ зеленымъ бархатомъ. Дорога шла параллельно рѣкѣ. Говоря „параллельно“, я подразумѣваю паралельно въ общемъ, ибо нашъ путь, извиваясь вдоль теченія рѣки, очень часто пересѣкалъ ее. Каждое ровное мѣсто старательно очищено и покрывается теперь роскошными всходами проса, бобовъ и гороха. На дорогѣ видны слѣды, оставленные движеніемъ

Второй дивизіи. Настилки изъ мелкихъ брусьевъ черезъ водяные протоки были сломаны, потому что, будучи покры ты фашинникомъ и глубокой грязью, онѣ превратились бы въ непроходимыя выбоины и затруднили бы безъ того нелегкую работу бѣдныхъ маленькихъ военныхъ кули, мужественно тащившихъ свои повозки. Кое-гдѣ на дорогѣ попадались такія повозки и, случайно, китайскія. Но до сихъ поръ я не видѣлъ труповъ павшихъ лошадей, хотя я и ожидалъ ежеминутно увидѣть одинъ или два трупа, которые послужили бы пищей для воронъ и сорокъ, единственныхъ птицъ, которыхъ я до сихъ поръ здѣсь видѣлъ.

Позднѣе.—Какъ непритворно разсмѣялись бы нѣкоторые изъ моихъ дорогихъ лондонскихъ друзей, если бы увидѣли меня покрытымъ пылью и уныло сидящимъ въ этомъ китайскимъ домѣ, въ то время, какъ краснорѣчивая китаянка съ изуродованными ногами изливаетъ на меня потоки своего гнѣва! Она покрыта двадцатилѣтнимъ слоемъ грязи, но всетаки не такъ уже противна, какъ можно было себѣ вообразить. Меня послали сюда вмѣстѣ съ переводчикомъ, но она видимо страшно недовольна, что видитъ меня своимъ постояльцемъ. Но я старался быть покойнымъ и успокоитъ ее, что мнѣ и удалось мало по малу, ибо она только что принесла свѣтло-зеленое утиное яйцо со словами: „Вотъ вамъ, лѣнивый бродяга, я думаю, что вамъ какъ разъ этого нужно?“ Или что нибудь въ этомъ родѣ. Яйцо остается яйцомъ и строгія слова не въ состояніи претворить его во что либо другое, тогда какъ мягкостью можно достичь многаго. Наконецъ, что значитъ брань женщины, если она не ваша собственная жена? Такая брань не сдѣлала Альфреда Великаго менѣе великимъ *).

Китайскіе дома очень похожи другъ на друга. Они обыкновенно состоятъ изъ двухъ или трехъ большихъ комнатъ, съ хорошей крышей, прочными стропилами, покры-

*) Авторъ подразумѣваетъ легендарный фактъ изъ англійской исторіи, когда король Альфредъ, принужденный скрываться въ лѣсахъ, ночевалъ въ бѣдной хижинѣ, гдѣ хозяйка поручила ему смотрѣть за хлѣбами. Когда она вернулась обратно, то нашла хлѣбы подгорѣвшими и жестоко выбранила за это своего гостя. Прим. перев.

тыми просяной соломой, тростникомъ и иногда черепицей. По одной, или обѣимъ сторонамъ, тянется возвышенный полъ или такъ называемый „конгъ“ (kong, канъ). Черезъ каждый такой канъ продѣлана дымовая труба, черезъ которую выходитъ наружу тепло и дымъ кухоннаго очага и превращаетъ такимъ образомъ канъ въ родъ печи. Это устройство превосходно зимой, когда всѣ предпочитаютъ спать на канѣ. Дѣйствительно, я думаю, что было бы недурно примѣнить эту идею использованія кухоннаго дыма въ нѣкоторыхъ сырыхъ шотландскихъ домахъ и провести дымовыя трубы подъ диванами гостинныхъ. Но лѣтомъ жара прямо невыносимая и подобное устройство привлекаетъ массу мухъ, способныхъ удовлетворить Вельзевула, который, какъ я предполагаю, былъ княземъ этого жалкаго племени, быть можетъ впрочемъ отцемъ лжи? Когда вы входите въ комнату, мухи взлетаютъ съ ужасающимъ шумомъ и начиная съ этой поры и до наступленія темноты, когда Провидѣніе напускаетъ на васъ самаго главнаго мучителя, москитовъ, блохъ и таракановъ (которые особенно меня безпокоятъ), жизнь становится безпокойной борьбой. Плоскія созданія называются по японски „нанкинъ муши“ (Nankin Mushi) или китайское насѣкомое, а тараканы—прямо броненосцы по сравненію съ маленькими, скромными миноносками—тараканами, завсегдатаями нашихъ англійскихъ кухонь. Мой переводчикъ Накамура подраздѣляетъ весь міръ на двѣ категоріи: на тѣхъ, кого клопы пожираютъ, и на тѣхъ, кого они не трогаютъ.

Возвращусь къ устройству домовъ. Даже самые бѣдные изъ нихъ разукрашены причудливо раскрашенными картинками, отпечатанными на дешевой, тонкой бумагѣ и приклеенными по стѣнамъ. Эти картинки изображаютъ сцены изъ древней Китайской исторіи или миѳологіи. Японскіе офицеры обыкновенно могутъ разобрать ихъ надписи, что указываетъ на то, въ какой степени ихъ образованіе проникнуто китайской наукой. Карточки уважаемыхъ визитеровъ развѣшаны по стѣнамъ на показъ, что можетъ быть болѣе откровенный способъ, чѣмъ нашъ

англійскій обычай класть ихъ небрежно въ особый ящикъ, гдѣ онѣ со временемъ начинаютъ желтѣть. Съ потолка висѣли самые ужасные предметы, напоминавшіе собою аптекарскую лавку изъ „Ромео и Джульеты". Я не осмѣлился спросить, что они изъ себя представляли, изъ опасенія получить отвѣтъ, что это мой ужинъ. Противъ каждаго дома имѣется дворъ, въ который сгоняютъ на ночь массу свиней и куръ вмѣстѣ со всѣми ослами и лошадьми, которые есть у хозяина; и этотъ запасъ обыкновенно очень обширенъ. Я долженъ сознаться, что русскіе и японцы гораздо болѣе нравственны по отношенію къ свиньямъ и курамъ, чѣмъ были наши войска въ южной Африкѣ. Несмотря на многочисленныя газетныя извѣстія о русскомъ варварствѣ,— фактъ, что Московиты не унесли съ собой яйца, даже несмотря на ихъ деморализацію во время отступленія. Въ то же время я могу засвидѣтельствовать, что японцы платятъ безропотно, что бы съ нихъ китаецъ не запросилъ. Несомнѣнно, что въ интересахъ обѣихъ сторонъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ населеніемъ. Я былъ крайне удивленъ, что война, захвативъ собою эту область, была болѣе чѣмъ когда либо прежде самымъ счастливымъ событіемъ для бѣднаго или богатаго жилища на всемъ театрѣ военныхъ дѣйствій. Британское общество настолько склонно къ тому убѣжденію, что война приноситъ съ собою несчастіе для всѣхъ, кто съ ней соприкасается, что въ Лондонѣ вѣроятно напишутъ для него нѣсколько спеціальныхъ по этому поводу исторій. Спросъ вызываетъ предложеніе.

Въ мою комнату пришли два солдата, которыхъ штабъ послалъ ко мнѣ съ цѣлью помочь мнѣ устроиться. Они измѣнили весь внѣшній видъ комнаты, какъ бы по волшебству. Каны были вытерты мокрымъ сукномъ и постланы свѣжими матами. Они содрали съ оконъ грязные, разорванные куски пергамента и замѣнили ихъ чистыми свѣжими, полупрозрачными кусками бумаги. На короткое время всего кажется въ изобиліи. На столъ постлали красное одѣяло, въ бутылку поставили три піона, каждый изъ нихъ одинаковой высоты и подъ равными углами другъ къ

другу. Все это придало сразу нѣкоторый изысканный видъ обстановкѣ и превратило прежнiй сарай въ жилое помѣщенiе.

Среди возстановившагося порядка и чистоты вдругъ появился бѣлый кроликъ съ красными глазами, сопровождаемый двумя прелестными мѣховыми шарами, очевидно его дѣтенышами. Всѣ они появились изъ норы подъ каномъ, служившей имъ, вѣроятно, жилищемъ. Ноги ихъ почти атрофированы отъ недостаточнаго упражненiя.

Китаянка, съ которой я теперь въ наилучшихъ отношенiяхъ, заявила мнѣ, что они не съѣдобны. Это, какъ я думаю, было сказано только съ той цѣлью, чтобы удержать меня отъ покушенiй на ихъ жизнь. Переводчикъ объяснилъ мнѣ, что сначала, когда я вошелъ въ домъ, хозяйка приняла меня за русскаго плѣнника и это послужило причиной ея сварливости.

Убѣдившись, что моя комната приведена въ порядокъ, я пошелъ навѣстить этапнаго коменданта. Навстрѣчу мнѣ попалось много солдатъ, которые шли, усиленно обмахиваясь вѣерами. Это употребленiе на войнѣ того предмета, который мы, европейцы, привыкли считать за дамскую принадлежность, производило очень смѣшное впечатлѣнiе. Я увидѣлъ коменданта сидящимъ за маленькимъ столикомъ во дворѣ. Сзади него стоялъ солдатъ съ вѣткой и отгонялъ отъ него мухъ. Онъ пригласилъ меня сѣсть и выпить съ нимъ чаю съ леденцами, на что я охотно согласился. Пришелъ другой солдатъ, чтобы отмахивать отъ меня мухъ и я былъ крайне доволенъ, когда я поймалъ на себѣ взглядъ европейца, выглядывавшаго въ небольшое рѣшетчатое окошко изъ дома, который составлялъ заднiй планъ двора. Такъ какъ меня отдѣляло отъ него разстоянiе всего въ десять ярдовъ, то я примѣтилъ на его лицѣ угрюмое, глупое выраженiе, подобно удивленному быку. Черезъ мгновенiе выглянула другая физiономiя и я наконецъ разобралъ, что это были русскiе плѣнные, которые были настолько удивлены видомъ европейца, дружески бесѣдующаго съ японцемъ, насколько вообще позволяла имъ ихъ натура. Этотъ инцидентъ испортилъ мнѣ угощенiе чаемъ и сластями. Я признаюсь, что для меня было сильнымъ ударомъ,

видѣть европейцевъ въ плѣну у азіятовъ. Я долженъ бороться съ этимъ чувствомъ; но оно не произвольное, глубоко вкоренившееся во мнѣ и унаслѣдованное мною несомнѣнно со временъ крестовыхъ походовъ или, можетъ быть, съ болѣе давней эпохи. Если эти чувства во мнѣ неискоренимы, то тѣмъ болѣе я долженъ имѣть снисхожденія къ японской холодности и подозрительности, ибо вполнѣ естественно, что ихъ отношенія ко мнѣ должны быть отголоскомъ моихъ чувствъ къ нимъ. Комендантъ сообщилъ мнѣ, что въ комнатѣ содержатся четверо русскихъ плѣнныхъ; два раненыхъ: офицеръ и солдатъ и два вполнѣ невредимыхъ. Они были въ составѣ гарнизона въ Цуэнпу (Tsuenpu), небольшой деревнѣ на дорогѣ къ Мотіенлингу, и были тамъ захвачены въ плѣнъ во время стычки. Потомъ я увидѣлъ ихъ у дверей ихъ дома. Офицеръ, подпоручикъ, выглядѣлъ молодымъ человѣкомъ честнаго вида и былъ красивъ собой. Онъ былъ раненъ въ ступню и руку. Нижніе чины были очень маленькаго роста, почти одинаковаго съ японцами. Мое первое впечатлѣніе было вполнѣ справедливо. Видъ у нихъ былъ очень глупый, настоящихъ олуховъ. Мнѣ сказали, что я могу пойти и поговорить съ ними, потому что офицеръ говорилъ немного по нѣмецки, но я чувствовалъ себя нѣсколько стѣсненнымъ по отношенію къ нимъ, такъ какъ если бы я самъ былъ въ ихъ положеніи, то не желалъ бы, чтобы меня видѣлъ иностранный офицеръ. Однако Винцентъ, проѣзжавшій мимо по дорогѣ изъ Айянмена въ штабъ Второй дивизіи, подошелъ къ нимъ и предложилъ имъ сигаръ и папиросъ. Потомъ ему удалось ихъ сфотографировать, чѣмъ они, видимо, были очень довольны. Раненый солдатъ былъ прострѣленъ пулей черезъ скулу и зубы его были выбиты, однако онъ ухитрился воткнуть папиросу въ единственный уголъ рта, который онъ могъ открыть. Они сообщили Винценту, что получаютъ полную солдатскую порцію риса, но что полчаса спустя послѣ ѣды, они опять чувствуютъ себя голодными. Каковы бы не были британскія сердца, ихъ желудки несомнѣнно чисто русскіе.

Штабъ послалъ мнѣ цѣлый длинный списокъ новостей,

но онѣ не стоятъ того, чтобы ихъ переписывать въ мой дневникъ. Онѣ сводятся къ слѣдующему: три колонны, двигаясь по своимъ дорогамъ, дошли: лѣвая или колонна Императорской гвардіи до Кіокахоши (Kyokahoshi): средняя или колонна Второй дивизіи до Кансотена (Kansoten); Двѣнадцатая дивизія или правая колонна до Родоко (Rodoko). Здѣсь было небольшое столкновеніе, но несерьознаго характера. Всѣ три дивизіи находятся теперь фронтомъ на сѣверо-западъ, а Ренненкампфъ, стоявшій у Саймачи, не попытался атаковать правый флангъ авангарда и отступилъ передъ Двѣнадцатой дивизіей, занявшей Саймачи и преслѣдовавшей его дальше. Vorwärts! (Впередъ!) нашъ девизъ и не можетъ быть лучшаго слова во всемъ военномъ словарѣ.

Іюня 27-го (н. с.) 1904 г.—Исключительное утро; облачно и прохладно. Выступили въ 7 ч. у. Мѣстность самая красивая и богатая изъ всѣхъ видѣнныхъ мною до сихъ поръ. Плодородныя, обработанныя долины; цѣлый рядъ кристально-чистыхъ ручьевъ, извивающихся по кремнистому дну; страннаго вида холмы, о которыхъ я писалъ вчера. Весь пейзажъ одѣтъ въ самую яркую, изумрудную зелень.

Пройдя нѣсколько миль, мы встрѣтили русскаго раненаго, котораго несли на носилкахъ два китайца. Это былъ очень красивый молодой человѣкъ, лѣтъ около двадцати. Одна нога у него была сломана и почти повернута кругомъ, другая нога тоже была опасно раздроблена. Онъ былъ раненъ въ дѣлѣ подъ Цуенпу, но такъ какъ онъ упалъ среди кустовъ, то его не замѣтили и онъ пролежалъ тамъ болѣе пятидесяти четырехъ часовъ, пока его случайно не нашелъ японскій унтеръ-офицеръ. Онъ казался умирающимъ, бѣдный малый, или былъ очень близокъ къ этому. Какъ разъ, когда мы подъѣхали, носилки были опущены на землю и къ нимъ сбѣжались посмотрѣть на раненаго нѣсколько японскихъ кули. Они не были грубыми, но не казались печальными. Одинъ изъ нихъ вытащилъ маленькую ладонку, которая была надѣта на цѣпочкѣ вокругъ шеи раненаго и, смѣясь, показывалъ ее всѣмъ. Какое грустное впечатлѣніе производила эта небольшая сцена у дороги! Невольно угадываешь всѣ храбрые помыслы бѣднаго молодого человѣка,

когда онъ отправлялся сражаться за свою родину; навѣрно эту святыню, которая заключалась въ ладонкѣ, дала ему его невѣста; наконецъ, вспоминалось, что по всему вѣроятію его веселая, молодая жизнь была теперь близка къ одинокому концу среди азіятовъ.

По прибытіи въ Линчатай (Linchatai), гдѣ два дня тому назадъ стоялъ русскій кавалерійскій полкъ, мнѣ сообщили, что Куроки приглашаетъ меня къ завтраку. Я послѣдовалъ за ординарцемъ и увидѣлъ пять раскинутыхъ палатокъ со всѣмъ штабомъ, усердно уничтожавшимъ рисъ, соленыя сливы и чай. Куроки, принцъ Куни и Фуджіи, находившіеся въ одной изъ палатокъ, съ смутившей меня любезностью встали со своихъ мѣстъ и удаливъ штабныхъ офицеровъ въ другую палатку, предложили мнѣ сѣсть за столъ. Я былъ этимъ опечаленъ, ибо зналъ, что это не могло нравиться офицерамъ, однако, къ ихъ чести слѣдуетъ упомянуть, что они сохранили самое пріятное выраженіе лицъ. Когда я наглотался рису, подобно лягушкѣ проглотившей вола, Фуджіи послалъ за мной. Я нашелъ его спрятаннымъ за его палаткой съ видомъ многозначительной таинственности. Передъ нимъ лежала раскрытая карта. Онъ прошепталъ мнѣ, что путемъ распроса плѣнныхъ и благодаря найденной у плѣннаго штабного офицера записной книжки, внѣ всякаго сомнѣнія выяснилось, что Куропаткинъ былъ введенъ въ заблужденіе донесеніями офицерскихъ разъѣздовъ, будто бы главныя силы Первой арміи двигались по лѣвой дорогѣ въ направленіи Сіуенъ-Хайченгъ; въ дѣйствительности же мы двигались прямо на фронтѣ по дорогѣ на Саймачи. Фуджіи воспользовался этимъ случаемъ для маленькой лекціи о необходимости для офицерскихъ разъѣздовъ не пускаться въ предположенія и теоретическія разсужденія, а ограничиваться только дѣйствительно видѣннымъ и только объ этомъ доносить. Въ то же время онъ допускалъ, что въ обстановкѣ было много фактовъ, подтверждавшихъ догадку Куропаткина и содѣйствовавшихъ его заблужденію. Во-первыхъ вполнѣ естественно было предположить, что Первая армія будетъ стремиться какъ можно скорѣе войти въ связь съ Десятой дивизіей подъ командой Нодзу,

высадившейся у Такушана мѣсяцъ тому назадъ (объ этомъ я услышалъ впервые), а также со Второй арміей на Ляотунгскомъ полуостровѣ, чѣмъ допустить возможность дерзкаго намѣренія Куроки двинуться къ сѣверу и, рискуя быть изолированнымъ, угрожать желѣзнодорожному сообщенію съ Мукденомъ. Во-вторыхъ, дѣло было въ томъ, что мы дѣйствительно послали гвардейскую бригаду къ Сіуену для совмѣстнаго дѣйствія съ Нодзу (объ этомъ совмѣстномъ дѣйствіи я услышалъ впервые) и Куропаткинъ долженъ былъ ежедневно получать донесенія о столкновеніяхъ въ этой мѣстности. Наконецъ, долгое пребываніе Первой арміи подъ Фенгхуангченгомъ и сооруженныя тамъ сильныя укрѣпленія, могли заставить Куропаткина думать, что тамъ оставлены были только сравнительно небольшія силы, а главныя силы арміи были направлены къ югу. Какъ бы то ни было, главное дѣло было въ томъ, что Куропаткинъ былъ введенъ въ заблужденіе и перемѣнилъ всѣ свои диспозиціи.

Ко времени первыхъ дней занятія японцами Фенгхуангченга русскіе сосредоточились у Ляояна, ожидая быстраго наступленія Куроки вдоль Пекинской дороги, по которой мы двигаемся въ настоящее время. Въ пяти миляхъ отъ Ляояна у Чузана (Chusan) была превосходная позиція, гдѣ можно было бы задержать наступленіе съ юга японскихъ армій; такъ же и у Бунсуиреи *) (Bunsuirei), въ нѣсколькихъ переходахъ впереди насъ, имѣлась хорошая позиція, преграждавшая наступленіе Куроки отъ Фенгхуангченга. Куропаткинъ намѣревался удерживать обѣ эти позиціи. Внезапно и очень кстати для японцевъ русскіе планы измѣнились. Войска, находившіяся у Ляояна были направлены по желѣзной дорогѣ и пѣшкомъ къ югу противъ четырехъ японскихъ дивизій и пожали плоды подобнаго безумія. Фуджіи думаетъ, что это безумное наступленіе должно быть приписано штатскому вмѣшательству, потому что онъ не считаетъ Куропаткина способнымъ на подобную безтолковость. Послѣ неизбѣжнаго пораженія двухъ русскихъ дивизій у Телиссу,

*) Бунсуиреи или Феншуилингъ (Fenshuiling)—обыкновенное названіе въ Маньчжуріи, обозначающее „Раздѣлъ Водъ“. Прим. авт.

позади отрядовъ, занимавшихъ Бонсуиреи, Ліеншанкуанъ и Мотіенлингъ, оставалось такъ мало войскъ, что теперь они отступаютъ безъ серьезнаго сопротивленія и одинъ офицерскій разъѣздъ уже вошелъ въ Ліеншанкуанъ у подножія Мотіенлинга. „Противъ нашихъ трехъ дивизій у русскихъ только одна дивизія и полкъ и естественно, что они должны уступить. Одна бригада съ шестнадцатью орудіями отступаетъ передъ Императорской Гвардіей; другая бригада отступаетъ передъ нами, а передъ Двѣнадцатой дивизіей на лѣвомъ флангѣ находится только одинъ полкъ. Такимъ образомъ мы скоро займемъ безъ боя Мотіенлингъ и другіе перевалы среди этой серьезной горной преграды", вотъ что сказалъ ген. Фуджіи. Большое преимущество для японцевъ, но для меня большое разочарованіе. Русскіе, поливъ керосиномъ склады у Ліеншанкуана и Мотіенлинга, зажгли ихъ Это конечно пустяки для людей, предки которыхъ сожгли Москву, но всетаки не очень то веселое развлеченіе, даже въ такомъ небольшомъ размѣрѣ. Что касается до нашихъ собственныхъ складовъ, то Фуджіи говорилъ, что подвозъ продовольствія къ фронту по такимъ плохимъ дорогамъ встрѣчаетъ чрезвычайныя затрудненія, но у насъ теперь собрано въ Антунгѣ и Фенгхуангченгѣ такъ много продовольствія и матеріаловъ, что мы на очень долгое время находимся внѣ зависимости отъ господства на морѣ.

Таковы наши дѣла. Дѣла же нашихъ товарищей на югѣ не менѣе удачны, такъ какъ сегодня Десятая дивизія, базируясь на Сіуенъ, атаковала противника на дорогѣ въ Такубокуджо (Takubokudjo) и отбросила его къ этому пункту, нанеся ему потери въ 100 человѣкъ, сами же японцы потеряли убитыми только майора Ока и пять нижнихъ чиновъ. Мнѣ слѣдуетъ строго слѣдить и выяснить можно ли вѣрить этимъ свѣдѣніямъ о потеряхъ. Разница въ пользу японцевъ дѣйствительно замѣчательная, но я видѣлъ нѣчто подобное въ южной Африкѣ, гдѣ люди, искусное прикрывавшіеся, встрѣтились съ тѣми, которые не умѣли этого дѣлать. Во всякомъ случаѣ, похоже на то, что маршъ къ Ляояну совершится безъ препятствій, что означаетъ для меня отсутствіе донесеній о сраженіи.

Послѣ этой интересной бесѣды я поѣхалъ верхомъ въ Нидобоши (Nidoboshi) и расположился въ другомъ домѣ. Деревня состоитъ приблизительно изъ тридцати домовъ, покрытыхъ просяной соломой. По дорогѣ мы встрѣтили военныхъ кули, купавшихся буквально тысячами. Можетъ быть въ мiровой исторiи еще не существовало до сихъ поръ такой чистоплотной армiи, какъ эта. Можно идти посреди батальона въ самый жаркiй день безъ малѣйшаго непрiятнаго ощущенiя для людей даже съ самымъ нѣжнымъ обонянiемъ. Мы же, какъ я слышалъ, ни въ какомъ случаѣ не можемъ считать себя одинаково безобидными для японцевъ. Какъ бы ни были мы чистоплотны, наша привычка ѣсть много мяса придаетъ намъ особый плотоядный запахъ, который имъ далеко не нравится. Даже страшно предположить, что въ то время, когда мы себя считаемъ наиболѣе обворожительными, намъ только удается вызвать въ воображенiи нашихъ прелестныхъ гейшъ зоологическiй садъ въ жаркiй полдень.

Iюля 1-го н. с. 1904 г. — Наконецъ то настало прелестное утро. Потоки дождя, лившiе со дня нашего прибытiя, подвергли опасности успѣхъ всего нашего движенiя. Всѣ сидѣли на половинной порцiи и если бы сегодня опять полилъ дождь, то армiя или часть ея должна была бы двинуться обратно къ Фенгхуангченгу для своего пропитанiя. За послѣднiе два дня Куроки, Фуджiи, Матсуиши, Курита и я по цѣлымъ часамъ стояли въ грязи въ галошахъ и непромокаемыхъ плащахъ, глазѣя на небо, не прояснится ли оно. Врядъ ли слуга пророка Илiи съ такимъ нетерпѣнiемъ смотрѣлъ на облачко, величиною съ ладонь человѣка. Напрасно, рѣки вздулись до такой степени, что ни одинъ китаецъ не согласился бы переправиться черезъ нихъ. Нѣсколько русскихъ плѣнныхъ попытались было недалеко отъ насъ переправиться черезъ такой бурный потокъ и чуть было не утонувъ, были уведены опять назадъ. Только нѣсколькимъ военнымъ кули удалось взобраться на подъемъ Кесшитаи (kesshitai) или „готовность умереть“, довести свою работу до конца и спасти насъ отъ голодной смерти. Единственно счастливыми существами здѣсь было множество

лягушекъ. Когда у меня заболѣвала шея отъ глазѣнія на небо, я пытался сократить томительное время, наблюдая за этими атлетическими, сладострастными обитателями болотъ. Какъ только онѣ убѣждались, что колоссальная фигура, затмившая ихъ маленькій міръ, безжизненна, онѣ давали полную волю своимъ чувствамъ. Я никогда не видалъ жизни болѣе полной лихорадочнаго возбужденія; рядъ страстныхъ любовныхъ приключеній и героическихъ поединковъ. Со всѣми нашими великими идеями, какъ безконечно мала въ глазахъ Всемогущаго должна была быть разница между всѣми нами! Русскіе и японцы, борящіеся изъ-за Мотіенлинга; двѣ лягушки соперничающія изъ-за землянаго червя: весь вопросъ только въ разности ступеней, занимаемыхъ ими въ животномъ царствѣ.

Тѣмъ не менѣе сегодня погода прелестна; лягушки опечалены, а мы очень довольны. Я имѣлъ пріятный разговоръ съ принцемъ Куни, который ловилъ пискарей на обыкновенную комнатную муху, насаженную на согнутую булавку. Онъ поймалъ нѣсколько штукъ и я поздравилъ его со взятіемъ многихъ плѣнниковъ изъ рѣки. Онъ сказалъ, что мы завтра двинемся къ Сокако (Sokako) и что русскіе продолжаютъ отступленіе по всему фронту. Эскадронъ кавалеріи, развѣдывающій на фронтѣ Двѣнадцатой дивизіи, нашей правой колонны, доноситъ, что 4.000 русской пѣхоты съ 24 орудіями и полкомъ кавалеріи занимаютъ позицію на высотахъ надъ Чаотао (Chaotao); противъ нашей средней колонны на Пекинской дорогѣ, у Тована (Towan), стоитъ полкъ съ отрядами у Тіенсутіена (Tiensutien) и Іоширеи (Ioshirei). Всѣ эти пункты находятся по ту сторону горной перегарады съ главнымъ переваломъ Мотіенлингъ. Какъ видно, русскіе совершенно опредѣленно отказались отъ мысли дать здѣсь сраженіе и, какъ кажется, штабъ арміи держится того убѣжденія, что намъ не удастся выиграть нашу victoire décisive, пока мы не приблизимся вплотную къ Ляояну.

Іюля 2-го (н. с.), 1904 г.—Выступили изъ Нидобоши (Nidoboshi) около 5 ч. у. „Перекрестокъ дорогъ“ вотъ значеніе этого названія и, дѣйствительно, Первая армія пріостановилась здѣсь, колеблясь между дорогой къ неудачѣ и той,

которая, если будетъ угодно Провидѣнію, должна будетъ привести насъ къ вѣчной славѣ. Еще одна дождливая ночь и намъ пришлось бы повернуть къ Фенгхуангченгу и двигаться обратно къ югу, пробиваясь черезъ непроходимую грязь и потоки!

Утро особенно прохладное и свѣжее. Никогда въ другое время года разсвѣтъ не бываетъ такъ прелестенъ, какъ лѣтомъ и нѣтъ мѣста лучше сѣдла, чтобы любоваться имъ.

На пути я имѣлъ интересный разговоръ съ Х. и однимъ офицеромъ штаба. Они оба очень увѣренно держались того мнѣнія, что сельскій житель неизмѣримо превосходитъ горожанина. У. сказалъ, что особое развитіе послѣдняго не можетъ замѣнить собою благонадежности и прирожденной дисциплины перваго изъ нихъ. Причина этому не то, что японскіе горожане, подобно нашимъ потеряли связь съ природой или выродились физически. Они еще не успѣли дойти до этого; скорѣе они нѣсколько измѣнились въ нравственномъ отношеніи, что сдѣлало ихъ менѣе пригодными къ военному дѣлу. Если солдату — сельскому жителю будетъ приказано стать часовымъ на посту, онъ не оставитъ его до смѣны, хотя бы смѣна и запоздала на много часовъ или же ему угрожала бы ужасная опасность. Если же тѣ же обязанности будутъ возложены на горожанина, то онъ будетъ исполнять ихъ добросовѣстно только до тѣхъ поръ, пока онъ на глазахъ у начальства, или до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ видѣть возможность вернуться обратно; но онъ способенъ оставить свой постъ при увѣренности, что ему не угрожаетъ опасность быть пойманнымъ. Х. горячо присоединился къ этому мнѣнію и добавилъ, что ему съ грустью пришлось слышать, какъ солдаты, набранные изъ Осака, высказывали хорошимъ солдатамъ крайне вредныя и совершенно не военныя идеи. Я спросилъ его, не можетъ ли онъ привести мнѣ примѣръ. Онъ отвѣтилъ: „много примѣровъ; когда моя батарея занималась рытьемъ орудійныхъ окоповъ, однимъ изъ обыкновенныхъ занятій въ году, я лично слышалъ, какъ новобранецъ изъ Осака заявилъ, что если бы всѣ они дѣлали бы такую тяжелую, но полезную земляную работу въ Осака, то каждый бы изъ нихъ зара-

боталъ по крайней мѣрѣ двѣ іены (около 2-хъ рублей), вмѣсто понуканій и попрековъ, которые имъ приходится здѣсь выслушивать".

На это У. бросилъ поводья и воздѣлъ обѣ руки къ небу, очень необыкновенный жестъ для сдержаннаго японца, и воскликнулъ: „позвольте, эти люди должны бы были быть готовы сами заплатить по крайней мѣрѣ двѣ іены за одну только честь рыть окопы; если подобныя идеи распространятся, то скоро настанетъ конецъ Японіи!" Онъ сталъ приводить еще цѣлый рядъ подобныхъ примѣровъ, но замѣтилъ, что солдаты изъ Осака храбро сражались подъ Наншаномъ. Однако онъ объяснялъ это только особеннымъ ихъ энтузіазмомъ въ войнѣ съ Россіей и никто не можетъ поручиться, сказалъ онъ, какъ долго эта эгоистическая, личная, побуждающая причина продлится подъ вліяніемъ лишеній и долгой разлуки съ родиной.

Затѣмъ мы коснулись въ нашемъ разговорѣ угрозъ русскихъ доставить въ Маньчжурію арміи хорошо подготовленныхъ европейскихъ солдатъ съ далекаго запада, между тѣмъ, какъ японскій солдатъ съ теченіемъ времени неизбѣжно будетъ становиться все моложе и хуже обученнымъ. Мы согласились съ тѣмъ, что дальнѣйшія побѣды и занятіе страны будетъ лучшимъ противоядіемъ противъ этой опасности, существующей лишь въ воображеніи штатскихъ, не умѣющихъ понять, что каждая слѣдующая русская армія будетъ все болѣе и болѣе „atteinte en sa morale" пораженіями предыдущихъ армій".

Подъ конецъ разговоръ перешелъ на тему объ условіяхъ мира, которыя могли бы быть продиктованы Японіей послѣ окончанія войны. Общее мнѣніе казалось сводилось къ тому, что Маньчжурія должна быть возвращена Китаю, а также и Портъ-Артуръ, но только номинально; въ мирномъ договорѣ долженъ заключаться пунктъ, по которому Японіи должно предоставляться право имѣть о немъ попеченіе, пока Китай не будетъ въ силахъ взять самъ на себя эту обязанность. Русскіе интересы въ Маньчжурской желѣзной дорогѣ должны быть абсолютно переданы Японіи и это будетъ считаться

военнымъ вознагражденіемъ. Корея и о. Сахалинъ, конечно, должны будутъ перейти къ Японіи.

Если война затянется до 1905 года, то придется рѣшить, нужно ли будетъ осадить Владивостокъ и взять его. Въ послѣднемъ случаѣ онъ долженъ быть сдѣланъ свободнымъ, неукрѣпленнымъ портомъ. Подобный разговоръ похожъ на дѣлежъ медвѣжьей шкуры, хозяинъ которой пока еще свободно разгуливаетъ по лѣсамъ.

Я сказалъ, что не люблю излишней самоувѣренности, потому что это приноситъ несчастье. Они разсмѣялись и спросили меня, дѣйствительно ли я думаю, что то, о чемъ мы говорили или думали, можетъ имѣть хотя бы малѣйшее вліяніе на такой вопросъ, въ разрѣшеніи котораго принимаютъ участіе милліоны людей? Я возразилъ, что я не могу быть вполнѣ увѣреннымъ, что лучше, призывать ли на голову врага мщеніе боговъ или быть задорнымъ подобно пѣтуху и что, если чашки вѣсовъ уравновѣшены, дѣйствія или мысли даже одного единственнаго человѣка могутъ нарушить это равновѣсіе. На это они опять разсмѣялись и сказали мнѣ, что я суевѣренъ: строгое обвиненіе со стороны тѣхъ людей, которые способны допускать, что ихъ предки могутъ слышать каждое произносимое ими слово.

Оглядываясь назадъ на то, что я только что написалъ, я чувствую себя немного безпомощнымъ, чтобы передать моимъ друзьямъ свои впечатлѣнія объ японцахъ, которыя были бы хотя сколько нибудь похожи на жизнь. Если бы я ѣхалъ верхомъ въ обществѣ двухъ европейцевъ и описалъ бы обстановку и очень точно передалъ бы нашъ разговоръ, я думаю, что любой читатель составилъ бы себѣ сносное, правдивое впечатлѣніе о томъ, что происходило и какъ все происходило. Въ данномъ случаѣ, однако, если я не ошибаюсь, читатель, познакомившись съ моимъ разсказомъ, долженъ будетъ вообразить себѣ трехъ веселыхъ пріятелей, ѣдущихъ верхомъ раннимъ утромъ по живописной долинѣ и оживленно бесѣдующихъ. Дѣйствительность же была не такова. Три путешественника скорѣе ѣхали гуськомъ по индѣйскому способу и большею частью въ глубокомъ молчаніи. Въ продолженіи всего времени иностранецъ усиленно

старался нарушить молчаніе или разными маневрами сдѣлать японцевъ менѣе сдержанными (они обыкновенно болѣе непроницаемы, когда ихъ двое) и вытянуть изъ нихъ нѣкоторыя мнѣнія по интереснымъ вопросамъ. Японцы защищались отъ этихъ разспросовъ постольку энергично, поскольку имъ это позволяла любезность; но въ продолженіе всего похода мнѣ удалось одержать одинъ или два незначительныхъ успѣха среди многихъ неудачныхъ попытокъ. Частные успѣхи были полностью записаны. Вотъ какова правдивая исторія. Безъ содѣйствія сакэ или биру выпытать отъ японца сколько нибудь опредѣленное мнѣніе чрезвычайно утомительная и трудная работа.

Мы достигли Сокако въ полдень. Эта деревня состоитъ приблизительно изъ двадцати небольшихъ домовъ, изъ которыхъ многіе полуразрушены, что указываетъ на постепенный упадокъ этого населеннаго мѣста. Оно должно бы было быть довольно важнымъ пунктомъ, ибо стоитъ на перекресткѣ большой Пекинской дороги и ея вѣтви на Мукденъ. На этотъ разъ мнѣ отвели помѣщеніе въ домѣ китайскаго доктора, гдѣ я долженъ былъ бы быть совершенно счастливъ и имѣть большія удобства только въ случаѣ, если бы я былъ паукомъ. Дѣйствительно, миріады мухъ, покрывавшихъ буквально все чернымъ ковромъ, въ концѣ концовъ навѣрно доведутъ меня до состоянія полнаго одурѣнія.

ГЛАВА XIII.

Дѣло на передовыхъ постахъ.

Іюля 5-го (н. с.) 1904 г.—Кромѣ незначительныхъ стычекъ между разъѣздами, въ расположеніи силъ противника у Тована противъ насъ не произошло особыхъ существенныхъ перемѣнъ. Тоже было и у Макумензы (Makumenza), на фронтѣ Гвардіи и у Чаотао (Chaotao), на фронтѣ Двѣнадцатой дивизіи. Но вчера раннимъ утромъ тамъ произошла очень ожесточенная схватка на дальнихъ склонахъ Мотіенлинга, около четырнадцати миль отсюда. Два русскихъ батальона, воспользовавшись туманомъ, атаковали одинъ японскій батальонъ, занимавшій горный проходъ. Русскіе ходили три раза на „ура“, но несмотря на то, что они сражались храбро и дошли до штыкового боя, были отброшены и отступили на Іоширеи, что на Пекинской дорогѣ. Японскій баталіонъ преслѣдовалъ ихъ до Кинкахоши (Kinkahoshi). У японцевъ убито пятнадцать человѣкъ и ранены одинъ офицеръ и двадцать девять нижнихъ чиновъ. Русскіе оставили на своей прежней позиціи около тридцати убитыхъ и сорока раненыхъ. Весь штабъ арміи положительно ломаетъ голову, чтобы догадаться, въ чемъ состояло намѣреніе русскихъ. Они говорятъ, что русскимъ планамъ видимо недостаетъ связи и общаго управленія.

Почему, спрашиваютъ со всѣхъ сторонъ, русскіе отдали безъ единаго выстрѣла такую великолѣпно укрѣпленную позицію, какъ Бунсуиреи и Мотіенлингъ, а затѣмъ, спустя нѣсколько дней, когда японцы прочно заняли высоты, опять появились тамъ съ сравнительно небольшими силами и пытались взять позиціи обратно? Нѣкоторые думаютъ, что

Куропаткинъ рѣшилъ отступить, но Алексѣевъ пересилилъ въ послѣднюю минуту, и онъ рѣшилъ держаться на занятыхъ позиціяхъ. Это, кажется, довольно правдоподобное объясненіе.

Вскорѣ послѣ моего возвращенія изъ штаба ко мнѣ зашелъ Фуджіи и сообщилъ, что онъ сдѣлаетъ необходимыя распоряженія, чтобы я могъ завтра поѣхать къ мѣсту сраженія вмѣстѣ съ офицерами, принимавшими въ немъ участіе. Это великолѣпно. Это можно назвать дѣйствительной любезностью съ его стороны. Далѣе онъ сказалъ: „Общая обстановка необыкновенно интересна. Почему Куропаткинъ съ семью или восемью дивизіями дожидается у Хайченга и Кайпинга? Намъ кажется, что онъ подвергаетъ себя большому риску быть окруженнымъ. Съ какой цѣлью послалъ онъ вчера силы, около пѣхотнаго полка, съ цѣлью попытаться отнять обратно Мотіенлингъ, причемъ каждый солдатъ имѣлъ на себѣ почти семидневный запасъ продовольствія? Состоялъ ли его планъ въ томъ, чтобы подъ прикрытіемъ этой атаки сосредоточить свои главныя силы, которыя были противъ нашего фронта, и пойти кружнымъ путемъ на соединеніе съ Рененкампфомъ. Тогда бы онъ былъ достаточно силенъ, чтобы нанести пораженіе Двѣнадцатой дивизіи и отрѣзать наши сообщенія съ Ялу? Или, можетъ быть, онъ имѣетъ ввиду послать изъ какого-нибудь пункта къ востоку отъ Харбина независимую колонну, которой будетъ указано цѣлью дѣйствій Саймачи и которая, своимъ приближеніемъ къ этому пункту, будетъ угрожать тылу и правому флангу нашей арміи? Есть нѣсколько данныхъ, которыя заставляютъ насъ опасаться за это, наше самое слабое мѣсто. Но такое движеніе должно занять нѣсколько недѣль, а если тѣмъ временемъ Первая и Вторая арміи выиграютъ сраженіе въ окрестностяхъ Хайченга, то наши восточныя сообщенія къ Фенгхуанчену и Ялу не будутъ причинять намъ ни малѣйшаго безпокойства, ибо мы будемъ въ состояніи перенести ихъ на Дальній и Нью-Чуангъ. Однако должны же быть какія нибудь причины, заставляющія Куропаткина намѣренно оставаться въ такомъ явно опасномъ положеніи. Вѣдь онъ человѣкъ умный, да

и въ штабѣ у него много способныхъ людей. Такимъ образомъ мы чувствуемъ себя немного озабоченными и обезпокоенными; слѣдствіемъ нашей озабоченности и безпокойства можетъ быть только одно ясное заключеніе, а именно, что насталъ моментъ, когда мы должны быть особенно благоразумными. Я указываю на благоразуміе въ особенности потому, что сознаю несомнѣнно существующее для насъ сильное искушеніе ринуться впередъ. Мы теперь находимся отъ Ляояна только въ разстояніи двухъ усиленныхъ переходовъ, тогда какъ главныя силы противника у Кайпинга находятся въ дѣйствительности дальше насъ отъ этого очень важнаго пункта. Всетаки мы не собираемся поступить опрометчиво, и по счастью нравственное состояніе нашихъ солдатъ стоитъ настолько высоко, что оно само по себѣ является лучшей нашей стратегіей и тактикой". Затѣмъ Фуджіи сообщилъ мнѣ, что вокругъ Портъ-Артура у Ноги теперь имѣется три полныхъ дивизіи и что другая дивизія „благополучно находится на своемъ пути" (онъ не упомянулъ бы о ней, если бы она дѣйствительно высадилась) къ Сіуену съ цѣлью соединенія съ Десятой дивизіей, вмѣстѣ съ которой она составитъ Четвертую армію. Какъ только голова этой Четвертой арміи выравняется съ нами, мы пойдемъ впереди ея прямо на Ляоянъ. Это важныя новости, но я обязанъ сохранить ихъ въ тайнѣ и даже не сообщать моимъ британскимъ офицерамъ, если мнѣ придется съ ними встрѣтиться.

Я чувствую, что мнѣ придется умѣрить мои жалобы на скрытность японцевъ, о которой я упоминалъ 2-го числа этого мѣсяца, и сдѣлать блестящее исключеніе въ пользу генералъ-маіора Фуджіи. Онъ настолько уменъ, что не чувствуетъ никакого затрудненія при опредѣленіи что должно быть сохранено въ секретѣ и что, будучи само по себѣ интереснымъ фактомъ, можетъ быть сообшено любому изъ иностранныхъ офицеровъ при его арміи, не рискуя, что онъ можетъ воспользоваться этими свѣдѣніями съ неблаговидной цѣлью. Такимъ образомъ онъ въ состояніи казаться откровеннымъ и сообщительнымъ, въ тоже время благоразумно умалчивая о самомъ существенномъ и о планахъ на будущее.

Ліеншанкуанъ (Lienshankuan) Іюля 6-го (н. с.) 1904 г.— Рано утромъ выѣхалъ изъ Сокако въ эту деревню, послѣдній большой населенный пунктъ на южныхъ склонахъ Мотіенлинга, гдѣ находился штабъ Второй дивизіи. Здѣсь я встрѣтилъ Винцента съ группой иностранныхъ военныхъ агентовъ. Въ 3 ч. пополудни, взявъ съ собою Винцента, мы выступили отсюда подъ палящими лучами солнца въ Мотіенлингъ. Генералъ-маіоръ Ниши, начальникъ Второй дивизіи, назначилъ одного штабного офицера сопровождать насъ. У Рикахоши (Rikahoshi) мы спѣшились и встрѣтили тамъ генералъ-маіора Окасаки, командира 15-й бригады, часть которой занимала Мотіенлингъ. Онъ былъ предупрежденъ о моемъ прибытіи и насъ ждали кофе, печенья и сигары. Широко воспользовавшись этимъ радушнымъ угощеніемъ, мы двинулись дальше въ сопровожденіи бригаднаго генерала и полковника Баба (Baba), командира 30-го полка. Вмѣстѣ съ конвоемъ и ординарцами мы представляли внушительную кавалькаду. За Ліеншанкуаномъ начинался постепенный подъемъ въ гору до Рикахоши, откуда дорога стала болѣе крутой. Послѣднюю полумилю пришлось взбираться по крутому подъему, и когда мы наконецъ достигли высшей точки Мотіенлинга (или прохода, достающаго до небесъ), передъ нами открылся дѣйствительно великолѣпный видъ. Насколько хваталъ глазъ, по всѣмъ направленіямъ виднѣлись остроконечныя горныя вершины и безчисленныя вершинки, покрытыя лѣсомъ и густымъ кустарникомъ необыкновенно яркаго зеленаго цвѣта.

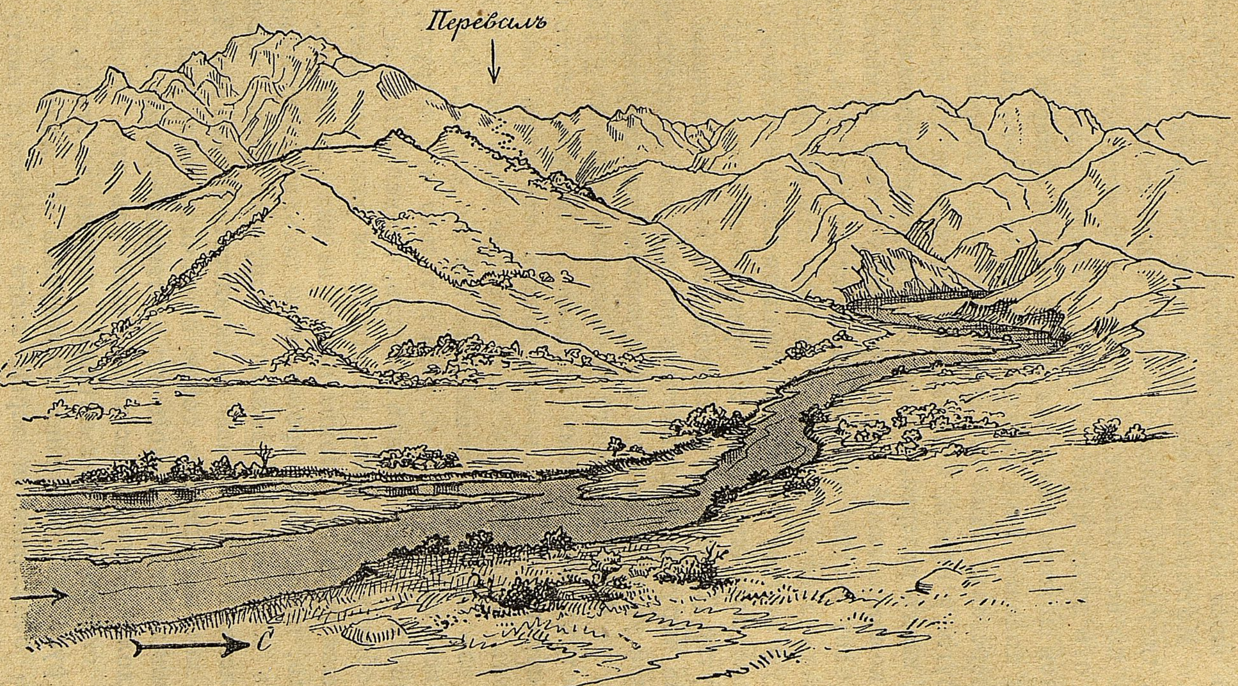
Стоя на водораздѣльномъ хребтѣ было очень интересно познакомиться съ общимъ видомъ мѣстности и цѣлой сѣтью долинъ, тянувшихся въ сѣверномъ и южномъ направленіяхъ. Въ каждой такой долинѣ зарождались потоки, которые, сливаясь между собою, образовали значительныя рѣки, несущія свои воды въ Ялу или Ляо и пропадавшія за горизонтомъ.

Судя скорѣе на глазъ и по прозрачности воздуха, я полагаю, что Мотіенлингъ долженъ превышать Ліеншанкуанъ на 2.800 футовъ приблизительно, а вершина, что непосредственно къ югу отъ него, футовъ на 700 еще выше. Русскіе соорудили довольно хорошую дорогу по западной

сторонѣ Мотіенлинга. По ней можетъ двигаться хорошо запряженная артиллерія, къ которой, къ несчастью, нельзя отнести японскую.

Спустившись около полумили внизъ по этой дорогѣ, мы подошли къ кумирнѣ, стоявшей на открытой лужайкѣ. Кумирня эта вся была полна русскими ранеными, за которыми видимо былъ хорошій уходъ и которые казались веселыми. По мнѣнію китайцевъ всемогущее божество этого храма помѣшало японцамъ въ войну 1894—5 года двинуться черезъ Мотіенлингъ по этой дорогѣ. Поэтому для прославленія этого божества они построили другую кумирню въ полумилѣ отъ старой и ниже ея. Такимъ образомъ, зданіе, гдѣ мы теперь находимся, — старая кумирня, а другое зданіе внизу называется японцами новой кумирней. Японцы очень забавляются этимъ примѣромъ китайскаго суевѣрія. На самомъ же дѣлѣ обойти флангъ китайцевъ въ послѣднюю войну было легче по южной дорогѣ. Но въ настоящее время сообщенія противника тянутся въ сѣверномъ направленіи и намъ самимъ приходится двигаться тоже къ сѣверу, если мы хотимъ угрожать этимъ сообщеніямъ. Весьма вѣроятно, что нѣкоторыя изъ ошибокъ Куропаткина объясняются его убѣжденіемъ, что японцы повторятъ свою стратегію войны 1894—5 года.

Я направился къ новой кумирнѣ, гдѣ и нашелъ всѣхъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, включая сюда и поручика Іоши (Ioshi). Про него говорятъ, что онъ, дѣйствуя своей большой саблей двумя руками, зарубилъ восемь русскихъ, хотя онъ самъ очень скроменъ и утверждаетъ, что разрубилъ черепъ только троимъ. Видъ у него самаго обыкновеннаго и скорѣе слабаго молодого человѣка около двадцати двухъ лѣтъ. Но несомнѣнно, что его сабля, которую онъ мнѣ показывалъ, разрубила что нибудь твердое и толстое, потому что ея остріе было зазубрено, какъ пила, несмотря на то, что сабля эта была уже отточена въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ зазубрины были не слишкомъ велики. Мнѣ показали также нѣсколько русскихъ ружей съ глубокими надрѣзами на ложахъ, показывающіе, какъ японскіе офицеры отражали или пытались отражать удары штыковъ

Фиг. 3. Видъ Мотіенлингскаго хребта съ горы надъ Ліеншанкуаномъ.

въ темнотѣ. Поговоривъ немного съ офицерами, мы прошли съ ними нѣсколько сотъ ярдовъ къ мѣсту рукопашнаго боя. Къ Мотіенлингу можно подойти съ запада или по тропинкѣ, тянущейся большей частью вдоль скалистаго хребта, или же по небольшимъ долинамъ, отдѣляющимся къ сѣверу и югу отъ этого хребта. Старая кумирня стоитъ у начала сѣверной долины или ложа ручья, новая кумирня у начала южной долины. 1-ый батальонъ японскаго 30-го полка занималъ перевалъ; одна изъ его ротъ стояла у старой кумирни, двѣ другія у новой, а командиръ батальона съ четвертой ротой, ввидѣ резерва, находился на вершинѣ перевала. Офицеръ, командовавшій двумя ротами у новой кумирни выслалъ одну заставу изъ тридцати шести человѣкъ, которой приказалъ занять позицію у выхода изъ сѣверной долины и другую заставу тоже изъ тридцати шести человѣкъ, подъ командой поручика Іоши, съ приказаніемъ занять деревню Лишапутзу (Lishaputsu) у выхода изъ южной долины. Въ полночь поручикъ Іоши выслалъ патруль изъ четырехъ человѣкъ при унтеръ-офицерѣ съ приказаніемъ осторожно спуститься по большой дорогѣ къ позиціямъ русскихъ у Тована и посмотрѣть все ли тамъ спокойно. Патруль этотъ вернулся обратно въ 1 ч. ночи и донесъ что тамъ никакихъ перемѣнъ нѣтъ. Въ 3 ч. ночи высланы были два патруля, одинъ изъ которыхъ пошелъ по той же дорогѣ. Они оба вернулись вмѣстѣ въ 4 ч. утра и только что патруль, высланный къ Товану началъ докладъ, что непріятель не былъ нигдѣ обнаруженъ, какъ въ это время раздался выстрѣлъ и большая русская колонна пошла на нихъ въ штыки.

Дѣло, повидимому происходило такъ: въ то время когда патруль дѣлалъ свой докладъ поручику Іоши, часовой, выставленный отъ заставы въ пятидесяти ярдахъ отъ Лишапутзу, замѣтилъ передъ собою одиночнаго человѣка. Часовой принялъ его за одного изъ отставшихъ людей патруля, но по долгу службы всетаки окликнулъ его. Отвѣтомъ на его окликъ былъ выстрѣлъ и вслѣдъ за этимъ, цѣлая масса русскихъ внезапно вторгнулась въ деревню. Такъ гласитъ общепринятая версія этого случая, и никто не склоненъ провѣрить ея достовѣрность. Что касается до

меня лично, я имѣлъ слишкомъ много дѣла съ ночными тревогами, нападеніями врасплохъ и съ послѣдующими имъ разслѣдованіями, чтобы вполнѣ вѣрить этой исторіи.

Каждому, кто пожелаетъ вѣрить этому оффиціальному объясненію, придется вообразить себѣ, что или русская колонна можетъ двигаться съ неслыханной быстротой или же, что японскій патруль глупъ и глухъ. Я сильно подозрѣваю, что патруль не былъ тамъ, гдѣ ему было указано и что часовой заставы заснулъ на посту. Въ такую тихую ночь, какъ съ 3-го на 4-е, движеніе большой русской колонны безъ сомнѣнія было бы услышано съ разстоянія полумили, если только люди были бдительны.

Какъ только русскіе ворвались въ деревню, большая часть тридцати шести человѣкъ, составлявшихъ заставу, отошли назадъ, сперва вверхъ по южной долинѣ, а затѣмъ въ восточномъ направленіи, пытаясь присоединиться къ своему резерву. Но поручикъ Іоши съ двѣнадцатью человѣками держался въ деревнѣ, съ отчаяньемъ сражаясь въ темнотѣ съ нѣсколькими русскими, которые, заблудившись, наскочили на него, въ то время, какъ главныя силы ихъ колонны прошли черезъ деревню и продолжали свое движеніе вверхъ по горѣ къ новой кумирнѣ.

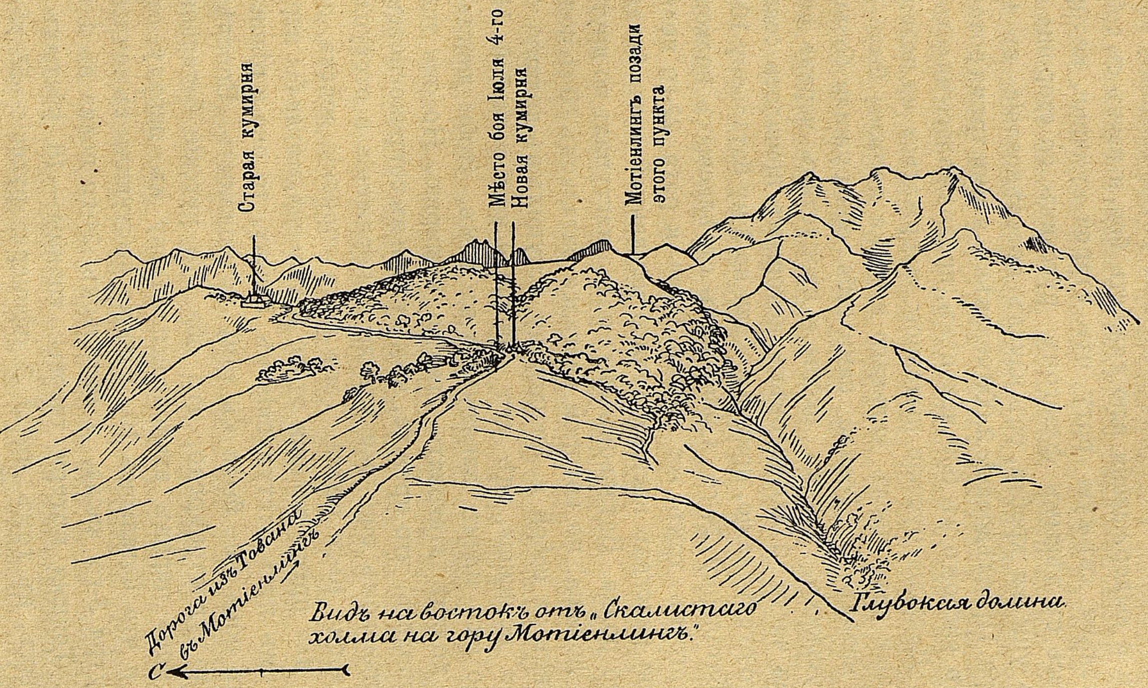
Подъ конецъ Іоши удалось вырваться и отступить, но только для того, чтобы вновь наткнуться на русскихъ, которые за это время прошли черезъ деревню и двигаясь подъ прямымъ угломъ къ хребту очутились между нимъ и его резервомъ у новой кумирни.

Удалось ли ему пройти насквозь или кругомъ, я хорошенько не знаю и не думаю, что у него сохранилось объ этомъ сколько-нибудь ясное представленіе. Онъ можетъ прибавить только одно, что ему пришлось прокладывать себѣ дорогу съ боемъ и что его двуручная сабля опять хорошо ему послужила и помогла ему прорваться къ своимъ людямъ.

Въ это время командиръ двухъ ротъ у кумирни, услышавъ перестрѣлку, послалъ двадцать человѣкъ при офицерѣ для развѣдки. Этотъ небольшой отрядъ, спустившись съ хребта наткнулся на русскихъ какъ разъ у западной опушки

лѣса, окружавшаго новую кумирню. Японцы, видя превосходныя силы противника, отошли ярдовъ на 200 назадъ къ опушкѣ лѣса, представлявшей собою густую поросль изъ орѣшника и бука. Но командиръ роты у старой кумирни былъ тоже на сторожѣ и во главѣ своихъ людей спустился внизъ по долинѣ къ сѣверу отъ хребта, вдоль котораго двигались русскіе. Съ этой долины онъ могъ атаковать лѣвый флангъ русскихъ, если они будутъ продолжать свое движеніе на востокъ къ новой кумирнѣ. Какъ только эта рота открыла изъ долины огонь, русскіе выслали влѣво противъ нихъ цѣпь, но такимъ образомъ подставили себя продольному огню вдоль всего ихъ фронта со стороны тѣхъ двадцати человѣкъ, которые отступили къ опушкѣ лѣса. Хотя еще не было достаточно свѣтло для мѣткаго огня, но всетаки огонь этого маленькаго отряда, вскорѣ подкрѣпленнаго остальной частью двухъ ротъ у новой кумирни, заставилъ русскихъ отвести назадъ свой правый флангъ. Тогда они, по словамъ японцевъ „сдѣлали три раза ура“ и съ частью силъ пошли въ штыки на опушку лѣса. Но въ дѣйствительности имъ не удалось проникнуть въ лѣсъ дальше нѣсколькихъ ярдовъ. Одинъ легко раненый японскій ефрейторъ сказалъ намъ, что русскихъ „очень легко убивать“ въ штыковой свалкѣ. По его словамъ русскіе, опустя голову внизъ, лѣзутъ какъ бѣшеные быки, держа ружья со штыками передъ собой. Ничего не могло быть легче, прибавилъ онъ, какъ, отступивъ въ сторону, колоть ихъ въ это время.

Русскіе, находясь на открытомъ мѣстѣ въ походной колоннѣ, атакованные съ двухъ сторонъ незначительными, но невидимыми изъ-за густыхъ кустовъ силами, не могли пробиться дальше и начали отходить назадъ какъ разъ на разсвѣтѣ въ 4 ч. 30 м. утра. Сражавшіеся были такъ перемѣшаны между собою и благодаря туману все еще было такъ темно, что нѣкоторые изъ русскихъ солдатъ, ухватившись за рукавъ японцевъ, говорили имъ: „Пойдемъ, теперь пора отступать“. Я спросилъ, какимъ образомъ японцы могли понять это, и мнѣ объяснили, что нѣсколько русскихъ были захвачены въ плѣнъ и опрошены. Спустя нѣсколько минутъ послѣ начала отступленія прибылъ къ мѣсту сраже-

Фиг. 4. Первая русская атака Мотіенлинга Іюля 4-го (н. с.) 1904.

нія полковникъ Баба съ двумя ротами, взятыми отъ 2-го батальона 30-го полка. Оставивъ двѣ роты, бывшія у новой кумирни и выдержавшія всю тяжесть боя, и взявъ съ собою сравнительно свѣжую роту отъ старой кумирни, которая сражалась съ лѣвымъ флангомъ русскихъ со стороны сѣвернаго ущелья хребта, онъ началъ преслѣдованіе въ 4 ч. 45 м. утра. Преслѣдованіе 2.000 человѣкъ этими тремя ротами, скажемъ числомъ въ 630 человѣкъ, продолжалось вплоть до Тована. Дважды русскіе пытались задержаться на позиціи, но каждый разъ послѣ сильнаго натиска должны были отходить назадъ. У Тована сами себя обнаружили большія силы русскихъ, занявъ окопы и пропустивъ черезъ себя разбитыя части. 2.000 человѣкъ, которымъ пришлось совершить это отступленіе, принадлежали ко 2-му батальону 10-го и 2-му батальону 24-го Сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ, кромѣ того въ томъ же числѣ была и рота 22-го полка. Пока мой разсказъ касался только неудачной атаки батальона 10-го полка. Батальонъ 24-го полка наступалъ по другой сторонѣ долины, по которой двигался батальонъ 10-го полка и, оставивъ за собой д. Лишапутзу, вступилъ въ долину, что сѣвернѣе вершины, гдѣ его товарищи уже вели бой. Несомнѣнно ихъ планъ заключался въ томъ, чтобы двигаясь по этой долинѣ атаковать старую кумирню. Но они такъ долго копались, что прежде, чѣмъ войти въ соприкосновеніе съ противникомъ они уже узнали о пораженіи и отступленіи батальона 10-го полка. Такъ какъ японскія войска, посланныя для преслѣдованія этого батальона, могли бы перехватить имъ путь отступленія къ Товану, то они и рѣшили отступить пока еще была къ тому возможность. Впослѣдствіи было удостовѣрено, что оба эти русскіе батальона провели ночь передъ атакой неподалеку къ западу отъ Іоширеи и что батальонъ 10-го полка выступилъ съ ночлега въ 7 ч. утра 3-го числа, а батальонъ 24-го полка въ 1 ч. дня 4-го. Точныя потери таковы: японцы — 18 убитыхъ и 40 раненыхъ, въ томъ числѣ 2 офицера; русскіе—55 убитыхъ и 40 раненыхъ. Потери русскихъ при преслѣдованіи неизвѣстны.

Если бы оба русскихъ баталіона атаковали одновре-

менно, трудно допустить, чтобы имъ не удалось захватить одну или обѣ кумирни, хотя бы даже имъ и не удалось бы овладѣть самимъ Мотіенлингскимъ переваломъ. Какъ разъ въ то время, которое оказалось впослѣдствіи самымъ рѣшительнымъ моментомъ боя, баталіонъ 10-го полка былъ задержанъ развѣдывательнымъ отрядомъ изъ двадцати человѣкъ при офицерѣ и при томъ на мѣстности открытой и крайне неудобной. Такому незначительному отряду конечно никогда бы не удалось удержать тысячу русскихъ, шедшихъ въ темнотѣ въ штыки, если бы они не были бы обезпокоены и отвлечены къ ихъ лѣвому флангу, который атаковала рота японцевъ, высланная отъ старой кумирни. Но всетаки, совершенно ясно, что баталіонъ 24-го полка долженъ былъ повести такую энергичную атаку вверхъ по долинѣ противъ старой кумирни, чтобы заставить находившуюся тамъ японскую роту думать только о своей собственной оборонѣ. Если бы это было сдѣлано, то я думаю, что баталіонъ 10-го полка успѣлъ бы раньше овладѣть лѣсомъ, чѣмъ прибыли бы подкрѣпленія къ защищавшимъ его опушку двадцати человѣкамъ. Разъ только баталіонъ овладѣлъ бы лѣсомъ, онъ вѣроятно захватилъ бы и новую кумирню, вокругъ которой вплоть до ея стѣнъ росъ кустарникъ. А если бы русскіе овладѣли новой кумирней, то ихъ трудно было бы прогнать оттуда безъ артиллеріи. Но это одни предположенія. Въ итогѣ русская атака была, какъ говорятъ французы, „décousu“ до послѣдняго предѣла и указываетъ на плохой расчетъ и подготовку ея со стороны ихъ генеральнаго штаба.

Съ другой же стороны, если японскій постъ у Лишапутзу и не былъ достаточно бдителенъ, то поведеніе всей заставы, застигнутой врасплохъ, достойно самой высокой похвалы. Я могу вспомнить нѣсколько похожихъ на это дѣло случаевъ, когда застава въ тридцать шесть человѣкъ была внезапно подавлена натискомъ тысячи русскихъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, застава, оказавъ достаточное сопротивленіе, чтобы извѣстить о тревогѣ своихъ товарищей и потерявъ трехъ или четырехъ людей, считала бы себя въ правѣ уступить и сдаться подъ давленіемъ „force majeure“. Упаси меня Боже

обсуждать этотъ вопросъ съ его этической стороны. Дѣло зависитъ гораздо болѣе отъ трудности положенія, важности удержанія какого либо пункта съ чисто военной точки зрѣнія и отъ условій мѣстности. Но говоря съ точки зрѣнія одного только патріотизма я думаю, что слѣдуетъ ясно понять, что типъ арміи, сдающейся въ плѣнъ при условіи равновѣсія въ прочихъ отношеніяхъ будетъ рѣшительно побѣжденъ типомъ не сдающимся, когда бы и гдѣ бы они ни встрѣтились.

Въ общемъ я думаю, что британцы имѣютъ полное основаніе гордиться и довѣрять своимъ союзникамъ, вспоминая ихъ поведеніе въ этомъ небольшомъ жаркомъ дѣлѣ, гдѣ цѣль русскихъ, какъ кажется была поважнѣе, чѣмъ одна стычка на передовыхъ постахъ. Если мы и допустимъ нѣкоторое преувеличеніе по отношенію къ „двуручному мечу" и „легкости колоть штыкомъ русскихъ", то всетаки для того, кто тщательно осмотрѣлъ мѣсто сраженія въ присутствіи принимавшихъ въ немъ участіе офицеровъ, станетъ яснымъ, что всѣ, отъ капитана до рядового въ японскихъ ротахъ знали долгъ къ самому себѣ и къ своему отечеству и держали себя подобно настоящимъ мужамъ, даже болѣе того, подобно развитымъ солдатамъ.

Сокако, Іюля 8-го, (н. с.), 1904 г.—Вотъ я опять въ домѣ аптекаря, гдѣ мухи привѣтствовали меня восторженно. На обратномъ пути я проѣзжалъ черезъ укрѣпленія у Бунсуи-Мореи, построенныя русскими между этимъ пунктомъ и Мотіенлингомъ. Я послалъ о нихъ домой длинный отчетъ съ приложеніемъ кроки Винцента, такъ что о нихъ не стоитъ подробно здѣсь распространяться. Мѣсто выбрано хорошо. Холмы на обѣихъ сторонахъ равнины заканчиваютття длинными вершинами, которыя, сливаясь вмѣстѣ, на разстояніи кажутся сплошной, крутой, зеленой преградой. Обстрѣлъ превосходный и я думаю, что если бы русскіе дождались насъ здѣсь, намъ или пришлось бы потерять много людей или задержаться до тѣхъ поръ, пока Гвардія слѣва или Двѣнадцатая дивизія справа не обойдутъ эту позицію. Особенно обращаетъ на себя вниманіе усовершенствованіе характера примѣненія къ мѣстности и основательности сооруженныхъ

здѣсь земляныхъ работъ по сравненію съ работами у Чiулiенченга на Ялу. Стрѣлковые окопы тянулись не по вершинамъ хребта, а нѣсколько ярдовъ ниже по склону. Цѣль этого должна была заключаться въ томъ, чтобы оставить какъ можно менѣе мертваго пространства; но вслѣдствіе этого окопы наклонялись нѣсколько впередъ къ югу, какъ бы приглашая этимъ къ себѣ гаубичные снаряды. Я лично предпочелъ бы обстрѣливать мертвыя пространства продольнымъ огнемъ съ фланговъ и расположить окопы или на самыхъ вершинахъ, или очень близко къ нимъ. Закрытій для головъ не было. Я хотѣлъ бы знать, имѣетъ ли солдатъ, находящійся въ ясно видимомъ окопѣ безъ головныхъ закрытій, какое либо преимущество передъ атакующимъ, пользующимся естественными закрытіями на мѣстности. Туловище послѣдняго конечно можетъ быть и не такъ хорошо защищено, но по отношенію къ закрытію головы между обоими нѣтъ ни какой разницы. Между тѣмъ голова самая жизненная часть тѣла, да кромѣ того людей въ окопахъ легче обнаружить и вслѣдствіе этого легче поражать огнемъ, въ особенности дальнимъ артиллерійскимъ. Поэтому, мнѣ кажется, что если стоитъ терять время на рытье рвовъ или постройку брустверовъ, то стоитъ и дѣлать прикрытія для головъ и амбразуры. Когда я прошелся по всѣмъ этимъ солиднымъ, временнаго характера редутамъ и линіямъ окоповъ, я не могъ не сочувствовать ощущеніямъ людей, рывшимъ эти укрѣпленія цѣлыя недѣли только для того, чтобы уйти отсюда и бросить ихъ при первомъ появленіи японскаго авангарда. Этотъ результатъ, будучи очень близкимъ къ дѣйствительному пораженію, болѣе всего содѣйствуетъ деморализаціи арміи.

На обратномъ пути домой я встрѣтилъ Фуджіи, удившаго рыбу. Онъ сказалъ мнѣ, что весьма вѣроятно Вторая армія атакуетъ сегодня русскихъ у Кайпинга. Если это такъ и если русскіе принуждены будутъ отступить къ Мукдену, то мы потеряемъ случай забраться къ нимъ въ тылъ.

Іюля 9-го (н. с.), 1904 г. – Писалъ цѣлыхъ четыре часа подъ диктовку о линіяхъ сообщеній Первой арміи. Съ этой цѣлью ко мнѣ были посланы любезнымъ Фуджіи полковникъ

Матсуиши и подполковникъ Курита. Это прямо великолѣпно. Завтра они придутъ опять.

Іюля 10-го (н. с.), 1904 г.—Провелъ еще два часа съ съ Матсуиши и Курита, которые сообщили мнѣ безконечный рядъ интересныхъ подробностей объ организаціи линій сообщенія, начиная съ момента высадки Первой арміи въ Кореѣ и вплоть до ея прибытія въ Фенгхуангченгъ.

Затрудненія были громадны и по временамъ казались до такой степени непреодолимыми, что доводили штабъ почти до слезъ. Это было ихъ собственное наглядное выраженіе, чтобы изобразить свое душевное состояніе. Я лично не вѣрю, что затрудненія и разочарованія способны заставить японца проливать слезы, хотя нѣкоторыя ощущенія и могутъ довести его до такого состоянія.

Полная исторія сообщеній будетъ изложена мною въ оффиціальномъ отчетѣ и единственный отдѣлъ, который стоитъ здѣсь описать, это отдѣлъ о военныхъ кули.

Во время войны съ Китаемъ изъ Японіи были привезены 100.000 рикшъ-кули для переноски тяжестей. Эти люди превосходно работали, пока они были въ хорошемъ расположеніи духа, но у нихъ не было военной подготовки, а потому и дисциплины. Поэтому они причиняли много безпокойства и испортили хорошую репутацію Японіи насиліями и грабежами. Говоря собственными словами Матсуиши: „Мы не можемъ допустить существованія связаннаго съ арміей народа, который грабитъ и дурно обращается съ жителями тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя мы проходимъ, но все же опасность подобныхъ случаевъ неизбѣжна, если масса не военныхъ людей сопровождаетъ армію“. Всѣ англо-индійскіе офицеры согласятся съ истиной и мудростью этого взгляда.

Поэтому штабъ арміи рѣшилъ сформировать особый корпусъ полу-военныхъ кули, призываемыхъ въ армію по набору. Соотвѣтственно этому ежегодно призываются на службу 200.000 молодыхъ людей на общихъ основаніяхъ, какъ еслибы имъ пришлось служить въ рядахъ арміи. Дальше этого призыва на службу обыкновенно дѣло не идетъ и не дѣлается попытокъ обучать ихъ въ мирное время. Но такъ

какъ имъ извѣстно, что они занесены въ списки арміи и такъ какъ въ случаѣ призыва на войну, имъ полагается военный мундиръ, то они воспринимаютъ нравственное убѣжденіе, что они солдаты и поэтому готовы безъ разсужденій исполнять солдатскій долгъ повиновенія и самопожертвованія. Дурная сторона подобной организаціи въ томъ, что въ ихъ рядахъ находятся представители всѣхъ профессій и сословій и они далеко не такъ выносливы, какъ настоящіе рикши-кули. На этотъ разъ, когда они были высажены въ Кореѣ, разсчитывали, что одинъ рикша-кули въ три раза сильнѣе военнаго кули, не говоря уже о его большемъ искусствѣ везти свою телѣжку среди колей и камней. Даже въ настоящее время, когда военные кули закалились въ трудахъ и привыкли къ своей работѣ, считается, что одинъ рикша-кули соотвѣтствуетъ двумъ военнымъ. Но всетаки ихъ качества улучшаются съ каждымъ днемъ и несомнѣнно кули выглядятъ удивительно довольными и здоровыми. Шестнадцать тысячъ пятьсотъ подобныхъ военныхъ кули высадились съ Первой арміей, причемъ положено, что три кули должны везти въ своей телѣжкѣ около 250 фунтовъ риса. Они получаютъ шесть сенъ или шесть копѣекъ въ день и не получаютъ мяса, но зато имъ дается на $^1/_4$ фунта больше риса, чѣмъ прочимъ солдатамъ. Имъ также полагается горячая вода, въ которой варится немного ячменя, что дѣлаетъ воду похожей на чай. Это дается безплатно.

Въ дополненіе къ военнымъ кули, каждая дивизія имѣетъ свой обыкновенный обозъ изъ одноконныхъ небольшихъ повозокъ, съ которыхъ я сдѣлалъ точный чертежъ со всѣми размѣрами. На нихъ положено везти 350 фунтовъ. Продовольственный обозъ дивизіи заключаетъ въ себѣ четырехдневное продовольствіе, нагруженное на эти повозки. Въ видѣ дополненія существуетъ еще другой обозъ, везущій дневную дачу продовольствія для дивизіи; еще одна дача уложена въ полковой обозъ, да двѣ дачи на солдатѣ. Всего получается запасъ продовольствія на восемь дней, который сопровождаетъ всегда, или по крайней мѣрѣ долженъ сопровождать, каждую дивизію.

Какъ бы система военныхъ кули ни была хороша сама

по себѣ, однако она не можетъ вполнѣ замѣнить обыкновенную доставку продовольствія на лошадяхъ, если армія удалилась далеко отъ своей морской базы. Для регулярнаго обслуживанія линіи военныхъ сообщеній японцамъ пришлось воспользоваться корейскими кули въ Кореѣ и китайскими повозками въ Маньчжуріи. Не можетъ быть лучшаго доказательства, съ какимъ напряженіемъ силъ работаетъ эта маленькая страна, чѣмъ размѣръ жалованія, которое она платитъ этимъ людямъ. Корейскій кули получаетъ 30 сенъ (ок. 30 к.) за доставку ящика съ рисомъ на разстояніе одного ри или $2^1/_4$ миль. Сильный кули при этой платѣ можетъ заработать 5 іенъ (ок. 5 р.) въ одинъ день. Китайскіе подводчики получаютъ 25 іенъ или 25 руб. въ день, а къ каждой изъ нашихъ трехъ дивизій придано 1.000 такихъ подводъ! Это составляетъ 75.000 рублей въ день на мѣстныя перевозочныя средства. Англичане, кажется, думаютъ, что никто, кромѣ нихъ, не можетъ такъ тратить деньги. Совсѣмъ наоборотъ, нѣтъ народа на свѣтѣ менѣе склоннаго платить запрашиваемыя на войнѣ деньги. Въ мирное время Индія скупѣе Англіи, но въ военное время она хорошо понимаетъ, что рупія—ея сила и что сбереженіе одного лакха *), можетъ повлечь за собою потерю сраженія. Я не долженъ болѣе писать на эту тему, хотя она для меня и очень соблазнительна; я только прибавлю, что при всемъ моемъ восхищеніи передъ японскимъ устройствомъ военныхъ сообщеній, въ одномъ отношеніи мы стоимъ гораздо выше ихъ, это въ сооруженіи дорогъ и починкѣ ихъ. Въ Бурмѣ, въ долинѣ Суэтъ (Swat) и въ другихъ далекихъ странахъ намъ приходилось прокладывать дорогу черезъ рисовыя поля, такія же бездонныя, какъ и корейскія. Мы высѣкли глубокія дороги въ скалахъ Гималая и доставляли продовольствіе нашей арміи черезъ болѣе высокіе и дикіе хребты, чѣмъ Мотіенлингъ. Я говорю не безъ основательнаго знанія дѣла, утверждая, что, если бы японцы посвятили больше вниманія на свои дороги, то они спасли бы

*) Lak или lakh—сумма въ 100.000 рупій. Рупія—около 66 коп., слѣдовательно одинъ лакхъ—около 66.000 руб. Прим. переводч.

этимъ жизнь многихъ людей и лошадей и доставили-бы въ данное время къ арміи на десять процентовъ больше груза. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ я пишу, имѣются на большой дорогѣ короткіе участки, которые во время дождя превращаются въ настоящія топи грязи, усѣянныя огромными камнями. Только съ большимъ трудомъ и непрерывнымъ хлопаньемъ бичей можно пробиваться по этимъ мѣстамъ во время дождя, во время же сухой погоды, когда вода въ рѣкѣ спадетъ, повозкамъ приходится пробираться по окраинамъ дорогъ, избѣгая глубокихъ колей. Починка дорогъ заброшена, и вся находящаяся въ распоряженіи рабочая сила употребляется на сооруженіе широкой дороги къ штабу Куроки, расположенному около полумили въ сторону отъ большой дороги. Эта новая дорога, конечно, немедленно будетъ вновь распахана китайцами, какъ только мы уйдемъ отсюда.

Всѣ безпокоятся, что еще не получено новостей отъ Второй арміи, которая, какъ предполагалось, должна была вести вчера бой.

Іюля 12-го (н. с.), 1904 г.—Сегодня получены изъ Второй арміи хорошія извѣстія, которыя всѣхъ очень обрадовали. Они, кажется, безъ особенныхъ затрудненій заставили непріятеля отступить отъ Кайпинга.

Іюля 14-го (н. с.), 1904 г.—Вчера вечеромъ показывали картины волшебнаго фонаря. Изображалась смѣсь батальныхъ картинъ и хорошенькихъ „мусме" (дѣвушекъ), причемъ послѣднія предпочитались и офицерами, и солдатами, не говоря уже о бѣдныхъ, одинокихъ иностранныхъ военныхъ агентахъ. Несомнѣнно мужчины обязаны ежедневно и по цѣлымъ днямъ благодарить Провидѣніе, что существуютъ женщины на свѣтѣ. Всемогущій будто бы создалъ женщину на вѣчную имъ радость. Хотѣлось бы мнѣ знать, почему я никогда не сознавалъ этого до сего времени. Можетъ быть потому, что мнѣ никогда не приходилось прожить столько времени, не видя ни одной женщины.

Іюля 15-го (н. с.), 1904 г.—Провелъ чрезвычайно интересный вечеръ и, несмотря на то, что 11 ч. вечера слишкомъ позднее время для Маньчжуріи, я хочу попробовать сдѣлать нѣсколько замѣтокъ, пока я ихъ не позабуду.

Фуджіи обѣдалъ одинъ со мною и говорилъ, повидимому, безъ всякой сдержанности. Онъ сообщилъ мнѣ, что подъ Портъ-Артуромъ имѣются почти четыре дивизіи съ 350 орудіями и что разъ Ноги возьмется, какъ слѣдуетъ, за дѣло, то онъ долженъ преодолѣть какое бы то ни было сопротивленіе и взять крѣпость большимъ штурмомъ. Все кажется возможнымъ для этихъ маленькихъ людей, да кромѣ того, американскіе добровольцы подъ начальствомъ Пеппереля сдѣлали съ французами въ Луисбургѣ въ 1745 г. нѣчто подобное. Однако, это трудное предпріятіе противъ современнаго вооруженія, въ особенности, если русскіе вполнѣ используютъ электрическіе прожекторы и проволочныя загражденія.

Другая часть новостей состояла въ томъ, что Ойяма и Кодама высадились вчера въ Дальнемъ, такъ что мы теперь больше не представляемъ той свободной и независимой арміи, которой мы были до сихъ поръ. Я замѣтилъ, что слабохарактерный генералъ склоненъ привѣтствовать прибытіе главнокомандующаго, тогда какъ человѣкъ съ сильной волей сразу и еще заранѣе начинаетъ чувствовать себя безпокойнымъ и связаннымъ. Я думаю, что Фуджіи принадлежитъ ко второй категоріи.

Далѣе мой пріятель сообщилъ мнѣ, что Вторая армія, стоящая напротивъ русскихъ у Кайпинга, почти что равна по численности арміи Куропаткина, главныя силы которой, по самымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, все еще стоятъ къ югу отъ Хайченга. Въ этомъ частномъ случаѣ всякое сравненіе, основанное только на числахъ, было бы крайне ошибочнымъ. Въ арміи Куропаткина были двѣ резервныя дивизіи, которыя многаго не стоили. По мнѣнію Фуджіи, при самой даже высокой оцѣнкѣ, онѣ не стоили больше одной полевой дивизіи. Въ составѣ русской арміи были также двѣ дивизіи, потерпѣвшія уже серьезное пораженіе, и ихъ Фуджіи приравниваетъ не больше какъ къ дивизіи съ полкомъ. Принявъ эти соображенія за основаніе своихъ расчетовъ, Фуджіи приходитъ къ высшей степени благопріятному выводу, что Вторая японская армія обладаетъ значительнымъ превосходствомъ въ силахъ.

Противъ Первой арміи мы имѣемъ двѣ дивизіи, одна изъ нихъ 10-я—изъ Европейской Россіи и намъ придется употребить всѣ наши силы, чтобы преодолѣть ея сопротивленіе. По счастью Куропаткинъ очевидно все еще думаетъ что главныя силы нашей арміи у Сіуена. Это вѣрно, что вскорѣ туда прибудутъ двѣ японскія дивизіи, но наша армія на самомъ дѣлѣ стоитъ въ боевомъ порядкѣ противъ Мотіенлинга и проходовъ къ востоку и западу отъ него. Фуджіи кажется доволенъ нашимъ положеніемъ по отношенію къ русскимъ и думаетъ, что обстановка подаетъ надежды. На этотъ разъ онъ полагаетъ, что Двѣнадцатой дивизіи болѣе всѣхъ посчастливится принять участіе въ сраженіи, послѣ чего настанетъ чередъ для Второй дивизіи, составляющей нашу собственную центральную колонну. Намъ придется имѣть дѣло съ очень трудной переправой черезъ рѣку Тайцзыхо, прежде чѣмъ мы будемъ въ состояніи нанести ударъ линіямъ сообщенія противника къ сѣверу отъ Ляояна. Въ этотъ дождливый періодъ можетъ всегда случиться, что мы будемъ задержаны высокой водой, а русскіе въ это время будутъ въ состояніи уклониться отъ фронтальной атаки Второй арміи. Фуджіи горевалъ о судьбѣ нашей Первой арміи; по его словамъ ея несчастной участью было вѣчно переправляться въ бродъ, плыть или строить мосты. „Мы могли бы быть арміей утокъ“ добавилъ онъ. Мнѣнія генеральнаго штаба относительно намѣреній Куропаткина очень раздѣлились и вчера вечеромъ послѣ волшебнаго фонаря, по этому поводу былъ слышенъ горячій споръ. Тема была слѣдуюшая: атакуетъ ли Куропаткинъ Вторую армію, или же будетъ продолжать дѣйствовать оборонительно. Самъ Фуджіи думаетъ, что Куропаткинъ будетъ держаться своего прежняго оборонительнаго образа дѣйствія. Онъ говорилъ, что если бы Куропаткинъ счелъ необходимымъ атаковать, онъ атаковалъ бы прежде, чѣмъ Первая армія перевалила черезъ Мотіенлингъ. Теперь же, когда японцы занимаютъ этотъ перевалъ, оказывая своимъ здѣсь присутствіемъ вліяніе на Ляоянъ, атака въ южномъ направленіи Второй арміи была бы слишкомъ рискованнымъ предпріятіемъ, если только Куропаткинъ не ослабитъ на-

значенныхъ для атаки силъ отдѣленіемъ нѣкоторой ихъ части для удержанія на мѣстѣ Первой арміи. Несомнѣнно возможно, что Куропаткинъ, опираясь на Ляоянъ и собравъ всѣ подкрѣпленія, какія возможно, готовится послѣдовать примѣру Наполеона подъ Аустерлицемъ и какъ бы притаившись на равнинѣ ждетъ, когда Японцы дебушируютъ изъ горъ, чтобы отрѣзать ему сообщенія и тогда сдѣлаетъ свой смертельный прыжокъ. Въ то же время Фуджіи держится того мнѣнія, что подобный планъ дѣйствій былъ бы чрезвычайно опрометчивымъ. Онъ очевидно находитъ его очень труднымъ, несмотря на Аустерлицкую теорію и приписываетъ причину настоящихъ затрудненій тому, что Куропаткинъ слишкомъ долго держался въ Ляоянѣ. Къ этому Фуджіи прибавилъ: „У него тридцать шесть большихъ магазиновъ въ Ляоянѣ и я отлично понимаю его заботу держаться сколь возможно дольше сообщеній съ Ньючуангомъ. Эти сообщенія оказываютъ ему колоссальную помощь въ дѣлѣ снабженія арміи продовольствіемъ, но всетаки его задержка у Ляояна кажется въ общемъ черезъ чуръ опасной Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ насъ думаютъ, что для него уже теперь поздно отступать, если только Вторая армія будетъ зорко слѣдить за нимъ. У него высокая репутація, но я его теперь положительно не понимаю. Та минута, когда онъ рѣшилъ удерживать или нѣтъ Мотіенлингъ, должна была бы быть и минутой отдачи имъ приказаній отступать на Мукденъ“.

Затѣмъ онъ началъ говорить о продовольствованіи арміи и я вижу, что онъ вполнѣ естественно безпокоился, какъ бы русскіе не сожгли свои магазины въ Ляоянѣ до нашего прихода туда. Кстати о магазинахъ, онъ разсказалъ мнѣ потѣшную исторію о русскомъ интендантствѣ... Какъ-то на дняхъ Двѣнадцатая дивизія выслала фуражировъ изъ Саймачи въ Каншіо (Kanshio); по прибытіи туда фуражиры обнаружили, что русскіе отступили, оставивъ позади себя свои продовольственные магазины. Начальникъ фуражировъ нанялъ пятьдесятъ подводъ и увезъ всѣ запасы съ собою въ Саймачи, гдѣ въ нихъ въ то время очень нуждались. Какъ только фуражиры удалились на безопас-

ное разстояніе отъ Каншіо, начальникъ русскаго отряда вернулся обратно и нашелъ магазины пустыми. Онъ вышелъ изъ себя отъ гнѣва и арестовалъ двадцать китайцевъ, надъ которыми былъ учиненъ полевой судъ, результатомъ котораго была казнь двухъ изъ нихъ. Нѣсколькимъ изъ нихъ удалось бѣжать и прійдя въ Саймачи, они стали умолять японцевъ послать свои войска опять обратно и прогнать русскихъ. Японцы такъ бы и поступили, но дѣло заключалось въ слѣдующемъ: Русскій начальникъ отдалъ опредѣленныя приказанія, чтобы запасы продовольствія были сожжены послѣ его отступленія. Китайцы же однако побоялись, какъ бы горящіе магазины не произвели пожара въ сосѣднихъ домахъ и въ стогахъ гаоляна. Въ виду этого собрали нѣкоторую сумму денегъ и преподнесли ее ввидѣ взятки русскому интенданту, который былъ оставленъ при магазинѣ, чтобы сжечь его. Онъ принялъ деньги и пощадилъ запасы. Я пришелъ къ тому заключенію, что и въ Ляоянѣ ведутся переговоры по этому поводу и что возможно, что русскіе магазины тамъ тоже избѣгнутъ огня послѣ отступленія русской арміи.

Только-что пришелъ изъ Японіи отчетъ о произведенномъ испытаніи захваченныхъ русскихъ орудій. Орудіе вполнѣ удовлетворительно, исключая чрезмѣрно большого вѣса и слишкомъ большого разрывного заряда шрапнели. Поэтому происходитъ слишкомъ большое разсѣиваніе пуль, а глубина поражаемаго пространства получается не достаточная. Дистанціонныя трубки не хороши и весьма часто сгораютъ преждевременно. Если японцы серьезно воспользуются этими орудіями, имъ придется изготовить спеціально для нихъ сильно взрывчатые снаряды, потому что они не пожелаютъ идти въ бой безъ нѣкотораго количества такихъ снарядовъ.

Сообщенія Двѣнадцатой дивизіи теперь совсѣмъ не проходятъ черезъ Фенгхуангченгъ, ея база—Чангсонгъ (Changsong) на Ялу. Суда изъ Антунга поднимаютъ военный грузъ вверхъ по рѣкѣ до пункта на противоположномъ берегу у Чангсонга и отсюда грузъ этотъ доставляется долиною Айхо по дорогѣ Айянменъ—Саймачи—Чаотао.

ГЛАВА XIV.

Планы №№ 4 и 5.

Сраженіе у „Достигающаго небесъ прохода".

Іюля 18-го (н. ст.) 1904 г.—Вечеръ. Это мой первый свободный промежутокъ времени, начиная съ той минуты, когда я былъ разбуженъ въ сѣрое, туманное утро 17-го числа торжественнымъ громомъ орудій, слышавшимся далеко въ западномъ направленіи. Я быстро одѣлся, посѣдлалъ лошадь, уложилъ мои кобуры и сумы и поѣхалъ въ штабъ. Тамъ болѣе взволнованный и менѣе скрытный, чѣмъ обыкновенно, адъютантъ сообщилъ мнѣ, что Мотіенлингъ атакованъ и что наши войска отступаютъ передъ превосходящимъ въ силахъ противникомъ. Я хотѣлъ было отправиться туда немедленно, но меня заставили плясать отъ нетерпѣнія цѣлый часъ, пока не было получено разрѣшенія. Чтобы нагнать потерянное время я галопомъ поскакалъ къ Мотіенлингу по дорогѣ черезъ Бунсуиреи и Ліеншанкуанъ. Утро было хотя и туманное, но тихое и свѣжее. Казалось, что всѣ мои надежды готовы были осуществиться полностью. Мой конь, какъ и я, казалось стремился сократить разстояніе между нами и артиллеріей, которая все продолжала доносить о противникѣ своимъ грохотомъ, повторяемымъ горнымъ эхо и какъ бы созывающимъ къ полю сраженія тысячи пылкихъ бойцовъ. Никогда еще до сихъ поръ я не былъ такъ твердо увѣренъ, что вскорѣ я буду въ самомъ пылу битвы. Но нѣтъ справедливѣе пословицы, которая указываетъ на различіе между поспѣшностью и скоростью. Проскакавъ около двѣнадцати миль, мой бѣдный, старый канадскій конь „Монтана", сталъ понемногу убавлять свой ходъ, сначала перейдя въ легкую рысь, затѣмъ въ шагъ, пока наконецъ мы совер-

шенно не остановились. Была ли этому причиной колика, или солнечный ударъ или многочисленные удары моихъ шпоръ, я не могу сказать. Но я зналъ только то, что онъ стоялъ неподвижно на мѣстѣ, опустивъ голову, обливаясь потомъ, и видимо не былъ въ состоянiи пронести меня даже ярдъ дальше. Въ это время я былъ всего въ пяти миляхъ отъ перевала, и ничего больше не оставалось, какъ окончить путешествiе пѣшкомъ. Итакъ, положивъ мой запасъ риса въ походную сумку, я двинулся въ путь въ уныломъ, почти безнадежномъ настроенiи. Немного спустя я услышалъ трескотню ружейныхъ выстрѣловъ и мнѣ стали встрѣчаться раненые, тихо подвигавшiеся вдоль дороги и, какъ мнѣ показалось, неохотно уходившiе изъ боя. Съ каждымъ шагомъ шумъ отъ стрѣльбы все увеличивался и, подвигаясь дальше, я смѣшался въ углубленной дорогѣ съ батальономъ, который шелъ на подкрѣпленiе, и мулами съ патронами. Между людьми я не видѣлъ ни одного неестественно-торжественнаго лица. Всѣ были веселы и смѣялись отъ радостнаго предчувствiя, и, казалось, лишь одно ихъ озабочивало, какъ бы только не опоздать принять участiе въ томъ, что совершалось по ту сторону горъ. Такая храбрость была заразительна, и я ускорилъ свой шагъ, стараясь даже бѣжать тамъ, гдѣ мѣстность становилась ровнѣе. Но самъ перевалъ былъ крутъ, и, пока я перебрался черезъ него и спустился къ старой кумирнѣ, русскiе находились уже въ полномъ отступленiи, между тѣмъ какъ японцы, оставивъ нѣсколько раньше моего прихода свои окопы, двигались впередъ, преслѣдуя противника. Двѣ японскiя роты составили ружья у старой кумирни на другомъ склонѣ хребта и начали рыть могилы для убитыхъ русскихъ, большое количество которыхъ было собрано и положено вдоль дороги и на скатѣ непосредственно за кумирней. Около двадцати или тридцати убитыхъ японцевъ лежали плотной кучей около стѣнъ кумирни, покрытые сѣрыми русскими шинелями и ожидали сожженiя.

Если бы я писалъ эти замѣтки съ цѣлью угодить кому угодно, только не самому себѣ, то теперь было бы какъ разъ подходящее мѣсто для введенiя въ разсказъ нѣкото-

рыхъ подходящихъ къ этому случаю впечатлѣній на старую тему объ ужасахъ войны. Клянусь моею жизнью, я не могу видѣть этихъ ужасовъ. Развѣ не ужасно смотрѣть, какъ этихъ молодыхъ героевъ, едва похолодѣвшихъ, другіе герои опускаютъ въ могилу подъ свѣжимъ лугомъ „Достигающаго неба перевала"? Комната умершаго... связанныя съ ней представленія... безчувственные гробовщики...—все это наполняетъ мою душу страхомъ и даже дрожью. Здѣсь же все такъ естественно и если и грустно, то всетаки эта грусть полна славы.

Огромнаго роста русскій, тяжело раненый въ ногу, поднимался, ковыляя и опираясь на ружье, вверхъ по скату холма. На его лицѣ была боязливая, молящая о пощадѣ улыбка, какъ будто онъ не былъ увѣренъ, не случится ли съ нимъ еще чего нибудь ужаснаго, но никто кромѣ меня, казалось, не обращалъ на него ни малѣйшаго вниманія. Если хотите, въ этомъ было много печальнаго, но на половину не такъ зловѣще, чѣмъ видъ безработныхъ людей, одѣтыхъ въ лохмотья и бродящихъ по Мейфер'у (Mayfair) *).

Въ западномъ направленіи горизонтъ преграждался на разстояніи около семи миль горами, тянувшимися параллельно Мотіенлингскому хребту. Здѣсь была главная русская позиція. Эти два параллельныхъ хребта раздѣлялись широкой Тіенсуитіенской (Tiensuitien) долиной. Отъ каждаго изъ обоихъ главныхъ хребтовъ отдѣлялись второстепенные долины и хребты, которые вновь развѣтвлялись на безчисленныя ущелья, лѣсистыя вершины и скалистыя верхушки; превосходная мѣстность для основательно подготовленныхъ къ горной войнѣ войскъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, такая мѣстность, гдѣ войска, привыкшія дѣйствовать на ривнинѣ, должны были встрѣтить на каждомъ шагу роковыя западни. Подобныя войска могутъ возмѣстить недостатокъ обученія только исключительной сноровкой, искусствомъ и инициативой со стороны офицеровъ.

Перестрѣлка сдѣлалась гораздо слабѣе, чѣмъ въ то время, когда я съ усиліемъ взбирался по восточному склону Мотіенлинга, и ограничивалссь только слабымъ огнемъ внизу

*) Mayfair—наиболѣе аристократическій кварталъ Лондона (пр. пер.).

перевала, въ ущельяхъ и хребтахъ, спускавшихся отъ него въ Тiенсуитiенскую долину. Опытъ подсказалъ мнѣ, что я навѣрно пропустилъ самый главный моментъ боя. Я прямо умиралъ отъ усталости, и мнѣ оставалось только сѣсть и заплакать, подобно полковнику Курита во время его затрудненiй по перевозкѣ грузовъ въ Кореѣ. Внѣ сомнѣнiя что мнѣ страшно не повезло; однако, обсуждая сегодня вечеромъ болѣе хладнокровно мою неудачу, я пришелъ къ тому заключенiю, что могло случиться что нибудь еще похуже. Мнѣ удалось увидѣть много безпорядочной борьбы во время слѣдующихъ четырехъ часовъ. Винцентъ же, прибывшiй на мѣсто сравнительно рано, сообщилъ мнѣ подробности о томъ, что происходило во время начала боя. Поэтому я надѣюсь, что буду въ состоянiи послать домой довольно подробный и точный отчетъ. Завтра я проведу весь день, записывая все, что я самъ видѣлъ, и тѣ новости, которыя накопились по сей день, и такимъ путемъ буду въ состоянiи создать въ своемъ воображенiи точную картину боя, прежде чѣмъ она будетъ испорчена моими соображенiями о томъ, что слѣдуетъ сократить ввиду цензуры или что слѣдуетъ совсѣмъ выкинуть. Пока же я долженъ послать телеграмму лорду Кичинеру съ указанiемъ на нѣкоторыя особенности. Такъ напримѣръ, на недостаточное использованiе артиллерiи съ обѣихъ сторонъ; на бой кавалерiи въ спѣшенномъ строю; на безыскусственный способъ русской атаки, чисто фронтальной, въ сомкнутыхъ строяхъ, безъ примѣненiя къ мѣстности и безъ малѣйшихъ попытокъ къ обходамъ. Я долженъ также обратить вниманiе на плохую стрѣльбу и на античный способъ стрѣльбы залпами взводовъ изъ семидесяти ружей, принятый русскими. Не только роты, но и взводы и отдѣльные солдаты не выказали въ этомъ бою достаточно гибкости, порыва и иницiативы. Съ другой же стороны я долженъ напомнить о необходимости отдать должную дань ихъ полному безразличiю въ опасности. Все кажется, служитъ доказательствомъ превосходства европейца надъ сибирякомъ, и я думаю, что мнѣ слѣдуетъ протелеграфировать и это, такъ какъ это важный фактъ.

Теперь 10 ч. вечера, и термометръ въ нашемъ домѣ китайскаго врача показываетъ 93° F. *)

Іюля 19-го (н. с.) 1904 г.—Х. вернулся изъ штаба и сказалъ мнѣ, что моя телеграмма благополучно прошла черезъ цензуру. Онъ также сообщилъ мнѣ, что наша правая колонна, Двѣнадцатая дивизія, начала сраженіе, обѣщающее быть большимъ и кровопролитнымъ, съ превосходными по числу силами русскихъ, преграждавшихъ дорогу у Чаотао (Kioto), куда ей приказано было двинуться. Говорятъ, что у русскаго отряда имѣются двадцать полевыхъ орудій, что представитъ скорѣе нелегкую задачу для тридцати шести маленькихъ горныхъ орудій Двѣнадцатой дивизіи.

Однако я долженъ сперва разобраться въ сраженіи 17-го числа. Это сраженіе, названное штабомъ сраженіемъ у „Достигающаго Небесъ Перевала", оказалось гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ предполагалось всѣми тѣми, въ томъ числѣ и мною, которые видѣли только, что русскіе были отброшены отъ Мотіенлинга. Несомнѣнно, что главныя силы русскихъ, спустившись по Пекинской дорогѣ, взобрались на горы по обѣимъ сторонамъ Мотіенлингскаго перевала съ цѣлью атаковать японцевъ, окопавшихся на немъ. Но теперь выясняется, что при этомъ было много вспомогательныхъ, но отчаянныхъ атакъ, на протяженіи фронта по крайней мѣрѣ въ десять миль. Эти атаки происходили къ сѣверу и югу отъ Мотіенлинга и одновременно съ главной атакой. Дѣйствительно, Куроки былъ обязанъ одержаннымъ успѣхомъ какъ высокимъ военнымъ качествамъ обоихъ фланговыхъ отрядовъ, такъ и стойкости защитниковъ самаго перевала, которымъ, по моему мнѣнію, за все время сраженія нельзя сдѣлать ни малѣйшаго упрека.

Другой интересной чертой этого сраженія было то, что несмотря на его большіе размѣры, оно было ограничено съ японской стороны участіемъ одной центральной или Второй дивизіей, успѣшно оборонявшейся на своей позиціи. Ни Двѣнадцатая дивизія справа, ни императорская Гвардія слѣва не приняли никакого участія въ сраженіи, но съ

*) $27_{,110}$ R. Прим. перев.

другой стороны весь фронтъ, занятый Второй дивизіей, простиравшійся отъ Гебато (Gebato), что въ пяти миляхъ приблизительно къ сѣверо-востоку отъ Мотіенлинга, и до горъ Шинкваиреи (Shinkwairei), около четырехъ миль къ юго-западу отъ этого перевала, подвергался общей атакѣ, соединенной въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ обходомъ.

Въ общемъ можно сказать, что оборонительная линія японскихъ аванпостовъ имѣла видъ кривой, похожей на полунатянутый лукъ и, начинаясь у Гебато на правомъ флангѣ, проходила вдоль Мотіенлинга въ центрѣ и оканчивалась горами Шинкваиреи включительно на лѣвомъ флангѣ. Большею частью она шла вдоль главнаго хребта, но у Гебато была выдвинута впередъ къ сѣверу отъ водораздѣла.

Около половины Второй дивизіи оказалось немедленно въ готовности для защиты этой оборонительной позиціи; другая половина была болѣе или менѣе сосредоточена у Ліеншанкуана. Развивая дальше сравненіе линіи Шинкваиреи—Мотіенлингъ—Гебато съ полунатянутымъ лукомъ, можно сказать, что Ліеншанкуанъ составлялъ середину его тетивы, откуда стрѣла была, такъ сказать, направлена на Ляоянъ. Ліеншанкуанъ находится приблизительно въ семи миляхъ, считая по дорогѣ, отъ Мотіенлингскаго перевала и въ такомъ же разстояніи, но съ худшими сообщеніями, отъ Шинкваиреи и Гебато.

Я думаю, что мнѣ удастся дать болѣе ясное представленіе о нѣсколько запутанныхъ событіяхъ, происходившихъ 17-го числа, если я удержусь отъ искушенія начать съ того, чему я былъ личнымъ свидѣтелемъ. Я лучше начну описаніе съ праваго фланга, или съ сѣвера, разбирая дѣйствія на каждомъ участкѣ послѣдовательно, пока не дойду до лѣваго фланга и горъ Шинкваиреи.

Оборона праваго японскаго фланга была возложена на 16-й полкъ, штабъ котораго былъ расположенъ у Гебато. Полкъ этотъ былъ подъ командою полковника Таніяма (Taniyama) и ко времени сраженія въ его распоряженіи было только два баталіона, первый и второй. Третій батальонъ былъ посланъ назадъ на крайній лѣвый флангъ арміи съ секретнымъ назначеніемъ, которое остается до

сихъ поръ для меня тайной. Каково бы это назначеніе ни было, оно совершенно выключало третій батальонъ изъ раіона сраженія 17-го іюля.

Передовые посты были выставлены полковникомъ Таніяма слѣдующимъ образомъ (см. планъ № 4).

Одна рота по дорогѣ Гебато—Чаотао, одна рота по дорогѣ Гебато—Іокахоши (Iokahoshi) и одна рота по дорогѣ Гебато—Шокореи (Shokorei). Такимъ образомъ полковникъ остался съ полнымъ батальономъ и одной ротой, подъ его личнымъ начальствомъ, у Гебато.

Въ 3 ч. утра онъ получилъ по телефону донесеніе съ горъ Шинкваиреи, съ крайняго лѣваго фланга его дивизіи, что противникъ обнаруживаетъ признаки дѣятельности. Онъ немедленно сообщилъ объ этомъ своимъ постамъ, но только въ 11 ч. 30 м. утра одна изъ его ротъ, а именно находившаяся на дорогѣ въ Чаотао или на крайнемъ правомъ флангѣ дивизіи, была атакована восемью русскими ротами съ однимъ эскадрономъ, пришедшими по направленію изъ Іокахоши. Какъ только противникъ развернулъ всѣ свои силы, эта японская рота стала медленно отступать къ укрѣпленной оборонительной позиціи, показанной на планѣ подъ буквой „В“ и находившейся недалеко впереди перекрестка двухъ дорогъ въ Чаотао. Здѣсь она была подкрѣплена ротою саперъ, высланной изъ Ліеншанкуана распоряженіемъ дивизіоннаго начальства. Эти двѣ японскія роты держались стойко, русскіе же не обнаружили въ атакѣ большой рѣшительности. Въ 12 ч. 40 м. дня русскіе у этого пункта начали отступать и имъ позволили было уйти безъ преслѣдованія.

Ввидѣ контраста этому предыдущему, скорѣе вялому столкновенію, на сосѣднемъ участкѣ передовыхъ постовъ разыгралось блестящее дѣло, дѣло знаменитой 6-й роты 16-го полка, которое вызываетъ на сравненіе его съ подвигомъ 5-й роты 24-го полка 1-го мая, когда эта рота преградила дорогу отступающимъ русскимъ у Хаматона на Ялу.

Эта 6-я рота была поставлена для наблюденія за дорогой Гебато—Іокахоши въ мѣстѣ, обозначенномъ на

планѣ буквой „C“ и находящемся приблизительно въ полумилѣ къ сѣверо-западу отъ Гебато. Въ 8 ч. утра противникъ, которому пришлось сдѣлать очень кружное обходное движеніе отъ Іокахоши и двигаться вѣроятно всю ночь по чрезвычайно трудной и пересѣченной мѣстности среди крутыхъ горъ и глубокихъ, извилистыхъ долинъ, внезапно открылъ съ высоты „D“ огонь по заставѣ. Чтобы достигнуть этого пункта, русскіе должны были послѣ своего ночного походнаго движенія выкарабкаться изъ долины, лежащей къ сѣверо-западу отъ горы, по крайней мѣрѣ на тысячу футъ. Это ясно указываетъ на ихъ рѣшимость и выносливость. Пунктъ „D“ не только превышалъ на тысячу футъ долину, изъ которой появились русскіе, но и былъ выше на 150 футъ пункта „C“ и командовалъ имъ съ разстоянія около 600 ярдовъ. Русскіе имѣли по меньшей мѣрѣ два батальона и, принимая во вниманіе ихъ энергичный и даже скрытный способъ, съ которымъ они достигли этой командующей позиціи, трудно было допустить, чтобы имъ не удалось обойти японскій флангъ, что и составляло ихъ цѣль. Чтобы завершить свой успѣхъ, имъ оставалось только повести частью своихъ силъ атаку на пунктъ „H“. Еслибы только имъ удалось занять этотъ пунктъ, застава, удерживавшая вершину „C“, принуждена бы была отступить, давъ такимъ образомъ русскимъ возможность спуститься въ долину и обойти весь японскій правый флангъ. Все, казалось благопріятствовало въ этомъ случаѣ атакующимъ. Ихъ длинный и хорошо исполненный ночной маршъ вознаграждался занятіемъ самаго высокаго въ этой мѣстности пункта, который командовалъ всей позиціей японской 6-й роты и былъ отъ нея въ разстояніи прямого выстрѣла. Они превышали хребетъ „C“ на 150 футовъ и, разсуждая теоретически, японцы не могли удержать эту позицію. Русскіе также хорошо были укрыты отъ взоровъ густымъ кустарникомъ и могли совершать передвиженія къ обоимъ флангамъ, скрываясь отъ взглядовъ и выстрѣловъ противника. Наконецъ ихъ не ожидали съ этой стороны и, несмотря на то, что 6-я рота была предупреждена о нѣкоторыхъ передвиженіяхъ русскихъ, однако, на самомъ дѣлѣ,

она была поражена такой неблагопріятной обстановкой.

Русскія войска въ этомъ мѣстѣ состояли изъ 11-го, 12-го и 21-го Восточно-Сибирскихъ полковъ, какъ то было въ послѣдствіи удостовѣрено по номерамъ на фуражкахъ съ убитыхъ. Японскій штабъ арміи однако не претендуетъ на то, что ихъ 6-я рота была атакована тремя русскими батальонами полностью, несмотря на то, что офицеры 16-го полка имѣютъ эту претензію и въ подтвержденіе своего мнѣнія указываютъ на номера на фуражкахъ. Генеральный штабъ вполнѣ убѣжденъ, что тамъ было только восемь русскихъ ротъ или два батальона. 11-й, 12-й и 21-й полки участвовали въ сраженіи 1-го мая, и вполнѣ вѣроятно, что три изъ этихъ сильно пострадавшихъ батальоновъ были сведены въ два послѣ отступленія отъ Ялу.

Благодаря силѣ противника и занимаемой имъ командующей позиціи, 6-я рота должна была уступить и ея положеніе уже становилось отчаяннымъ, какъ въ 9 ч. утра прибыли къ ней на подкрѣпленіе двѣ роты, высланныя изъ Гебато полковникомъ Таніяма, и остановили дальнѣйшее наступленіе русскихъ, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда побѣда казалась имъ очень близка.

Здѣсь слѣдуетъ вкратцѣ упомянуть о 7-й японской ротѣ. Она была назначена для занятія лѣваго участка сторожеваго охраненія и заняла позицію вдоль горнаго хребта непосредственно къ сѣверу отъ дороги, черезъ горы Шокореи. Здѣсь она была атакована въ 8 ч. у. нѣсколькими русскими ротами, появившимися съ запада. Прежде чѣмъ бой вполнѣ развился, къ этому мѣсту прибыли три свѣжихъ роты 16-го полка и соединившись съ 7-й ротой, принудили русскихъ къ отступленію. Эти три роты не были посланы ввидѣ подкрѣпленія. Вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній изъ штаба дивизіи полковникъ Таніяма обязанъ былъ послать ихъ къ горѣ Шокореи съ приказаніемъ, оставивъ тамъ небольшой отрядъ, съ остальными силами быстро двинутыя къ Дайдоко (Daidoko). Только благодаря этимъ полученнымъ приказаніямъ они появились въ самую критическую минуту, чтобы оказать помощь 7-ой ротѣ и обезпе-

чивъ вполнѣ эту заставу, эти роты продолжали свое движеніе къ Дайдоко.

Теперь въ рукахъ у полковника Таніяма не оставалось больше резервовъ. Изъ числа бывшихъ прежде въ его распоряженіи восьми ротъ, одна стояла въ полной готовности къ бою по дорогѣ въ Чаотао; три отчаянно бились на дорогѣ въ Іокахоши; одна отбросила противника и дожидалась дальнѣйшихъ приказаній у „G“ на Шокорейской горной дорогѣ; между тѣмъ какъ остальныя три роты удалялись отъ мѣста боя по направленію къ Шокореи и Дайдоко.

Въ 10 ч. утра два русскихъ батальона у „D“ вновь начали доказывать свое превосходство въ силахъ и преимущество позиціи. Теперь даже самымъ пылкимъ казалось совершенно неизбѣжнымъ, что скоро правый флангъ трехъ ротъ, удерживающихъ вершину „C“, будетъ обойденъ, если только не появятся на помощь свѣжія силы. Тогда Таніяма вспомнилъ о 7-ой ротѣ у „G“. Она справилась со своимъ противниковъ и противъ нея теперь никого не было. У японскаго начальника мысль кажется рождаетъ дѣло безъ малѣйшаго промедленія, и 7-я рота вслѣдъ за этимъ была двинута ускореннымъ шагомъ на разстояніе трехъ съ половиною миль съ крайняго лѣваго фланга у „G“ къ вершинѣ „K“. Здѣсь она пристроилась по эшелонно позади праваго фланга трехъ сильно тѣснимыхъ ротъ, занимавшихъ высоту „C“. Такимъ образомъ планы русскихъ еще одинъ разъ были разрушены и успѣхъ вырванъ, такъ сказать, изъ самой ихъ пасти.

Теперь бой въ долинѣ между „D“ и „C“ становился очень уравновѣшеннымъ. Восемь русскихъ ротъ, утомленныхъ длиннымъ и утомительнымъ ночнымъ маршемъ, противъ сравнительно свѣжихъ четырехъ японскихъ ротъ, знакомыхъ къ тому же съ каждымъ вершкомъ мѣстности. Съ 11 ч. 30 м. утра и до 1 ч. пополудни русскіе постепенно отходили назадъ; но вдругъ, съ удивительнымъ упорствомъ и какъ бы очнувшись, бросились въ ожесточенную атаку и, послѣ жаркой борьбы, вновь вернули все потерянное назадъ.

Какъ бы все это кончилось, еслибы этимъ войскамъ

предоставили бы сражаться другъ съ другомъ, никто не можетъ сказать. Но дивизіонный штабъ отозвался на критическую обстановку на ихъ правомъ флангѣ и послалъ ввидѣ подкрѣпленія 2-й батальонъ 29-го полка изъ Ліеншанкуана. Въ 1 ч. 30 мин. дня 2-й батальонъ 29-го полка показался въ отдаленіи на командующемъ Гебато холмѣ „В". Это столь нежеланное явленіе уменьшило пылъ русскихъ и они постепенно стали уступать японцамъ позицію, но все еще очень медленно и неохотно. Подъ конецъ, въ 3 ч. дня они окончательно признали себя отбитыми и въ 4 ч. 30 мин. въ большомъ порядкѣ отошли къ сѣверу-западу въ направленіи къ Іокахоши. На груди у одного изъ русскихъ убитыхъ, который должно быть былъ очень храбрый человѣкъ, ибо лежалъ ближе другихъ труповъ къ японской позиціи, былъ приколотъ булавкой листъ бумаги съ надписью по англійски: „Храбрые японцы, похороните нашихъ убитыхъ". Я долженъ прибавить, что японцы не только исполнили эту трогательную просьбу, но и украсили эти русскія могилы цвѣтами.

Русскіе оставили за собой пятьдесятъ четыре убитыхъ. Плѣнныхъ они не захватили, ни раненыхъ, ни невредимыхъ. Потери японцевъ были 135 ч., изъ которыхъ сорокъ одинъ было убито. Всѣ офицеры, также и фельдфебель 6-й роты, были убиты или ранены и ротой командовалъ въ послѣднее время боя унтеръ-офицеръ.

Всѣ японцы, съ которыми я говорилъ объ этомъ сраженіи, считаютъ его самымъ лучшимъ изъ всѣхъ разыгранныхъ русскими до сего времени, какъ по отношенію къ мужеству, такъ и къ искусству.

Военная храбрость качество, которымъ каждый японецъ восхищается отъ всего сердца. Весьма любопытнымъ послѣдствіемъ такого душевнаго настроенія является то обстоятельство, что японцы, принимавшіе участіе въ этомъ небольшомъ, но трудномъ бою, отзываются о русскихъ въ гораздо болѣе дружественномъ тонѣ, чѣмъ всѣ тѣ, которыхъ я встрѣчалъ до сихъ поръ. Если только русскіе будутъ достаточно хорошо сражаться, то они этимъ завоюютъ сердца японской арміи.

Я конечно не желаю относиться болѣе критически къ русскимъ, чѣмъ къ японцамъ. Однако, если даже допустить, что пѣхота нашихъ союзниковъ первая въ мірѣ, все-таки очень трудно объяснить, какимъ образомъ восемь русскихъ ротъ въ „D“ были задержаны на цѣлый часъ одной японской ротой, въ особенности принимая во вниманіи, что эти восемь ротъ неожиданно появились на командующей позиціи и въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ отъ японской заставы. Разсматривая это какъ чисто тактическую задачу на планѣ или еще того лучше, какъ задачу на мѣстности, становится дѣйствительно непонятнымъ почему эти два батальона у „D“ быстро не справились съ небольшими силами, которыя были противъ нихъ первоначально у „C“. Кажется такъ просто отдать приказаніе двумъ ротамъ атаковать японскую позицію, между тѣмъ какъ остальныя шесть ротъ пачечнымъ огнемъ съ „D“ заставятъ защитниковъ спрятать свои головы, пока атакующія роты не подойдутъ достаточно близко чтобы броситься въ штыки.

Но разъ только въ задачу будетъ включенъ моральный элементъ, вся простота ея рѣшенія исчезаетъ. Съ одной стороны восемь русскихъ ротъ, измученныхъ ночнымъ маршемъ, не склонныхъ по природѣ къ предпріимчивости, незнакомыхъ съ мѣстностью и очень неважныхъ стрѣлковъ; съ другой стороны была 6-я рота, воодушевленная самымъ упорнымъ мужествомъ, со свѣжими силами, знакомая съ каждымъ шагомъ на мѣстности, стрѣляющая умѣренно хорошо и обладающая способностью соединять вмѣстѣ большую подвижность съ широкимъ протяженіемъ фронта. Эта послѣдняя особенность постоянно позволяла имъ подставлять русскимъ свой фронтъ и не только удерживать ихъ наступленіе, но, весьма вѣроятно, и вводить ихъ въ заблужденіе относительно численности своихъ силъ. Бой на хребтахъ „C“ и „D“ превратился для русскаго начальника въ рядъ попытокъ добраться до высоты у „H“, обойти оттуда 6-ю роту и въ тоже время пробиться внизъ по долинѣ въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ „C“ къ Гебато. Только немногимъ одиночнымъ людямъ удалось проникнуть

въ долину и еслибы это были Буры, то сильно наказали бы японцевъ, стрѣляя имъ въ тылъ. Но русскіе солдаты, какъ отдѣльныя личности, стоятъ гораздо меньше, чѣмъ соединенные въ массы. Если бы какая нибудь цѣльная тактическая единица послѣдовала бы за горстью людей, проникшихъ къ сѣверу отъ „С", то правый флангъ Второй дивизіи былъ бы непремѣнно обойденъ. Осуществленію этого несчастья японцы помѣшали только быстрыми передвиженіями 16-го японскаго полка. Въ теченіе цѣлаго дня, какъ мнѣ говорили, части этого полка устремлялись къ угрожаемымъ пунктамъ. Отбросивъ противника, онѣ вновь возвращались для занятія своей первоначальной позиціи. Тоже самое можно усмотрѣть изъ приказаній, отданныхъ полковникомъ Таніяма. Дѣйствительно, японцы такъ ловко и быстро перетасовывали свои карты, что противникъ не могъ услѣдить за ихъ передвиженіями и опредѣлить численность находившихся противъ него силъ. 16-й полкъ въ самомъ дѣлѣ на нѣкоторое время превратился въ ту театральную армію, которая обходя сцену кругомъ, удваивается при каждомъ выходѣ изъ за кулисъ. Тѣмъ больше чести для японцевъ.

Слѣдующій участокъ сраженія—центръ, гдѣ разыгралась главная атака русскихъ на самый Мотіенлингскій перевалъ, Здѣсь занималъ позицію полковникъ Баба (Baba), большой другъ британцевъ, съ 30-мъ полкомъ въ полномъ трехбатальонномъ составѣ. Начальникомъ обороны всего этого участка былъ бригадный генералъ Окасаки, который находился съ другимъ полкомъ въ резервѣ (планъ № 5). Въ 12 ч. 30 м. ночи сторожевое охраненіе 3-й бригады было атаковано по всей оборонительной линіи на горѣ Шинкваиреи. Донесеніе объ этомъ было немедленно протелефонировано съ одного фланга Второй дивизіи на другой и 30-й полкъ сталъ въ ружье и ожидалъ приказаній. Приказанія послѣдовали такія: 1-му батальону занять позицію вдоль Мотіенлингскаго хребта по южную сторону большой дороги, 2-му батальону занять правый оборонительный участокъ по сѣверную сторону той же дороги, а 3-му батальону стать въ резервѣ у дороги на восточномъ

склонѣ Мотіенлинга. Прилагаемое кроки даетъ ясное представленіе о мѣстности, а также и о расположеніи орудій.

Со времени боя 4-го іюля застава у Лишапутзу была снята и заставы сторожеваго охраненія находились у старой и новой кумирень.

Русскіе начали взбираться на Мотіенлингъ въ 3 ч. ночи. Около 4 ч. они дошли до кумирень и захватили ихъ. Сторожевому охраненію японцевъ приказано было отступать на главную позицію на Мотіенлингскомъ хребтѣ.

Въ 5 ч. утра 1-й батальонъ 30-го полка открылъ огонь изъ своихъ окоповъ вдоль вершины по русскимъ, которые продвинули впередъ свой правый флангъ, пока онъ не достигъ пункта около 300 ярдовъ отъ лѣваго японскаго фланга. Какъ будто въ ожиданіи этого сигнала весь непріятельскій правый флангъ, состоявшій въ то время изъ двухъ батальоновъ, отвѣтилъ сильнымъ огнемъ. Чтобы яснѣе понять взаимное положеніе обѣихъ сторонъ, мы можемъ его себѣ представить ввидѣ латинской буквы „V“ съ вершиной, расположенной на югъ и восточнымъ или японскимъ рукавомъ вдоль Мотіенлингскаго хребта. Западный или русскій рукавъ слѣдуетъ вообразить себѣ съ нѣкоторой оговоркой, а именно, что онъ соединялся съ восточнымъ рукавомъ на возвышенности къ югу отъ большой дороги, откуда онъ уклонялся подъ угломъ назадъ вдоль вершины „В“, слѣдуя большей частью вдоль большой дороги. Вообразивъ себѣ эту фигуру на планѣ мы увидимъ, что русскій правый флангъ былъ въ 300 ярдахъ отъ японскаго лѣваго, а русскій лѣвый флангъ, опираясь на старую кумирню, былъ въ разстояніи болѣе 1500 ярдовъ отъ японскаго центра, будучи отдѣленъ отъ него глубокой долиной. Большая дорога была испорчена движеніемъ по ней грузовъ, такъ что ея поверхность углубилась почти на шесть дюймовъ въ землю и это недостаточное укрытіе все-таки пригодилось русскимъ тамъ, гдѣ ихъ позиція совпадала съ дорогой.

Ввиду того, что крайній русскій правый флангъ серьезно угрожалъ всей японской оборонительной линіи, двѣ роты 3-го батальона 30-го полка, все еще находившагося въ ре-

зервѣ, были высланы въ 5 ч. утра съ приказаніемъ занять самый высшій пунктъ Мотіенлинга, удлинивъ такимъ образомъ лѣвый флангъ 1-го батальона влѣво, вверхъ по чрезвычайно крутой горѣ. 3-й ротѣ 3-го батальона было въ то же время приказано поддержать центръ и такимъ образомъ въ резервѣ оставалась только лишь одна рота.

Начиная съ 5 ч. 40 м. утра къ русскимъ постепенно подходили подкрѣпленія. Въ 6 ч. утра огонь сдѣлался чрезвычайно сильнымъ на высотахъ лѣваго японскаго фланга, куда были посланы двѣ роты изъ резерва. Въ это время выяснилось, что пока участвовалъ въ сраженіи только русскій правый флангъ, ибо въ 6 ч. 5 м. утра ихъ настоящій лѣвый флангъ, силой въ 2 роты, показался на высотахъ къ сѣверу отъ Шокореи (обозначено на планѣ „С"). Въ 6 ч. 30 м. утра японская батарея, окопавшаяся къ сѣверу отъ перевала, открыла огонь по непріятелю у хребта Шокореи. Въ 8 ч. утра были обнаружены большія массы русскихъ, часть которыхъ двигалась на подкрѣпленіе правому флангу, а часть шла для удлиненія позиціи влѣво. Эта послѣдняя, двигаясь вверхъ по долинѣ, что къ сѣверу отъ Скалистаго Холма, представила для японской батареи на высотахъ превосходную цѣль ввидѣ полковой походной колонны. Со времени сраженія при Омдурманѣ, врядъ ли когда либо выпадалъ для артиллеріи такой удобный случай. Шесть японскихъ орудій вполнѣ воспользовались имъ, открывъ огонь съ 3000 ярдовъ и убивъ въ нѣсколько минутъ 300 русскихъ. Эта батарея окончательно сломила стремительность русскаго наступленія вверхъ по долинѣ къ сѣверу отъ Скалистаго Холма и превратила ее въ полную, кровопролитную остановку, прежде чѣмъ хотя бы одинъ русскій на этомъ участкѣ успѣлъ произвести выстрѣлъ или услышалъ свистъ непріятельской пули. Врядъ ли стоитъ доказывать, что русскимъ начальникомъ здѣсь была совершена трагическая по послѣдствіямъ ошибка, заключавшаяся въ томъ, что онъ шелъ въ атаку въ подобномъ несоотвѣтствующемъ строю, даже при условіи малой вѣроятности попасть подъ артиллерійскій огонь. Это вѣрно, что его движеніе было до 8 ч. утра скрыто туманомъ, но

разсудительный военный долженъ былъ сообразить, слыша орудійный и ружейный огонь, что туманъ не заволакиваетъ собою всего поля сраженія и что въ любую минуту онъ можетъ разсѣяться. Въ 8 ч. 30 м. утра роты 16-го полка, какъ было уже упомянуто, получили приказаніе двинуться отъ Гебато по дорогѣ черезъ гору Шокореи къ Дайдоко и приблизились достаточно къ полю сраженія, чтобы открыть огонь залпами съ большой дистанціи по русскимъ, находившимся въ долинѣ къ сѣверу отъ Скалистаго Холма. Онѣ могли начать дѣйствія противъ русскаго лѣваго фланга, занимавшаго позицію на хребтѣ, обозначенномъ „C“ или горѣ Шокореи.

Въ 9 ч. утра японская батарея повернула орудія къ старой кумирнѣ и выбила оттуда своимъ огнемъ русскихъ. Несмотря на то, что стѣны кумирни были въ девять дюймовъ толщиною, попавшія въ нихъ шрапнели легко пробили ихъ и разорвались внутри съ такими послѣдствіями, что русскіе убѣдились, что кумирню болѣе нельзя удерживать и отошли назадъ за вершину. Въ 9 ч. 10 м. утра русскіе начали общее отступленіе, начавъ его съ лѣваго фланга, въ то время какъ ихъ правый флангъ упорно держался на мѣстѣ съ цѣлью обезпечить путь отступленія. Какъ только японцы замѣтили, что русскіе начали отходить назадъ, ими былъ немедленно открытъ бѣглый огонь изъ орудій и пачечный изъ ружей. Въ 9 ч. 45 м. утра они овладѣли старой кумирней и частью хребта, отдѣляющагося отъ нея къ югу. Въ 10 ч. утра непріятель по всей линіи остановилъ атаку японской позиціи, за исключеніемъ только двухъ ротъ на крайнемъ русскомъ правомъ флангѣ, которыя отступивъ только къ лѣсу, окружавшему новую кумирню, держались здѣсь нѣкоторое время самымъ упорнымъ образомъ. Въ 10 ч. 30 м. утра эти двѣ роты были принуждены отступить къ хребту „E“, будучи атакованы значительно превосходными силами съ обходомъ фланговъ. Здѣсь онѣ встрѣтили нѣкоторую поддержку и японцы, преслѣдуя ихъ не достаточно энергично, открыли по нимъ огонь съ пункта „D“ и съ дороги, спускающейся внизъ отъ перевала, тамъ гдѣ эта дорога представляла

достаточное закрытіе. Я прибылъ на мѣсто, какъ разъ въ это время. Сильный огонь поддерживался только между пунктами „D“ и „E“ и я, какъ старый стрѣлокъ, не могъ желать лучшаго нагляднаго урока. Преимущество русской позиціи заключалось въ ея командованіи, сохранившемся даже тогда, когда русскими была занята другая позиція внизу, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣсистой вершины „E“. Однако это преимущество было болѣе чѣмъ уравновѣшено:

1) Неумѣстной, дурно понятой храбростью русскихъ офицеровъ, которая заставляла ихъ оставаться все время стоя, не только безцѣльно обнаруживая самихъ себя, но и выдавая этимъ точное положеніе ихъ взводовъ и этимъ вызывая на своихъ людей огонь.

2) Удивительнымъ фактомъ, что русскій огонь состоялъ исключительно изъ залповъ взводами изъ шестидесяти или семидесяти ружей; способъ, напоминающій британскій (весьма скоро оставленный) вначалѣ афганской войны въ 1879 г.

3) Точностью построеній русскихъ, какъ на парадѣ, благодаря которымъ люди, почти примыкая плечами другъ къ другу, равномѣрно располагались вдоль хребта независимо отъ того, было ли закрытіе въ данномъ пунктѣ или нѣтъ.

Съ другой же стороны, японцы были болѣе гибки и современны въ своихъ построеніяхъ, хотя принятое ими разстояніе между стрѣлками, около двухъ шаговъ въ среднемъ, значительно меньше, чѣмъ мы бы признали соотвѣтственнымъ при этихъ условіяхъ. Я говорю среднее разстояніе потому, что въ дѣйствительности японцы у „D“ были собраны въ маленькія кучки въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ было подходящее закрытіе, оставляя промежутки въ двадцать ярдовъ или болѣе тамъ, гдѣ такихъ закрытій не было. Въ сраженіи между „D“ и „E“ японцы стрѣляли только одиночнымъ огнемъ, хотя въ отдѣльныхъ случаяхъ и они открывали огонь залпами съ большихъ дистанцій по сомкнутымъ русскимъ строямъ, медленно отступавшимъ внизъ по большой долинѣ, по направленію къ Товану. Мнѣ не случалось

видѣть ничего подобнаго тому презрительному равнодушію, съ которымъ русскіе отходили назадъ, не смотря на то, что въ это время пули подымали пыль кругомъ нихъ, летая повсюду. Мнѣ случалось видѣть моихъ собственныхъ людей, идущихъ съ такимъ же равнодушіемъ въ атаку подъ болѣе жестокимъ огнемъ, но при отступленіи каждый, въ видѣ общаго правила, старается не продолжать эту процедуру долѣе, чѣмъ безусловно необходимо. Въ мой бинокль я ясно замѣтилъ, какъ одинъ изъ солдатъ повернулся и остановился для отправленія естественныхъ потребностей, ставъ лицомъ къ стрѣлявшимъ японцамъ. Другой солдатъ что то уронилъ и провелъ двѣ или три минуты, тщательно отыскивая потерянный предметъ и находясь при этомъ подъ настоящимъ градомъ пуль. Я, наконецъ, даже обрадовался, когда онъ, повидимому, нашелъ то, что потерялъ, и не спѣша побрелъ присоединиться къ своимъ товарищамъ. Какъ бы ни велико было русское „sang-froid", я держу пари, что оно не устояло бы много минутъ подъ дѣйствіемъ помъ-пома (pom-pom); но у японцевъ нѣтъ ни одного такого, несравненнаго по моральному дѣйствію, прибора.

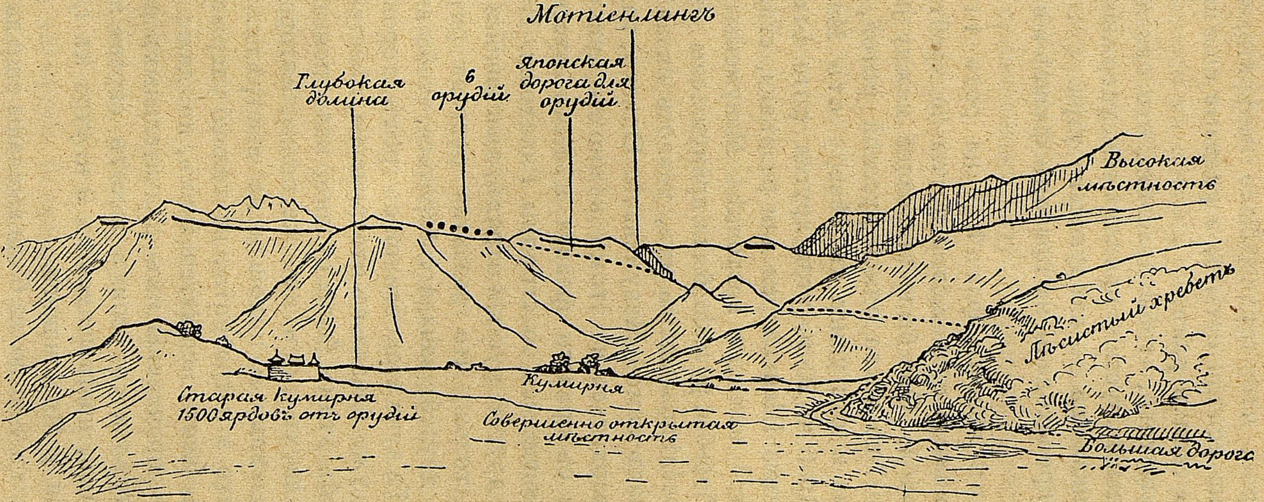
1-й и 2-й батальоны 30-го полка развернулись для преслѣдованія, занявъ участокъ мѣстности отъ горы Шокореи („C") до большой Мотіенлингской дороги; въ это же время 3-й батальонъ занялъ позицію на японскомъ лѣвомъ флангѣ и началъ тѣснить правый флангъ противника, отступавшій, какъ это было уже описано, къ Товану.

Въ 11 ч. утра подошли къ новой кумирнѣ 3-й батальонъ 29-го полка и дивизіонная кавалерія (прибывшая къ полю сраженія въ 9 ч. 30 м. утра и находившаяся въ резервѣ). Несмотря на то, что русская пѣхота несомнѣнно была разбита, всетаки въ конномъ строю противъ нея, очевидно, нельзя было ничего предпринять. Поэтому кавалерія спѣшилась и, оставивъ своихъ лошадей у новой кумирни, въ полномъ порядкѣ бѣгомъ спустилась внизъ съ крутой вершины и повела атаку на нѣсколько русскихъ ротъ, укрывшихся у „M", которыя тревожили правый флангъ преслѣдовавшихъ японцевъ. Я наблюдалъ этотъ маленькій „entr' acte" съ особеннымъ интересомъ и былъ радъ видѣть, что

японская кавалерія такъ же готова и такъ же умѣетъ дѣйствовать своимъ ружьемъ, какъ и саблей.

Все это время восемь русскихъ полевыхъ орудій, снявшись съ передковъ, стояли на равнинѣ какъ разъ позади Кинкахоши (Kinkahoshi). Отряды оставили свои орудія, какъ будто они воображали, что японцы были невидимы, тогда какъ, совсѣмъ наоборотъ, по моему мнѣнію, они очень часто представляли наилучшую цѣль для артиллеріи. Однако въ 2 ч. 10 м. дня эта батарея внезапно открыла огонь по „С“ или горѣ Шакореи. Командиръ вѣроятно точно зналъ разстояніе, ибо онъ взялъ вѣрный прицѣлъ и разрывъ трубки въ три или четыре выстрѣла и затѣмъ послалъ „rafale“ *), очищая какъ бы по волшебству весь холмъ отъ нашихъ старыхъ друзей, трехъ ротъ 16-го полка, которыя были высланы сюда изъ Гебато. У Гебато 16-й полкъ показалъ себя вдохновенными героями. Здѣсь же они оказались простыми смертными, даже въ самомъ дѣлѣ простыми смертными, ибо никогда въ моей жизни, исключая, пожалуй, Маджубы, мнѣ не приходилось видѣть людей, такъ стремительно сбѣгавшихъ внизъ по крутому скату горы. Въ то время я находился у старой кумирни, гдѣ было въ резервѣ около двухъ японскихъ ротъ и стояло нѣсколько генераловъ и штабныхъ офицеровъ. Рѣшивъ позаботиться также и о своей безопасности, я сталъ такъ, чтобы между мной и этой батареей оказалась самая толстая часть вала кумирни. Хотя артиллеристы и не могли насъ видѣть по условіямъ мѣстности, но мы находились отъ нихъ въ разстояніи хорошаго выстрѣла, и русскій наблюдательный пунктъ у „G“ могъ и долженъ былъ безъ затрудненія и промедленія перенести шрапнельный огонь на такую хорошую цѣль. Однако эта батарея, показавъ намъ примѣръ того, что она можетъ сдѣлать, если захочетъ, послала одинъ или два снаряда къ „М“, откуда спѣшенная кавалерія и часть пѣхоты отъ Скалистаго Холма тѣснили русскихъ... и прекратила огонь на цѣлый день. Къ 4 ч. дня ружейная перестрѣлка значительно стихла, а къ 5 ч. дня все кругомъ было такъ

*) Ураганъ. Одна или нѣсколько очередей бѣглаго огня. Прим. пер.

Фиг. 5. Видъ Мотіенлинга со „Старой Кумирни" въ связи со второй русской атакой 17-го Іюля (н. ст.) 1904.

спокойно и мирно, что трудно было повѣрить, что тѣла убитыхъ еще не успѣли остыть, а раненые еще не остановили кровь изъ своихъ ранъ.

Будто бы для того, чтобы доказать, что они нисколько не деморализованы, русскіе продолжали удерживаться на „E“, „G“ и Кинкахоши до слѣдующаго утра.

Такъ дѣло происходило на правомъ флангѣ и въ центрѣ японцевъ.

На японскомъ лѣвомъ флангѣ одна рота 4-го полка 3-й бригады занимала сторожевые посты по хребту Шинкваиреи (Shinkwairei). Она была атакована между полночью и часомъ ночи 17-го числа одной русской ротой, которая была отброшена и отступила къ сѣверу отъ Макумензы (Makumenza). Въ 6 ч. 20 м. утра другая рота 4-го полка, высланная съ горы Шинкваиреи для развѣдки, столкнулась съ русской ротой немного восточнѣе Макумензы. Послѣ ожесточенной борьбы, русскіе были принуждены отступить и японцамъ, преслѣдовавщимъ ихъ, удалось овладѣть возвышенностью надъ самой Макумензой. Однако, только что они успѣли утвердиться на этомъ важномъ пунктѣ, какъ были атакованы съ праваго фланга цѣлымъ русскимъ батальономъ, появившемся со стороны Рикахоши. Въ это же время появился другой русскій отрядъ, двигавшійся на нихъ отъ Тована, а только что разбитая русская рота, видя столько своихъ друзей, начала собираться, чтобы вновь повторить атаку. Будучи атакованной съ трехъ сторонъ, японская рота была уже близка къ отступленію, дѣйствительно, даже приказъ объ этомъ былъ отданъ, какъ появилась помощь въ видѣ двухъ ротъ ихъ же полка, которыя были высланы на развѣдку и подошли на выстрѣлы. Японцы утверждаютъ, что эти три роты, не только удержали свою позицію противъ шести непріятельскихъ, но даже сумѣли найти время для причиненія имъ значительныхъ потерь и безпокойства, стрѣляя со своихъ высотъ справа въ тылъ русскимъ войскамъ, двигавшимся въ 9 ч. утра къ главному участку сраженія у Мотіенлинга.

Къ полудню отъ 4-го полка были высланы еще двѣ роты, русскіе же въ это время усилились до трехъ батальоновъ.

Вскорѣ послѣ этого эти три русскихъ батальона окончательно начали отступать къ Яморинзѣ (Jamorinza), оставивъ поле сраженія въ рукахъ пяти японскихъ ротъ, прочно утвердившихся на высотѣ къ востоку отъ Макумензы. Съ этого выгоднаго положенія они командовали большой дорогой и массы отступающаго послѣ полудня отъ Мотіенлинга противника должны были идти подъ ихъ сильнымъ огнемъ. Японцы предполагаютъ, что противникъ понесъ сильныя потери.

Здѣсь исчерпываются полученныя мною свѣдѣнія о сраженіи 17-го іюля. Японцы опредѣляютъ общее число потерь русскихъ болѣе, чѣмъ въ 2.000, свои же потери исчисляютъ болѣе 500 чел. Непропорціональныя потери русскихъ приписываются штабомъ арміи главнымъ образомъ огню шести японскихъ орудій по крупнымъ построеніямъ русскихъ, такъ неумѣло подставленныхъ подъ ихъ огонь въ долинѣ къ сѣверу отъ Скалистаго Холма въ 8 час. утра, а также и безнаказанности, съ которой пять ротъ 4-го полка могли обстрѣливать съ высоты къ востоку отъ Макумензы русскихъ, отступавшихъ внизъ по большой долинѣ.

Принимавшіе участіе въ бою русскія войска состояли изъ 34-го и 35-го полковъ 9-й дивизіи X-го армейскаго корпуса и изъ частей 3-й и 6-й сибирскихъ дивизій. Въ главной атакѣ принимали участіе приблизительно около трехъ полковъ съ полевой батареей, и, прибавивъ къ нимъ войска, дѣйствовавшія у Гебато на русскомъ лѣвомъ флангѣ и у Шинкваиреи на лѣвомъ, можно думать, что общее число русскихъ войскъ въ этомъ сраженіи было около полной дивизіи. На сторонѣ японцевъ, три батальона съ полевой батареей, первоначально оборонявшіе Мотіенлингъ, были доведены къ 9 ч. утра до трехъ полковъ, а еще одинъ батальонъ прибылъ изъ Ліеншанкуана около 11 ч. утра. Въ общемъ можно сказать, что въ позднемъ періодѣ сраженія участвовало съ обѣихъ сторонъ по дивизіи, имѣя, каждая, по одной полевой батареѣ. Конечно, не слѣдуетъ забывать, что русскій полкъ состоитъ изъ четырехъ батальоновъ, а японскій изъ трехъ.

Критика этого сраженія въ настоящее время затруднительна, ибо я не знакомъ съ распоряженіями и планами

русскаго начальника. Возможно, что его цѣлью была только усиленная развѣдка. Японскій штабъ арміи однако полагаетъ, что генералъ графъ Келлеръ намѣревался взять обратно Мотіенлингъ. Поэтому я остановлюсь на этомъ толкованіи, тѣмъ болѣе, что это предположеніе подтверждается продолжительнымъ и отчаяннымъ боемъ у Гебато. Слѣдуетъ вспомнить, что бой у Гебато продолжался долго послѣ полудня и если русскіе дѣйствовали бы тамъ успѣшно, они могли бы надѣяться на удержаніе за собой позиціи только при условіи, что главная атака на Мотіенлингъ окончилась удачно. Въ противномъ случаѣ высланный съ этой позиціи японскій отрядъ, легко могъ бы отрѣзать путь отступленія русскихъ у Гебато.

По отношенію къ критикѣ главнаго боя у Мотіенлинга я встрѣчаю тѣ же затрудненія, какъ и при разборѣ отдѣльнаго эпизода у Гебато. То есть, я не могу понять, почему русскіе не нанесли болѣе рѣшительнаго удара въ первые часы сраженія, когда имъ помогалъ туманъ, а японцы удерживали перевалъ и его подступы только тремя батальонами. Единственнымъ русскимъ отрядомъ, предпринявшимъ то, что мы называемъ атакой, былъ отрядъ на крайнемъ правомъ флангѣ. Центръ, находившійся у кумирни и поблизости отъ нея, былъ въ разстояніи 1500 ярдовъ отъ японцевъ, раздѣленныхъ отъ нихъ очень глубокой долиной. Русскій лѣвый флангъ очутился на разстояніи ружейнаго выстрѣла только нѣкоторое время послѣ начала отступленія, хотя они все время несли значительныя потери отъ артиллерійскаго огня. Я очень желаю оградить себя отъ черезчуръ критическаго отношенія къ всемірно знаменитой арміи, въ особенности потому, что я былъ скорѣе простымъ зрителемъ, не подвергая себя никакой личной опасности. Но всетаки я долженъ высказать мое очень твердое убѣжденіе, что если бы русскія войска были смѣло управляемы и если бы каждый командиръ батальона рѣшился бы сблизиться съ противникомъ и поступалъ бы соотвѣтственно этому, то въ любой моментъ до 7 ч. утра и несмотря на ихъ плотные и неподходящіе къ случаю строи, русскіе должны бы были прорвать японскую

позицію въ томъ или другомъ пунктѣ. Могли бы они удержаться на занятыхъ частяхъ позиціи—это совершенно другой вопросъ. Какъ разъ въ ту минуту, когда надлежало броситься въ отчаянную, рѣшительную атаку, русскими казалось овладѣвала какая то странная летаргія, какъ бы параличъ воли. Тоже самое случилось и у Гебато. Становится страннымъ, какъ могутъ, такіе упорные и грозные во время своего отступленія солдаты быть такими медлительными и колеблющимися во время атаки.

Плотность русскихъ построеній не оставляла желать ничего лучшаго съ точки зрѣнія японцевъ. Русскіе понесли за нихъ тяжелое наказаніе въ долинѣ къ сѣверу отъ Скалистаго холма. Вообще было большой ошибкой двигаться вверхъ по долинѣ; лучше было бы заставить этихъ людей подняться на Скалистый холмъ, откуда, пользуясь мертвымъ пространствомъ удлинить фронтъ къ сѣверу отъ старой кумирни. Съ увеличеніемъ дальнобойности современнаго оружія, развертываніе въ долинахъ можетъ повести только къ напраснымъ потерямъ. Въ самомъ дѣлѣ, со времени Тираской (Tirah) кампаніи, я думаю, мы научились тому, что владѣя вершинами и хребтами, о долинахъ заботиться нечего. Мѣткость русской стрѣльбы была слаба и, стрѣляя залпами, они, если даже ихъ собственные офицеры этому не помогали, постоянно обнаруживали свои позиціи небольшимъ дымомъ бездымнаго пороха, появляющемся при одновременномъ залпѣ столькихъ ружей. Русскій и японскій порохъ въ этомъ отношеніи одинаковы.

Дѣйствіе японской шрапнели, а также и нѣсколькихъ снарядовъ, выпущенныхъ русскими показываетъ, что могла бы сдѣлать могущественная артиллерія, если бы она дѣйствовала съ той или другой стороны. Британскому офицеру, привыкшему къ боевымъ условіямъ сѣверо-западной границы Индіи, покажется вѣроятно особенно страннымъ обстоятельствомъ отсутствіе съ обѣихъ сторонъ горной артиллеріи. Бригада горной артиллеріи, дѣйствуя съ русскими, должна бы была оказать не поддающееся опредѣленію, но несомнѣнно очень большое содѣйствіе. Особенно большую помощь принесла бы она при ихъ отступленіи. Одна един-

ственная горная батарея у японцевъ, позволила бы имъ превратить русское отступленіе въ полное бѣгство. Японская полевая батарея на вершинѣ оставалось въ своихъ окопахъ, не принимая участія въ преслѣдованіи, хотя тамъ и имѣлась хорошая позиція на хребтѣ къ сѣверу отъ Скалистаго холма, командовавшая всей большой долиной.

Вялое японское преслѣдованіе можетъ быть объяснено излишней осторожностью, но мѣстность по пути русскаго отступленія допускала возможность засады цѣлыхъ бригадъ, а главный бивакъ русскихъ войскъ находился только въ разстояніи немногихъ миль. Очевидно, что здѣсь была неподходящая обстановка для какихъ либо рискованныхъ предпріятій.

Наконецъ, я повторяю, что слѣдуетъ припомнить то обстоятельство, что въ этомъ удивительномъ сраженіи девять десятыхъ всѣхъ русскихъ силъ ни разу не ходили въ атаку. Нѣкоторыя изъ нихъ приближались на разстояніе прямого выстрѣла, но многія изъ нихъ не подходили такъ близко. Они обнаруживали себя нѣкоторое время съ удивительнымъ хладнокровіемъ на неудобныхъ позиціяхъ, затѣмъ, съ одинаковымъ безразличнымъ отношеніемъ къ опасности, начинали отступать къ своему биваку. Все это, конечно, совершенно похоже на Колензо. Но какъ бы мы ни восхищались храбростью въ томъ или другомъ ея проявленіи, одинъ выводъ вполнѣ ясенъ, что со временъ Іерихонскаго сраженія никакая сильная позиція, обороняемая хорошими войсками, не могла быть взята однѣми демонстраціями, какъ бы грозны онѣ ни казались.

ГЛАВА XV.

Чаотао.

Іюля 21-го (н. с.) 1904 г.—Винцентъ пріѣхалъ навѣстить меня и только что опять уѣхалъ. Онъ разсказалъ мнѣ, что одинъ японскій солдатъ, стоявшій недалеко сзади отъ него, былъ раненъ пулей, пробившей его знакъ за отличную стрѣльбу и прошедшей немного выше сердца. Сначала онъ упалъ, но скоро опять сѣлъ, крикнулъ „Банзай" и пошелъ къ Ліеншанкуану, показывая по дорогѣ свою рану друзьямъ. Это безъ сомнѣнія крѣпкій, маленькій народъ. Винцентъ также сообщилъ мнѣ, что нѣкоторые изъ военныхъ агентовъ и кореспондентовъ въ разговорѣ съ нимъ высказали свое мнѣніе, что мнѣ слѣдовало бы заявить протестъ штабу арміи, потому что по ихъ убѣжденію, со мной обращаются не съ такимъ изысканнымъ почетомъ, котораго заслуживаетъ мой чинъ генералъ-лейтенанта. Съ какой стати? Лошадь моя не хуже, чѣмъ у Куроки; ѣмъ совершенно столько же, сколько и онъ; и вижу столько, сколько признается для меня достаточнымъ. Кромѣ того, эти сраженія даются совсѣмъ не для того, чтобы я могъ пить шампанское или писать свои донесенія.

Сержантъ Ватанобэ, начальникъ обозной команды, очень строго слѣдитъ за поддержаніемъ дисциплины. Въ самомъ дѣлѣ, только благодаря ему наше маленькое хозяйство находится въ порядкѣ. Всетаки люди не любятъ его и такъ какъ имъ сильно теперь досаждаютъ клопы, то они и дали ему прозвище этого несимпатичнаго имъ насѣкомаго. Я слышалъ, какъ одинъ изъ нихъ говорилъ: „Убѣжимъ отсюда; сюда идетъ Нанкинъ Муши" (т. е. „Китайскій клопъ").

Нѣсколько военныхъ кули вернулись съ рѣки, гдѣ они отводили воду въ сторону, чтобы такимъ образомъ поймать оставшуюся въ лужахъ рыбу. Они ѣхали въ повозкѣ, полной корзинами съ рыбой. Въѣхавъ въ ворота, одинъ изъ нихъ важнымъ голосомъ закричалъ своимъ товарищамъ: „Эй вы тамъ, сейчасъ же освободить дорогу для начальника генеральнаго штаба"!

Въ это утро здѣсь подъ деревьями лежало много раненыхъ, отдыхая по дорогѣ къ тыловому госпиталю въ Фенгхуангченгѣ. Одинъ изъ нихъ имѣлъ входную и выходную рану на обѣихъ рукахъ, составлявшихъ въ общемъ четыре раны; контузію на лбу, которая была перевязана; тяжелую контузію отъ рикошета на груди; кромѣ того ему пришлось пережить непріятное для нервовъ ощущеніе, когда ремень у его праваго плеча былъ перебитъ пулей. Онъ былъ въ очень угнетенномъ настроеніи, но не изъ за ранъ или контузій, а только потому, что онъ чувствовалъ себя способнымъ опять идти въ бой, а жестокіе доктора держались другого мнѣнія относительно его положенія и настояли на эвакуаціи.

Я далъ немного чаю этимъ бѣднымъ, угнетеннымъ, маленькимъ, раненымъ солдатамъ и было настоящимъ удовольствіемъ видѣть, съ какимъ наслажденіемъ они его пили. За послѣднее время у меня у самого вышелъ весь чай, но по счастью щедрый, какъ всегда, генералъ Окасаки прислалъ мнѣ на дняхъ въ подарокъ большой ящикъ. Да будетъ онъ благополученъ во вѣки!

Позднѣе.—Донесеніе Жардайна о сраженіи 19-го числа между Двѣнадцатой дивизіей и русскими у Чаотао только что доставлено мнѣ съ особымъ посланнымъ—кавалеристомъ. Онъ побывалъ сначала въ штабѣ и доложилъ мнѣ, что генеральный штабъ желалъ бы увидѣть это донесеніе, какъ только я его прочту. Я знаю, что они хорошаго мнѣнія о здравомъ смыслѣ Жардайна и такъ какъ онъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ—иностранцемъ этого сраженія, то я не удивляюсь ихъ любопытству узнать, что онъ думаетъ о немъ. Поэтому, пробѣжавъ только донесеніе, чтобы имѣть достаточно матеріала для телеграммы Кичи-

неру, я отослалъ его цензору въ штабъ. Я всетаки задержалъ кавалериста; и смягчивъ предварительно его сердце чаемъ и засахаренными сливами, спросилъ его просвѣщенное мнѣніе о бывшемъ сраженіи. Я долженъ упомянуть въ своей телеграммѣ, что Жардайнъ былъ единственнымъ свидѣтелемъ—иностранцемъ этой битвы, ибо это большая честь для британскаго оружія. Я долженъ буду еще добавить, что хотя русскіе и хорошо оборонялись, однако всетаки, какъ бы прилипли къ своимъ окопамъ и не сдѣлали попытки предпринять или контръ-атаку или большое обходное движеніе; что русскіе солдаты изъ Европы храбрѣе, лучше дисциплинированы и имѣютъ лучшихъ офицеровъ, чѣмъ сибирскіе; что японцы атаковали въ гораздо болѣе широкихъ, растянутыхъ строяхъ, чѣмъ подъ Ялу, и что ихъ обходное движеніе безъ дорогъ черезъ отвѣсныя скалы, даже безъ китайскаго проводника, вполнѣ заслуживаетъ достигнутаго имъ успѣха.

Іюля 22-го (н. с.) 1904 г.—Въ 10 ч. утра я услышалъ орудійный огонь со стороны Мотіенлинга или можетъ быть съ пункта немного сѣвернѣе его. Въ 10 ч. 15 м. утра ко мнѣ явился Фуджіи и сказалъ, что онъ пріѣхалъ верхомъ, чтобы поговорить со мной. Онъ сообщилъ мнѣ, что объ орудійномъ огнѣ безпокоиться нечего. Этотъ огонь не означаетъ ничего серьезнаго, а если что нибудь значительное разыграется, то мнѣ будетъ позволено поѣхать туда немедленно-же. Тѣмъ временемъ онъ усѣлся и сообщилъ мнѣ массу крайне интересныхъ новостей, не только ввидѣ дополненія къ донесенію Жардайна, которое онъ мнѣ тутъ же возвратилъ, но также касательно общей обстановки.

По словамъ Фуджіи, общая обстановка теперь становится полной глубокаго интереса. Вторая армія начала вчера утромъ свое движеніе вдоль большой дороги къ Ташичао. Четвертая армія у Сіуена должна наступать сегодня къ Такутокуйо (Takutokuyo). Русскіе занимаютъ сильно укрѣпленную позицію у Хайченга. Ими занята такъ же укрѣпленная позиція впереди Хайченга и близъ Ташичао, гдѣ Вторая армія можетъ завтра войти съ ними въ сопри-

косновеніе. Онъ сказалъ мнѣ, что вопросъ, занимающій въ настоящее время весь штабъ нашей первой арміи, состоитъ въ томъ, будетъ ли Куропаткинъ атаковать, или ожидать атаки? Это никому не извѣстно и исходъ кампаніи теперь зависитъ отъ способности японскаго главнокомандующаго разгадать намѣренія своего соперника. Я замѣтилъ, что не могу себѣ вообразить, чтобы Куропаткинъ перешелъ въ наступленіе въ этотъ періодъ компаніи. Теперь было уже слишкомъ поздно для нанесенія удара войскамъ у Кайпинга или Сіуена и Первая армія теперь уже находилась въ такомъ положеніи, что могла дать себя почувствовать русскимъ сообщеніямъ. Фуджіи возразилъ: „Да, мы несомнѣнно выполнили свое назначеніе, отвлекая на себя большія силы отъ Хайченга. Силы противника, стоящаго теперь передъ нами, доходятъ не меньше, чѣмъ до 48-ми батальоновъ и 50-ти орудій. Теперь въ Ляоянѣ нѣтъ больше русскихъ войскъ. Сраженія при Ляоянѣ не будетъ. Полный успѣхъ Двѣнадцатой дивизіи подъ Чаотао угрожаетъ лѣвому флангу противника у Юшулинга (Yushuling).

Вмѣсто великой битвы подъ Ляояномъ, о которой мы такъ много говорили, думали и которую мы даже видѣли во снѣ, теперь будетъ два сраженія; одно подъ Хайченгомъ и другое по линіи Токайенъ-Ампингъ (Tokayen-Amping).

Вполнѣ вѣроятно, что Куропаткинъ, имѣя въ своемъ распоряженіи четыре дивизіи, намѣревается удерживать насъ здѣсь, пока онъ разыграетъ сраженіе подъ Хайченгомъ. Но если подобный планъ дѣйствительно существуетъ, то нашей обязанностью становится его нарушить, и поэтому мы должны во что бы то ни стало атаковать и отбросить противника отъ Токайена и Ампинга. Чрезвычайно трудно однако выбрать для этого подходящій моментъ. Около 12.000 русскихъ въ настоящее время подвигаются постепенно изъ Іоширеи къ Ампингу. Можетъ быть они собираются атаковать Двѣнадцатую дивизію или намѣреваются проникнуть въ горы между Второй и Двѣнадцатой дивизіями. Первое предположеніе считается нами за самое тревожное; второе было бы намъ какъ нельзя больше кстати. Если это послѣднее движеніе будетъ предпринято, то у насъ достаточно войска въ

Фенгхуанченгѣ и на нашихъ сообщеніяхъ, чтобы задержать противника, въ то время какъ мы на фронтѣ отрѣжемъ ему путь отступленія. Если же, съ другой стороны, генералъ графъ Келлеръ предприметъ третью атаку на фронтъ Мотіенлинга, мы на этотъ разъ отразимъ ее, повернувъ Гвардію съ цѣлью атаки его праваго фланга“. Затѣмъ онъ добавилъ: „Теперь скажите ваше мнѣніе въ такомъ трудномъ вопросѣ; когда намъ слѣдуетъ отдать приказъ о движеніи впередъ?“.

На это я отвѣтилъ: „Главная операція заключается несомнѣнно въ атакѣ Куропаткина Второю и Четвертою арміями, двигающимися для сего вдоль линіи желѣзной дороги. Наше движеніе, хотя и очень важное, имѣетъ второстепенный характеръ. Поэтому я думалъ бы, что намъ слѣдуетъ держать себя совершенно спокойно, пока мы не услышимъ, что Вторая и Четвертая арміи атакуютъ Куропаткина у Хайченга. Это самое подходящее для насъ время и стараться предугадать его, хотя бы только на одинъ день, будетъ напраснымъ искушеніемъ Провидѣнія, ибо, даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, движеніе трехъ дивизій противъ почти четырехъ, было бы нелегкимъ предпріятіемъ.

Высказавъ это мое несовершенное мнѣніе, я ожидалъ вознагражденія по крайней мѣрѣ выраженіемъ согласія или разногласія во взглядахъ, даже со стороны непроницаемаго Фуджіи, но японцы не имѣютъ ни малѣйшаго представленія о взаимномъ довѣріи. Вмѣсто того, чтобы изложить мнѣ взгляды генеральнаго штаба, онъ показался мнѣ смущеннымъ и только возразилъ, что отнынѣ мы будемъ имѣть больше трехъ дивизій, потому что прекрасная бригада изъ Коби вскорѣ подойдетъ для дѣйствія на правомъ флангѣ Двѣнадцатой дивизіи. Затѣмъ онъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ, а я по обыкновенію проводилъ его до воротъ наружнаго двора, чтобы церемонно раскланяться съ нимъ согласно правиламъ японскаго военнаго этикета.

Теперь только 10 час. утра, и передо мною цѣлый день для приведенія въ порядокъ исторіи сраженія при Чаотао. Для этого мнѣ нужно свести въ одно цѣлое донесеніе Жардайна, свѣдѣнія, полученныя мною отъ кавалериста, и весьма

цѣнныя данныя, сообщенныя мнѣ только что Фуджіи. Такимъ способомъ я получу общее представленіе объ этомъ дѣлѣ и мнѣ будетъ легче приготовить оффиціальный отчетъ, который проскользнетъ черезъ цензуру прессы, не подвергаясь слишкомъ большому искаженію.

Сраженіе при Чаотао.

Планъ № 6.

Какъ только центральная дивизія нанесла кровавый ударъ русскимъ подъ Мотіенлингомъ 17-го іюля, Куроки и его генеральный штабъ начали соображать, какъ бы имъ получше воспользоваться этимъ успѣхомъ, чтобы продвинуть первую армію еще впередъ къ Ляояну. Было ясно, что вторая дивизія (центральная колонна) и императорская Гвардія (лѣвая колонна) до тѣхъ поръ не могли безопасно пересѣчь долину Тіенсуитіенъ-Тованъ (Tiensuitien-Towan), пока противникъ, находившійся противъ Двѣнадцатой дивизіи (правой колонны) будетъ отброшенъ отъ Чаотао (Кіото), откуда онъ могъ угрожать правому флангу и сообщеніямъ каждой преждевременно наступающей колонны по ту сторону Мотіенлингскаго хребта. Кромѣ того, Чаотао самъ по себѣ былъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, прикрывая собою Ампингъ-Токайенъ (мѣсто, гдѣ, по предсказанію Фуджіи, должно было разыграться Ляоянское сраженіе) и командуя кумирней Хоміу (Homiou Temple), откуда отдѣляется отъ большой дороги Саймачи-Ляоянъ превосходная дорога въ сѣверномъ направленіи черезъ значительный городъ Пенчихо (Хонкеико) (Penchiho, Honkeiko) къ Мукдену.

Позиція, занятая русскими, находилась около 1.000 ярдовъ къ сѣверо-западу отъ деревни Чаотао. Здѣсь долина Айянменъ-Саймачи-Чаотао, по которой наступала Двѣнадцатая дивизія, суживается въ дефиле, длиною около мили и шириною въ полмили. Долина эта, говоря военнымъ языкомъ, совершенно преграждается длинной, отчетливо очерченной возвышенностью, которая отдѣляется подъ прямымъ угломъ отъ горъ, ограничивающихъ долину съ юга. Съ гео-

графической точки зрѣнія, между сѣверной оконечностью возвышенности и сѣверной грядой горъ, имѣется узкій проходъ (см. пл. № 6). Для рѣки Ши (Shi) или Сайга (Saiga) и большой дороги на Ампингъ и Ляоянъ здѣсь имѣется какъ разъ достаточно мѣста, но для войскъ, даже ночью, разъ эта узкая возвышенность занята противникомъ, его очень мало.

Теперь я опишу эту возвышенность. Сѣверная ея оконечность превышаетъ уровень рѣки на 60 футъ, а южная, тамъ, гдѣ она отдѣляется отъ южной гряды горъ, возвышается съ обѣихъ ея сторонъ надъ плоской и невоздѣланной равниной на 300 футовъ. Восточные склоны возвышенности очень круты и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрывисты. Западные же склоны, наоборотъ, полого спускаются къ равнинѣ. Почва вдоль хребта возвышенности песчаная и очень удобная для рытья орудійныхъ и стрѣлковыхъ окоповъ. Рѣка, даже въ это время, была во многихъ мѣстахъ проходима въ бродъ. Берега рѣки были отлоги и не представляли собою закрытій. Русскіе центръ и лѣвый флангъ занимали глубокіе бурскіе окопы вдоль вершины высоты, фронтомъ на юго-востокъ. Продольныя сообщенія и прикрытые пути отъ фронта къ тылу были великолѣпно устроены и на нихъ было потрачено много труда. Расположеніе орудій ясно показано на планѣ. Орудійныхъ окоповъ было двойное количество, чтобы этимъ дать возможность перемѣнить положеніе орудій, если бы японцы точно къ нимъ пристрѣлялись. Изъ этихъ окоповъ орудія могли обстрѣливать все, что находилось далѣе 1.500 ярдовъ, но до 1.400 ярдовъ отъ позиціи было мертвое пространство.

Когда русскіе заняли эти окопы 18-го и 19-го іюля и обратили свои взоры въ сторону, откуда ожидались японцы, они должны были увидѣть передъ собой плоскую долину, гдѣ на горизонтѣ виднѣлось лишь нѣсколько группъ фанзъ и долина Чаотао, хотя здѣсь и было хорошее закрытіе отъ взоровъ, ввидѣ полей гаоляна, достигавшаго въ то время болѣе пяти футъ въ вышину. Русскій лѣвый флангъ былъ достаточно обезпеченъ, потому что холмы на правомъ берегу рѣки Ши-Хо спускались къ водѣ цѣлымъ рядомъ скалъ

и обрывовъ, совершенно недоступныхъ для войскъ. Правый флангъ располагался на обнаженной, съ неровной поверхностью и покрытой травой горѣ, возвышавшейся въ южной части около 1.000 фут. надъ долиной. Войска этого фланга по большей части не имѣли окоповъ. Русскій путь отступленія на Ампингъ, или Ляоянъ, тянулся первыя три мили въ западномъ направленіи по открытой долинѣ, представлявшей меньше закрытій, чѣмъ восточная часть той же долины, по которой ожидалось наступленіе японцевъ. Это было слабой стороной позиціи, если смотрѣть на нее только, какъ на подходящее мѣсто для арьергарднаго боя.

Когда мы съ начальникомъ штаба Первой арміи обсуждали оборонительную позицію у Чаотао, онъ выразился такъ: „Со стратегической точки зрѣнія было бы весьма соблазнительно обойти непріятельскій правый флангъ, но для выполненія этого было бы необходимо совершить очень кружное обходное движеніе (mouvement très prononcé) по цѣлому ряду обрывистыхъ горныхъ тропинокъ. Вкратцѣ, эта позиція имѣла такъ много преимуществъ для обороны, что можно сказать, что она имѣла всѣ преимущества“.

Русскія войска, занимавшія дефиле у Чаотао, состояли изъ 35-го полка полностью со всѣми его четырьмя батальонами, 36-го полка (три батальона), одного полка казаковъ (Аргунскаго) и 9-й артиллерійской бригады изъ тридцати двухъ орудій (три полевыя батареи и одна горная). Отрядъ находился подъ командой генералъ-лейтенанта Гершельмана, начальника 9-й дивизіи, который держалъ другую бригаду своей дивизіи въ резервѣ, гдѣ она бездѣйствовала за все время сраженія.

Наступавшія на Чаотао японскія войска состояли изъ Двѣнадцатой дивизіи подъ командой генералъ-лейтенанта Инуйэ. При дивизіи былъ ея эскадронъ кавалеріи и тридцать шесть горныхъ орудій, казавшихся ничтожными игрушками по сравненію съ тяжелыми, сравнительно современнаго типа, русскими полевыми орудіями. Ввидѣ дополненія къ полной Двѣнадцатой дивизіи утромъ 19-го числа было выслано отъ Второй дивизіи $1^1/_2$ батальона 16-го полка, которые доблестно сражались 17-го числа у Гебато. Этимъ

$1^1/_2$ батальонамъ было приказано попытаться пройти $15^1/_2$ миль по чрезвычайно пересѣченной и гористой мѣстности, которая отдѣляла ихъ отъ дефиле у Чаотао. Совершивъ этотъ удивительный маршъ, они дѣйствительно прибыли вовремя, чтобы принять участіе въ послѣднемъ періодѣ сраженія. Эти полтора батальона были подъ командой ихъ полкового командира, полковника Таніяма, также знаменитаго по Гебато. Онъ очень худой, пожилой человѣкъ съ проницательными глазами. Винцентъ спросилъ его какъ то, думаетъ ли онъ, что война окончится до наступленія зимы. Онъ отвѣтилъ: „Можетъ быть въ будущемъ году; какъ бы то ни было, я здѣсь для того, чтобы умереть и думаю, что это случится до этого срока". Фуджіи имѣлъ настоящій споръ съ нѣкоторыми изъ подчиненныхъ ему офицеровъ генеральнаго штаба относительно высылки Таніямы. Они утверждали, что онъ не можетъ поспѣть. Я спросилъ Фуджіи, не Матсуиши ли былъ главнымъ оппонентомъ, на что онъ только засмѣялся и не пожелалъ говорить объ этомъ дальше.

Можно сказать, что по отношенію къ пѣхотѣ японцы были почти что въ два раза сильнѣе русскихъ, принимавшихъ дѣйствительное участіе въ сраженіи; тогда какъ по отношенію къ артиллеріи и кавалеріи русскіе были значительно сильнѣе японцевъ. Если бы русскій начальникъ былъ способенъ употребить въ дѣло всѣ находившіяся въ его распоряженіи войска, то превосходство японцевъ въ пѣхотѣ, почти, если не совсѣмъ, исчезло бы.

18-го іюля бригада Двѣнадцатой дивизіи подъ командой Кигоши была уже въ соприкосновеніи съ русскими, занимавшими окопы. Въ японскомъ сторожевомъ охраненіи былъ 1-й батальонъ 46-го полка подъ командой маіора Ташибана (Tashibana). Въ 4 ч. 30 м. дня русскіе начали ложное отступленіе къ западу, какъ будто бы къ Ампингу. Маіоръ Ташибана немедленно перешелъ въ наступленіе, чтобы не потерять соприкосновеніе съ противникомъ, но лишь только онъ достигъ рѣки и пытался переправиться черезъ нее, какъ русскіе повернулись кругомъ и вновь заняли свои окопы, развернувъ около двухъ батальоновъ пѣ-

хоты и восемь орудій. Маіоръ Ташибана попался въ западню и 6-я рота 1-го батальона, шедшая впереди, въ нѣсколько минутъ потеряла всѣхъ своихъ офицеровъ Несмотря на это онъ отступилъ на четыреста или пятьсотъ ярдовъ и здѣсь задержался въ гаолянѣ, имѣя свой правый флангъ у деревни Чаотао и фронтъ параллельно позиціи противника. Тутъ, въ 6 ч. 30 м. вечера къ начальнику сторожевого охраненія присоединились остальные два батальона 46-го и еще два батальона 24-го полковъ, которые и пристроились къ ихъ боевому порядку. Завязалась упорная ружейная перестрѣлка, которая продолжалась до 9 ч. вечера, но японцы ничего не могли подѣлать съ обороняющимся противникомъ. При наступленіи темноты японцамъ пришлось стать бивакомъ, тамъ гдѣ они лежали, сохраняя боевой порядокъ. Въ полночь русскіе оркестры музыки начали какъ бы свой акомпаниментъ весьма сильному огню. Нѣкоторые японцы говорятъ, что русскіе пытались идти въ штыки, а другіе утверждаютъ, что хотя огонь и былъ очень силенъ, но русскіе не оставляли своихъ окоповъ. Но всѣми выражалось единогласное комическое удивленіе участію музыки. Напримѣръ Фуджіи замѣтилъ: „Чрезвычайно странно допускать музыку во время ночной атаки; это можетъ быть луна сдѣлала русскихъ сантиментальными!“ Вполнѣ понятно, что музыка въ современныхъ войнахъ кажется мнѣ явленіемъ старомоднымъ и смѣшнымъ, но нашимъ союзникамъ, которые нисколько не воспріимчивы къ „аккорду сладкихъ созвучій“, эта музыка должна казаться до крайности смѣшной. Потери, понесенныя батальономъ Ташибана, были въ 247 чел. Онъ понесъ ихъ главнымъ образомъ во время отступленія отъ рѣки къ позиціи у Чаотао. Утро 19-го наступило ясное и, какъ только достаточно разсвѣло для стрѣльбы, 46-й полкъ и два батальона 24-го полка стали продолжать сраженіе тамъ, гдѣ оно было прервано наступленіемъ темноты. 24-й батальонъ былъ на лѣвомъ флангѣ, а 46-й—на правомъ. Фронтъ каждаго изъ этихъ батальоновъ былъ протяженіемъ болѣе 1000 ярдовъ, что позволило имъ удерживать русскихъ по всей ихъ позиціи. Японскія орудія подошли ночью и окопались: одна

бригада какъ разъ напротивъ кумирни Хоміу, другая—на зеленомъ скатѣ, тоже какъ разъ напротивъ центра русской позиціи. Обѣ бригады находились отъ русской позиціи въ разстояніи около 2.400 ярдовъ. По теоріи, тридцать шесть японскихъ орудій должны бы были быть приведены къ молчанію въ полчаса превосходствомъ вѣса металла и устройствомъ русскихъ полевыхъ орудій, но на практикѣ дѣло обстояло иначе. Несмотря на то, что обороняющійся долженъ былъ знать каждый шагъ мѣстности и долженъ былъ поставить на неровной, обнаженной горѣ у своего праваго фланга офицеровъ-наблюдателей, которые, пользуясь биноклями, могли бы слѣдить за всей долиной, прошло три четверти часа, прежде чѣмъ они могли обнаружить мѣсто японской артиллеріи. Русскіе въ 5 ч. 5 м. утра первыми послали снарядъ по пѣхотѣ и начиная съ этого времени и до 9 ч. утра съ обѣихъ сторонъ поддерживался очень сильный огонь. До 5 ч. 45 м. утра, когда русскіе стали нащупывать мѣстопребываніе хорошо скрытыхъ, маленькихъ горныхъ орудій, борьба была такъ же одностороння, какъ если бы она происходила между слѣпымъ и рысью. Втеченіе этого промежутка времени въ сорокъ минутъ, большинство русскихъ снарядовъ разрывалось на горномъ скатѣ въ 1000 ярдахъ къ юго-востоку отъ кумирни Хоміу, въ окрестностяхъ котораго на полумилю не было ни одного живого существа. А за это время японцы послали на русскую батарею много мѣткихъ снарядовъ, такъ что, когда наконецъ русскіе артиллеристы обнаружили мѣсто непріятельскихъ батарей, то они были настолько потрясены японскимъ огнемъ, что начали ставить прицѣлы торопливо и плохо и стрѣляли безпорядочно. Такимъ образомъ болѣе тяжелымъ орудіямъ такъ и не удалось доказать на дѣлѣ свойственное имъ превосходство. Послѣ 9 ч. утра огонь стихъ, какъ бы по обоюдному соглашенію и противники ограничивались только отдѣльными, случайными выстрѣлами. Японцы израсходовали свои заряды до внушавшаго опасенія размѣра и принуждены были ослабить огонь. Сообщенія отъ Чангсонга и Ялу по дорогѣ черезъ Айянменъ и Саймачи къ Чаотао (см. карту № 1) были такъ

необычайно затруднительны, что каждый комплектъ снарядовъ значилъ уже много. Теперь же, прежде чѣмъ пѣхота генералъ-лейтенанта Инуйэ успѣла достигнуть сколько нибудь опредѣленныхъ успѣховъ, его начальникъ артиллеріи уже докладывалъ о томъ, что у него имѣется запасъ снарядовъ для веденія энергичной стрѣльбы только на два часа. Онъ израсходовалъ двѣ трети своихъ снарядовъ, не заставивъ замолчать русскихъ.

Между тѣмъ на разсвѣтѣ бригада Кигоши, состоявшая изъ 46-го и 24-го полковъ (послѣдній полкъ безъ одного батальона, бывшаго подъ командой подполковника Шиба), вновь завязала бой. Двѣ роты батальона Шибы были отдѣлены въ бригадный и дивизіонный резервы, а остальныя двѣ роты были выдвинуты на нѣсколько миль впередъ по дорогѣ, идущей къ сѣверу отъ кумирни Хоміу къ Пенчихо (Хонкеико) (Penchiho, Honkeiko) съ приказаніемъ развѣдать двѣнадцать миль, отдѣляющихъ поле сраженія отъ этого послѣдняго пункта, гдѣ, какъ было извѣстно, находились русскія войска. 47-й полкъ бригады Сасаки былъ расположенъ такъ, чтобы встрѣтить возможную атаку съ сѣвера, ибо имѣлись свѣдѣнія, что въ деревнѣ Шаоши (Shaoshi) къ сѣверо-западу отъ Саймачи находился значительный русскій отрядъ. Въ 7 ч. утра, когда сдѣлалось очевиднымъ, что бригада Кигоши не въ состояніи овладѣть позиціей на вершинѣ прямой фронтальной атакой, послѣдній полкъ бригады Сасаки—14-й, подъ командой полковника Имамуры (Imamura), былъ высланъ въ юго-западномъ направленіи въ настоящій лабиринтъ глубокихъ ущелій и обрывистыхъ горъ съ цѣлью кружнымъ путемъ пробраться сначала къ западу, а затѣмъ къ сѣверо-западу и обойти русскій правый флангъ, расположенный на голыхъ, неровныхъ холмахъ, какъ это показано на планѣ. Такъ какъ движеніе это должно было быть выполнено внѣ взоровъ противника, то было необходимо сдѣлать очень кружный обходъ. Въ дѣйствительности, пройденное разстояніе достигало до семнадцати съ половиной миль, причемъ отряду пришлось двигаться большею частью или по козьимъ тропамъ, или же совсѣмъ безъ дорогъ, черезъ рытвины и утесы. Здѣсь людямъ приходилось самимъ

выбирать дорогу и отыскивать свою роту уже по другую сторону препятствія. Это движеніе предъявляло высокія требованія къ искусству, природнымъ способностямъ и физической энергіи. Довѣриться китайскому проводнику было признано небезопаснымъ и общее направленіе указывалось офицерами при помощи компасовъ, а прирожденная привычка къ горамъ помогала солдатамъ находить дорогу черезъ почти непроходимую мѣстность. Никакія британскія войска не были бы въ состояніи пройти такое большое разстояніе по такому трудному пути и въ такое короткое время, развѣ только это былъ бы батальонъ, только что продѣлавшій такую кампанію, какъ Тира (Tirah). Съ другой же стороны наши Патаны (Pathan) и Гуркасы (Gurkhas), предводимые британскими офицерами, способны выполнить эту задачу при случаѣ такъ же хорошо.

Теперь, когда полкъ Имамуры покинулъ поле сраженіе для достиженія своей трудной задачи, боевой порядокъ японцевъ представлялъ подходящую цѣль для предпріимчиваго противника. Четверть всѣхъ японскихъ силъ была выдѣлена для отраженія возможной атаки на правый флангъ и тылъ; другая четверть исчезла въ горахъ съ цѣлью дѣйствія противъ праваго фланга противника, которое могло принести плоды только черезъ нѣсколько часовъ; кромѣ того, для охраненія собственнаго праваго фланга былъ высланъ еще одинъ отрядъ. Все это можетъ напомнить британскимъ офицерамъ сраженіе при Хутнекѣ (Houtnek), близъ Табанчу (Tabanchu) въ Южной Африкѣ, когда половина всего отряда какъ бы растаяла въ оборонѣ своего праваго фланга или въ попыткахъ обойти непріятельскій правый флангъ, въ то время какъ меньше половины оставалось для охраненія обоза и оказанія успѣшнаго сопротивленія фронту непріятельской позиціи. Разница заключалась только въ томъ, что буры точно туча злобныхъ пчелъ поспѣшили на помощь своимъ товарищамъ, удерживавшимъ главную позицію у Хутнека, начальникъ же отряда, оборонявшій это дефиле, узнавъ, что британцы выслали отрядъ съ цѣлью обхода его праваго фланга, немедленно же перешелъ противъ него въ ожесточенную контръ-атаку съ иностраннымъ

легіономъ подъ начальствомъ русскаго—Максимова. Послѣдующее укажетъ, что русскіе отряды у Пенчихо и къ сѣверо-западу отъ Саймачи не поспѣшили на помощь, подобно бурамъ, къ генералу Гершельману у Чаотао. Самъ же генералъ не предпринялъ перехода въ наступленіе, хотя въ его распоряженіи и были для этого значительные резервы.

Со времени ухода полка Имамуры съ цѣлью длиннаго обходнаго движенія черезъ горы и до 10 ч. утра, 24-й и 46-й полки привлекали на себя вниманіе противника огнемъ и угрозами серьезной атаки. За время этого періода сраженія небольшимъ партіямъ въ полдюжины человѣкъ удалось на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга пробраться черезъ обломки скалъ на правый берегъ р. Ши-хо и такія же маленькія партіи проползли по гаоляну подъ прикрытіе деревень. Послѣ 10 ч. утра стало ясно, что русскіе не намѣревались перейти въ наступленіе и генералъ Инуйэ, понявъ это, былъ, конечно, очень радъ подчиниться этому рѣшенію противника и сидѣть спокойно, выжидая того часа, когда наступитъ для его дѣйствій подходящій моментъ. Поэтому въ сраженіи наступило затишье, прерываемое только иногда грохотомъ японскихъ выстрѣловъ, на которые русскіе отвѣчали изъ окоповъ залпами.

Между тѣмъ Имамура со своимъ отрядомъ, двигаясь черезъ рытвины и отвѣсныя скалы, все ближе и ближе приближался къ своей цѣли, къ ничего не подозрѣвавшему правому русскому флангу.

До 2-хъ часовъ дня на полѣ сраженія у Чаотао не произошло ничего значительнаго, когда Гершельманъ снялъ два орудія съ вершины, дальнѣйшее, быстрое движеніе которыхъ къ сѣверо-западу было выдано поднявшеюся пылью. Въ 2 ч. 30 м. дня еще нѣсколько орудій были увезены подъ сильнымъ огнемъ японской артиллеріи, и теперь было ясно видно, какъ русская пѣхота понемногу уходила изъ своихъ окоповъ. Въ 2 ч. 40 м. дня Инуйэ получилъ донесеніе отъ Имамуры, что онъ успѣшно выполнилъ трудный фланговый маршъ и скоро сойдется вплотную съ русскимъ правымъ флангомъ. Поэтому Инуйэ усилилъ свою боевую часть и приготовился къ фронтальной атакѣ высоты.

Въ 2 ч. 45 м. дня полку Имамуры посчастливилось (или же онъ былъ необыкновенно искуссно направляемъ) встрѣтиться съ головнымъ полубатальономъ 16-го полка Второй дивизіи, который съ 9 ч. утра того же дня весь день карабкался вверхъ и внизъ по горамъ, двигаясь изъ Гебато. За этимъ полубатальономъ въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ полный батальонъ того же полка; но полковники Имамура и Таніяма не дожидаясь атаковали крайній русскій правый флангъ, располагавшійся, какъ уже было упомянуто, на обнаженной, неровной высотѣ, командовавшей главной позиціей. Сраженіе становилось оживленнѣе, а достигшая до слуха Инуйэ слабая перестрѣлка у кумирни Хоміу, подтвердила столь желанное извѣстіе, что обходное движеніе во всякомъ случаѣ достигло своего предмета дѣйствія и скоро нужно ожидать, что обходящая колонна войдетъ въ связь съ главными силами. Тѣ же самые звуки долженъ былъ услышать генералъ Гершельманъ, но гораздо яснѣе, такъ ясно, какъ будто бы онъ слышалъ тысячи рукъ стучащихъ въ дверь, которая обезпечивала его путь отступленія. Планъ японской атаки былъ теперь совершенно разгаданъ. Что думалъ генералъ Гершельманъ? Бился ли его пульсъ быстрѣе? Для него насталъ тотъ роковой моментъ, когда ему необходимо было доказать на дѣлѣ все свое знаніе и подготовку, отъ чего зависѣла вся его дальнѣйшая карьера. Теперь настало время, теперь или никогда, бросить въ огонь всѣ свои резервы до послѣдняго человѣка и подкрѣпить ими правый флангъ или же занять своими казаками окопы, держа ихъ лошадей близко позади, чтобы они удержали окопы на полчаса, пока вся пѣхота не будетъ отведена назадъ.

Но со стороны русскихъ ничего не было сдѣлано, что указывало бы на пониманіе ими критической обстановки; даже отступленіе войскъ съ высоты не было ускорено. Въ 3 ч. дня всѣ русскія орудія были сняты съ позиціи и японскія артиллерійскія бригады перемѣнили позицію впередъ, какъ показано на планѣ.

Въ 3 ч. 15 м. дня фронтальная атака стала серьезно тѣснить русскихъ. Маленькія горныя орудія сильно обстрѣ-

ливали окопы, а пѣхота, нѣсколько приблизившись, открыла жестокій огонь. Остатки русской пѣхоты, которые должны были быть храбрецами, отвѣчали на него энергичными залпами, несмотря на то, что все время окопы понемногу очищались.

Но Инуйэ и его штабъ обращали меньше вниманія на сильную перестрѣлку на фронтѣ или на безчисленныя пули, со свистомъ и пѣніемъ летѣвшія вдоль долины, чѣмъ на непрерывный глухой шумъ стрѣльбы, доходившій до нихъ съ запада. Эти слабые звуки означали, что бой между обходящей колонной и русскимъ правымъ флангомъ находится въ полномъ разгарѣ. Тамъ японцы постепенно охватывали противника и понемногу сбрасывали его съ холмовъ внизъ въ долину.

Въ 4 ч. 15 м. Имамура вполнѣ овладѣлъ обнаженной, неровной высотой и былъ въ состояніи съ этого выгоднаго положенія перейти въ атаку на главную русскую позицію. Вскорѣ насталъ моментъ, когда вся непріятельская линія заколебалась и задрожала. Тогда Кигоши съ фронта, а Имамура и Таніяма съ фланга удвоили свои усилія. Противникъ окончательно рѣшилъ очистить позицію, но вплоть до 5 ч. дня окопы оставлялись систематично и очевидно по приказанію, что я долженъ признать за вѣское доказательство хладнокровія и стойкости русской пѣхоты. Сравнительно легко быть храбрымъ, когда участь всѣхъ одинакова. Но когда нѣкоторымъ избранникамъ разрѣшается уйти, а прочимъ приказываютъ оставаться, то тогда инстинктъ самосохраненія начинаетъ задѣвать самыя чувствительныя сердечныя струны и вся надежда должна быть возложена на дисциплину, патріотизмъ и „esprit de corps“.

Въ 5 ч. 5 м. дня это стройное отступленіе окончилось, и послѣдняя горсть защитниковъ въ большомъ смятеніи и подъ градомъ шрапнельныхъ пуль очистила позицію. Въ 5 ч. 10 м. дня вся японская боевая линія перешла удвоеннымъ шагомъ въ наступленіе. Въ 5 ч. 14 м. первый японскій флагъ взвился на вершинѣ возвышенности, а клубы пыли на сѣверѣ указывали направленіе русскаго отступленія. Побѣда была одержана, но все же побѣда эта была не-

полная, такъ какъ потери атаковавшихъ были, быть можетъ, тяжелѣе потерь оборонявшихся. Удивительная ошибка русскихъ въ опредѣленіи разстояній, или быть можетъ, непониманіе общей обстановки начинало теперь приносить свои плоды, какъ къ чести, такъ и для успѣха японцевъ. Когда Имамура вытѣснилъ находившіяся противъ него силы внизъ съ обнаженной, неровной возвышенности, онъ не послѣдовалъ за ними на равнину, но устремилъ все свое вниманіе и всѣ усилія, чтобы вытѣснить и сбросить внизъ русскихъ, занимавшихъ вершину возвышенности къ сѣверу отъ него. Въ это время русскіе, сброшенные съ холмовъ (правый ихъ флангъ) и отходившіе постепенно изъ окоповъ сѣверной вершины, были собраны и приведены въ порядокъ по правиламъ учебнаго плаца, находясь всего только въ 3.000 ярдахъ отъ окоповъ на открытой равнинѣ у южной границы долины. Подобно охотнику, который стремится достигнуть испуганнаго, но еще не ушедшаго слишкомъ далеко оленя, люди Имамуры скрылись изъ вида и, сдѣлавъ удвоеннымъ шагомъ обходъ по холмамъ, вновь атаковали вдоль долины съ запада не ожидавшаго ихъ противника. Здѣсь они задержались, пока въ 5 ч. 15 м. дня бригада Кигоши не заняла вершину возвышенности и не начала преслѣдовать русскихъ внизъ по долинѣ. Тогда Имамура, выйдя изъ-за прикрывавшихъ его холмовъ, занялъ деревню Таюнгзи (Tayungzi), на южной сторонѣ долины, какъ разъ за обрѣзомъ плана, и почти что оказался между русскими и ихъ путемъ отступленія. Это врядъ ли возможное дѣло для пѣхоты и противъ пѣхоты; но Фуджіи, Жардайнъ и мой японецъ-кавалеристъ, всѣ подтверждаютъ это, поэтому я думаю, что это можетъ быть и было такъ на самомъ дѣлѣ. Дѣло въ томъ, что японская пѣхота, дѣйствуя въ горахъ противъ пѣхоты же, имѣетъ нѣкоторыя свойства кавалеріи. Атакованные съ фронта побѣдоноснымъ Кигоши и съ праваго фланга и тыла Имамурой, русскіе, на долю которыхъ выпалъ трудный, полный испытаній день, пришли въ безпорядокъ, и сопротивленіе ихъ, какъ организованной силы, было окончательно сломлено. Главныя ихъ силы отступили въ безпорядкѣ и съ тяжелыми потерями по направленію къ

Ампингу, другіе же бѣжали въ горы по описанію Фуджіи въ видѣ „нестройной толпы". За все время упорнаго сраженія 18-го и 19-го числа русскіе потеряли убитыми 60 человѣкъ и 200 ранеными, но послѣ боя, будучи застигнуты врасплохъ, и за время преслѣдованія ихъ потери были 200 убитыхъ и 500 раненыхъ меньше, чѣмъ въ часъ времени. Хотя русская пѣхотная бригада, вынесшая на своихъ плечахъ всю тяжесть этого дня, и была разбита, такъ что на время перестала быть военнымъ организмомъ, но несмотря на это я всетаки не думаю, чтобы какой-либо благородно думающій военный могъ бы сдѣлать ей малѣйшій упрекъ. Они исполнили отданныя имъ приказанія съ большой рѣшимостью и при самой трудной обстановкѣ. Несмотря на то, что командиръ ихъ подъ конецъ попался въ ловушку, разставленную на его же глазахъ, офицеры и люди полковъ вплоть до этой минуты держали себя съ удивительной стойкостью. Постъ Санна (Sanna's Post) можетъ служить похожимъ примѣромъ, и только одни теоретики, не бывавшіе на войнѣ, способны съ видомъ превосходства критиковать подобное печальное происшествіе.

Такъ закончилось сраженіе при Чаотао, оставивъ за японцами поле сраженія. Потери ихъ были: 54 убитыхъ и 367 раненыхъ. Общія потери русскихъ—около 1000 человѣкъ. Мы, британскіе офицеры, особенно опечалены извѣстіемъ, что среди убитыхъ былъ маіоръ Хироака (Hiroaka), командиръ 1-го батальона полка Имамуры (14-го). Онъ былъ японскимъ военнымъ агентомъ при нашей арміи во время Южно-Африканской войны и всѣ его очень любили.

Критика не можетъ много прибавить ко всему этому эпизоду, потому что само изложеніе событій подсказываетъ выводы. Кажется яснымъ, что генералъ Гершельманъ началъ это сраженіе съ предвзятой цѣлью только задержать японцевъ, и, причинивъ имъ тяжелыя потери, спокойно отступить. Невѣроятно, чтобы онъ началъ сраженіе, имѣя ввиду поставить на карту судьбу своей дивизіи и свою собственную карьеру въ зависимость отъ результатовъ не подающаго надежды на успѣшный исходъ сраженія. Наконецъ, если бы это было такъ, то весьма странно, что онъ

не сдѣлалъ ни одной попытки привести свой планъ въ исполненіе. Съ 8 ч. утра и до 1 ч. дня онъ имѣлъ непосредственно передъ собою только очень слабую бригаду. Японскій 14-й полкъ былъ въ миляхъ разстоянія отъ поля сраженія, а 47-й полкъ тоже не былъ въ непосредственномъ распоряженіи японцевъ. Но оборона оставалась строго пассивной. Затѣмъ опять, когда полкъ Имамуры только что далъ себя почувствовать правому флангу Гершельмана, представился другой и еще болѣе подходящій случай для контръ-атаки. Въ это время японскій планъ дѣйствій долженъ былъ быть до наглядности яснымъ начальнику, опытному хотя бы даже въ военной игрѣ или на маневрахъ. Часть ихъ силъ удерживала фронтъ позиціи и не намѣревалась рѣшительно сблизиться съ противникомъ, пока другая, выдѣленная для этого часть, не будетъ готова къ атакѣ его праваго фланга. Пока не началась эта атака праваго фланга и пока горный кряжъ разъединялъ обѣ части японскихъ силъ, было достаточно времени, чтобы притянуть всѣ свои резервы, исключая казаковъ, и бросить ихъ ввидѣ втрое или вчетверо превосходящихъ силъ противъ полка Имамуры и двухъ ротъ полка Таніямы. Будучи очень далекимъ отъ подобнаго смѣлаго рѣшенія, русскій начальникъ видимо даже пренебрегъ выслать хотя бы одну роту изъ непропорціонально большого резерва, ввидѣ подкрѣпленія войскамъ, удерживавшимся на обнаженной, неровной возвышенности въ то время, когда Имамура и Таніяма были заняты сбрасываніемъ ихъ внизъ въ долину. У каждаго, изучающаго эту войну, свои взгляды и онъ долженъ самъ дѣлать выводы въ такихъ случаяхъ. Лично я, сидя въ полной безопасности въ этомъ домѣ китайскаго врача, держусь того мнѣнія, что нѣтъ хуже ошибки для какого бы то ни было генерала, чѣмъ держать въ тылу большіе резервы въ бездѣйствіи, въ то время какъ ихъ товарищей бьютъ на ихъ же глазахъ. Гершельманъ пожелалъ послѣдовать тактикѣ Пареянъ, но забылъ, что русскіе не Пареяне. Когда онъ увидѣлъ, что его фронтъ не можетъ высвободиться безъ посторонней помощи, какъ онъ надѣялся, то тогда настала минута сосредоточить все

свое присутствіе духа, двинуть впередъ резервы и убѣдить этимъ каждаго солдата, что онъ рѣшилъ дать большое сраженіе. Еслибы онъ такъ поступилъ, каковъ бы ни былъ окончательный исходъ боя, я увѣренъ, что его молодцы, русскіе солдаты мужественно бы исполнили свой долгъ, такъ что даже въ случаѣ пораженія духъ арміи всетаки бы выигралъ. Какъ бы то ни было, дѣло не могло бы окончиться для него хуже, чѣмъ это случилось на самомъ дѣлѣ, даже въ томъ случаѣ, если бы обстоятельства сложились не въ его пользу; исходъ сраженія опредѣлился бы въ концѣ дня и онъ былъ бы въ состояніи отступить подъ прикрытіемъ темноты.

Тактика японцевъ отличалась чрезвычайной предпріимчивостью, не говорю рискомъ, но Инуеэ зналъ своего противника и всѣ его разсчеты оправдались на дѣлѣ, даже больше чѣмъ онъ могъ предполагать. Жардайнъ говоритъ, что японцы начали отказываться отъ германскихъ построеній для атаки и приближаются болѣе къ тѣмъ, которыя примѣнялись въ Южной Африкѣ. Онъ пишетъ также, что Двѣнадцатая дивизія чрезвычайно довольна, что она первая нанесла пораженіе европейской дивизіи. Онъ доноситъ, что эти русскіе превосходятъ своимъ развитіемъ и дисциплиной сибиряковъ и что японскіе офицеры считаютъ ихъ гораздо болѣе опасными.

ГЛАВА XVI.

Перерывъ передъ наступленіемъ.

Іюля 24-го (н. с.).—Прямо ударъ! NN вернулся изъ поѣздки въ штабъ арміи и сообщилъ мнѣ, что всѣ, включая сюда и Фуджіи, утверждаютъ, что я сдѣлалъ ошибку, пославъ въ Индію телеграмму о превосходствѣ европейцевъ надъ сибиряками. Генеральный штабъ заявляетъ, что европейцы менѣе энергичны и не такъ хорошо обучены, какъ сибиряки. Полковникъ Хагино занимался опросомъ плѣнныхъ. Онъ доноситъ, что русскіе новобранцы обучаются только три мѣсяца передъ смотромъ. Это время недостаточно, ибо послѣ смотра наступаетъ зима, во время которой производятся занятія только въ казармахъ. Хагино приказалъ русскому унтеръ-офицеру, взятому въ плѣнъ 17-го числа, прочитать записную книжку одного изъ убитыхъ офицеровъ. Онъ не былъ въ состояніи ее прочесть, несмотря на то, что утверждалъ, будто бы выдержалъ унтеръ-офицерскій экзаменъ. Когда я вспоминаю, какъ одинъ изъ моихъ собственныхъ унтеръ-офицеровъ составилъ для меня передъ генеральскимъ смотромъ великолѣпную таблицу, содержавшую всѣ необходимыя свѣдѣнія, которыя могли быть потребованы разумнымъ генераломъ относительно людей, ихъ возраста, службы, процента умѣющихъ плавать или непьющихъ, то я подозрѣваю, что наши унтеръ-офицеры лучше, во всякомъ случаѣ по книжной наукѣ, чѣмъ ихъ московскіе братья. Видимо многіе изъ плѣнныхъ европейцевъ не знакомы съ магазиннымъ ружьемъ, будучи сорока лѣтъ отъ роду и недавно вновь призваны подъ знамена. Хагино энергично доказываетъ, что сибиряки болѣе

выносливы и имѣютъ больше природныхъ охотничьихъ и военныхъ качествъ, которыхъ совершенно недостаетъ людямъ европейскихъ батальоновъ. Самые лучшія русскія войска—это войска Туркестанской арміи, второе мѣсто занимаютъ сибирскія и третье—войска Европейской Россіи. Имѣя за собою семь лѣтъ службы въ Россіи и всѣ данныя японскаго развѣдывательнаго отдѣленія, Хагино долженъ былъ знать, что говорилъ. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ преобладающимъ моимъ чувствомъ при этомъ былъ бы чрезвычайный интересъ. Теперь же мой интересъ весь поглащенъ досадой, что генеральный штабъ допустилъ меня послать ошибочную телеграмму, не исправивъ недоразумѣнія. Оба мы, Жардайнъ и я, сдѣлались жертвами заблужденія по милости полковыхъ офицеровъ, которые вполнѣ естественно склонны были утверждать, что только что ими разбитые европейцы составляютъ цвѣтъ русской арміи.

Я не сомнѣваюсь, что полковые офицеры были не правы, и что генеральный штабъ правъ, но порою мнѣ кажется, что послѣдній предпочелъ, чтобы я послалъ домой ошибочное донесеніе.

NN также говоритъ, что Вторая армія начала вчера наступленіе противъ русскихъ и въ очень скоромъ времени войдетъ съ ними въ непосредственное соприкосновеніе.

Іюля 25-го (н. с.). — День большого сраженія. Никто изъ насъ не можетъ ни думать, ни говорить о чемъ либо другомъ. Въ полдень я выѣхалъ верхомъ, чтобы раздѣлить завтракъ съ начальниками артиллеріи и инженеровъ, которые помѣщаются въ маленькой китайской фанзѣ на краю горъ. Начальникъ инженеровъ, Т. Кодама, устроилъ изящный, игрушечный садикъ, матеріаломъ для котораго ему послужили только одни кремни, камни и проточная вода. Тамъ были каналы, пруды и водопады; были устроены тропинки со скамейками, а въ серединѣ была центральная башенка; все это на площади въ пять квадратныхъ ярдовъ. Такой садикъ съ удовольствіемъ бы попытались устроить европейскія дѣти, но ихъ попытка вышла бы комической или полукомической, садикъ же генерала Т. Кодамы былъ на-

стоящей драгоцѣнной бездѣлушкой. Я признаюсь, что это выше моего пониманія. Но они объяснили мнѣ, что каждый камень тщательно выбранъ по глубокимъ и важнымъ правиламъ искусства и древней науки и что эта хорошенькая игрушка стоила начальнику инженеровъ такого же напряженія мысли, какъ и тѣ сотни ярдовъ мостовъ, благодаря которымъ въ прошлый апрѣль армія перешла черезъ широкую и быструю Ялу, не замочивъ сапогъ.

NN, по пути домой, какъ бы немного стѣсняясь, сдѣлалъ мнѣ намекъ, что видъ этого садика могъ бы послужить нагляднымъ урокомъ силы воли и настойчивости для каждаго, увидѣвшаго его, хорошо образованнаго японца. Для западнаго человѣка всѣ подобныя представленія совершенно непостижимы. Если все это дѣйствительно вѣрно, то подтверждаются еще лишній разъ слова Шекспира, который говоритъ:

„Въ деревьяхъ говоръ открываемъ, бѣгущіе ручьи для насъ книги,
Въ камняхъ проповѣдь находимъ и доброе во всемъ“.

За завтракомъ была откупорена бутылка краснаго вина. Богъ ихъ знаетъ, откуда они достаютъ его. Я выпилъ за здоровье Второй арміи, и мой тостъ былъ принятъ съ большимъ энтузіазмомъ. Рядомъ со мной сидѣлъ умный молодой докторъ, говорившій по-нѣмецки. Онъ сказалъ мнѣ, что теперь въ Первой арміи четыре процента больныхъ, половина которыхъ больны „бэри-бэри“. Причиной тому, что армія была свободна отъ обыкновенныхъ во всякомъ походѣ эпидемическихъ заболѣваній было то, что, боясь пропустить сраженіе, даже самые молодые солдаты сами склонны были къ самому точному соблюденію правилъ гигіены. Напримѣръ не было никакого опасенія, чтобы люди на походѣ пили плохую воду. Даже въ госпиталѣ они не стали бы пить воду на вѣру, а сначала бы допросили служителей, хорошо ли она прокипячена и только послѣ этого притронулись бы къ ней. Докторъ прибавилъ, что онъ не считаетъ такую отчаянную пылкость на ряду съ такимъ самообладаніемъ нормальнымъ и естественнымъ явленіемъ въ молодомъ японцѣ. Онъ выразилъ сомнѣніе, развился ли бы у нихъ такой военный пылъ, если бы имъ пришлось воевать,

скажемъ, съ австрійцами или итальянцами. Но они ростили въ себѣ гнѣвъ противъ Россіи въ теченіе долгихъ десяти лѣтъ и теперь твердо рѣшили не давать возможности ни болѣзнямъ, ни докторамъ удерживать ихъ въ тылу.

10 ч. вечера.—Фуджіи любезно прислалъ мнѣ записку съ увѣдомленіемъ, что у нихъ еще до сихъ поръ нѣтъ новостей о сраженіи.

Іюля 26-го (н. с.). — Рано утромъ выѣхали съ Матсуиши на прогулку. По моемъ возвращеніи домой меня навѣстилъ Фуджіи. Онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа и сообщилъ мнѣ много интереснаго, въ особенности о сраженіи, которое только что произошло между Второй Арміей и русскими у Ташичао *). По видимому онъ крайне доволенъ нашимъ одностороннимъ разговоромъ и относится поощрительно къ моему записыванію его словъ. Вотъ что онъ сказалъ. „Въ теченіе цѣлаго дня 24-го числа, 250 орудій японской артиллеріи вели безрезультатную борьбу съ восемнадцатью батареями противника. На этотъ разъ русскія орудія уже не торчали открыто на вершинахъ горъ, а были такъ хорошо укрыты, что, не смотря на численное превосходство нашей артиллеріи, ей такъ и не удалось привести ихъ къ молчанію. Наоборотъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскимъ удалось заставить замолчать наши орудія. До тѣхъ поръ пока было свѣтло, наша пѣхота не была въ состояніи достигнуть какого нибудь успѣха, но въ 10 ч. вечера нашъ правый флангъ, состоявшій изъ Пятой дивизіи, овладѣлъ первой линіей непріятельскихъ окоповъ на высотахъ у Таихеиреи (Taiheirei) или Ерхтаолинга (Erhtaoling) и затѣмъ въ 2 ч. дня развилъ свой успѣхъ, достигнувъ второй русской позиціи на высотахъ къ сѣверу по направленію къ Тапинреи (Tapinrei) или Тапинлингу (Tapinling). Третья дивизія двинулась ночью параллельно и въ милѣ съ четвертью къ западу отъ Пятой дивизіи и заняла высоты къ востоку отъ Сансеито (Sanseito) или Шаншитао (Shanshitao).

Съ наступленіемъ разсвѣта всѣ наши силы находились

*) Названія пунктовъ я передаю со словъ Фуджіи, но въ этомъ томѣ нѣтъ карты со всѣми этими пунктами. Прим. автора.

въ полной готовности встрѣтить атаку противника. Но далекіе отъ этого русскіе уже начали отступленіе. Вслѣдъ за этимъ Пятая дивизія храбро бросилась ихъ преслѣдовать, сопровождаемая всей Второй арміей. Судя по нашимъ потерямъ, весьма несерьезнымъ, противникъ не долженъ былъ оказать очень упорнаго сопротивленія, въ особенности потому, что Сеисекисанъ (Seisekisan) или Чингшисанъ (Chingshisan) въ 7 ч. утра палъ безъ всякой борьбы. Во время отступленія къ сѣверу русскіе сожгли деревни Даисекіо (Daisekio) или Ташичао и Ненкіатенъ (Nenkyaten). Мы преслѣдовали до Пинамфана (Pinamfan).

„Противникъ, котораго только что разбила Вторая дивизія, состоялъ изъ пяти дивизій, а другія полторы дивизіи все еще стоятъ противъ Четвертой арміи у Такубокуджо (Takubokujo). Одна изъ этихъ шести съ половиною дивизій резервная и не можетъ стоить много болѣе одного полка. Четвертая армія начала наступленіе въ одно время со Второй и атаковала Такубокуджо. Какъ только они достигли валовъ города, русскіе очистили его и заняли позицію, казавшуюся очень сильной, на высотѣ къ сѣверо-западу. Но не важно, насколько сильна ихъ позиція, потому что Вторая армія можетъ отдѣлить теперь отрядъ противъ ихъ праваго фланга, и они тогда неизбѣжно должны будутъ отступить.

„Третья армія должна наступать сегодня и попытаться овладѣть крутой и высокой грядой холмовъ, какъ разъ противъ Портъ-Артура, удерживаемой четырнадцатью русскими батальонами. Я хорошо знаю эту мѣстность и, если генералъ Ноги овладѣетъ этими холмами, то онъ будетъ въ состояніи черезъ нѣсколько дней штурмовать самый Портъ-Артуръ“.

Я сказалъ: „Ваши товарищи, генералы другихъ армій, хорошо освѣдомляютъ васъ обо всемъ въ своихъ телеграммахъ“. На это онъ отвѣтилъ, что всѣ эти свѣдѣнія получены имъ изъ штаба Маньчжурской арміи (штаба главнокомандующаго).

Фуджіи очень озабоченъ рѣшеніемъ вопроса, рѣшитъ ли противникъ остановиться и дать бой у Даисекіо (Daisekio)

или Хайченга или же онъ собирается отступать безконечно. Онъ испустилъ глубокій вздохъ и сказалъ:

„Если только Куропаткинъ будетъ упорно обороняться у этихъ обоихъ пунктовъ, то наша Первая армія точно будетъ знать, что ей дѣлать. Но я боюсь, что Куропаткинъ такъ не поступитъ, хоть тамъ и есть одна превосходная оборонительная позиція, которая должна бы соблазнять его. Это Аншантіенъ (Anshantien), между Хайченомъ и Ляояномъ.

На нашемъ собственномъ фронтѣ, генералъ Келлеръ видимо очень боится за свой лѣвый флангъ и переводитъ войска отъ Іоширеи, что въ долинѣ Яморинза (Yamorinza), къ Ампингу, чтобы такимъ образомъ обезпечить себя отъ возможнаго обходнаго движенія Двѣнадцатой дивизіи. Генералъ Хасегава, командиръ Гвардіи, замѣтилъ это ослабленіе противника въ нашемъ фронтѣ и просилъ разрѣшенія перейти черезъ долину Тіенсуитіенъ—Яморинза и занять холмы на ея западной сторонѣ. Маршалъ Куроки хотѣлъ бы согласиться на его просьбу. Однако теперь Первая армія уже не можетъ распоряжаться собой сама, но обязана дѣйствовать, какъ составная часть Маньчжурской арміи подъ руководствомъ главнокомандующаго. Мы поэтому должны быть чрезвычайно благоразумны и дѣлать то, что намъ приказываютъ, не болѣе и не менѣе; съ другой же стороны, конечно, противникъ какъ разъ теперь кажется соблазнительно слабымъ противъ нашего центра и лѣваго фланга, несмотря на то, что до сихъ поръ производятся большія окопныя работы вдоль вершины хребтовъ.

„Противъ фронта Первой арміи находятся самое большее четыре дивизіи. Полкъ русской пѣхоты только что прибылъ изъ Мукдена въ Хонкеико (Пенчихо) противъ нашего праваго фланга, а Мукденъ совершенно безъ войскъ. Какъ я уже говорилъ вамъ нѣсколько дней тому назадъ, сраженія подъ Ляояномъ не будетъ, а мы примемъ участіе въ этомъ сраженіи подъ Ампингомъ и Токайеномъ, въ то время когда Вторая армія вѣроятно будетъ драться подъ Аншантіеномъ.

„Первая армія теперь совсѣмъ готова къ выступленію

и маршалъ Куроки запросилъ по телеграфу штабъ Маньчжурской арміи о разрѣшеніи наступать, но еше не получилъ отвѣта. Никто изъ насъ нисколько не безпокоится за фронтъ нашей арміи, но мы очень тревожились о дѣлахъ во Второй арміи. Нашъ штабъ главнымъ образомъ опасается, что Куропаткинъ отступитъ прежде, чѣмъ будетъ вынужденъ дать рѣшительное сраженіе. Нашей арміи придется встрѣтиться съ опасностью, трудами движенія по горамъ и съ затрудненіями по устройству сообщеній. Если же Куропаткину удастся ускользнуть, то всѣ наши прошлыя побѣды ничего не будутъ стоить и на насъ падетъ вѣчный позоръ и униженіе. Желаемъ мы или нѣтъ, а Первая армія должна будетъ принять на себя отвѣтственность за неудачу или успѣхъ отступленія Куропаткина. Если время для нашего наступленія будетъ правильно выбрано, то тогда и только при этомъ условіи маршалъ Ойяма будетъ въ состояніи одержать рѣшительную побѣду. Однако намъ чрезвычайно трудно начать наступленіе именно въ эту минуту. Какъ при Гравелотѣ саксонская армія напала на правый флангъ французовъ и этимъ рѣшила исходъ этого дня, такъ и Первой арміи было бы желательно обрушиться на русскій путь отступленія. Точнымъ и во-время исполненнымъ движеніемъ мы рѣшаемъ первый періодъ кампаніи. Начавъ движеніе слишкомъ рано или слишкомъ поздно, мы можемъ испортить все и навлечь на себя вѣчный позоръ. Но вотъ гдѣ заключается затрудненіе: не можемъ двинуться ни на ярдъ, пока не получимъ приказаній отъ Ойямы, хотя намъ, а не Ойямѣ извѣстенъ самый важный факторъ всего этого вопроса, а именно, сколько времени намъ потребуется для того, чтобы нанести пораженіе четыремъ русскимъ дивизіямъ у Ампинга и Токайена“.

Я спросилъ сколько времени счелъ бы онъ нужнымъ. Онъ отвѣтилъ: „Хотя это и очень трудно сказать по неимѣнію у насъ достовѣрныхъ картъ этой части театра военныхъ дѣйствій, но по моимъ расчетамъ на это потребуется три дня послѣ необходимыхъ приготовленій. Насколько можно заключить по нашимъ картамъ, мѣстность видимо представляетъ большія удобства для обороны. Мы должны

будемъ попытаться обойти позицію, чтобы не терять напрасно много людей. Куропаткинъ провелъ хорошую дорогу отъ Токайена къ Ашантіену и она послужитъ ему значительнымъ облегченіемъ для усиленія его праваго фланга противъ нашего лѣваго. Каждый километръ, пройденный Четвертой арміей къ сѣверу, конечно, умаляетъ эту опасность. Ясно, что если Первой арміи будетъ приказано наступать преждевременно, то, хотя вы Ваше Превосходительство и будете довольны этимъ развлеченіемъ, но арміи придется начать его, имѣя оба фланга не прикрытыми. Лѣвый флангъ будетъ открытъ для атаки со стороны главныхъ силъ Куропаткина отъ Ашантіена вдоль по хорошей дорогѣ; правый для атаки со стороны Мукдена и съ сѣвера. Изъ двухъ, послѣдняя опасность наименѣе серьезна, въ особенности потому, что разъ мы двигаемся, то мы не дадимъ русскимъ много времени на обдумываніе".

Сокако, іюля 29-го (н. с.)—Сегодня штабъ прислалъ мнѣ свѣдѣніе о положеніи дѣлъ, но почти все его содержаніе было уже сообщено мнѣ Фуджіи 26 числа. Тамъ заключались только двѣ новости. Русская канонерка „Джибути" поднялась вверхъ по Ляо до пункта въ шести миляхъ выше Денсотаи (Densotai), гдѣ она будетъ неминуемо захвачена. Двѣнадцатой дивизіи удалось овладѣть позиціями у Содаико (Sodaiko)—Ейкасеки (Eikaseki), которыя по мнѣнію Фуджіи были такъ важны для Ноги.

Русскіе пускаютъ воздушные шары передъ нашимъ фронтомъ и передъ фронтомъ Двѣнадцатой дивизіи. Судя по маневрамъ и опыту Южно-Африканской войны, они должны получить теперь массу превратныхъ донесеній.

Іюля 30-го (н. с.)—Выѣхалъ рано утромъ на прогулку и встрѣтилъ Фуджіи съ полковникомъ Курита и маіоромъ Факуда, отправлявшихся въ Ліеншанкуанъ. Я полагалъ сначала проводить ихъ часть дороги, но замѣтивъ, что я имъ мѣшаю, я поспѣшилъ, воспользоваться первымъ предлогомъ уѣхать назадъ. Я чувствую, что что-то носится въ воздухѣ. Ихъ сумы и кобуры были плотно уложены и за ними слѣдовало трое вѣстовыхъ. Кромѣ того, они видимо нисколько не обрадовались, увидѣвъ меня. Единственной

новостью, которую Фуджіи мнѣ сообщилъ, было то, что сегодня генералъ Ноги наступаетъ съ цѣлью овладѣть самой послѣдней линіей холмовъ, отдѣляющихъ его армію отъ Портъ-Артура.

Ліеншанкуанъ, августа 3-го (н. с.)—Въ 7 ч. вечера я получилъ изъ штаба извѣстіе, что армія завтра начнетъ движеніе. Я уложилъ въ сѣдло пищи на 3 дня, наѣлся до отвала рисомъ и выѣхалъ сюда изъ Сокако въ 9 ч. 30 м. утра. Помня мои приключенія съ „Монтаной“, я ѣхалъ медленно и въ 11 ч. 30 м. вечера прибылъ къ дому, занятому иностраннными офицерами, прикомандированными къ Двѣнадцатой дивизіи. Всѣ они спали и, поставивъ своего стараго коня въ пустое стойло, я пробрался въ комнату настолько искусно и тихо, насколько мнѣ позволяли распростертыя всюду тѣла, и улегся на скамейкѣ. Маленькая комнатка, жаркая до духоты, была вся занята шестью спящими офицерами и полна безчисленными москитами. Я не могъ ни на минуту заснуть. Нѣкоторые военные агенты начали вставать въ 1 ч. 30 м. ночи, такъ что я не имѣлъ даже возможности забыться хотя бы на десять минутъ. Въ 3 час. 30 мин. ночи мы выѣхали при великолѣпномъ лунномъ свѣтѣ, какой бываетъ черезъ четыре дня послѣ полнолунія. Полуосвѣщенные этимъ обманчивымъ сіяніемъ самые обыкновенные предметы принимали фантастичные образы, что соотвѣтствовало моимъ мыслямъ о наступающемъ днѣ. Недалеко отъ подножія Мотіенлинга мы превратились въ странную процессію призраковъ, ощупью двигавшихся среди волнъ висящаго тумана, который спускался въ долину и дѣлался все гуще и гуще. Наконецъ въ 5 ч. утра мы достигли вершины перевала и очутились надъ этимъ измѣнчивымъ и таинственнымъ покрываломъ тумана, который уже наполнилъ собою всю широкую долину, откуда мы только что выбрались. Солнце красное и сердитое, еще поднималось только надъ горизонтомъ и ярко освѣщало острыя верхушки горъ, похожія на изумруды, плавающіе въ молочномъ морѣ. Въ западномъ направленіи туманныя испаренія уже подымали свой занавѣсъ надъ сценой приближающейся міровой дра-

мы, единственными привиллегированными зрителями котомой была только наша маленькая группа. Но почему медлили актеры? Для того ли, чтобы дать намъ возможность полюбоваться удивительной красотой декорацій? Предполагалось, что подъ нами находилось около 80.000 человѣкъ въ разстояніи ружейнаго выстрѣла другъ отъ друга. И всетаки, даже краснокожіе индѣйцы, сидящіе въ засадѣ въ глубинѣ первобытнаго лѣса, не могли бы быть болѣе невидимыми или хранить болѣе мертвое молчаніе, чѣмъ эти войска. Это послѣдствія бездымнаго пороха. Ни одна континентальная армія не училась этому и нѣтъ ни малѣйшаго вѣроятія, что арміи, оставаясь тѣмъ же чѣмъ они есть, выкажутъ малѣйшую склонность этому поучиться, пока, въ одинъ прекрасный день, летящія неизвѣстно откуда маленькія пули не внесутъ собою въ среду нашей наиболѣе консервативной профессіи убѣжденія въ необходимости строго соблюдать скрытность и тишину.

Я пошелъ пѣшкомъ къ старой кумирнѣ и присѣлъ тамъ не надолго, сожалѣя, что не могъ перенести на полотно красоту окружавшей меня природы. Передо мною растилался безмолвный пейзажъ: великолѣпныя, зеленыя поля, а за ними болѣе нѣжнаго, изумруднаго цвѣта горы, блѣднѣвшія мало по малу и наконецъ, на далекомъ горизонтѣ, принимавшія видъ сѣровато-голубыхъ облаковъ. Я подумалъ о томъ, какъ моя картина вышла бы не похожей на тѣ старинныя батальныя картины, оживленныя весело двигающимися колоннами съ блескомъ сабель и штыковъ, съ развѣвающимися знаменами и гордо скачущими конями, какъ вдругъ, отражаясь отъ молчаливыхъ, насторожившихся горъ, раздался торжественный громъ орудія. Выстрѣлъ... долгое молчаніе... за нимъ другой и еще другой. Кровь быстрѣе потекла по моимъ жиламъ и, хотя я и не могъ видѣть, но, казалось, чувствовалъ, что при этомъ призывномъ могучемъ голосѣ много тысячъ людей крѣпче сжали въ рукахъ свои ружья и сплотились вмѣстѣ душой и тѣломъ въ ожиданіи того, что готовилъ имъ этотъ день.

Это было въ 6 ч. 15 м. утра. Въ 6 ч. 30 м. Куроки, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ штабныхъ

офицеровъ, прибылъ къ старой кумирнѣ. Во время непродолжительнаго съ нимъ разговора я получилъ отъ него для Винцента разрѣшеніе поѣхать ближе къ передовымъ позиціямъ. Куроки сказалъ мнѣ, что по счастью утро было туманное и это должно было помочь Гвардіи занять свою позицію безъ слишкомъ тяжелыхъ потерь отъ непріятельской артиллеріи. Куроки былъ даже болѣе тихъ и спокоенъ, чѣмъ обыкновенно. Одно его присутствіе оказываетъ успокоительное дѣйствіе на болѣе приподнятое настроеніе штаба. Я сдѣлалъ это замѣчаніе одному изъ адъютантовъ; онъ согласился со мною и прибавилъ, что 19-ое іюля всѣ въ штабѣ провели въ состояніи смертельнаго безпокойства за Двѣнадцатую дивизію у Чаотао, только одинъ Куроки относился къ событіямъ совершенно спокойно и этимъ помогъ всѣмъ чувствовать себя лучше. Въ 6 ч. 45 м. утра я могъ разслышать барабанную дробь сильнаго одиночнаго огня японцевъ и рѣзкіе, отвѣтные звуки русскихъ залповъ. Залпы! Боже праведный „quelle idée"! Несомнѣнный фактъ, что такъ же точно, какъ Русско-Турецкая война велась съ меньшимъ знаніемъ и искусствомъ, чѣмъ предшествовавшая ей Франко-Прусская, такъ же и Маньчжурская война, по крайней мѣрѣ въ первоначальномъ ея развитіи, много уступаетъ въ тактическомъ отношеніи войнѣ въ Южной Африкѣ. Какое счастье, что армія, по мѣрѣ своего роста и увеличенія гордости, все болѣе и болѣе дѣлается неподвижной въ своемъ консерватизмѣ, такъ что, подъ конецъ, уже дѣлается не въ состояніи (какъ организмъ) воспринимать чужой опытъ. Благодаря этому происходитъ то, что, несмотря на донесенія вашихъ военныхъ агентовъ о замѣченныхъ ими усовершенствованіяхъ въ подготовкѣ и дѣятельности иностранной арміи, ихъ братья офицеры обращаютъ на все это меньше вниманія, чѣмъ обращалъ въ 1870 г. Наполеонъ III на представленія полковника барона Стоффеля, французскаго военнаго агента въ Берлинѣ.

Въ 7 ч. 40 м. артиллерійскій огонь сдѣлался очень сильнымъ, хотя орудія Двѣнадцатой дивизіи еще не принимали въ немъ участія. Вмѣсто отыскиванія непріятельскихъ ба-

тарей по ихъ дыму, ихъ мѣсто теперь легко опредѣляется по круглымъ дымкамъ шрапнелей, которыя онѣ привлекаютъ на себя. Наблюдая внимательно черезъ пелену этого дыма, можно легло замѣтять зловредные маленькіе языки желтаго пламени, обозначающіе отвѣтные выстрѣлы русскихъ орудій. И русскій и японскій порохъ даютъ большую вспышку огня, чѣмъ нашъ кордитъ. Фуджіи угостилъ меня чаемъ и далъ мнѣ четыре куска сахара. Изъ нихъ два куска я положилъ въ двѣ чашки чая, а другими двумя, растеревъ ихъ, посыпалъ мой рисъ. Фуджіи дѣйствительно славный человѣкъ, и я надѣюсь, что придетъ время, когда мнѣ представится случай отплатить ему за его гостепріимство. Пока я закусывалъ, онъ сообщилъ мнѣ, что Вторая дивизія и Двѣнадцатая дивизія, находящаяся въ четырнадцати миляхъ въ сторону отъ нашего праваго фланга, наступаютъ къ западу для производства фронтальной атаки. Гвардія же ночью сдѣлала обходное движеніе противъ русскаго праваго фланга и находится теперь въ семи или восьми миляхъ слѣва отъ насъ, быстро двигаясь къ Іоширеи, почти подъ прямымъ угломъ къ нашему пути наступленія, т. е. въ сѣверномъ направленіи. Событія становятся теперь слишкомъ сложными и неудобными для изложенія въ личной повѣтствовательной формѣ и поэтому я долженъ постараться соединить въ одно цѣлое мои собственныя наблюденія, а такъ же и свѣдѣнія, коими я обязанъ Фуджіи, одному полковнику артиллеріи, одному адъютанту и моимъ собственнымъ офицерамъ.

ГЛАВА XVII.

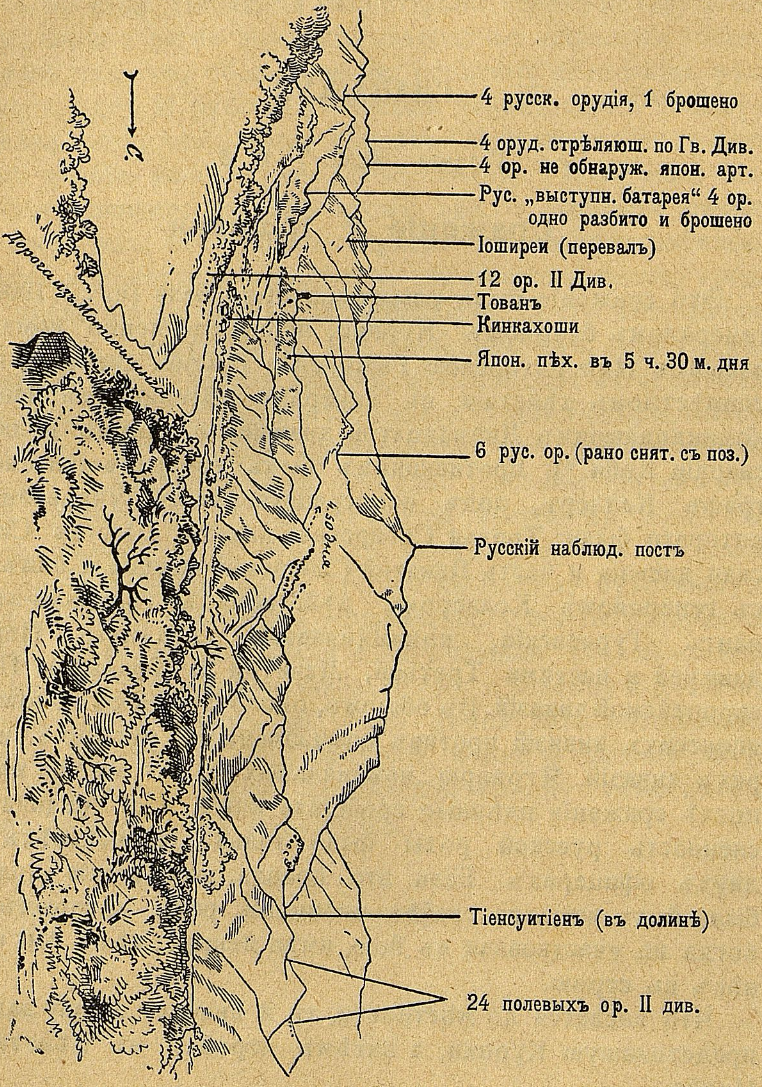
Планы №№ 7 и 8.

Сраженіе у Іоширеи.

Это сраженіе было разыграно 31-го іюля (н. с.) 1904 г., генераломъ барономъ Куроки, непосредственно командовавшимъ Императорскою Гвардіей и Второй дивизіей, и въ совмѣстномъ дѣйствіи съ генералъ-лейтенантомъ Инуйэ, командовавшимъ Двѣнадцатой дивизіей и однимъ полкомъ гвардіи Коби *); противникомъ былъ генералъ-лейтенантъ графъ Келлеръ, подъ непосредственнымъ управленіемъ котораго были: Третья Сибирская дивизія, Шестая Сибирская дивизія и часть Девятой Сибирской дивизіи. Совмѣстно съ генераломъ Келлеромъ дѣйствовалъ генералъ-лейтенантъ Турчевскій, командовавшій Тридцать Первой дивизіей и частями Третьей, Девятой и Тридцать Пятой европейской дивизій. Въ общемъ, около трехъ съ половиною японскихъ дивизій противъ номинальныхъ русскихъ четырехъ дивизій. Я говорю „номинальныхъ", потому что взятые послѣ сраженія плѣнные сообщили намъ, что средняя численность русской роты была только 160 человѣкъ при двухъ офицерахъ. Если это правда, то русскіе должны были быть немного слабѣе японцевъ, роты которыхъ никогда не участвовали въ бою, имѣя меньше, чѣмъ 210 человѣкъ въ строю.

Что касается до мѣстности, то я сначала опишу задачу, предстоявшую Куроки, а затѣмъ перейду къ дѣйствіямъ Инуйэ.

*) Коби (Kobi)—означаетъ резервъ первой очереди; резервъ второй очереди называется Іоби (Yobi). Прим. автора.

Фиг. 6. Панорама сраженія у Тована Іюля 31-го (н. ст.) 1904. Видъ со „Скалистаго холма“.

Мотіенлингскій хребетъ тянется съ юга на сѣверъ. У западнаго его склона проходитъ въ томъ же направленіи долина Тіенсуитіенъ—Яморинза—Ханчапутзу. Ширина этой долины колеблется между 500 и 1000 ярдовъ. Долина эта плоская, густо населена и засѣяна хлѣбами. Протекающая вдоль ея рѣка имѣетъ въ среднемъ 50 ярдовъ ширины и два фута глубины. Западной границей долины служитъ другой хребетъ, похожій на Мотіенлингъ и имѣющій общее направленіе съ юга на сѣверъ. Позиція русскихъ тянулась вдоль хребтовъ и вершинъ этой горной линіи.

Черезъ Мотіенлингскій хребетъ имѣются четыре или пять переваловъ, по которымъ армія можетъ спуститься въ долину Яморинза. Но единственными дорогами, по которымъ армія могла отсюда двинуться къ Ляояну черезъ Ампингъ были дороги изъ Тована черезъ Іоширеи и изъ Чинчапутзу (Chinchaputsu) тоже черезъ Іоширеи (см. планъ № 7 и фиг. 6 и 7). Весьма естественно, что оплотъ и ключъ русской позиціи, который долженъ былъ преградить путь къ Ляояну, находился вѣроятно въ непосредственной близости отъ Іоширеи. V Іоширеи отъ главнаго хребта отдѣляются два массива скалистыхъ горъ въ долину Яморинза. Они не расходятся, какъ это обыкновенно бываетъ, а идутъ почти рядомъ, пока не встрѣчаются у деревни Тована, образуя тамъ узкое дефиле. Соединяясь между собою, они образуютъ какъ бы наконечникъ копья, а постепенно суживающаяся между ними впадина, такъ сказать мѣсто куда вставляется древко копья, представляетъ собою глубокую и узкую долину, направляющуюся отъ Тована къ Іоширеи.

Русскіе, занимая южный изъ этихъ сходящихся хребтовъ, находились лицомъ къ сѣверу; ихъ товарищи на южномъ хребтѣ были обращены фронтомъ на юго-востокъ. У острія копья, у Тована, русскіе, окопавшись вдоль вершинъ обоихъ хребтовъ стояли спиной другъ къ другу, раздѣленные только узкимъ дефилэ не болѣе 200 ярдовъ шириною. При первомъ взглядѣ на планъ можетъ показаться легкой задачей, захвативъ сначала вершины холмовъ надъ Тованомъ, отбросить затѣмъ непріятельскія оборонительныя линіи къ западу вдоль линіи хребтовъ. Однако въ тактическомъ

отношеніи природа воздвигла непреодолимыя препятствія ввидѣ отвѣсныхъ вершинъ хребтовъ, занятыхъ русскими. Въ особенности южная часть этихъ хребтовъ, на которой показана русская батарея подъ названіемъ „выступной батареи“, спускалась къ рѣкѣ настоящимъ обрывомъ ввидѣ гладкаго утеса, высотою въ 80 футъ. Всѣ русскія орудія, за исключеніемъ этой батареи, другая половина которой занимала позицію дальше къ югу на томъ же хребтѣ, были расположены на высотѣ 400—500 футовъ надъ долиной въ окрестностяхъ Іоширеи. Ихъ положеніе обозначено на планѣ и можно замѣтить, что мѣста ихъ выбраны были съ такимъ расчетомъ, чтобы обстрѣливать многочисленныя долины, спускающіяся съ Мотіенлингскаго хребта въ долину Яморинза.

Къ югу отъ этой главной позиціи, находился третій хребетъ, занятый русскими. Онъ начинался какъ разъ надъ Чинчапутзу, сначала тянулся къ югу и на протяженіи около 3.000 ярдовъ по направленію къ Ханчапутзу, гдѣ поворачивалъ къ юго-западу, давая русскимъ возможность загнуть назадъ свой флангъ. Высота его колебалась между 300 и 600 футами, а склоны были круты и большею частью покрыты густою зарослью, до четырехъ футовъ высоты. Ни въ одной изъ деревень долины Тіенсуитіенъ-Яморинза не было устроено бойницъ и вообще онѣ не были приведены въ оборонительное состояніе, хотя русскіе и занимали ихъ въ первый періодъ сраженія. Гаолянъ и другіе хлѣба не были срѣзаны для лучшаго обстрѣла. Описанная мною позиція была ареной главнаго сраженія между Куроки и Келлеромъ. Въ четырнадцати миляхъ къ сѣверу отъ Мотіенлинга находилась Двѣнадцатая дивизія. Фуджіи сказалъ мнѣ, что нѣсколько дней тому назадъ они были въ ожиданіи прибытія подкрѣпленія ввидѣ бригады гвардіи Коби подъ начальствомъ Умезавы (Umezawa). Ко дню сраженія прибылъ только одинъ полкъ этой бригады. 19-го іюля Инуйэ занялъ Чаотао и съ этихъ поръ Турчевскій сталъ на позиціи, преграждающей дальнѣйшее наступленіе японцевъ къ Ампингу или Ляояну. Выбранная имъ позиція находилась у Юшулинга (Yushuling) на лѣвомъ берегу р. Ши-Хо. Онъ

выдѣлилъ также бригаду къ Пенлину, въ шести миляхъ на югъ отъ Юшулинга, съ цѣлью преградить другую дорогу на Ампингъ черезъ Хучатзу (Huchatsu) (см. планъ № 8). Свойства мѣстности Юшулингъ - Пенлинъ будутъ описаны въ дальнѣйшемъ изложенiи болѣе подробно. Такимъ образомъ видно, что фронтъ, занимаемый обѣими армiями, простирался отъ Юшулинга на сѣверѣ и за Ханчапутзу на югѣ, т. е. занималъ болѣе двадцати миль очень пересѣченной мѣстности. Сраженiе естественно раздѣляется на четыре отличныхъ между собой эпизода:

1) Попытка Гвардiи обойти правый флангъ противника, которая окончилась неудачей.

2) Фронтальная атака поздно днемъ на Тованъ, которой не было оказано серьезнаго сопротивленiя.

3) Полное уничтоженiе русской бригады у Пенлина, какъ результатъ стратегическаго сосредоточенiя противъ нея бригады Сасаки, отдѣленной отъ Двѣнадцатой дивизiи и четырехъ батальоновъ Окасаки, выдѣленныхъ Второй дивизiей.

4) Атака Инуйэ на Турчевскаго у Юшулинга, частью успѣшная.

Прежде чѣмъ начать изложенiе самаго сраженiя, я приведу здѣсь нѣсколько замѣтокъ, которыя мнѣ продиктовалъ Фуджiи нѣсколько дней тому назадъ:

„Когда Хайченгъ и его окрестности были очищены отъ русскихъ войскъ и когда, послѣ извѣстнаго промежутка времени, генеральный штабъ узналъ, что лѣвый флангъ противника получаетъ значительныя подкрѣпленiя, то для маршала Куроки стало яснымъ, что планъ Куропаткина заключался въ нанесенiи рѣшительнаго удара Двѣнадцатой дивизiи. Всегда предвидѣлась возможность, что онъ попытается это предпринять, потому что большiя затрудненiя въ сообщенiяхъ безъ дорогъ по горамъ, раздѣлявшимъ центръ отъ праваго фланга нашей армiи, дѣлали эту операцiю очень соблазнительной въ особенности для противника, который могъ сосредоточить войска противъ Двѣнадцатой дивизiи не только со стороны Токайена и Ампинга, но также отъ Мукдена и съ сѣвера.

Опасались также, какъ бы русская кавалерія и казаки, базируясь на сѣверъ, не прервали сообщеній Двѣнадцатой дивизіи. Однако, до сихъ поръ ничего не произошло непріятнаго, быть можетъ потому, что генералъ Ренненкампфъ былъ раненъ. Однако, наши послѣднія свѣдѣнія съ очевидностью доказываютъ, что собирались ли русскіе атаковать сообщенія или нѣтъ, но сама Двѣнадцатая дивизія подвергалась нѣкоторой опасности. Дѣйствительно, на наше счастье, мы узнали о томъ, что тамъ происходило, какъ разъ вовремя. На день позднѣе—было бы на день слишкомъ поздно! На самомъ дѣлѣ не было потеряно ни одного мгновенія; мы нанесли ударъ всѣми нашими силами по всей позиціи и захватили противника какъ разъ вовремя. Мы его застали прежде, чѣмъ онъ успѣлъ завершить всѣ передвиженія своихъ войскъ, а также въ то время, когда всѣ его распоряженія и составъ отрядовъ были нарушены благодаря этимъ передвиженіямъ.

„Много пріятныхъ вещей говорили въ вашей странѣ о великомъ успѣхѣ, одержанномъ Нашей арміей на Ялу, но это сраженіе 31-го числа причинило нашему генеральному штабу безконечно болѣе безпокойства, чѣмъ переправа черезъ эту рѣку“.

Участіе, которое принимала Гвардія въ усиліи Куроки предупредить Куропаткина, заключалось въ томъ, чтобы обойти правый русскій флангъ съ юго-запада отъ Ханчапутзу и затѣмъ овладѣть Іоширеи. Надѣялись, что графа Келлера можно будетъ удержать на его позиціяхъ на южной сторонѣ долины Яморинза только легкимъ фронтальнымъ давленіемъ со стороны Второй дивизіи, пока Гвардіи не удастся захватить у него въ тылу проходъ у Іоширеи. Если бы этотъ планъ увѣнчался успѣхомъ, то онъ означалъ бы для русской арміи полное пораженіе. Безграничная смѣлость этой идеи, конечно, очень привлекательна. Двѣ японскія дивизіи собирались атаковать равнаго по числу противника въ окопахъ; задача, которая, казалось, должна была вызывать исключительную осторожность. Наоборотъ, наиболѣе выдающимся достоинствомъ этого плана было рѣшеніе прибѣгнуть къ нему. Предполагалось, что

у русскихъ не было настоящаго генерала и что потому они были неподвижны и неспособны къ маневрированію и контръ-атакамъ. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ: пять батальоновъ Гвардіи должны были удерживать правый флангъ противника, а въ это время три батальона должны были совершить кружное обходное движеніе вокругъ этого же фланга. Другіе три батальона предназначались для связи между правой и лѣвой колоннами, а одинъ остающійся батальонъ долженъ былъ находиться въ резервѣ. На самомъ дѣлѣ это означало, что шесть батальоновъ Гвардіи потеряли бы всякую связь съ остальной арміей въ смыслѣ непосредственнаго содѣйствія, начиная съ разсвѣта и вплоть до наступленія темноты. Несомнѣнно, что мѣстность, по которой пришлось двигаться обходящей колоннѣ, оказалась хуже, чѣмъ ожидали. Кромѣ того предполагалось, что эта колонна достигнетъ назначеннаго пункта на нѣсколько часовъ ранѣе, но о военныхъ планахъ слѣдуетъ судить по ихъ результатамъ. Оставалась только Вторая дивизія, предназначавшаяся для удержанія главныхъ силъ русскихъ, расположенныхъ по обоимъ хребтамъ, соединяющимся у Тована, до тѣхъ поръ, пока обходная колонна Гвардіи не окажется на разстояніи атаки отъ Іоширеи. Тогда предполагался штурмъ Тованскаго уступа, а вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ наступить конецъ Келлеру и его арміи.

Хотя планъ и былъ хорошъ, но всетаки скорѣе былъ похожъ на военную авантюру. Не удовлетворяясь однако предполагаемымъ полнымъ уничтоженіемъ всей силы графа Келлера, Куроки не могъ допустить мысли, что русская бригада у Пенлина отдѣлается только однимъ обыкновеннымъ пораженіемъ. Во исполненіе этого, онъ выслалъ отъ Второй дивизіи Окасаки съ четырьмя батальонами изъ шести его бригады съ приказаніемъ обойти правый флангъ русскихъ у Пенлина и ударить имъ въ тылъ. Пенлинъ находится въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Іоширейскаго поля сраженія. Такимъ образомъ Вторая дивизія, располагавшаяся противъ фронта главной русской позиціи, состояла только изъ бригады Матсунаги (Matsunaga) съ придачей двухъ оставшихся батальоновъ бригады Окасаки.

Итакъ, Куроки имѣя противъ себя равнаго по числу противника, выдѣлилъ изъ общаго числа своихъ двадцати четырехъ батальоновъ десять съ соотвѣтственнымъ числомъ саперовъ. Изъ нихъ четыре ссвершенно ушли съ поля сраженія, остальные шесть были потеряны по крайней мѣрѣ до полудня, и даже позже ими нельзя было располагать въ любое время втеченіи 31-го числа, съ цѣлью отраженія возможной атаки Мотіенлинга русскими. Для японцевъ же Мотіенлингъ составлялъ совершенно такую же чувствительную часть позиціи, какъ Іоширеи для русскихъ. Пожалуй даже больше, потому, что если бы русскіе и были отрѣзаны отъ своихъ сообщеній, то въ краѣ всетаки имѣлся достаточный запасъ просяной муки, тогда какъ вторгнувшіяся японскія войска исключительно зависѣли отъ подвоза риса и другой пищи изъ Японіи.

Когда Ли у Ченслорсвилля (Chancellorsville) выслалъ Джэксона съ 26.000 человѣкъ на четырнадцать миль, съ цѣлью обойти правый флангъ 70.000 Сѣверянъ, оставаясь самъ только съ 17.000 для удержанія противника во время этого обхода, онъ предпринялъ смѣлый по идеѣ планъ, который всетаки считался близкимъ къ опрометчивости. Планъ Куроки 31-го іюля, вѣроятно, будетъ отнесенъ къ такой же категоріи предпріятій.

О подробностяхъ той части операцій, цѣль которой была, какъ предполагалось, нанести „grand coup" графу Келлеру овладѣніемъ Іоширеи, будетъ лучше упомянуть вначалѣ, ибо для сего будетъ достаточно только нѣсколькихъ словъ. Лѣвая колонна, состоявшая изъ одной полевой батареи, двухъ съ половиною эскадроновъ кавалеріи и трехъ батальоновъ Императорской Гвардіи, двинулась на Маяпузу (Mayapuza), которая находится внѣ южной рамки карты. Двигаясь цѣлую ночь и вплоть до полудня 31-го числа, эта колонна своимъ направленіемъ очертила кругъ и оказалась у пункта въ двухъ съ половиной миляхъ по воздушной линіи къ сѣверо-западу отъ Ханчапутзу. Здѣсь японцы встрѣтили четыре непріятельскихъ батальона, ожидавшихъ ихъ на крутомъ и скалистомъ хребтѣ, который направлялся къ югу отъ Ханчапутзу. Вслѣдствіе рас-

положенія русскихъ на вершинахъ почти отвѣснаго хребта и сильнаго утомленія людей, колонна не двинулась съ мѣста въ теченіе всего дня, и здѣсь ничего особеннаго не произошло, кромѣ незначительныхъ стычекъ. Въ общемъ спискѣ ея потерь за 31-е число значился только одинъ человѣкъ. Начальникомъ отряда былъ Асада (Asada), генералъ, высоко стоявшій во мнѣніи Фуджіи.

Колонна для связи, состоявшая изъ одной горной батареи, трехъ эскадроновъ кавалеріи и трехъ батальоновъ, двинулась на Папанлинъ (Papanlin). Въ долинѣ Яморинза дальнѣйшее движеніе колонны было остановлено двумя ротами русской пѣхоты, занимавшими деревни Кучапутзу (Kuchaputsu) и Ханчапутзу. Поддержанная огнемъ своей горной батареи пѣхота колонны скоро очистила отъ русскихъ эти деревни и командовавшіе ею холмы съ западной стороны долины. Затѣмъ колонна двинулась далѣе въ южномъ направленіи и къ полудню достигла пункта въ разстояніи двухъ миль по воздуху къ сѣверо-западу отъ Ханчапутзу. Колонну здѣсь отдѣляли только полторы мили отъ отряда Асады, съ которымъ было приказано поддерживать связь. Но ихъ товарищей справа раздѣляло теперь большое разстояніе, такъ какъ русскія орудія у Іоширеи заставили сдѣлать большой кругъ. Полевой телефонъ былъ испорченъ, а въ японской арміи не было приборовъ для оптической сигнализаціи. Мѣстность была настолько пересѣченная, что конные ординарцы были принуждены вести своихъ лошадей въ поводу. Такимъ образомъ въ дѣйствительности и эта колонна на весь остатокъ дня была потеряна для Куроки; хотя она и вела мелкія стычки по своему фронту, но не чувствовала себя достаточно сильной для атаки и къ концу всѣхъ этихъ операцій, потери ея составляли всего около 60 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя преимущественно рано утромъ. Итакъ лѣвая и центральная колонны Императорской Гвардіи потерпѣли неудачу въ своемъ намѣреніи подойти настолько близко къ Іоширеи, чтобы оказать давленіе на этотъ чувствительный пунктъ. Онѣ находились слишкомъ далеко отъ своихъ товарищей и были слишкомъ изолированы отъ нихъ порчею полевыхъ

телефоновъ, чтобы быть въ состоянiи дѣйствовать совмѣстно. Въ результатѣ, порученная имъ Куроки задача, была совершенно невыполнена.

Правой колонной Императорской Гвардiи командовалъ элегантный и развитой Ватанабэ. Она состояла изъ пяти батальоновъ, полутора эскадроновъ кавалерiи, пяти батарей полевой артиллерiи и двухъ ротъ саперъ. Два батальона и двѣ батареи этого отряла двигались на Рихореи (Липолинъ) и вышли въ долину Яморинза напротивъ деревни Суитечанза (Suitechansa). Три батальона и три батареи шли черезъ Шинкваиреи въ Макумензу. Изъ этого видно, что правая колонна Ватанабэ вновь была подраздѣлена на двѣ отдѣльныя колонны. Такъ какъ мое описанiе начинается съ лѣваго фланга къ правому, то я назову отрядъ, появившiйся у Суитечанзы, Правой Гвардейской колонной А, а отрядъ у Макумензы Правой Гвардейской В. Колоннѣ А было приказано атаковать Суитечанзу и Чинчапутзу; колоннѣ В— поддерживать связь вправо со Второй дивизiей и удерживать противника, расположившагося на хребтѣ фронтомъ на западъ отъ Макумензы. Въ 8 ч. утра двѣ батареи колонны А открыли огонь по русскимъ батареямъ, стоявшимъ на 500 футовъ выше ихъ на высокомъ хребтѣ въ 1.500 ярдахъ къ юго-востоку отъ Iоширеи. Съ этой цѣлью эти японскiя батареи заняли позицiю на днѣ долины противъ Суитечанзы, и такъ какъ мѣстность была очень ограничена въ ширину, то одна батарея открыла огонь, находясь позади другой на 300 ярдовъ. Едва эти двѣ батареи начали пристрѣливаться, какъ русскiя батареи, зная заранѣе прицѣлъ, открыли по нимъ огонь и въ двадцать минутъ привели ихъ къ молчанiю. Нѣсколько разъ въ этотъ день эти янонскiя батареи вновь начинали состязанiе, но каждый разъ также въ нѣсколько минутъ принуждены были замолчать вслѣдствiе большой мѣткости и командованiя окопавшихся русскихъ батарей, которыя хорошо стрѣляли съ разстоянiя 5.500 ярдовъ, находясь въ предѣлахъ ихъ шрапнельнаго огня, тогда какъ болѣе слабыя орудiя японцевъ могли употреблять на этой дистанцiи только свои бризантные снаряды.

Два батальона пѣхоты, входившiе въ составъ колонны А

располагались слѣдующимъ образомъ: три роты 1-го батальона заняли позицію на холмахъ у сѣверной стороны долины Суитечанза, гдѣ онѣ и оставались до наступленія темноты; 4-я рота была придана къ 2-му батальону и стояла вмѣстѣ съ нимъ на позиціи, въ полумилѣ разстоянія, на южной сторонѣ той же долины. Въ 9 ч. утра эта 4-я рота 1-го гвардейскаго батальона вышла изъ-за закрытія холмовъ и направилась по діагонали черезъ долину Яморинза къ деревнѣ Суитечанза. Во время этого движенія она была поддержана сильнымъ огнемъ трехъ ротъ своего же батальона, которыя сползли внизъ къ подножію холмовъ къ сѣверу отъ долины Суитечанза и оказались какъ разъ напротивъ этой деревни и въ разстояніи хорошаго выстрѣла отъ нея. Атакующая рота, раздѣленная на три части, двигавшихся другъ за другомъ въ разстояніи около 300 ярдовъ, занимая очень большое пространство по фронту, наступала въ сѣверо-восточномъ направленіи и перейдя удвоеннымъ шагомъ черезъ рѣку подъ сильнымъ огнемъ изъ деревни и изъ окоповъ на южныхъ холмахъ, исчезла въ высокомъ гаолянѣ, покрывавшемъ собою все пространство отъ западнаго берега рѣки вплоть до деревни Суитечанзы. Перебравшись черезъ долину и достигнувъ подножія холмовъ, гдѣ было мертвое пространство отъ выстрѣловъ съ холмовъ, рота передохнула и зайдя лѣвымъ плечомъ впередъ, бросилась въ атаку и овладѣла южной частью деревни. Этимъ успѣхъ японцевъ и ограничился на долгое время, ибо русскіе упорно удерживали сѣверную часть деревни и примыкающія къ ней рощи. Остальныя три роты Перваго Гвардейскаго батальона держались твердо и только перенесли свой огонь на деревню Чинчапутзу и на русскіе окопы позади нея. Такъ дѣло продолжалось до наступленія темноты, и вплоть до этого времени японцы не пытались перейти черезъ долину Яморинза. Въ то самое время, когда рота 1-го батальона заняла свою позицію въ деревнѣ Суитечанза, т. е. въ 9 ч. 30 м. утра, 2-й батальонъ тоже быстро покинулъ свое небольшое закрытіе у восточной линіи холмовъ и двинулся почти по тому же направленію. Однако, вмѣсто того, чтобы втянуться въ деревню, онъ обошелъ Суитечанзу съ юга и вступилъ въ

мертвое пространство у подножія западной гряды горъ, образующихъ собою долину Яморинза. Здѣсь батальонъ зашелъ плечомъ, ставъ лицомъ къ сѣверу и имѣя свой правый флангъ футовъ на двадцать или тридцать надъ уровнемъ долины, а лѣвый—ярдовъ на 500 дальше и вверхъ по склону холмовъ, почти на вершинахъ главнаго хребта, занять которыя имъ мѣшала русская артиллерія на высотахъ къ югу отъ Іоширеи. Затѣмъ батальону удалось продвинуться немного къ сѣверу, но въ 10 ч. 30 м. утра было приказано остановиться, чтобы дать людямъ отдохнуть и пообѣдать. Полковникъ Юмъ (Hume), который наблюдалъ за ходомъ сраженія съ небезопасной южной стороны долины Яморинза, сообщилъ мнѣ, что въ это время имъ было замѣчено какое то любопытное мерцаніе вдоль всего японскаго фронта. Разсмотрѣвъ это явленіе съ болѣе близкаго разстоянія, онъ убѣдился, что каждый изъ маленькихъ солдатъ вытащилъ свой вѣеръ и ожесточенно имъ обмахивался. Дѣйствительно день былъ невыносимо жаркій.

Въ полдень батальонъ вновь началъ свое наступленіе вдоль нижнихъ скатовъ хребта. Какъ можно видѣть на планѣ № 7, главный хребетъ у его сѣверной оконечности утончается ввидѣ длинной возвышенности, которая своимъ концомъ почти касается деревни Чинчапутзу. Возвышенность, лежащая непосредственно къ югу отъ нея, была захвачена 2-мъ батальономъ вскорѣ послѣ возобновленія имъ наступленія. Обѣ эти возвышенности раздѣлялиеь глубоко уходящимъ въ землю оврагомъ. Въ верхнемъ его участкѣ, тамъ, гдѣ обѣ возвышенности приближаются къ главному хребту, ширина этого оврага была только 200 ярдовъ, считая по воздуху. Въ нижнемъ же участкѣ, тамъ, гдѣ возвышенности постепенно сливаются съ поверхностью долины, оврагъ дѣлается болѣе плоскимъ и расширяется, пожалуй, до 400 ярдовъ. 21-й Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ занималъ одну ихъ этихъ возвышенностей, японская Императорская Гвардія—другую изъ нихъ. Наступила половина двѣнадцатаго утра, а вмѣстѣ съ этимъ и критическій моментъ боя. Еще одно усиліе и японцы овладѣли бы всей возвышенностью, господствовавшей подъ Суитечанзой и Чин-

чапутзу, но скоро было обнаружено, что отчаянная энергія атакъ тратилась по пустому, встрѣчая желѣзное упорство обороняющихся, рѣшившихъ скорѣе погибнуть на мѣстѣ, чѣмъ уступить хотя бы ярдъ позиціи.

Мнѣ знакомъ каждый шагъ на этой мѣстности. Небольшой оврагъ почти весь покрытъ густой зарослью около четырехъ футовъ высотой. Хребты обѣихъ возвышенностей совершенно обнажены, хотя вдоль русской позиціи кое-гдѣ и росли деревья. Японцы продольно обстрѣливались огнемъ русскихъ орудій, расположенныхъ на главномъ хребтѣ недалеко отъ Іоширеи. Тыльный склонъ русской возвышенности былъ очень крутъ, почти какъ брустверъ редута и представлялъ благодаря этому хорошее закрытіе отъ шрапнельнаго огня. Русская возвышенность тянулась почти до Чинчапутзу и съ этой сѣверной оконечности своей позиціи, со стороны деревни, обороняющіеся могли до извѣстной степени продольно обстрѣливать оврагъ. Японцы не были въ состояніи взобраться на главный хребетъ, чтобы обойти правый русскій флангъ, ибо при этомъ попадали подъ огонь орудій къ югу отъ Іоширеи. Съ другой стороны, русскіе могли при случаѣ проползти позади главнаго хребта, внезапно выскочить на него и продольно обстрѣливать японцевъ, лежащихъ вдоль этой возвышенности. Они такъ и поступили въ дѣйствительности.

Въ 12 ч. 35 м. дня японцы очень хорошо убѣдились, что русскіе не имѣютъ ни малѣйшаго намѣренія преподнести имъ въ подарокъ эту свою позицію. Японцы сначала пустили въ дѣло свои поддержки, а затѣмъ въ 1 ч. дня и резервы. Отозвали изъ южной части Суитечанзы роту 1-го батальона, ихъ орудія открыли бѣглый огонь, а пѣхота пачечный, но ничего изъ этого не выходило. Были сдѣланы одиночными людьми и мелкими партіями одна или двѣ попытки прорваться черезъ послѣдніе 100 ярдовъ, но напряженіе русскаго огня казалось скорѣе увеличивалось, чѣмъ уменьшалось. Для наблюдателей съ другой стороны долины Яморинза было вполнѣ ясно, что сибирскіе стрѣлки не намѣрены были обращать ни малѣйшаго вниманія на Императорскую Гвардію и рѣшили, что если японцамъ такъ хо-

чется овладѣть ихъ позиціей, то пусть они возьмутъ ее остріемъ штыковъ. Полковникъ Юмъ разсказывалъ мнѣ, что во время самаго разгара боя одинъ изъ солдатъ обратился къ своему ротному командиру съ замѣчаніемъ, что эти люди напротивъ такіе хорошіе стрѣлки и такъ храбро высовываются изъ-за закрытій, что, по его мнѣнію, это должно быть японцы, а не русскіе. Офицеръ отвѣтилъ ему, что если это его мнѣніе, то пусть онъ развернетъ свой маленькій флагъ съ Восходящимъ солнцемъ и воткнетъ его на вершину своей позиціи. Солдатъ исполнилъ это и убѣдился, что люди на противуположной сторонѣ видимо не были большими почитателями его національной эмблемы, ибо флагъ былъ немедленно прострѣленъ въ трехъ мѣстахъ.

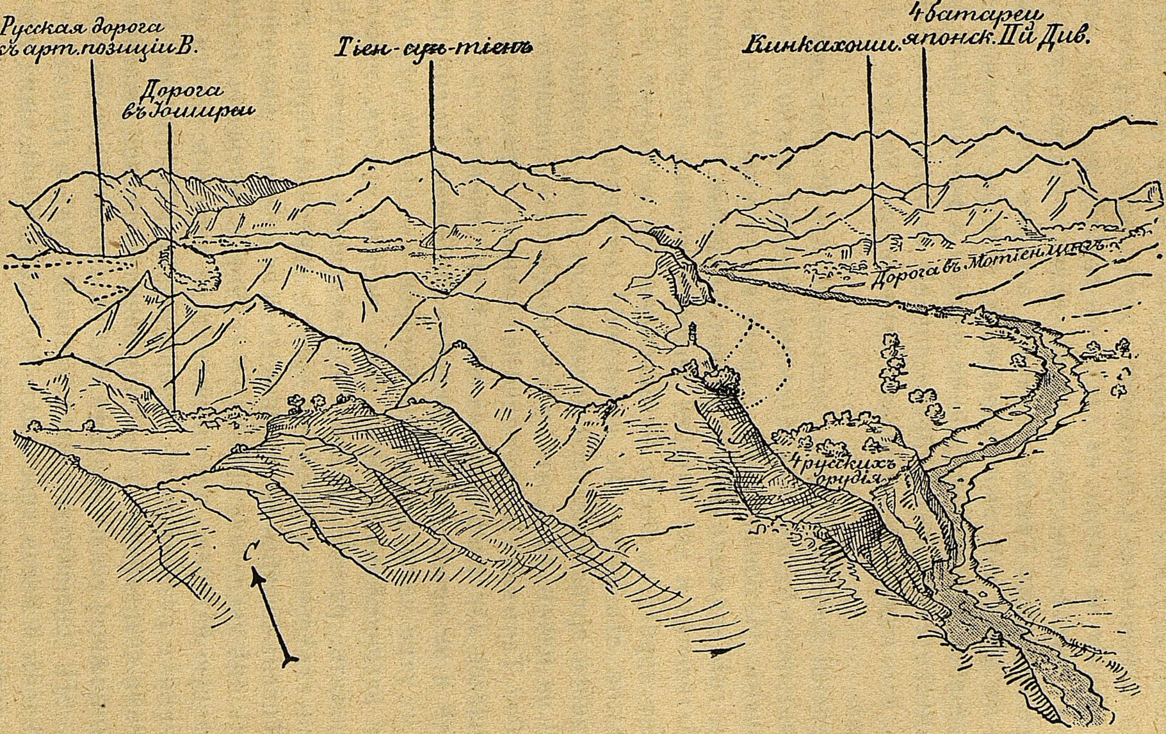
21-ый Восточно-Сибирскій Стрѣлковый полкъ одинъ изъ немногихъ хорошо стрѣляющихъ полковъ, съ которыми японцамъ пришлось до сихъ поръ встрѣчаться. На такомъ близкомъ разстояніи высунуться изъ-за хребта возвышенности болѣе чѣмъ на секунду—означало вѣрную смерть. Нѣтъ болѣе труднаго испытанія для солдата, какъ приказать ему опять повторить атаку послѣ первой неудачи. Его волненіе улеглось, и онъ имѣлъ достаточно времени, чтобы уяснить себѣ, что первый поднявшійся съ земли человѣкъ будетъ подстрѣленъ, какъ кроликъ. Японцы не сдѣлали этой попытки, серьезной нужно замѣтить, и своимъ слабымъ огнемъ какъ бы признали, что весь ихъ пылъ къ атакѣ самъ собою охладѣлъ.

Я описалъ это неудачное дѣло до конца. Не близость и упорство сражающихся и не вліяніе этого дѣла на исходъ всего этого дня произвели на меня такое сильное впечатлѣніе. Борьба между Гвардіей и стрѣлками привлекла мое вниманіе, какъ британскаго генерала, въ особенности потому, что характеръ мѣстности и вся сопровождавшая ее обстановка напомнила мнѣ такъ живо борьбу на такомъ же тѣсномъ пространствѣ, а именно при Вэгонъ Хилль (Waggon Hill) 6-го января 1900 г. Въ теченіе всей кампаніи я нетерпѣливо ждалъ, конечно не изъ зависти, а вслѣдствіе глубокаго профессіональнаго интереса той минуты, когда я буду въ состояніи честно воскликнуть: „Наши люди могутъ

быть лучше другихъ“! За исключеніемъ нѣкоторыхъ техническихъ деталей, какъ напримѣръ, сооруженія дорогъ, геліографовъ и проч. и нѣкоторыхъ тактическихъ вопросовъ, которые всегда останутся дѣломъ личнаго взгляда, я долженъ былъ отвѣтить на мой вопросъ отрицаніемъ, во всякомъ случаѣ по отношенію къ пѣхотѣ. Но съ тѣхъ поръ, когда я увидѣлъ этотъ небольшой оврагъ, гдѣ линія стрѣлковъ на противуположной сторонѣ ясно обозначалась до послѣдняго человѣка грудами пустыхъ патронныхъ ящиковъ, тогда наконецъ я могъ съ гордостью указать на эту продолжительную борьбу на разстояніи 100 ярдовъ; на ударъ въ штыки Дэвонширцевъ (Devons) съ такой же дистанціи и такой же мѣстности, на потерю всѣхъ ротныхъ офицеровъ и трети людей въ нѣсколько секундъ, наконецъ на прорывъ непріятельской позиціи и полное пораженіе противника. Въ этомъ случаѣ, я чувствую, что намъ нѣтъ ни малѣйшихъ основаній опасаться сравненія.

Днемъ русскими была произведена небольшая попытка перейти въ наступленіе и атаковать японскую возвышенность, для чего они проползли черезъ невысокій кустарникъ изъ своихъ окоповъ надъ Чинчапутзу. Они были отброшены и послѣ этого до 4 ч. дня въ Гвардейской дивизіи не происходило ничего особеннаго, не считая настойчивыхъ усилій японской артиллеріи получить перевѣсъ надъ искусcно расположенными орудіями противника. Обходящая колонна, колонна для связи и, наконецъ, лѣвая половина правой колонны, всѣ онѣ были осуждены на полное бездѣйствіе. Теперь станетъ ясно, что планъ Куроки потерпѣлъ неудачу. Обходящая и атакующая части его силъ, состоящія изъ трехъ колоннъ, движенія которыхъ мною описаны, перестали обходить и атаковать. Оставался только тотъ отрядъ, которымъ онъ намѣревался удерживать правый флангъ непріятеля во время его обхода, а именно, гвардейцы, двинувшіеся внизъ по долинѣ Макуменза и остановившіеся противъ д. Яморинза и Вторая дивизія, удерживавшая главныя силы противника противъ Тована и Кинкахоши. Я сначала займусь Гвардейцами и покончу съ ними.

Въ 3 ч. дня генералъ Хасегава, начальникъ дивизіи, получилъ донесеніе, доставленное черезъ горы пѣшимъ ординарцемъ и поэтому запоздавшее на нѣсколько часовъ. Въ донесеніи сообщалось о полной неудачѣ обходнаго движенія и предупреждалось о сосредоточеніи противника въ угрожающихъ силахъ на фронтѣ изолированной лѣвой колонны и колонны для связи. Единственнымъ способомъ облегчить положеніе лѣваго фланга было перейти самому въ наступленіе правымъ флангомъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ Хасегава немедленно выслалъ свой дивизіонный резервъ на подкрѣпленіе японцамъ на хребтѣ надъ Чинчапутзу и приказалъ имъ еще разъ попробовать овладѣть непріятельской позиціей. Ихъ часъ насталъ, могли ли они или нѣтъ выполнить возложенное на нихъ порученіе. Это вполнѣ свойственно человѣческой природѣ; той жалкой человѣческой природѣ, съ которой приходится бороться на войнѣ офицерамъ, а въ мирное время священникамъ. Какъ бы они ни боролись съ ней, она никогда не бываетъ окончательно побѣждена и готова не выдержать испытанія въ самую критическую минуту. Когда люди, прилѣпившись къ землѣ въ теченіе трехъ смертельныхъ часовъ, выносили непрерывный градъ пуль, проносившійся надъ ихъ головами, чрезвычайно трудно заставить всѣхъ ихъ одновременно подняться и броситься впередъ въ штыки. Нѣсколько особенно храбрыхъ людей вскакиваютъ на ноги и мгновенно падаютъ убитыми, что усиливаетъ у каждаго ту затаенную мысль, что онъ поднимется съ земли, только послѣ своего сосѣда. А такъ какъ его сосѣдъ думаетъ совершенно такъ же, то въ результатѣ изъ этого всего ничего и не выходитъ, если только не прибудутъ свѣжія войска и не пойдутъ сразу впередъ безъ малѣйшей задержки или колебанія. Поэтому, можетъ быть, было вполнѣ естественно, что приказаніе атаковать не имѣло ни малѣйшихъ послѣдствій. Итакъ было приказано послѣдней колоннѣ, лежавшей противъ Яморинзы, перейти черезъ долину и овладѣть высотою къ юго-западу отъ этой деревни. Подъ прикрытіемъ ужаснаго артиллерійскаго огня со всѣхъ японскихъ батарей колонна двинулась впередъ, перешла въ бродъ рѣку въ

Фиг. 7. Сраженіе Іюля 31-го (н. с.) 1904. Видъ съ русской позиціи къ югу отъ Тована.

6 ч. вечера и овладѣла Яморинзой и вершиной въ 500 ярдахъ къ югу отъ нея. Однако здѣсь атака была совершенно остановлена и противникъ продолжалъ удерживать свои позиціи не только на главномъ хребтѣ, но и на вершинѣ въ двухъ или трехъ стахъ ярдахъ къ юго-западу. Теперь неуспѣхъ Гвардіи сдѣлался совсѣмъ полнымъ, Они ввели въ дѣло всѣ свои резервы и, если бы сраженіе разыгрывалось только между ними одними и русскіе были бы въ непосредственномъ соприкосновеніи съ ними, то я увѣренъ, что положеніе японцевъ становилось бы все хуже и хуже.

Правый флангъ Куроки, состоявшій изъ Второй дивизіи безъ четырехъ батальоновъ Окасаки, располагался по обѣимъ сторонамъ Мотіенлингской дороги въ полумилѣ отъ того мѣста, гдѣ она выходитъ въ долину Яморинза-Тіенсуитіенъ. Два батальона и двѣ батареи занимали позицію по южную сторону дороги, а шесть батальоновъ съ четырьмя батареями—по сѣверную. Но диспозиція (которую я получилъ отъ одного артиллерійскаго полковника) такъ наглядно показана на планѣ № 7, что нѣтъ надобности описывать ее подробно. Такъ какъ Вторая дивизія главнымъ образомъ предназначалась для удержанія на мѣстѣ противника, то тамъ вначалѣ и не происходило никакихъ интересныхъ событій. Въ 9 ч. утра четыре японскія батареи къ сѣверу отъ дороги и расположенныя какъ разъ позади хребта, начали нащупывать русскіе окопы шрапнельнымъ огнемъ. Нѣсколько отдѣльныхъ рощъ на хребтѣ сѣверной стороны долины Тованъ-Іоширеи также привлекли на себя ихъ вниманіе. Затѣмъ онѣ увеличили прицѣлъ и трубку и перенесли огонь на русскую батарею, находившуюся на вершинѣ хребта въ 2000 ярдахъ разстоянія къ сѣверо-западу отъ Іоширеи. Въ это время гвардейская артиллерія направляла свои ужасныя, но судорожныя усилія противъ хребта, тянувшагося къ юго-западу отъ Чанчапутзу. Непрестанный гулъ и грохотъ ея выстрѣловъ и масса красивыхъ бѣлыхъ клубовъ дыма разрывающихся шрапнелей производили удивительное впечатлѣніе. Въ 9 ч. 45 м. русскія орудія въ 1500 ярдахъ къ юго-востоку отъ Іоширеи, которыя до сихъ поръ обстрѣ-

ливали долину Яморинза, мгновенно перенесли свой огонь на четыре батареи Второй дивизіи, стоявшія къ сѣверу отъ Мотіенлингской дороги. Въ одно мгновеніе они закончили пристрѣлку, выпустили ураганъ снарядовъ и черезъ нѣсколько минутъ всѣ оставшіеся въ живыхъ и не раненые японскіе артиллеристы убрались на пятьдесятъ ярдовъ назадъ подъ закрытіе углубленной дороги, а двадцать четыре ихъ орудія, такъ задорно гремѣвшія до сихъ поръ, были оставлены на произволъ судьбы и хранили гробовое молчаніе! Какъ только русскіе насытились своей побѣдой, они тоже прекратили огонь. И тогда вмѣсто шума и смятенія воцарилось полное спокойствіе, которое скорѣе подчеркивалось, чѣмъ нарушалось дробнымъ рокотомъ внизу, по которому мы догадывались, что Гвардія и русскіе все еще вели между собой упорную борьбу около Суитечанзы и Чинчапутзы.

Мало по малу японская артиллерійская прислуга выползла обратно и я ясно видѣлъ, какъ она возилась со своими орудіями, перемѣняя ихъ положеніе такъ, чтобы ввести русскихъ въ заблужденіе относительно дистанціи, если они опять откроютъ огонь.

Въ 2 ч. 45 м. опять началось состязаніе. Японцы большею частью стрѣляли гранатами, направляя огонь на своего стараго врага, батарею къ сѣверо-востоку отъ Іоширеи и на выступную батарею не далеко отъ оконечности вершины близъ Тована. На этотъ разъ русскимъ на высотахъ у Іоширеи не удалось повторить ихъ первый блестящій успѣхъ, можетъ быть потому, что ихъ сбили съ толку небольшія измѣненія въ положеніи японскихъ орудій. Съ другой же стороны, какъ я самъ убѣдился на слѣдующій день, русскія орудія надъ Тованомъ были совершенно неуязвимы для выстрѣловъ съ сѣверо-востока, потому что были чрезвычайно искусно сжаты вмѣстѣ между небольшой крутой вершиной и подъемомъ горы. Ихъ фронтъ обезпечивался настоящимъ обрывомъ въ 80 футовъ вышиной, спускающимся къ рѣкѣ, такъ что лучшей позиціи и нельзя было себѣ вообразить.

Приводимыя мною здѣсь извлеченія изъ разсказа гене-

ралъ-маіора Фуджіи послужатъ хорошимъ вступленіемъ къ описанію послѣдняго періода этого сраженія:

„Вы лучше сможете понять опасенія генеральнаго штаба, если я обращу ваше вниманіе на то, что благодаря превосходству въ силахъ противника, мы принуждены были отказаться отъ мысли имѣть обще-армейскій резервъ. Не много нужно было времени, чтобы заставить насъ почувствовать его отсутствіе. Хотя намъ и было извѣстно, что мѣстность на фронтѣ Гвардіи была очень затруднительна, но мы все же ожидали, что Гвардія овадѣетъ Іоширеи по крайней мѣрѣ къ полудню. Но такъ какъ условія мѣстности оказались болѣе неблагопріятны, чѣмъ мы того ожидали, не представляя хорошихъ артиллерійскихъ позицій, то всѣ наши надежды оказались совершенно напрасными. На самомъ дѣлѣ, какъ вы хорошо знаете, атака Гвардіи была на всѣхъ пунктахъ совершенно остановлена. Когда это выяснилось, штабъ долженъ былъ сознаться, что положеніе сдѣлалось критическимъ. Если бы только Гвардіи удалось выполнить полученныя приказанія и успѣшно атаковать Іоширеи, то какъ самый Мотіенлингъ, такъ и наша главная, пересѣкающая его, линія сообщеній были бы въ полной безопасности. Потому что, если бы даже русскіе и перешли противъ насъ въ наступленіе, то для удержанія ихъ на этой сторонѣ перевала въ нашемъ распоряженіи всегда находилась Вторая дивизія. Но такъ какъ атака Гвардіи была отброшена и успѣхъ или неудача на этомъ участкѣ поля сраженія, казалось, были одинаково возможны, то мы не могли далѣе дѣйствовать со всѣмъ тѣмъ благоразуміемъ, къ которому мы непремѣнно стремимся. Это чрезвычайно важное обстоятельство и я желалъ бы выяснить вамъ его, даже рискуя повтореніями. До тѣхъ поръ, пока Вторая дивизія не была введена въ дѣло, исключая только нѣкотораго содѣйствія Гвардіи своимъ лѣвымъ флангомъ, мы обладали преимуществомъ наличія армейскаго резерва, хотя въ диспозиціи для этого боя мы и не выдѣлили съ этой цѣлью какой либо войсковой части. Каждая угроза противъ нашего центра, гдѣ мы были наиболѣе уязвимы, могла бы быть парализована правымъ флангомъ

Второй дивизіи, который могъ бы быть впослѣдствіи усиленъ отозваніемъ Окасаки съ его четырьмя батальонами*) Но разъ только правый флангъ Второй дивизіи былъ бы введенъ въ дѣло для совмѣстной атаки Іоширеи, то онъ совершенно потерялъ бы свое значеніе резерва; тѣмъ болѣе, что во время самаго движенія въ атаку онъ долженъ бы былъ завернуть свой правый флангъ къ Сеисекиреи (Seisekirei) и при дальнѣйшемъ движеніи впередъ открыть самый Мотіенлингъ.

„Въ это время маршалъ Куроки еще не зналъ о большомъ успѣхѣ на его правомъ флангѣ, что освободило бы его отъ всѣхъ опасеній относительно генераловъ Окасаки и Инуйэ. На самомъ же дѣлѣ, однако, онъ полагалъ что нѣтъ непосредственной опасности перехода русскихъ въ наступленіе на сѣверномъ участкѣ поля сраженія. Ему было извѣстно, что приготовленія русскихъ для предполагаемаго ими наступленія противъ Двѣнадцатой дивизіи не были закончены и поэтому онъ надѣялся, что русскіе, всецѣло занятые собственной обороной, не будутъ въ состояніи думать ни о чемъ другомъ. Маршалъ не особенно безпокоился за нашъ лѣвый флангъ и за южный участокъ поля сраженія, потому что, хотя тамъ японцамъ и не удалось овладѣть позиціей противника, но мѣстность была одинаково неудобна какъ для атаки, такъ и для контръатаки. Генеральный штабъ былъ вполнѣ увѣренъ, что Гвардія сможетъ удержаться на занимаемыхъ ею позиціяхъ.

Вслѣдствіе всего этого, командующій Первой арміей, сознавая что необходимо было рискнуть, въ 1 ч. дня приказалъ Второй дивизіи начать тѣснить противника ввидѣ предварительнаго дѣйствія передъ серьезной атакой и взятіемъ Іоширеи. Вамъ извѣстно, что произошло послѣ этого. Штабъ арміи сдѣлалъ все, что могъ и больше ничего не могъ предпринять, потому что въ его распоряженіи не оставалось больше войскъ. Всѣ они были введены въ дѣло насколько это зависѣло отъ командующаго арміей".

Согласно полученнымъ приказаніямъ два батальона,

*) На это потребовалось бы очень много времени Пр. автора.

находившіеся къ югу отъ Мотіенлингской дороги, развернувъ боевой порядокъ, двинулись къ деревнѣ Кинкахоши (Kinkahoshi). Четыре батальона, располагавшіеся къ сѣверу отъ Мотіенлингской дороги также покинули свою позицію и, развернувшись, перешли черезъ горный хребетъ, за которымъ они лежали, какъ бы намѣреваясь пересѣчь главную долину у Тіенсуитіена. Съ этого времени я потерялъ изъ вида обѣ колонны, пока въ 4 ч. 50 м. дня не увидѣлъ цѣпь правой атакующей колонны, которая, будучи очень растянута по фронту, двигалась въ юго-западномъ направленіи, какъ разъ къ юго-западу отъ Тіенсуитіена. Въ 5 ч. 10 м. дня русскіе стали увозить орудія съ батареи на оконечности высоты въ 300 ярдахъ къ юго-востоку отъ Тована, и я замѣтилъ, какъ эта батарея, безъ одного орудія, перевернувшагося при спускѣ съ холма, двигалась галопомъ на западъ вверхъ по долинѣ Тованъ-Іоширеи. Въ 5 ч. 20 м. передо мною открылась великолѣпная картина развитія атаки. Въ эту минуту два батальона, начавшіе свое движеніе съ юга отъ Мотіенлингской дороги, наступали очень широкимъ фронтомъ черезъ большую долину прямо на Тованъ, держась направленія на западъ. Четыре батальона съ сѣверной стороны Мотіенлингской дороги зашли плечомъ, пока не стали лицомъ почти что къ югу и подымались вверхъ по сѣверному скату большой возвышенности, которая образуетъ собою сѣверную границу долины Тованъ-Іоширеи. Можно было различить отдѣльныхъ солдатъ, которые двигались въ очень растянутыхъ группахъ, меньшихъ даже полувзводовъ. Какъ только эти отдѣльныя группы достигали мертваго пространства, то сейчасъ же смыкались, а попавъ опять подъ шрапнельный огонь, вновь размыкались на интервалы отъ пяти до двадцати шаговъ. Русскіе обыскивали своимъ шрапнельнымъ огнемъ всю поверхность этой высоты, но безъ всякаго успѣха. Я полагаю, что въ это время русская пѣхота уже оставила свои окопы. Во всякомъ случаѣ съ обѣихъ сторонъ поддерживался только сравнительно слабый ружейный огонь. Въ 5 ч. 30 м., во время самаго возбужденнаго настроенія штаба арміи, было замѣчено, какъ одинъ изъ японскихъ солдатъ, цѣпляясь

руками и ногами, взобрался по крутому скату возвышенности и укрѣпилъ свой флагъ, эмблему Восходящаго Солнца, на верхушкѣ древней Тованской башни. Онъ самъ и другіе его два или три товарища, присоединившіеся къ нему, очевидно находились подъ огнемъ, потому что видно было, какъ они прятались за башню. Въ 5 ч. 45 м. наблюдаемое нами, ничѣмъ незадержанное наступленіе японскихъ войскъ и характерные одиночные выстрѣлы, указывающіе на окончаніе сраженія, дали намъ ясно понять, что русскіе противъ фронта Второй дивизіи рѣшили оставить поле сраженія.

Почему они такъ поступили сказать невозможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ даны объясненія этому съ русской стороны. Можетъ быть по случаю смерти храбраго генерала Келлера. Можетъ быть потому, что до нихъ дошли свѣдѣнія о постигшей ихъ неудачѣ на сѣверномъ, удаленномъ участкѣ сраженія. Какова бы она ни была, эта причина, однако отступили несомнѣнно не потому, что войска Куроки нанесли пораженіе войскамъ Келлера.

Зрители обыкновенно склонны подмѣчать упущенные благопріятные случаи, большей частью вслѣдствіе не достаточной освѣдомленности и неправильной оцѣнки всей обстановки. Хотя я и хорошо знаю, насколько рискованно судить о сраженіи, гдѣ я былъ свидѣтелемъ дѣйствій только одной стороны, я всетаки не могу удержаться и не обратить вниманія на чрезвычайно удобный случай для производства контръ-атаки со стороны Сеисекиреи прямо на самый Мотіенлингъ. Говорятъ, что у русскихъ была у Токайена одна дивизія въ резервѣ. Если бы она направилась туда, давъ предварительно людямъ позавтракать, то она достигла бы хребта Сеисекиреи къ 4 ч. дня, а двинувшись отсюда къ Мотіенлингу, она не встрѣтила бы тамъ ровно никого, кто бы могъ преградить ей дорогу, кромѣ штаба арміи и иностранныхъ военныхъ агентовъ; въ томъ случаѣ конечно, если бы эта дивизія не предпочла нанести ударъ прямо во флангъ широко растянутому правому крылу японцевъ.

ГЛАВА XVIII.

Планы №№ 8 и 9.

Гибельное отступленіе отъ Пенлина.

Теперь только остается описать столкновеніе между Инуйэ и Турчевскимъ, которое хотя и произошло въ пятнадцати миляхъ къ сѣверу отъ праваго фланга Куроки, но тѣмъ не менѣе оно составляло такую же существенную часть сраженія у Іоширеи, какъ и обходное движеніе Гвардіи къ югу.

Сраженіе при Чаотао произошло 19-го іюля (н. с.) и съ этихъ поръ Куроки держалъ Двѣнадцатую дивизію какъ бы на привязи, мѣшая ей воспользоваться ея выгоднымъ положеніемъ, такъ, по крайней мѣрѣ, думали нѣкоторыя ея молодыя, горячія головы. Закончивъ укрѣпленіе позиціи у Чаотао, чтобы имѣть гдѣ удержаться въ случаѣ неблагопріятнаго оборота вещей, Инуйэ, ночью 20 числа, продвинулся на двѣ мили къ западу вверхъ по открытой долинѣ р. Ши-хо. Здѣсь онъ вырылъ глубокую и солидную линію окоповъ поперекъ плоской воздѣланной долины, только въ 2000 ярдахъ къ востоку отъ горъ Макураяма (Makurayama) и въ 3000 ярдахъ къ востоку отъ хребта Шизанъ (Shisan). Онъ могъ бы занять обѣ эти позиціи, ничѣмъ не рискуя и ничего не теряя; но, во-первыхъ, это было бы дальше, чѣмъ того желалъ Куроки, а во-вторыхъ, ни одна изъ этихъ позицій не была удобна для обороны фронтомъ на западъ, хотя обѣ были очень сильны для встрѣчи атакъ съ востока. Несмотря на убѣдительность этихъ доводовъ, всетаки идея японскаго начальника была комическаго характера и, пожалуй, единственная въ своемъ родѣ въ ряду современныхъ войнъ: оставить такую силь-

ную позицію, какъ Чаотао, продвинуться впередъ на двѣ мили и усѣсться на открытой долинѣ передъ грозной, никѣмъ не занятой позиціей, которую по всему вѣроятію скоро займетъ противникъ. Казалось лучше бы было остаться у Чаотао, откуда онъ легко въ три четверти часа могъ бы очутиться на разстояніе атаки, чѣмъ добровольно поставить свой отрядъ вблизи командующихъ высотъ, на которыхъ, по крайнему человѣческому разумѣнію, не замедлитъ появиться противникъ. Дѣло заключалось совсѣмъ не въ томъ, что хребетъ Шизанъ и горы Макураяма могли бы послужить западней, въ которую было желательно завлечь русскихъ. Какъ будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, они представляли значительную преграду на пути наступленія японцевъ къ западу. Я могу представить себѣ только то, что генералъ Инуйэ желалъ поставить свои войска для штурма въ болѣе близкое къ позиціи противника исходное положеніе, а также имѣть неподалеку позицію, на которой войска могли бы быть приведены въ порядокъ въ случаѣ неудачи этого штурма. Съ другой же стороны, если бы его атака была отбита, то орудія противника могли бы осыпать его отступающія войска шрапнелью во время движенія по открытой долинѣ вплоть до самаго Чаотао.

Одно только достовѣрно, что противникъ занялъ 26-го числа хребетъ Шизанъ, а 29-го три русскихъ батальона вытѣснили японскія заставы съ Макураямы и заняли ее; въ это же время другой японскій отрядъ, выдѣленный къ Пенлину, въ шести миляхъ къ югу отъ Іоширеи, былъ тоже вынужденъ отступить.

Русскій главнокомандующій за перерывъ со времени сраженія при Чаотао опредѣлилъ силы Инуйэ и рѣшилъ сосредоточить противъ него превосходныя силы, чтобы, по возможности, совершенно разбить его до подхода къ нему подкрѣпленій со стороны двухъ другихъ дивизій арміи Куроки. Конечно, случай къ тому представлялся наиболѣе соблазнительный. Только половина бригады Коби, которая по словамъ Фуджіи должна была поддержать Инуйэ, была въ его распоряженіи въ видѣ одного резервнаго гвардейскаго полка. Я думаю, что вполнѣ могу положиться на достовѣрность

моихъ свѣдѣній, хотя Фуджіи, въ приведенныхъ мною выдержкахъ его описанія сраженія, опять упоминаетъ о бригадѣ Коби въ распоряженіи Инуйэ.

Дивизія и этотъ полкъ были почти изолированы. Ихъ раздѣлялъ дневной переходъ отъ Ліеншанкуана, который можетъ быть принятъ за центръ Второй дивизіи. Дороги годны были только для пѣхоты безъ обозовъ. Въ дополненіе къ этому изолированному положенію, отрядъ Инуйэ представлялъ особенно соблазнительный предметъ дѣйствія для русскаго главнокомандующаго по той причинѣ, что его правый флангъ былъ открытъ для атаки со стороны Мукдена черезъ деревню Пенчихо, которая находилась всего въ четырнадцати миляхъ отъ Чаотао и уже была занята отрядомъ изъ полка пѣхоты и двухъ полковъ казаковъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, онъ приказалъ генеральному штабу выработать планъ атаки Двѣнадцатой дивизіи у Чаотао. По этому плану надо было удерживать Чаотао на фронтѣ наступленіемъ со стороны Юшулинга (Yushuling), пока совершался обходъ японскаго лѣваго фланга со стороны Пенлина, а праваго со стороны Пенчихо. Эта оцѣнка обстановки была вполнѣ безошибочна, а также и планъ, на ней основанный. Только, имѣя противъ себя бдительнаго противника, хорошо обслуживаемаго безчисленными китайскими шпіонами, для успѣха какого бы то ни было плана, хорошаго, плохого или посредственнаго, необходимо было соблюденіе двухъ существенныхъ условій: скрытности подготовки и быстроты выполненія. Пустячнымъ, но можетъ быть и многозначительнымъ указаніемъ на то, какъ русскими понималось соблюденіе этихъ обоихъ существенныхъ условій, можетъ послужить то обстоятельство, что они послали воздушные шары къ своему лѣвому флангу и начали пускать ихъ оттуда въ небеса. Въ настоящее время воздушные шары служатъ только для привлеченія на себя вниманія, подобно небесной сигнализаціи американцевъ. Какъ бы то ни было—одно вполнѣ достовѣрно: примѣръ пользованія быстротою и скрытностью, исполненный Куропаткинымъ, не былъ ни достаточно быстръ, ни достаточно скрытенъ, чтобы ввести въ заблужденіе полковника Хагино, этого серьезнаго,

вдумчиваго человѣка, проведшаго семь долгихъ лѣтъ въ Европейской Россіи, тщательно наблюдавшаго и изучившаго всѣ московскія индивидуальныя особенности.

Начиная отъ Чаотао и вплоть до окрестности Юшулинга долина рѣчки Ши-хо тянется къ востоку и западу и представляетъ собою плоскую, воздѣланную равнину, шириною отъ 2000 до 3000 ярдовъ (см. пл. № 8). У Юшулинга р. Ши-хо круто поворачиваетъ къ сѣверу и протекаетъ въ этомъ направленіи полторы мили вдоль долины, шириною около 1500 ярдовъ. Восточной границей долины служитъ гора, называемая японцами Макураяма (Makurayama) или гора Подушка. Эта гора отдѣляется къ югу отъ хребта горъ, служащихъ сѣверной границей долины. Она представляетъ собою почти отдѣльный хребетъ, высотой около 350 футъ, и соединяется съ сѣверной грядой горъ сѣдловиной, высотою около 200 футовъ. Горы, тянувшіяся по сѣверной сторонѣ долины, были высотою отъ 450 до 500 футъ, отличались большой крутизной, неровной поверхностью и имѣли видъ сахарныхъ головъ. Макураяма очень крутъ съ его восточной стороны, на столько, что вооруженной и снаряженной пѣхотѣ пришлось бы ползти вверхъ на рукахъ и колѣняхъ; западный его скатъ спускается въ долину болѣе полого. На самой вершинѣ имѣлась масса невысокихъ кустовъ; сѣдловина же, соединяющая его съ грядой горъ, была совершенно обнажена.

Такова была восточная стѣна дефиле Ши-хо близъ Юшулинга. Его западной стѣной служилъ хребетъ Шизанъ, представляющій собою вѣтвь хребта, ограничивающаго долину Чаотао-Юшулингъ съ юга, и отдѣляющійся отъ главной гряды горъ подобно Макураямѣ. Хребетъ Шизанъ поднимается отъ рѣки совершенно отвѣсно на высоту 100 футовъ. Его западные склоны пологи. Русскіе заняли главную позицію вдоль вершины обрывистой, восточной стороны хребта Шизанъ, гдѣ они поставили двѣ батареи, всего шестнадцать орудій. Эта позиція была бы необыкновенно сильна, если бы на другой сторонѣ дефиле, въ разстояніи 1000 футъ не находился Макураяма. Разъ только противнику, двигающемуся съ востока, удастся расположить свою артиллерію

на этой горѣ, командующей Шизаномъ на 250 футъ, то хребетъ Шизанъ въ весьма непродолжительное время придется очистить. Поэтому включеніе Макураямы въ составъ позиціи было для русскихъ обязательно, ибо вся судьба этой позиціи зависѣла отъ исхода борьбы за Макураяму. Можно было поэтому ожидать, что эта гора будетъ удерживаться значительными силами, что на ней будутъ вырыты окопы самымъ тщательнымъ образомъ и что батальонамъ, предназначеннымъ для ея обороны будетъ вмѣнено въ обязанность зорко слѣдить за противникомъ. Изъ послѣдующаго будетъ ясно видно, какъ помогли Куропаткину его подчиненные въ этомъ отношеніи. Около шести миль къ югу отъ Юшулинга находился Пенлинъ, гдѣ бригада русской пѣхоты занимала позицію на западныхъ холмахъ небольшой долины. Протяженіе этой позиціи по фронту достигало одной мили, и она командовала дорогой изъ Чаотао черезъ Пенлинъ и Хучатзу (Huchatsu) въ Ампингъ. Обстрѣлъ былъ хорошъ и гаолянъ не мѣшалъ кругозору. Мнѣ пришлось видѣть нѣсколько кроки этой мѣстности, которая въ общемъ исключительно пересѣчена и непроходима даже для Маньчжуріи. Если бы русскіе окопались 29-го и 30-го числа послѣ того, какъ японскій отрядъ былъ отброшенъ, позиція у Пенлина оказалась бы очень твердымъ орѣхомъ для японцевъ. Но, въ противоположность своимъ предкамъ у Бородина, они удовольствовались только окопами небольшой длины, представлявшими очень слабое закрытіе отъ ружейныхъ пуль и совсѣмъ никакого отъ навѣснаго шрапнельнаго огня, въ особенности принимая во вниманіе небольшую начальную скорость горныхъ орудій Двѣнадцатой дивизіи. Русская бригада у Пенлина не имѣла артиллеріи, но одна полубатарея была поставлена на позиціи къ западу, у Липайуи (Lipdyui), откуда ея огонь до нѣкоторой степени могъ содѣйствовать прикрытію отступленія.

Вечеромъ 30-го іюля (н. с.) Инуйэ приказалъ генералъ-маіору Кигоши атаковать позицію у Юшулинга съ полной бригадой изъ шести батальоновъ пѣхоты при четырехъ батареяхъ горной артиллеріи и одной полевой батареей. Въ это же самое время генералъ-маіору Сасаки было при-

казано двинуться къ Пенлину и атаковать тамъ русскихъ бригадою изъ пяти батальоновъ, одного эскадрона и одной горной батареи. Два батальона гвардейскаго полка Коби были оставлены у Чаотао съ цѣлью наблюденія за русскимъ отрядомъ, который, какъ извѣстно, находился отъ этого пункта въ четырнадцати миляхъ къ сѣверу у Пенчихо. Утромъ 31-го числа остающійся батальонъ этого полка былъ высланъ уступомъ за правый флангъ, чтобы быть готовымъ отразить опасность съ этой стороны. Такимъ образомъ у Инуйэ въ видѣ дивизіоннаго резерва остался только одинъ батальонъ, немного саперовъ и другихъ остатковъ людей.

Сначала я опишу вкратцѣ атаку Юшулингской позиціи. Подобно тому, какъ при Іоширеи, здѣсь тоже была сдѣлана попытка обойти правый русскій флангъ, и 24-й полкъ въ теченіе ночи, не встрѣчая сопротивленія, занялъ возвышенность надъ д. Линша (Linsha) (см. планъ № 8). Благодаря этому онъ утвердился въ разстояніи 1000 ярдовъ отъ цѣли своихъ дѣйствій. Но съ наступленіемъ разсвѣта было рѣшено, что дальнѣйшее наступленіе черезъ открытую долину было бы безнадежно опаснымъ дѣломъ, въ особенности имѣя противъ себя шестнадцать орудій на позиціи вдоль обрывистаго хребта Шизанъ. Поэтому 24-й полкъ удовольствовался тѣмъ, чѣмъ онъ овладѣлъ и, какъ бы слѣдуя примѣру обходящей гвардейской колонны у Іоширеи, не принялъ дальнѣйшаго участія въ сраженіи. Теперь мы покончили съ одной половиной бригады Кигоши, существованіе которой можно съ этого времени совершенно не принимать во вниманіе. Другая половина бригады, или полкъ, имѣя два батальона въ боевой части и одинъ въ резервѣ, въ 4 ч. утра оставила свои окопы въ 2000 ярдахъ къ востоку отъ Макураямы. Лѣвый батальонъ двигался прямо на большой холмъ Макураямы, достигъ Фучапутзу (Fushaputsu) незадолго до разсвѣта, не будучи никѣмъ обнаруженъ, развернулся по обѣ стороны Фучапутзу и легъ здѣсь на землю, прикрываясь мертвымъ пространствомъ и ожидая событій на прочихъ участкахъ поля сраженія. Ему не пришлось долго ждать. Правый батальонъ вскарабкался

на холмы сѣверной стороны долины и, двигаясь вдоль нихъ къ западу, съ разсвѣтомъ наскочилъ на слабую русскую заставу. Эта застава расположилась на крутой и высокой возвышенности, приблизительно въ 300 ярдахъ къ востоку отъ Макураямской сѣдловины. Застава эта была захвачена врасплохъ, раньше чѣмъ ея люди успѣли приготовиться къ оборонѣ. На томъ мѣстѣ, гдѣ застали заставу, было найдено чучело часового, сдѣланное изъ соломы и одѣтое въ изодранный русскій мундиръ. Каждый, небрежно повѣряющій линію сторожевого охраненія съ сосѣдней высоты къ западу отъ Макураямы, долженъ былъ заключить, видя эти чучела часовыхъ, что войска охраняются очень тщательно. Этотъ соломенный человѣкъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе, будучи очень эмблематичной персоной. Въ трехъ стахъ ярдахъ къ западу отъ наступавшихъ японцевъ находилась высота Макураямской сѣдловины, а въ 250 ярдахъ позади ея (хотя японцы объ этомъ и не знали) располагались два русскихъ батальона, которымъ была поручена оборона этой части русской позиціи. Оба эти русскихъ батальона погружены были въ глубокій сонъ. Если бы даже японцы были всевѣдущими, то они не могли бы дѣйствовать съ большой быстротой. Не теряя ни одной минуты они, какъ стая собакъ, отчаянно пустились преслѣдовать убѣгавшую къ Макураямской сѣдловинѣ заставу.

Звукъ выстрѣловъ по русской заставѣ произвелъ тревогу по ту сторону сѣдловины. Безпорядочной толпой, полураздѣтые, полупроснувшіеся русскіе, совершенно въ такомъ же видѣ, какъ британцы подъ Маджубой, взбирались поспѣшно съ запада на сѣдловину. Даже въ такой критическій моментъ дѣло во многомъ зависѣло отъ случая. Подобно тому состязанію изъ-за достиженія хребта, которое происходило между нашей кавалеріей и бурами у Уэлькомской фермы (Welcome Farm) въ Южной Африкѣ, первая добравшаяся до вершины сторона, будь это только на десять ярдовъ, получила бы огромное преимущество. Какъ обыкновенно, счастье оказалось на сторонѣ японцевъ, и они достигли вершины ранѣе русскихъ на эти самые десять ярдовъ. Взобравшись на сѣдловину, японцы къ своему

крайнему удивленію очутились лицомъ къ лицу съ полураздѣтой, безпорядочной толпой русскихъ, задыхавшейся отъ бѣга и видимо безъ офицеровъ. Въ одно мгновеніе японцы спустились внизъ и начали стрѣлять на выборъ въ открыто стоявшую массу людей, находившуюся чуть ли не прямо подъ дулами ихъ ружей. Хотя русскихъ было въ два раза больше, но, казалось, все слагалось противъ нихъ. Ихъ люди были въ замѣшательствѣ, среди нихъ не было всѣмъ извѣстнаго начальника, который могъ бы отдать приказанія. Нижніе чины не могли, какъ слѣдуетъ, себѣ уяснить, что такое происходило кругомъ, и съ ними не было ихъ ротныхъ офицеровъ. Японцы же наоборотъ были въ полномъ порядкѣ, бодры и отлично знали, что имъ дѣлать. То обстоятельство, что при подобныхъ условіяхъ у русскихъ всетаки не было паники, нужно отнести къ большой ихъ чести. Они энергично, по меньшей мѣрѣ въ продолженіе получаса боролись за сѣдловину (хотя имъ ни разу не удалось овладѣть ея хребтомъ). Японцы, не принимавшіе участія въ борьбѣ на сѣдловинѣ, никѣмъ не угрожаемые, свободно обстрѣливали непріятельскій бивакъ, открыто лежавшій подъ ними въ разстояніи меньше 300 ярдовъ. По счастью для русскихъ, японцы не такіе хоршіе стрѣлки, какъ буры, а то отъ нихъ осталось бы очень не много.

Штабъ арміи подтвердилъ исторію, разсказанную мнѣ Жардайномъ, что японскіе солдаты разражались взрывами смѣха и кричали другъ другу точно толпа школьниковъ: „Вонъ тамъ, друзья, стрѣляйте въ стараго офицера, который натягиваетъ свои штаны!“ „Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ! Вонъ тамъ, толстый маіоръ надѣваетъ свою саблю!“ „Лошадь! Лошадь! стрѣляйте скорѣе въ лошадь!“ Такіе крики слышались вдоль всей сѣдловины. Я долженъ добавить, что русскіе, очутившіеся въ такомъ злополучномъ затрудненіи, обнаружили, въ большинствѣ случаевъ, похвальное хладнокровіе. Видно было, какъ одинъ молодой офицеръ спокойно умывался и старательно причесывалъ свои волосы въ то время, когда воздухъ былъ наполненъ свистомъ пуль. Все это напоминаетъ мнѣ одно происшествіе во время первой экспедиціи Уэзири (Waziri) подъ командой сэра

Невилля Чэмберлена (Sir Neville Chamberlain). Туземцы, захвативъ врасплохъ сторожевое охраненіе, прорвались на бивакъ, размахивая своими окровавленными саблями. Одинъ испуганный солдатъ бросился въ палатку своего офицера съ криками: „Уэзири идутъ!“ на что молодой дэнди, застегивая свой высокій воротникъ, отвѣтилъ: „скажи имъ, что дверь заперта“, что обозначаетъ въ Индіи: „Скажи имъ, что меня нѣтъ дома“.

Въ то самое время, когда большая безпорядочная толпа бросилась изъ лагеря, чтобы предупредить японцевъ на сѣдловинѣ, другая, меньшая часть, поспѣшила къ югу, чтобы поддержать заставу на большой вершинѣ или холмѣ самой Макураямы. Японскій батальонъ, спрятавшійся за восточнымъ склономъ этой горы, не могъ знать, что ея вершина была занята только небольшой русской заставой, и продолжалъ лежать, ожидая приказаній. Такъ же точно и русская застава, чувствуя свою слабость, не принимала участія въ бою, происходившемъ на сѣдловинѣ.

Въ 5 ч. 45 м. утра русское подкрѣпленіе достигло вершины Макураямы, а въ это время японскій батальонъ, овладѣвъ сѣдловиной, повернулся на югъ и, двигаясь вдоль хребта, атаковалъ холмъ съ сѣвера. Русскіе съ успѣхомъ отражали эту атаку, но японскій лѣвый батальонъ, лежавшій въ 300 футахъ какъ разъ подъ ними и увидѣвшій, что этотъ небольшой отрядъ всецѣло занятъ обороной, началъ подниматься вверхъ по крутой восточной сторонѣ горы, пробираясь руками и колѣнями черезъ почти непроходимый, густой кустарникъ, покрывавшій гору. Это движеніе было очень медленно, такъ какъ русскіе, будучи хотя и въ незначительныхъ силахъ, всетаки имѣли достаточно времени, чтобы оправиться отъ неожиданнаго нападенія съ этой стороны, и оказывали упорное сопротивленіе.

Но въ 7 ч. утра японскіе артиллеристы впервые были въ состояніи уяснить себѣ все происходящее, и всѣ ихъ пять батарей открыли изъ орудійныхъ окоповъ огонь по вершинѣ Макураямы. Теперь русскіе принуждены были спрятать свои головы и, такъ какъ они не вырыли глубокихъ окоповъ для предохраненія отъ шрапнельнаго огня,

то казалось, что они долго не удержатся. Однако, природная сила позиціи была настолько велика, что только въ 8 ч. 30 м. утра японцы окончательно овладѣли холмомъ. Обороняющійся отступилъ къ двумъ высотамъ непосредственно къ зацаду отъ своего бивака, гдѣ большинство его товарищей, еще ранѣе вытѣсненныхъ съ сѣдловины правой японской атакой, уже занимали новую позицію. Русская артиллерія отвѣчала на огонь пяти батарей, но не могла найти ихъ, такъ что нѣсколько ея снарядовъ упали на старую позицію у Чаотао, въ полутора миляхъ позади японскихъ орудійныхъ окоповъ.

Какъ только Макураяма была взята, маленькимъ горнымъ орудіямъ пришлось продвинуться дальше на разстояніе дѣйствительнаго выстрѣла отъ второй русской позиціи на хребтѣ Шизанъ и на холмахъ къ западу отъ ихъ бивака, куда они собрались съ Макураямы. Шесть полевыхъ и шесть горныхъ орудій немедленно открыли огонь съ юга отъ японскихъ окоповъ, а одновременно съ ними также открыла огонь горная батарея съ сѣвера этихъ окоповъ.

Какъ обыкновенно, всѣ приготовленія и мѣры предосторожности, которыя можно было принять, были уже приняты заблаговременно такъ, чтобы наступленіе не было прервано какой-либо задержкой и не сопровождалось напрасными потерями жизней или времени. Черезъ гаолянъ были прорѣзаны дороги; орудійные окопы были вырыты; прикрытые ровики для прислуги были устроены; выбрано было подходящее мѣсто для передковъ; деревянныя балки были врыты въ землю для предохраненія прислуги во время огня; дѣйствительно, ничего не было позабыто, а меньше всего скрытность. Одинъ японскій офицеръ разсказалъ мнѣ, что на слѣдующій день онъ изъ любопытства взобрался на хребетъ Шизанъ и не могъ оттуда опредѣлить, гдѣ стояли его собственныя орудія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ орудія недостаточно были скрыты самой мѣстностью, впереди нихъ было устроено закрытіе ввидѣ двойной линіи гаолянныхъ сноповъ, расположенныхъ въ нѣсколькихъ ярдахъ впереди фронта. Слѣдуетъ упомянуть о томъ, что, какъ бы ввидѣ награды за всѣ эти понесенныя хлопоты, двумъ батареямъ

на лѣвомъ флангѣ не было причинено непріятельскимъ огнемъ ни единой царапины, какъ личному, такъ и матеріальному составу, во все время артиллерійской борьбы, длившейся съ 7 ч. утра до наступленія темноты. Горной батареѣ праваго фланга однако пришлось переправиться черезъ р. Ши-Хо, чтобы достичь своихъ окоповъ къ сѣверу отъ главной японской позиціи, и тутъ даже японская изобрѣтательность оказалась не въ силахъ устроить закрытія на проточной водѣ. Въ то время, когда эта батарея переправлялась вбродъ черезъ рѣку, русскія орудія открыли по ней огонь, и одной шрапнелью были сброшены въ воду посреди рѣки четырнадцать человѣкъ и убито много лошадей. Это была большая неудача для японцевъ, потому что убитыя лошади сразу скрылись подъ поверхностью воды, увлекая за собой существенныя части орудій, которыя нужно было освободить передъ тѣмъ, чтобы открыть огонь. Однако прошло не много минутъ, прежде чѣмъ изъ рѣки все было выужено и отнесено въ гаолянъ, росшій прямо на берегу рѣки. Артиллерійскіе офицеры Второй дивизіи критикуютъ распоряженія Двѣнадцатой дивизіи, которыя представили этой переправой такой удобный случай русскимъ, и считаютъ, что русскіе должны бы были совсѣмъ уничтожить батарею, производившую такую попытку въ разстояніи 4000 ярдовъ отъ ихъ позиціи.

Русскія орудія, какъ показано на планѣ № 8, были всѣ расположены вдоль восточнаго края хребта Шизанъ. Большей частью орудія эти стояли въ хорошо устроенныхъ окопахъ, но глубокихъ рвовъ для прислуги вырыто не было. Также не было ни одной попытки стрѣльбы по невидимой цѣли и положеніе каждаго орудія легко можно было обнаружить по вспышкѣ пламени и по огромному столбу пыли, поднимавшемуся послѣ каждаго выстрѣла. Японцы полагаютъ, что русскіе артиллеристы, сравнительно неприкрытые и легко обнаруживаемые, должны были понести жестокія потери. Можетъ быть это и такъ. Когда нибудь мы услышимъ эту исторію съ другой стороны. Но войска всегда склонны преувеличивать дѣйствіе своей собственной артиллеріи.

Въ 9 ч. 30 м. утра и въ полдень русскіе произвели полууверенную контръ-атаку внизъ по дорогѣ въ Пенчихо противъ праваго фланга японскихъ войскъ, удерживавшихъ Макураямскую возвышенность. Достаточно было высланныхъ двухъ ротъ изъ резервнаго батальона, чтобы задержать дальнѣйшее нежелательное развитіе дѣйствій въ этомъ направленіи. Послѣ полудня обстановка приняла оборотъ, который можетъ послужить интереснымъ примѣромъ „пата" въ шахматной игрѣ *). Несмотря на то, что гора Макураяма и командовала хребтомъ Шизанъ на 200 футовъ, но съ разстоянія отъ 1500 до 1500 ярдовъ японская пѣхота не была въ состояніи достичь того перевѣса въ огнѣ, который былъ совершенно необходимъ, если бы предполагалось предпринять дальнѣйшее наступленіе или со стороны холма Макураямы или со стороны этой возвышенности. Артиллерійскій и ружейный огонь съ Шизанскаго хребта такъ чисто сметалъ все съ ровной скалистой поверхности Макураямскаго плато, что японцы были принуждены сползти за восточный хребетъ и стрѣлять оттуда очень торопливо по способу „Iack-in-the-box" **). Если бы русскіе имѣли пару большихъ пяти-дюймовыхъ орудій на горѣ на полъ-дорогѣ къ Пенчихо, они причинили бы японцамъ на Макураямѣ большія затрудненія. Къ слѣдующему дню все это могло измѣниться, ибо японцы стали рыть окопы и рыли ихъ цѣлую ночь, соорудивъ глубокія линіи стрѣлковыхъ окоповъ и солидные артиллерійскіе окопы вдоль хребта холма. Но въ день 31-го числа хребетъ Шизанъ могъ быть удерживаемъ одними русскими орудіями, а русская пѣхота могла бы превосходно дѣйствовать совмѣстно съ войсками у Пенчихо противъ японскаго праваго фланга, гдѣ имѣлось лишь два батальона для противодѣйствія одновременной атакѣ съ сѣвера и сѣверо-запада.

*) „Stale-mate" или „патъ"—такое положеніе короля, при которомъ онъ, хотя ему и не объявленъ „шахъ", не можетъ никуда двинуться безъ того, чтобы не получить „шахъ". Въ этомъ случаѣ игра кончается въ ничью. Прим. перев.

**) Дѣтская игрушка ввидѣ коробки, изъ которой при открываніи крышки выскакиваетъ кукла. Пр. перев.

Я думаю, что нельзя не согласиться съ тѣмъ, что при условіи обратнаго расположенія войскъ, японскій Окасаки у Пенчихо собралъ бы всѣхъ своихъ людей, включая сюда легко раненныхъ и больныхъ, и бросилъ бы ихъ съ сѣвера на Чаотао или Макураяму, не вяло и нерѣшительно, а съ полнымъ напряженіемъ подобно лавинѣ, спускающейся съ горъ въ долину. Такой попытки въ большомъ масштабѣ сдѣлано не было и ко времени наступленія темноты взаимное положеніе сторонъ было такое же, какъ и въ 9 ч. утра. Судя главнымъ образомъ по тому, что произошло на полѣ сраженія у Юшулинга, исходъ сраженія все еще зависѣлъ отъ Провидѣнія. Обидный для русскихъ переполохъ послужилъ сигналомъ къ началу сраженія; онъ поколебалъ настроеніе ихъ войскъ и повелъ за собой потерю всего бивака и, что еще важнѣе—потерю первой и наиболѣе командующей позиціи. Но съ тѣхъ поръ какъ на русскихъ обрушилось это первоначальное несчастье, они совершенно оправились, лучшимъ доказательствомъ чему можетъ служить то, что на слѣдующій день японцы не были увѣрены, пойдутъ ли они сами въ атаку, или же будутъ атакованы.

Одно обстоятельство подало японцамъ большія надежды. Оно заключалось въ томъ, что какъ разъ передъ наступленіемъ темноты съ Шизанскаго хребта было убрано нѣсколько орудій. Ввиду того, что на полѣ сраженія ничто не могло заставить русскихъ такъ поступить, предполагалось, что Сасаки и Окасаки одержали большую побѣду у Пенлина. Такъ это и было. На слѣдующее утро русскіе покинули позицію и причиной ихъ отступленія несомнѣнно были плохія вѣсти изъ Пенлина. Это лишило русскихъ послѣдней надежды вновь овладѣть Макураямой и заставило ихъ опасаться за свои собственныя сообщенія. Исторія кровопролитнаго пораженія русскихъ у Пенлина оставлена мною подъ конецъ. Только много мѣсяцевъ спустя можно будетъ положительно сказать, почему войска графа Келлера и Турчевскаго оставленіемъ своихъ позицій въ ночь 31 іюля признали свое собственное пораженіе, но рѣшающей причиной могла быть и, пожалуй, была катастрофа у Пенлина.

Выступивъ въ три часа утра изъ окрестностей Чаотао, генералъ Сасаки въ 7 ч. утра достигъ возвышенной мѣстности у восточной стороны долины, черезъ которую проходитъ дорога изъ Ющулинга въ Пенлинъ. На обнаженныхъ холмахъ, прямо противъ него и къ западу, располагалась русская пѣхотная бригада*) безъ артиллеріи и безъ окоповъ. У Сасаки было пять батальоновъ пѣхоты, одна горная батарея и эскадронъ кавалеріи. Онъ зналъ, что Окасаки съ пятью батальонами сѣверянъ долженъ былъ скоро присоединиться къ нему, но южане**) Двѣнадцатой дивизіи предпочитали полагаться только на свою собственную храбрость, и Сасаки немедленно началъ приготовленія къ атакѣ невѣдомаго противника на другой сторонѣ долины. Четыре батальона начали наступленіе медленно и осторожно въ очень широкомъ по фронту боевомъ порядкѣ. Въ 8 ч. утра они привлекли на себя огонь противника и въ то же самое время японская горная батарея открыла огонь по противоположному горному хребту, стрѣляя черезъ головы своей пѣхоты. Большимъ облегченіемъ для всѣхъ служило то обстоятельство, что минута за минутой проходила, а съ отдаленныхъ холмовъ не было слышно грознаго гула орудій и отвѣтнаго визга шрапнели. Атака была чрезвычайно облегчена отсутствіемъ у противника артиллеріи, особенно въ первомъ періодѣ.

Но всетаки, въ теченіе продолжительнаго времени нельзя было на много продвинуться впередъ. Параллельно русской позиціи и въ небольшомъ отъ нея разстояніи проходила углубленная дорога. Отсюда поддерживался очень чувствительный огонь, который перекрещивался съ огнемъ другихъ двухъ русскихъ ротъ, расположившихся на высотѣ у лѣваго фланга главной непріятельской позиціи. Этотъ огонь временно дѣлалъ невозможнымъ дальнѣйшее насту-

*) По словамъ Жардайна, штабъ арміи утверждаетъ, что у Пенлина русскіе имѣли всего двѣнадцать батальоновъ или полторы бригады. Прим. авт.

**) Люди Второй дивизіи принадлежатъ къ округу Сендаи (Sendai) на сѣверо-востокѣ Японіи. Люди же Двѣнадцатой дивизіи — изъ округа Кіушіу на югѣ Японіи. Прим. авт.

пленіе на этомъ участкѣ. Между тѣмъ русскіе удлинили свой правый флангъ и сдѣлали очень угрожающую попытку обойти японскій лѣвый флангъ. Къ счастью для Сасаки его войскамъ удалось измѣнить къ лучшему обстановку на другомъ флангѣ прежде, чѣмъ обходное движеніе сдѣлалось настолько угрожающимъ, что заставило бы его остановить наступленіе. Внимательно слѣдившій за всѣмъ командиръ шести маленькихъ орудій наконецъ опредѣлилъ благодаря счастливому случаю мѣсто столь зловредной углубленной дороги. Рота непріятельской пѣхоты, неумѣло направляемая, показалась на хребтѣ возвышенности въ сомкнутомъ строю и немедленно была осыпана шрапнелью, послѣ чего было замѣчено, какъ нѣсколько человѣкъ этой роты сошли внизъ и затѣмъ безслѣдно исчезли изъ вида. Послѣ опыта Южно-Африканской войны было бы излишне напоминать о необходимости скрытности. Однако этотъ примѣръ можетъ быть наиболѣе убѣдителенъ. Теперь командиръ батареи зналъ, что ему нужно дѣлать. Его огонь, до сихъ поръ случайный и недѣйствительный, немедленно сдѣлался сосредоточеннымъ и смертельнымъ. Шрапнель засвистѣла надъ углубленной дорогой и гранаты стали сыпаться въ нее, пока черезъ нѣсколько минутъ ружейный огонь былъ пересиленъ артиллерійскимъ. Какъ только углубленная дорога замолчала, горсть японцевъ, Жардайнъ говоритъ, что семь человѣкъ, пробралась вокругъ русскаго крайняго лѣваго фланга и заняла такую позицію, съ которой можно было продольно обстрѣливать двѣ русскихъ роты, бывшихъ на этомъ флангѣ.

Эффектъ, произведенный стрѣльбою этихъ нѣсколькихъ людей, служитъ первымъ практическимъ воплощеніемъ той моей теоріи, которую я имѣлъ смѣлость долгое время открыто высказывать. Дѣло заключается въ томъ, что сила современнаго магазиннаго огня настолько могущественна противъ всего подверженнаго его дѣйствію, что даже полдюжины людей, скрытно пробравшись, могутъ продольно обстрѣливать позицію, занимаемую арміей, и причинить въ данномъ мѣстѣ столько потерь и безпорядка, что этимъ будетъ облегчена фронтальная атака. Эта идея считалась

фантастичной, но я былъ очень счастливъ, когда узналъ, что ее раздѣляетъ со мной геніальный человѣкъ. Можно пренебречь идеями военнаго, въ особенности это могутъ сдѣлать болѣе консервативные его товарищи, но словами Толстого пренебрегать нельзя. Вотъ они: „Однимъ изъ самыхъ ясныхъ и существенныхъ нарушеній такъ называемыхъ законовъ войны служитъ дѣйствіе отдѣльныхъ характеровъ противъ собранныхъ въ массы войскъ“.

Въ настоящемъ примѣрѣ русскіе не долго держались подъ этимъ огнемъ. Небольшая группа людей, обстрѣливая ихъ сомкнутые ряды изъ-за закрытія съ 300 ярдовъ, не могла быть легко обнаружена; люди начали колебаться и подъ конецъ атакующія съ фронта войска, воспользовавшись этимъ случаемъ, пошли въ штыки и быстро сбросили эти двѣ роты съ холма.

Неудача за неудачей надвигались на русскихъ. Сбѣгая внизъ съ крутого склона, они какъ разъ попали въ объятія своихъ трехъ ротъ, спѣшившихъ къ нимъ на подкрѣпленіе съ великолѣпнымъ хоромъ музыки во главѣ. Естественно, эти подкрѣпленія были приведены въ полный безпорядокъ, и вся эта масса, вмѣстѣ съ большимъ барабаномъ и тромбономъ была насквозь пронизана пулями, убѣгая безпорядочной толпой по узкому оврагу, который отдѣлялъ ихъ отъ ближайшей крутой высоты въ разстояніи около 300 ярдовъ. Девяносто русскихъ труповъ были преданы землѣ на слѣдующій день въ этомъ небольшомъ оврагѣ. Такъ какъ разстояніе было не велико, то много раненыхъ успѣли уйти и поэтому можно предположить не безъ основанія, что ихъ потери въ этомъ мѣстѣ были по крайней мѣрѣ 500 человѣкъ, а можетъ быть доходили и до 1000. Если кто желаетъ имѣть музыку, тотъ долженъ быть готовъ заплатить за это удовольствіе. Кресло въ оперѣ стоитъ, конечно, очень дорого, но за оркестръ на полѣ сраженія можно заплатить только потоками крови.

Такимъ образомъ въ 10 ч. 30 м. утра русскій лѣвый флангъ былъ совершенно разбитъ, и теперь настала очередь ихъ праваго фланга. На нѣкоторое время этотъ флангъ

перересталъ тѣснить японскій лѣвый. Многіе офицеры замѣтили, что русскіе безпрестанно оглядывались назадъ черезъ правыя плечи, какъ будто они ожидали каждое мгновеніе появленія чего то съ юго-востока.

Солдаты, оглядывающіеся назадъ, перестаютъ быть грозными, и вскорѣ вся ихъ линія начала отступать черезъ хребетъ, который служилъ имъ первой позиціей, двигаясь вдоль дефиле, по которому проходитъ дорога изъ Пенлина въ Липайуи (Lipyui) и Хучатзу (Huchatsu). Тогда только стала ясной причина ихъ озабоченности. Окасаки покинулъ главныя силы Куроки въ 1 ч. 30 м. ночи и, двигаясь къ сѣверу насколько могъ скорѣе, въ 8 ч. утра оказался такъ близко отъ Сасаки, что черезъ часъ могъ бы уже присоединиться къ его лѣвому флангу и вполнѣ обезпечить этимъ обходъ русской позиціи. Со всей увѣренностью, которой долженъ отличаться хорошій генералъ, дѣйствующій совокупно съ другимъ, Окасаки предпочелъ достигнуть большаго. Будучи увѣреннымъ, что если Сасаки и не нанесъ самостоятельнаго пораженія русскимъ, то во всякомъ случаѣ будетъ въ состояніи удержаться на своей собственнной позиціи, Окасаки двинулся дальше къ западу и, прогнавъ нѣсколько слабыхъ русскихъ заставъ, занялъ высокую гору, господствующую надъ узкимъ проходомъ, черезъ который проходилъ путь отступленія русскихъ. Въ полдень показалась отступающая русская колонна, пробиравшаяся по извилистому дну дефиле, такому узкому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди могли идти только фронтомъ по четыре человѣка. Въ эту то длинную, извивающуюся массу людей японцы, расположенные вдоль южныхъ обрывистыхъ скалъ, стрѣляли съ такой же безнаказанностью, съ какой спортсменъ стрѣляетъ на индійскихъ охотахъ по загнанному тигру. Русскіе не могли взобраться на отвѣсныя стѣны дефиле, а японцы, стрѣляя съ краевъ скалъ, такъ мало себя обнаруживали, что не стоило останавливаться для стрѣльбы по такой ничтожной цѣли. Такъ эта злополучная колонна продолжала свое движеніе, какъ бы прогоняемая сквозь строй и корчась отъ боли въ наиболѣе опасныхъ мѣстахъ, какъ раненая змѣя, пока наконецъ агонія не кончилась. Русскіе вы

слали парламентера съ бѣлымъ флагомъ съ цѣлью узнать, могутъ ли перевязочные пункты сразу начать свою работу, подбирая раненыхъ, что и было своевременно разрѣшено. Впослѣдствіи между японскими офицерами было много разговоровъ о томъ, имѣли ли русскіе право при подобныхъ обстоятельствахъ унести съ собою ружья и патроны. Японцы считаютъ, что русскіе при прохожденіи черезъ дефиле потеряли убитыми по меньшей мѣрѣ 500 человѣкъ и никто не можетъ сказать, сколько ихъ было тамъ ранено. Японцы утверждаютъ, что при хорошей стрѣльбѣ каждый русскій долженъ былъ бы быть раненъ, но ихъ люди очень разгорячились. Вотъ другая версія этого дѣла въ передачѣ Фуджіи:

„Отрядъ Окасаки зашелъ въ тылъ правому флангу противника и, занявъ очень высокую и крутую высоту, долгое время стрѣлялъ по русскимъ, которые безпомощно втянулись въ узкій проходъ, черезъ который ихъ гнала бригада Сасаки. Гора, на которую Окасаки удалось взобраться, была самой высокой въ этой мѣстности и была настолько обрывиста, что японцы не могли спуститься внизъ къ русскимъ, а русскіе взобраться къ японцамъ. Разстояніе, отдѣлявшее японцевъ отъ русскихъ, колебалось отъ 300 до 1000 ярдовъ. Къ несчастью у Окасаки не было орудій. Противникъ продирался черезъ дождь пуль въ полномъ безпорядкѣ и былъ почти истребленъ. Случай, представившійся Окасаки, можно только сравнить съ выигрышемъ „gros lot“ въ Гамбургѣ!“.

Съ этимъ мнѣніемъ я не вполнѣ согласенъ. Я думаю, что, если и предоставляются счастливые случаи для одной сражающейся стороны, то они не должны совершенно исключать ихъ для другой. Въ противномъ случаѣ въ чемъ же заключается слава? На самомъ дѣлѣ я предпочитаю роль Сасаки у Пенлина, чѣмъ роль Окасаки, несмотря на то, что высоко уважаю послѣдняго генерала. Другой офицеръ, посѣтившій это дефиле нѣсколько дней спустя, говорилъ мнѣ, что на протяженіи 400 ярдовъ вся дорога представляла собою сплошную массу окровавленныхъ перевязокъ и тряпокъ. Сраженіе у Пенлина кончилось этимъ ужаснымъ побоищемъ, которое хотя и представляетъ очень грустное событіе

для всякаго русскаго, но все же съ извѣстной оговоркой было славнымъ дѣломъ для всѣхъ участвовавшихъ въ немъ, ибо только немногіе плѣнные были не ранены. Я знаю много начальниковъ, которые, попавъ въ подобное положеніе, сразу положили бы оружіе. Можетъ быть они правы, а можетъ и нѣтъ; но несомнѣнно, что русская манера смотрѣть на эти вещи болѣе существенно указываетъ на ихъ патріотическое чувство.

Хотя русскіе солдаты храбро сражались и умирали со славой, но я думаю, что даже самые горячіе с.-петербургскіе или московскіе патріоты должны признать, что при Юшулингѣ и Пенлинѣ управленіе войсками заставляло желать очень многаго и что очевидно, что это плохое управленіе войсками не было возмѣщено автоматической дѣятельностью ни однимъ хорошо подготовленнымъ полкомъ или бригадой. Я вполнѣ сознаю, что британскій генералъ проводитъ свою жизнь подъ стеклянымъ колпакомъ. Общество довольствуется мыслью, что причина того, что многое у насъ въ арміи дѣлается кое-какъ, наудачу, заключается въ свойствахъ самой арміи. Обществу безполезно доказывать, что та глубокая вѣра въ самого себя, которая заставляетъ армію думать, что для нея излишни разныя предварительныя хлопоты, есть свойство присущее націи, а не характеристика арміи. Но я никогда не могъ усмотрѣть въ дѣйствіяхъ человѣка съ бревномъ въ глазу, вынимающаго у своего ближняго изъ глаза спицу, ничего другого, кромѣ любезнаго поступка. Поэтому я осмѣлюсь сказать, что какъ бы велико ни было бревно въ моемъ собственномъ глазу, это не должно мнѣ помѣшать вполнѣ ясно видѣть, что дѣйствія русскихъ у горы Макураяма отличались удивительно случайнымъ характеромъ, а ихъ распоряженія, казалось, только содѣйствовали катастрофѣ.

Можетъ быть, многіе подумаютъ, что британцы въ Южной Африкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ были еще болѣе безпечны и менѣе осторожны. Можетъ быть это и такъ; не мнѣ быть судьей. Но единственнымъ, сколько нибудь подходящимъ примѣромъ можетъ послужить только дѣло Іо-

манри *) и помъ-помъ **) между Бетлехемомъ и Харрисмисомъ въ колоніи Оранжевой рѣки, которые были разбиты Христіаномъ Деветомъ въ рождественскій сочельникъ 1901 года. Но у Іоманри было относительно болѣе сильное сторожевое охраненіе, чѣмъ у русскихъ, хотя они не были подобно имъ въ дѣйствительномъ соприкосновеніи съ противникомъ въ предшествовавшій день. Кромѣ того Іоманри были атакованы въ полночь, тогда какъ русскіе были захвачены врасплохъ самымъ обыкновеннымъ образомъ, какъ разъ на разсвѣтѣ, т. е. въ тотъ часъ, когда согласно старинному правилу, посты должны были быть удвоены изъ сторожевого резерва, а всѣ люди на бивакѣ должны были быть готовы ко всякой случайности. Даже теперь у меня пробѣгаетъ по спинѣ дрожь, когда я вспомню объ этомъ длинномъ, темномъ часѣ передъ разсвѣтомъ. Въ особенности вспоминается мнѣ при этомъ Нильская Экспедиція 1885 года. Не потому, что событія во время этой экспедиціи существенно отличались отъ событій Афганской войны 1879—80, но потому, что генералъ Ерль (Earle) не позволялъ намъ надѣвать шинелей, чтобы въ случаѣ неожиданной атаки онѣ насъ не стѣсняли; но, о! этотъ ужасный холодъ!

Погода въ Маньчжуріи въ это время была теплая и превосходная. Русскій бивакъ былъ разбитъ въ долинѣ между двумя высокими хребтами, вершины которыхъ были другъ отъ друга въ разстояніи около 800 ярдовъ. Въ теченіе послѣднихъ двухъ дней главныя силы японцевъ находились въ окопахъ только въ 2300 ярдахъ къ юго-востоку отъ бивака. Хребетъ Макураяма былъ единственнымъ закрытіемъ, не только отъ взоровъ, но также и отъ выстрѣловъ. Несмотря на все это, онъ былъ занятъ только слабой заставой, а главныя силы защитниковъ рады были сидѣть въ своихъ палаткахъ, разбитыхъ какъ разъ тамъ, гдѣ должна бы была стоять поддержка заставы. Несомнѣнно,

*) Іоманри (Yeomanry) — конница добровольцевъ, состоящихъ преимущественно изъ лицъ достаточныхъ фамилій или богатыхъ фермеровъ. Прим. перев.

**) Помъ-Помъ—небольшое скорострѣльное орудіе. Прим. перев.

что войскамъ въ Индіи или Южной Африкѣ не было бы разрѣшено разбить палатки въ такой близости отъ противника. Самое большее была бы разбита палатка для госпиталя и для штаба, но такъ какъ погода была хороша, то даже и это мало вѣроятно. Ничего не можетъ быть болѣе неудобнымъ или болѣе содѣйствовать безпорядку, какъ нахожденіе людей маленькими отдѣльными группами въ палаткахъ во время тревоги. Если люди бивакируютъ лежа на землѣ по ротно, то они въ моментъ пробужденія отъ сна готовы къ боя.

У Макураямы однако начальникъ довѣрился всецѣло своимъ заставамъ. Чѣмъ же эти заставы оправдали его довѣріе? Ясно, что они не высылали дозоровъ въ густой гаолянъ, который росъ у самаго подножія горы, гдѣ онѣ были поставлены. Такъ же ясно, что японцы хорошо знали объ этой небрежности и расчитывали на ея продолженіе. Внизу у горы Макураямы одинъ японскій батальонъ лежалъ въ продолженіе этого важнаго получаса передъ разсвѣтомъ у самого подножія заставы, стоявшей на вершинѣ и все-таки не было выслано ни одного дозора, чтобы предупредить свои собственные посты или спящій позади бивакъ и дать имъ возможность изготовиться къ оборонѣ. Немногаго можно достичь, разсуждая, что могло бы быть, но одно вполнѣ ясно, что соблюденіе основныхъ правилъ предосторожности позволило бы людямъ на бивакѣ занять хребетъ Макураямы въ стройномъ и должномъ порядкѣ. Они могли бы тогда получить подкрѣпленіе, какъ того требовала обстановка, съ Шизанскаго хребта и навѣрно японцамъ стоило бы много труда, чтобы заставить ихъ очистить свою позицію. Въ видѣ результата сраженія 31-го іюля Первая армія овладѣла позиціями, первоначально занятыми русскими, которые отступили на линію Токайенъ-Ампингъ, гдѣ они и остановились. Такимъ образомъ японцамъ, отбросивъ противника, удалось сократить отдѣлявшее ихъ отъ Ляояна разстояніе приблизительно на двѣнадцать миль. Для того, чтобы достигнуть Ляояна съ линіи, занимаемой Куроки до сраженія, необходимо было три дня; для того же, чтобы разбить противника и открыть себѣ этимъ

путь на Ляоянъ, даже при самомъ счастливомъ оборотѣ дѣла, нельзя было положить меньше четырехъ дней. Итакъ семь дней былъ тотъ минимальный срокъ, въ который японскій командующій могъ расчитывать вступить въ Ляоянъ или начать его обложеніе.

Со времени сраженія при Іоширеи Куроки однако сократилъ разстояніе, отдѣлявшее его отъ его цѣли на дневной переходъ. Было бы вполнѣ благоразумнымъ предположить, что теперь для него потребуется меньше времени на преодолѣніе сопротивленія русскихъ, чѣмъ онъ прежде расчитывалъ. Несомнѣнно, что взаимное положеніе сражающихся сторонъ можетъ въ любое время вполнѣ измѣниться отъ подхода на линію Токайенъ-Ампингъ значительныхъ подкрѣпленій, высланныхъ Куропаткинымъ изъ его арміи къ югу отъ Ляояна. Но въ этомъ случаѣ Первая армія сыграетъ свою роль, отвлекая на себя войска съ фронта Второй и Четвертой армій и если и потерпитъ пораженіе, то всетаки достойно исполнитъ свой долгъ передъ Ойямой и Японіей.

Примѣчанія переводчика.

Стр.

1. Безсмертный Тэджъ—мавзолей, построенный изъ бѣлаго мрамора въ Агрѣ, въ Индіи. Это настолько великолѣпное сооруженіе, что названо „Поэмой въ мраморѣ".

2. Дикъ Виттингтонъ еще ребенкомъ, умирая съ голоду, рѣшилъ уйти изъ Лондона, чтобы попытать счастья въ другомъ мѣстѣ. Отдыхая по дорогѣ, онъ услышалъ звонъ лондонскихъ колоколовъ, которые, казалось, говорили ему: „Возвратись назадъ, Виттингтонъ, трижды лордъ-мэръ Лондона". Онъ вернулся обратно и дѣйствительно былъ впослѣдствіи три раза лордъ-мэромъ Лондона. Нужно полагать, что подъ словами автора „теорія его жизни" слѣдуетъ понимать то правило, что если намѣтить себѣ цѣль въ жизни и стремиться къ ея достиженію, то цѣль эта будетъ непремѣнно достигнута.

4. Цитата взята изъ произведенія поэта Блэкъ (Blake).

8. Чудная недѣля въ южныхъ джунгляхъ. Сэръ Янъ Гамильтонъ сопровождалъ главнокомандующаго, генерала Киченера, въ охотничьей экспедиціи на тигровъ въ Непалѣ, въ Индіи, въ 1895 году. Ввидѣ конвоя были два батальона Гуркасовъ.

10. Съ тѣхъ поръ, какъ шотландскіе кланы уступили мѣсто оленямъ. Въ началѣ XIX. столѣтія большіе участки Сѣверной Шотландіи были скуплены богатыми людьми, выгнавшими бѣдныхъ шотландцевъ изъ ихъ родины и заставившими ихъ переселиться въ Канаду, чтобы, такимъ образомъ, создать дикую мѣстность для сохраненія дичи.

10. Кланъ Оттоно—одинъ изъ древнихъ феодальныхъ клановъ Японіи.

12 Бушидо—„геній мужества", поклоненіе которому вошло въ культъ или религію японцевъ. Авторъ хочетъ сказать этой фразой, что правительство требуетъ за отпускаемыя на армію деньги нѣчто показное и заботится только о внѣшней формѣ, забывая о внутреннемъ содержаніи.

13. Въ Public Schools (народныхъ школахъ) воспитываются дѣти болѣе состоятельныхъ классовъ, въ Gov vernement Schools (правительственныхъ школахъ)—болѣе бѣдныхъ классовъ, такъ какъ въ послѣднихъ обученіе даровое.

14. Парадъ 5-го германскаго армейскаго корпуса происходилъ

Стр.

въ 1902 г., когда лордъ Робертсъ, генералъ Френчъ и авторъ присутствовали на германскихъ маневрахъ.

15. Авторъ „Замка Дэли"—миссъ Анни Кэри (Miss Annie Keary).

18. Сэръ Клавдій Макъ Дональдъ—британскій посолъ въ Токіо.

19. Ожизенъ означаетъ въ переводѣ „благородный дѣдушка" и употребляется при обращеніи къ пожилымъ людямъ.

21. Самураи—воины благороднаго происхожденія въ старой Японіи.

22. Сатсумское возстаніе произошло въ 1866 г., когда кланъ Сатсума возсталъ противъ реформъ и началъ съ правительствомъ кровавую междуусобную войну.

26. Burra Khana—оффиціальный и церемонный банкетъ, устраиваемый женами высшихъ властей въ Индіи.

26. Сэръ Михаилъ Биддульфъ—извѣстный англійскій генералъ.

28. Чіозу—одинъ изъ древнихъ феодальныхъ клановъ Японіи, славившійся военными традиціями.

28. Генералъ Фукушима получилъ англійскій титулъ вскорѣ послѣ заключенія англо-японскаго союза.

29 Мэфкингская истеричность—намекъ на отношеніе англичанъ къ извѣстію объ освобожденіи Мэфкинга въ 1900 г.

31. Дни возстанія относятся къ Индійскому возстанію 1857 г.

44. Безбородые „ветераны". Эти люди называли себя сами ветеранами, что собственно означаетъ старыхъ солдатъ, на томъ основаніи, что они продѣлали Южно-Африканскую войну. Но такъ какъ имъ было всего 22-23 года, то это названіе было не вполнѣ подходяще.

56. Бирнамскій лѣсъ, двигавшійся къ Дунсинану взято изъ „Макбета" Шекспира. Когда Макдуффъ атаковалъ Дунсинанъ, онъ употребилъ военную хитрость. Приказалъ срубить деревья изъ Бирнамскаго лѣса и нести ихъ передъ фронтомъ, чтобы ввести этимъ въ заблужденіе противника.

71. Вліяніе церкви на стратегію. Ген. Гамильтонъ подразумѣваетъ сраженіе при Дунбарѣ, гдѣ Шотландская армія, состоявшая изъ очень набожныхъ людей, занимала недоступную позицію. Англійская армія подъ начальствомъ Кромвелля не могла атаковать и страдала отъ недостатка припасовъ. Священникъ при Шотландской арміи возставалъ противъ совѣта офицеровъ оставить позицію и атаковать. Въ концѣ концовъ Шотландцы проиграли это сраженіе.

71. Донди—въ сѣверномъ Наталѣ.

80. Хленгвенъ—холмъ на южномъ берегу рѣки Тугелы въ Наталѣ, почти прямо на востокъ отъ Колензо.

95. У нашей арміи во Фландріи относится къ англійской кампаніи противъ французовъ въ 1799 г.

99. „Какъ тебя учили на охотѣ на горныхъ козловъ". Мальчику-буру 10 лѣтъ даютъ ружье и три патрона и, если онъ не принесетъ домой антилопу, его за это сѣкутъ. Такимъ путемъ онъ учится стрѣлять.

Стр.

100 Дорнкопъ. Исключительно блестящій по храбрости эпизодъ изъ исторіи Шотландскаго полка Гордона имѣвшій мѣсто почти наканунѣ сдачи Іоганнисбурга въ 1900 г.

101. Цитата изъ Шекспира.

110. Таланскій холмъ. Талана-одинъ изъ холмовъ, окружавшихъ Донди, въ Наталѣ. Британцы штурмовали его 20 октября 1899 года.

113. Генералъ Ли употреблялъ свою артиллерію, обороняясь при Фредериксбургѣ. Сѣверяне значительно превосходили южанъ артиллеріей. Ли приказалъ своей артиллеріи уклоняться отъ артиллерійской дуэли, чтобы сохранить ее ко времени пѣхотной атаки.

114. Со временъ Маджубы, относится къ сраженію у Маджубы въ 1881 году.

120. Кэнджо (Kanjo) дается главнокомандующимъ или командующимъ арміей воинской части или отдѣльному лицу за особыя боевыя заслуги.

121. Они спокойно двигались безъ мѣръ охраненія. Авторъ подразумѣваетъ смѣну частей, подобную смѣнѣ постовъ. Слѣдовательно войска шли какъ на отдыхъ, не подозрѣвая, что тамъ происходитъ сраженіе.

131. Немногимъ изъ великолѣпныхъ командировъ Бенгальской кавалеріи удается достигнуть должности бригаднаго командира. Лучшіе молодые офицеры въ Британской арміи—это командиры эскадроновъ Бенгальской кавалеріи, однако по непонятной причинѣ изъ нихъ не выходитъ хорошихъ старшихъ офицеровъ или генераловъ.

147. Копи Витвотерсрэнда—золотыя копи въ Южной Африкѣ.

180. Долина Бара находится въ 8-ми миляхъ къ сѣверо-западу отъ Пешавера, въ Индіи. Англичане проходили ее въ Тираской экспедиціи.

186. „The Ministrel Boy"—воинственная поэма Мура (Moore).

187. „Les yeux sinistres de la lune"—изъ сочиненій Виктора Гюго.

224. Пепперель командвалъ Нью-іоркской милиціей и взялъ штурмомъ французское укрѣпленіе въ Ньюфаундлэндѣ.

242. Омдурманъ. Въ сраженіи при Омдурманѣ британской артиллеріи представилась великолѣпная цѣль ввидѣ тысячъ дервишей, атаковавшихъ въ сомкнутыхъ построеніяхъ. Масса дервишей погибла отъ огня артиллеріи.

245 Помъ-помъ—37 м. м. скорострѣльное орудіе, названное такъ по производимому имъ звуку при стрѣльбѣ.

252. Колензо. Въ сраженіи при Колензо была отбита первая попытка генерала Буллера освободить Лэдисмитъ.

259. Бурскіе окопы были глубоки и узки, немного шире на днѣ, чѣмъ наверху, и безъ вала; землю или уносили или разсыпали у окопа.

298. Въ сраженіи при Вэгонъ-Хилль (Waggon Hill) 6-го января (н. с.) 1900 г. были отброшены буры, пытавшіеся взять штурмомъ Лэдисмитъ.

Стр.

314. Въ сраженіи при Уэлькомской фермѣ (Welcome farme) въ южной Африкѣ, гдѣ начальникомъ съ англійской стороны былъ генералъ Гамильтонъ, британская кавалерія, бросившись на коняхъ въ атаку, захватила ключъ бурскихъ позицій.

315. Первая Уэзирійская экспедиція была направлена въ 50-тыхъ годахъ противъ племени Уэзири, обитающаго на сѣверо-западной границѣ Индіи.

327, Въ Канунъ Рождества 1901 года отрядъ Іоманри (британскихъ волонтеровъ) былъ захваченъ врасплохъ Деветомъ. Сторожевая служба у британцевъ была неудовлетворительна.

Даты сраженій.

Мейвандъ 1879 г.

Маджуба 1881 г. въ Индіи.

Бульсъ-Ронъ іюль 1861 г. въ войнѣ Сѣвера съ Югомъ.

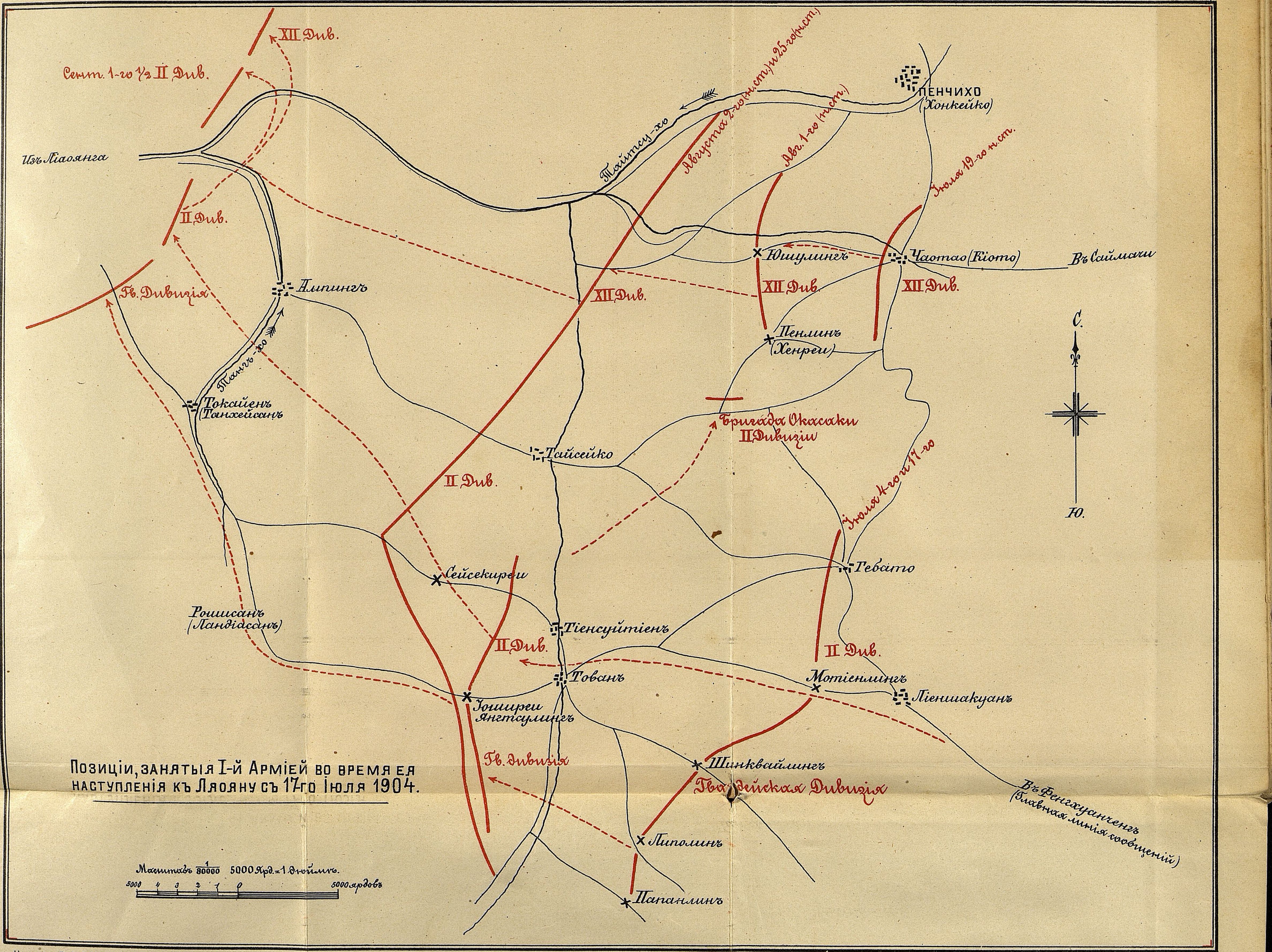
Фредериксбургъ ноябрь 1862 г. въ войнѣ Сѣвера съ Югомъ.

Колензо 15 декабря 1899 г. въ южной Африкѣ.

Злосчастный понедѣльникъ подъ Ледисмитомъ 30 октября 1899 г. въ южной Африкѣ,

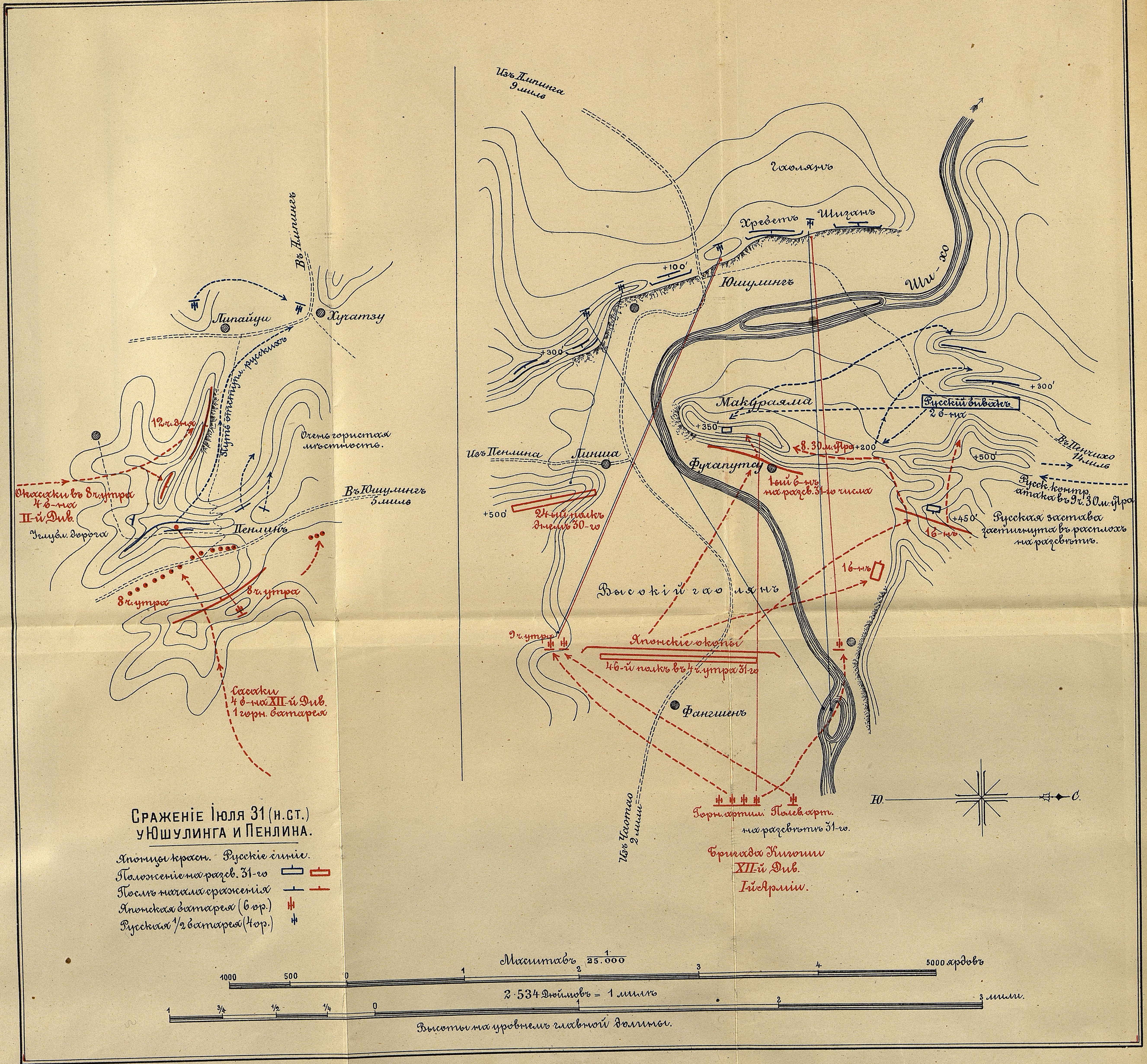
Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
3	1 сверху	и,	,но,
19	7 снизу	Ожизи	Ожизенъ
19	3 снизу	Knights	Knight
22	10 снизу	Сатсумскаго возстанія въ Китайской войнѣ	Сатсумскаго возстанія и въ Китайской войнѣ
22	2 снизу	превосходить	превосходитъ
23	4 сверху	народились	находились
32	11 сверху	Ннділскихъ и Индоевропейскихъ	Индійскихъ и Евразійской
44	13 снизу	женами японскихъ генераловъ	японскими генералами
48	4 сверху	замершаго	замерзшаго
66	8 сверху	Генераловъ маіоръ	Генералъ-маіоръ
70	17 сверху	Чіуличенгъ	Чіулієнченгъ
73	18 сверху	сосредоточивавшійся	сосредоточившагося
77	15 сверху	частч	частью
80	5 сверху	линію	линію,
97	3 снизу	солдами	солдатами
104	9 сверху	грардейской	гвардейской
112	14 снизу	въ	къ
122	5 сверху	одинъ унтеръ-офицеръ и одинъ нижній чинъ	одного унтеръ-офицера и одного нижняго чина
126	10 снизу	оружейнаго	ружейнаго
128	8 сверху	бивакакъ	бивакахъ
152	14 сверху	японцамъ	японцемъ
164	8 снизу	Bunsnirei	Bunsuirei
165	16 снизу	отъ	изъ
199	1 сверху	Бонсуиреи	Бунсуиреи
236	3 снизу	двинутыя	двинуться
272	11 снизу	Инуеэ	Инуйэ
287	10 снизу	южный	сѣверный
312	8 снизу	Lipdyui	Lipayui
319	11 сверху	1500 до 1500	1000 до 1500

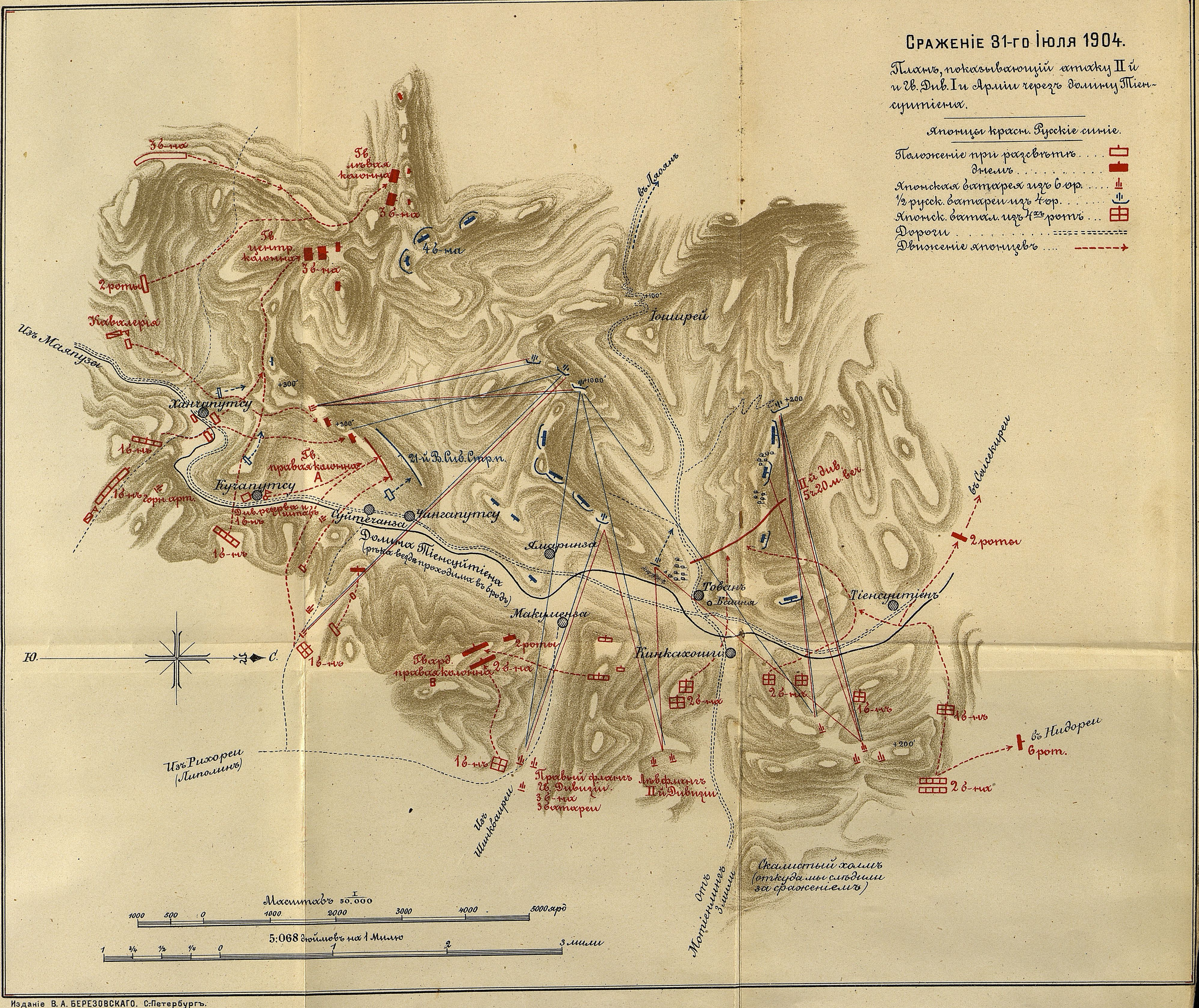
Позиціи, занятыя I-й Арміей во время ея наступленія къ Ляояну съ 17-го Іюля 1904.

Изданіе В. А. БЕРЕЗОВСКАГО. С.-Петербургъ.

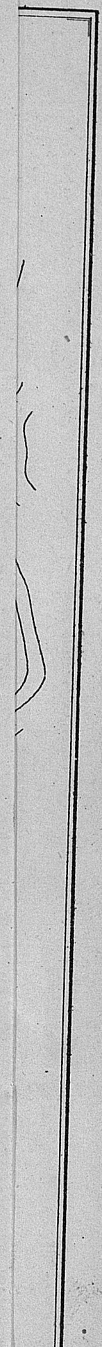

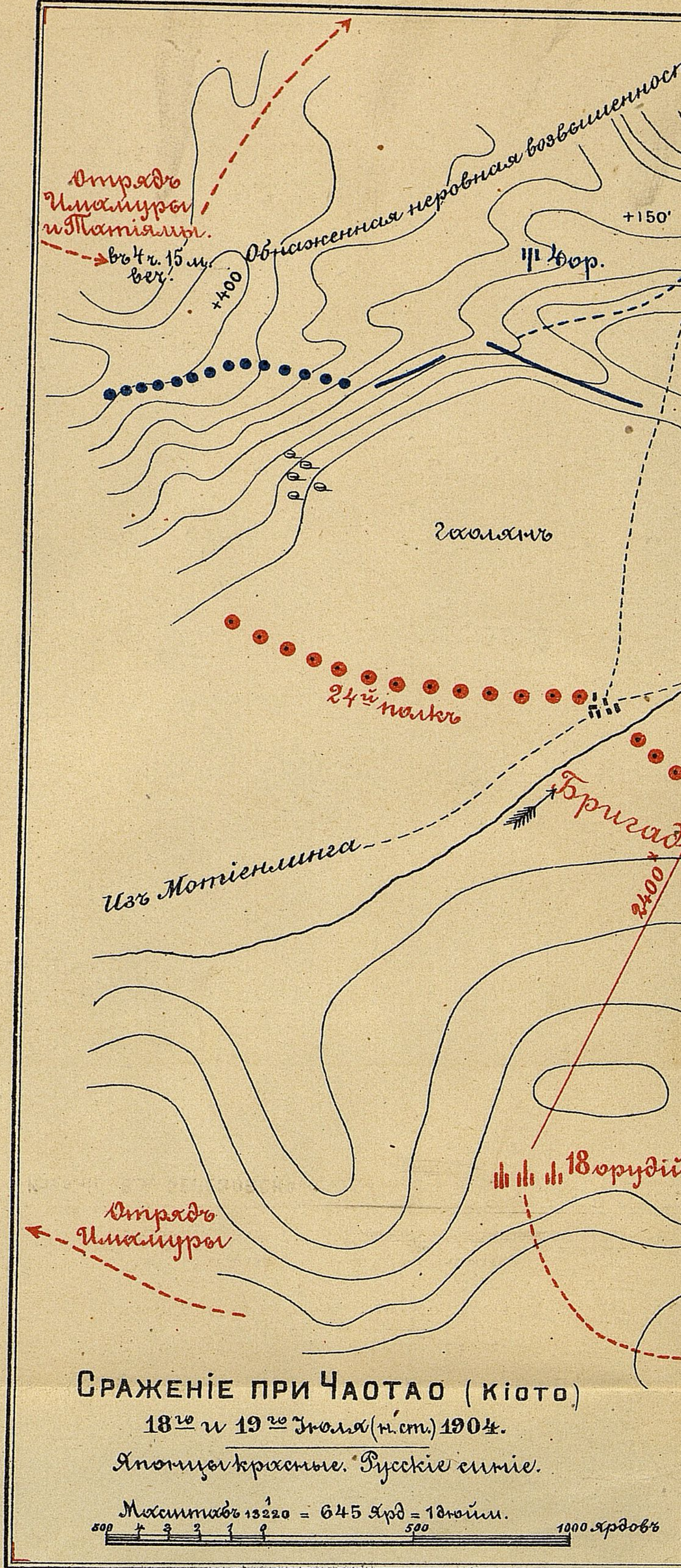
Сраженіе Іюля 31 (н. ст.) у Юшулинга и Пенлина.

Изданіе В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ.

Изданіе В. А. Березовскаго. С-Петербургъ.

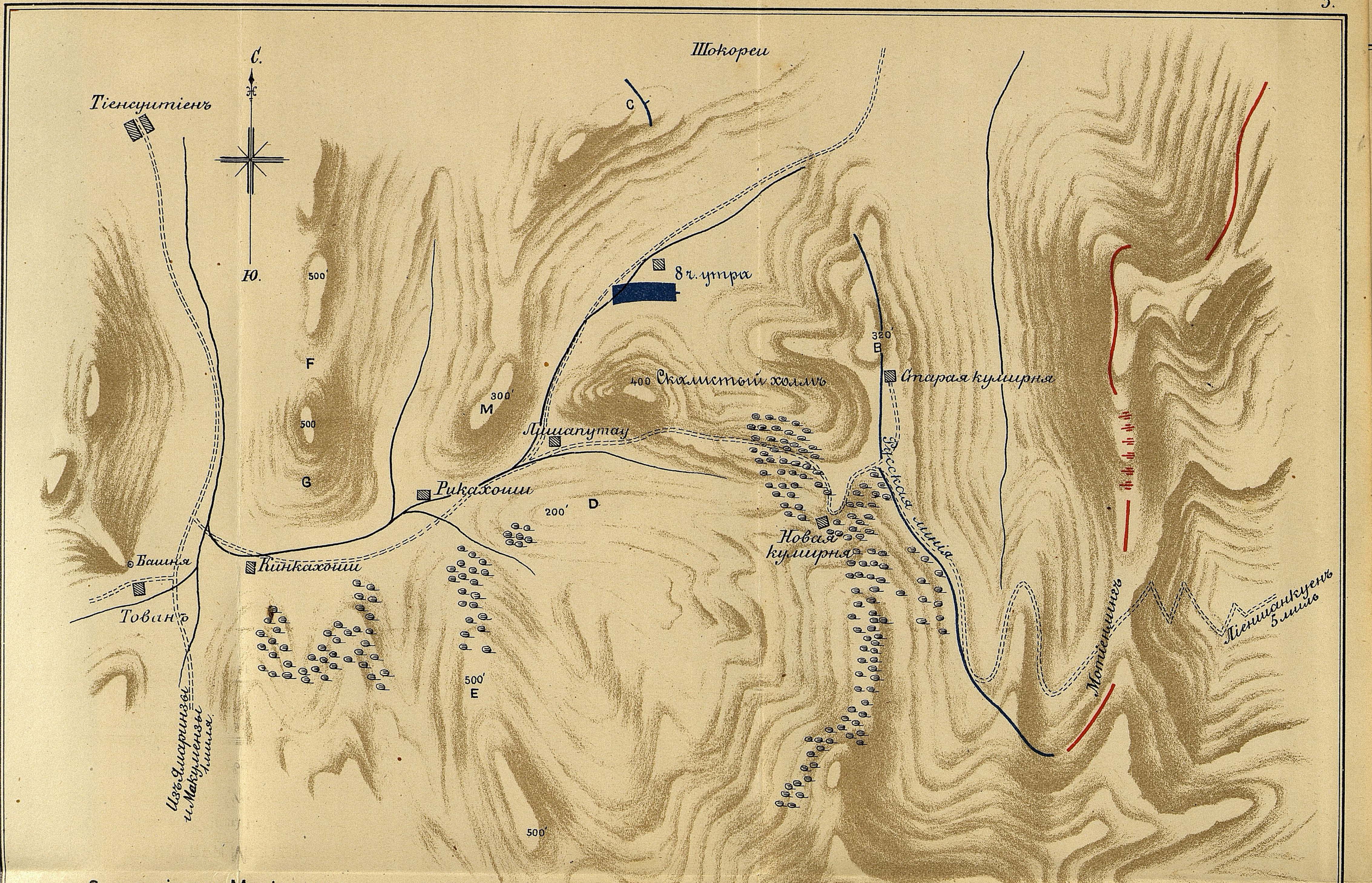
Сраженіе при Чаотао (Кіото)

18го и 19го Іюля (н. ст.) 1904.

Японцы красные. Русскіе синіе.

Масштабъ 1/3220 = 645 ярд = 1 дюйм.

Изданіе В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ.

Сраженіе при Мотіенлингѣ

Іюля 17го (н. ст.) 1904.

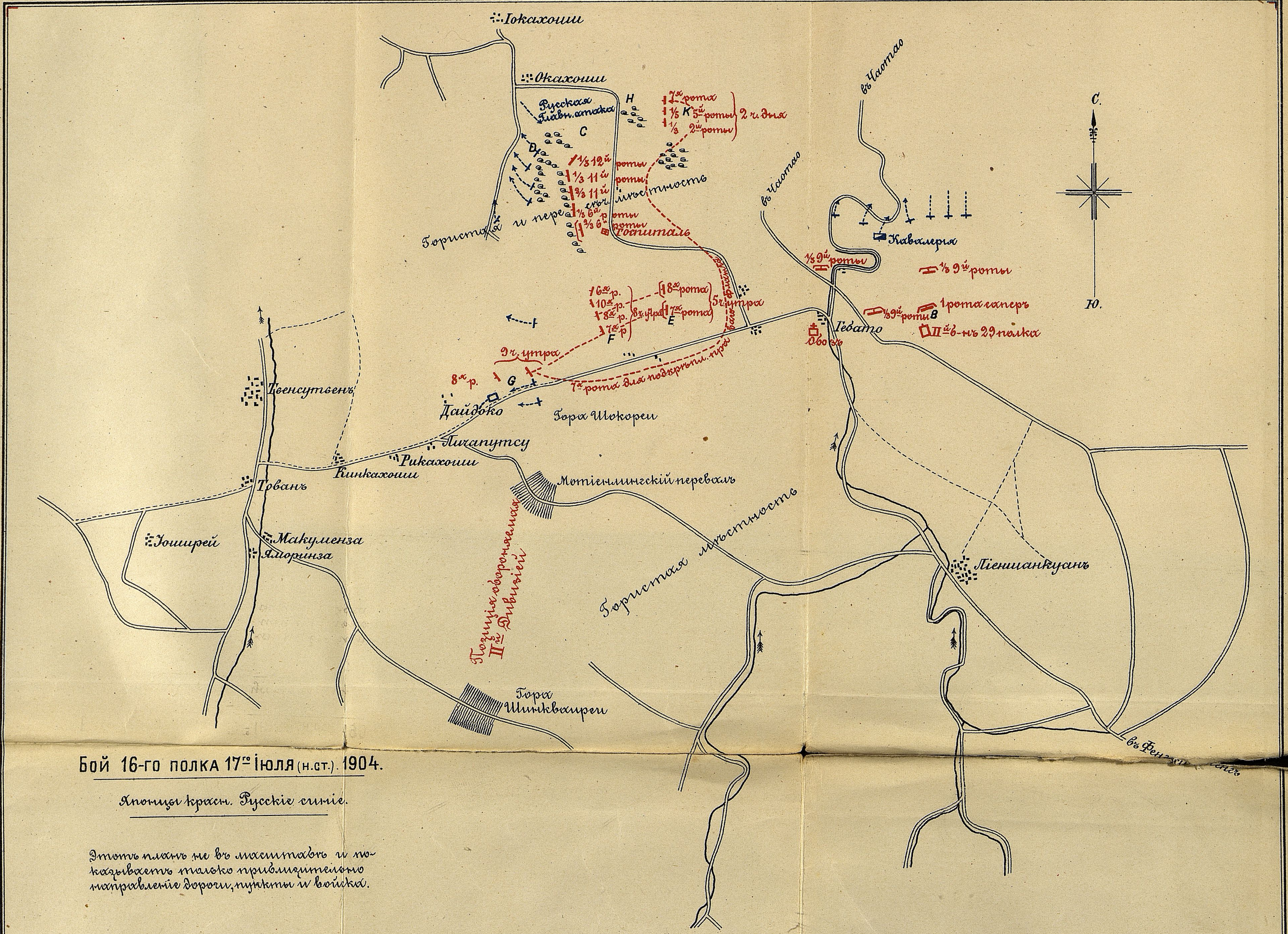
Японцы красн. Русскіе синіе.

Масштабъ 800 ярдовъ въ 1 дюймъ = 1/28.000.

1000 500 0 500 1000 ярд.

Высоты въ футахъ надъ уровнемъ гл. долины.

Изданіе В. А. Березовскаго. С.-Петербургъ.

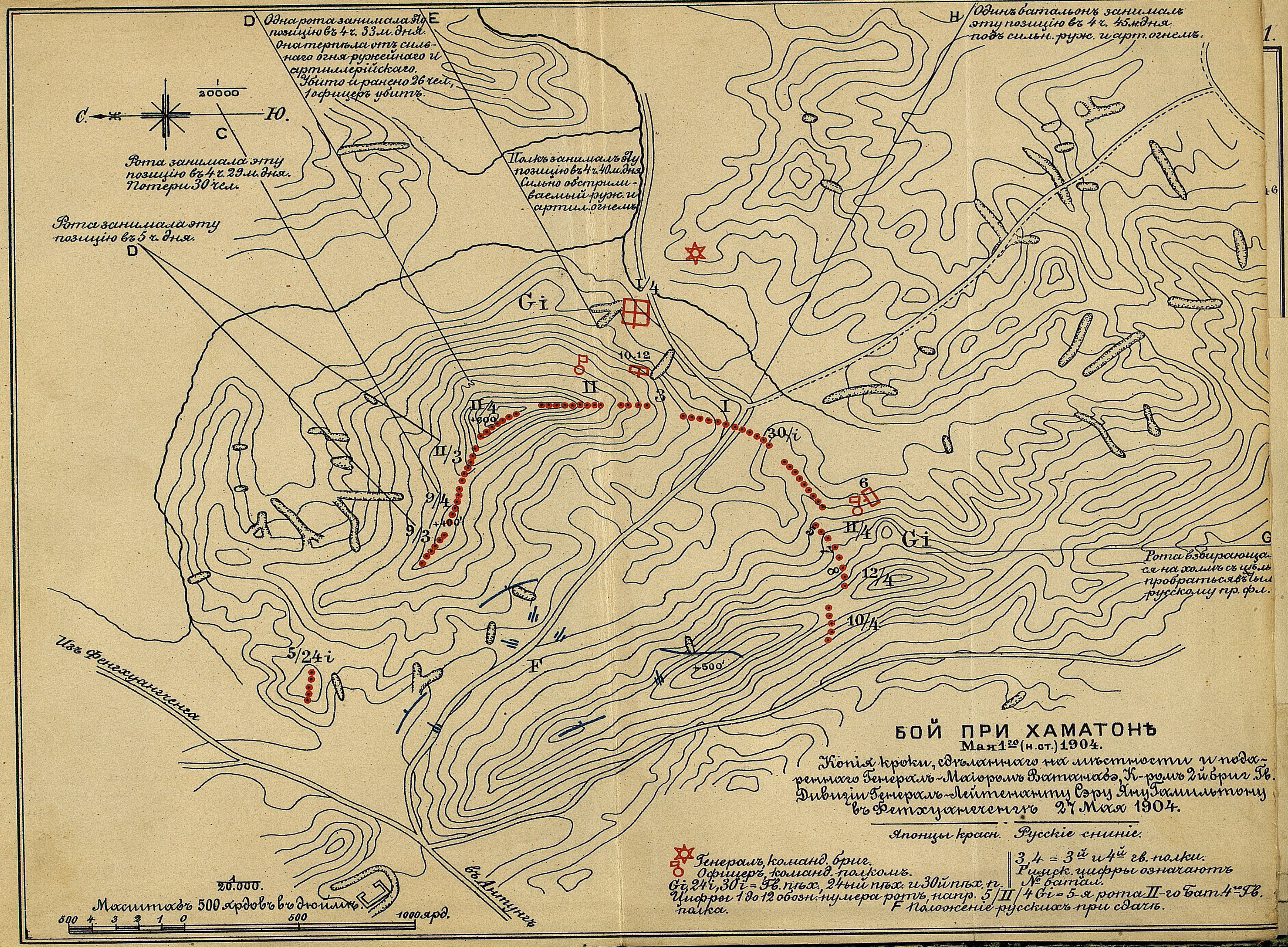

Бой 16-го полка 17-го Іюля (н. ст.) 1904.

Японцы красн. Русскіе синіе.

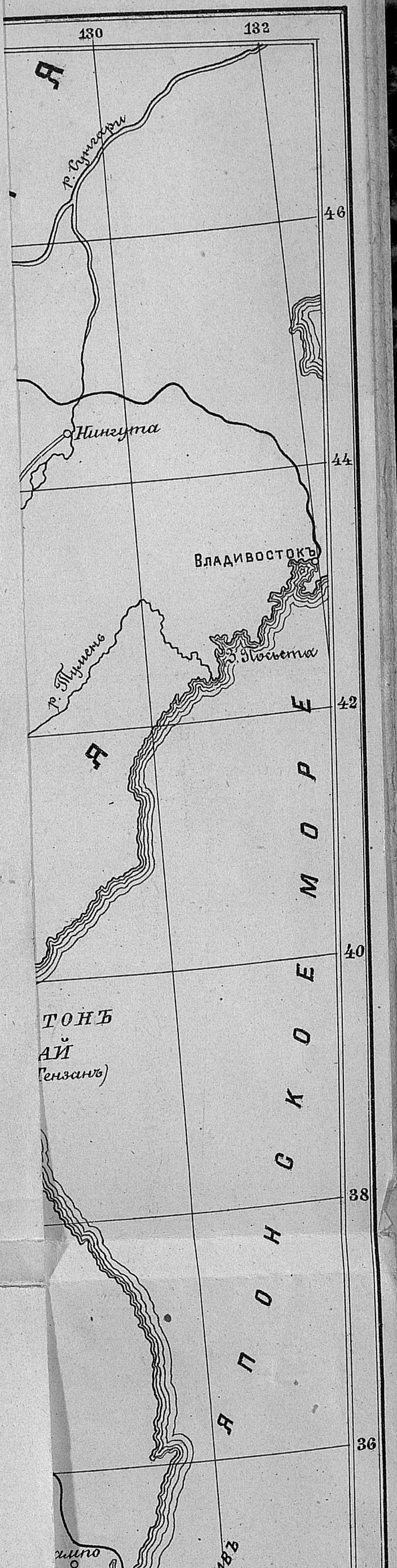
Этотъ планъ не въ масштабѣ и показываетъ только приблизительно направленіе дороги, пункты и войска.

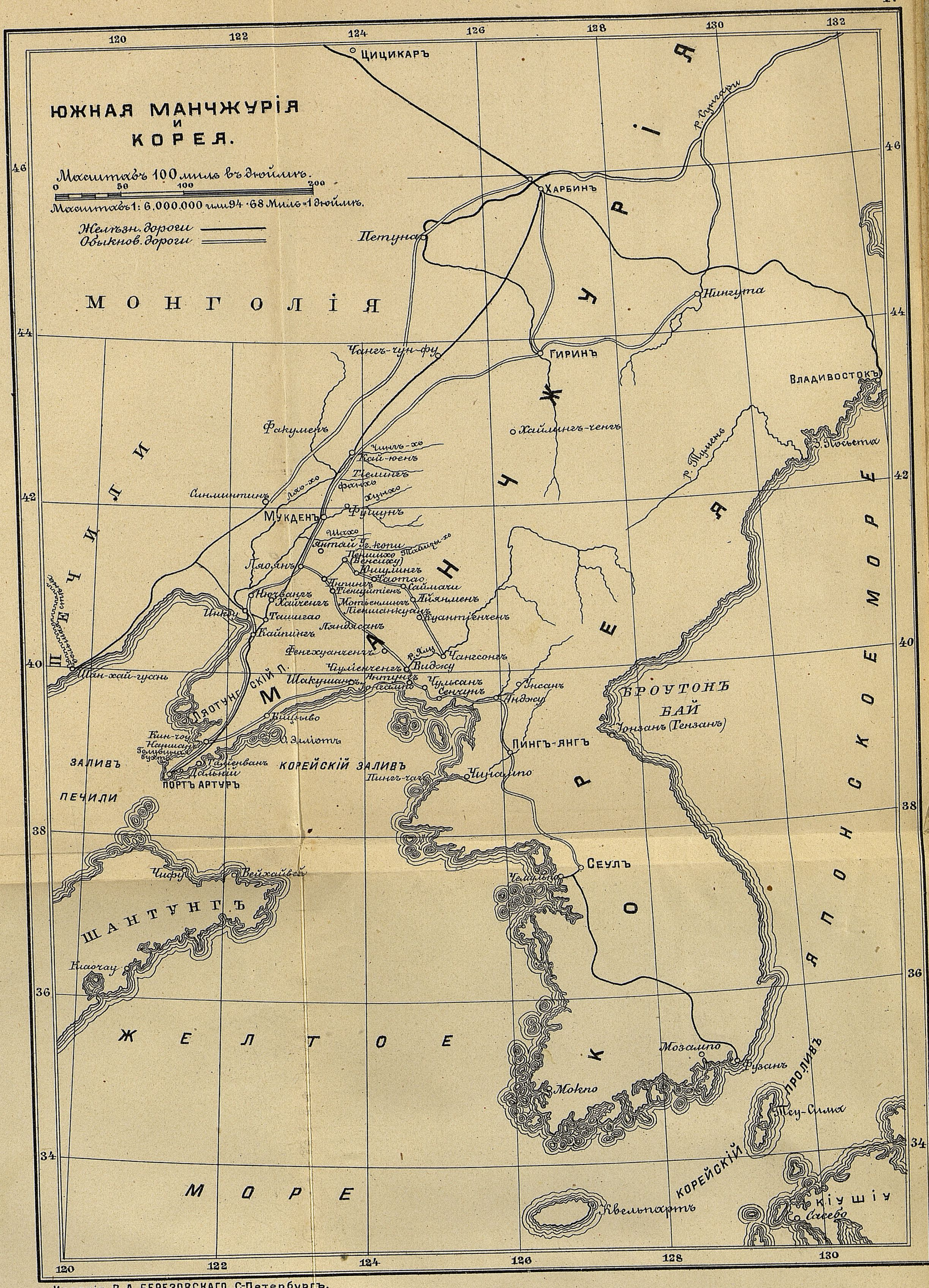
Изданіе В. А. БЕРЕЗОВСКАГО. С-Петербургъ.

Изданіе В. А. БЕРЕЗОВСКАГО С.-Петербургъ

1.

130
132
р. Сунгари
46
Нингута
44
ВЛАДИВОСТОКЪ
р. Тумень
З. Посьета
42
Я
Я
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
40
ТОНЪ
АЙ
(Гензанъ)
38
36
Фузанъ
ПРОЛИВЪ
Цу-Сима
34
РЕЙСКІЙ
КІУШІУ
Сасебо
130

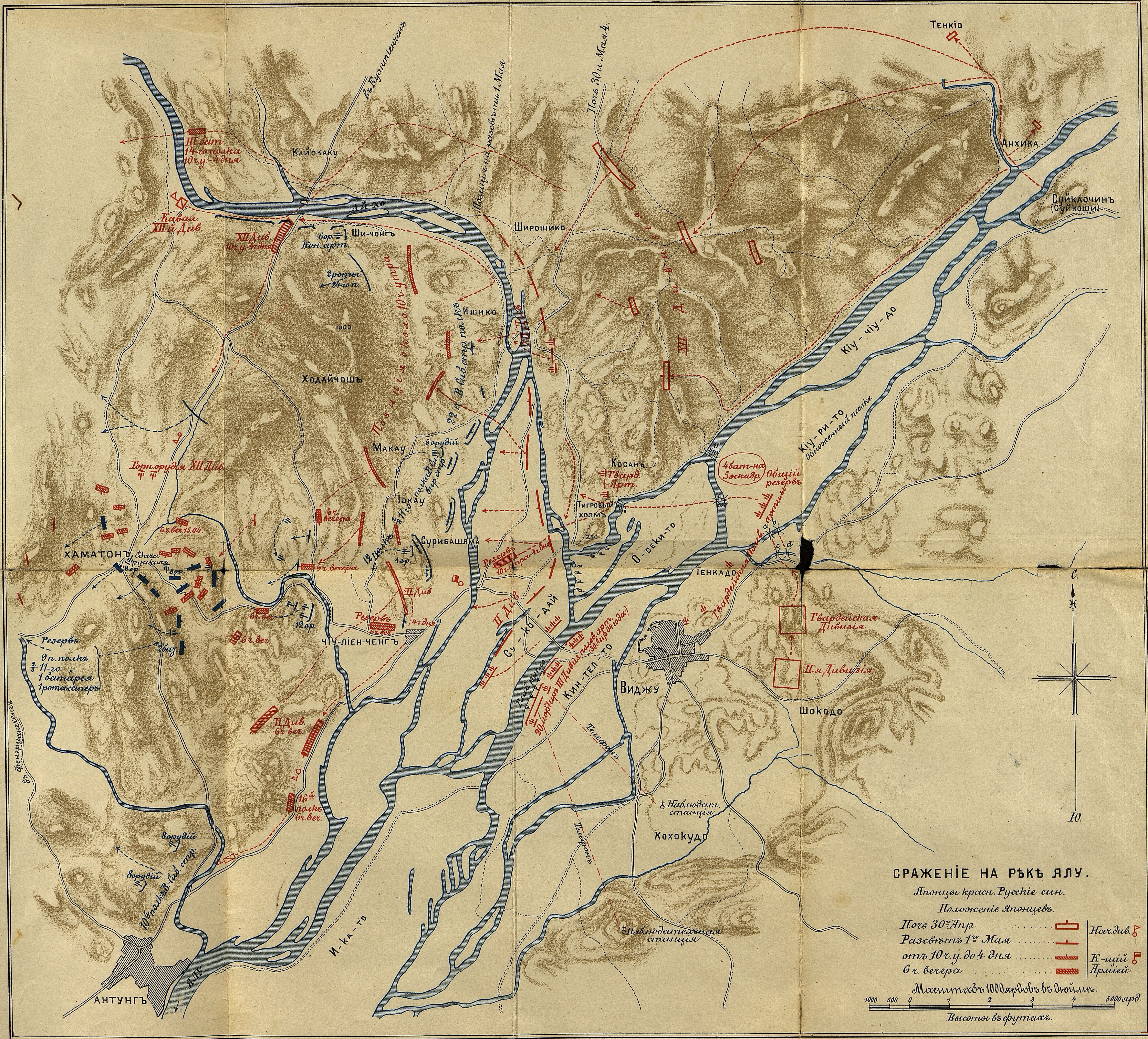

Изданіе В. А. БЕРЕЗОВСКАГО. С.Петербургъ.

10 =

ИВ.6	Г
3	18-3

Изданіе В.А. Березовскаго. С.Петербургъ.

Силы русск = 4 + ½ + 4 + ½ = 9б. + 30 ор.

18